

Евразийский юридический журнал

№ 8 (39) 2011

Издается при содействии Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина. Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Издается с октября 2007 г. Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Редакционный совет журнала

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московская государственная юридическая академия)

Заместитель председателя

БЕКЯШЕВ Камил Абдулович, д.ю.н., профессор (Московская государственная юридическая академия)

Члены редакционного совета

АБДРАИМОВ Бакытжан Жарылкасынович – д.ю.н., профессор, академик Академии юридических наук Республики Казахстан (Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, г. Астана).

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н. (Судья Верховного Суда Российской Федерации в отставке)

БУТЕРА Михаил Евгеньевич, к.э.н. (Государственное Собрание Республики Башкортостан, г. Уфа)

ГАЙДУК Вадим Витальевич, д.полит.н., к.ю.н. (Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, г. Уфа)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московская государственная юридическая академия)

ГУСОВ Кантемир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московская государственная юридическая академия)

ДМИТРИЕВА Галина Кирилловна, д.ю.н., профессор (Московская государственная юридическая академия)

ЕГОРЫШЕВ Сергей Васильевич, д.с.н., профессор (Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, г. Уфа)

КАПУСТИН Анатолий Яковлевич, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов, г. Москва)

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

МАЛЕЕВ Юрий Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России)

МАМЕДОВ Рустам Фахретдинович, д.ю.н., профессор (Бакинский государственный университет)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Евразийское Экономическое сообщество, г. Санкт-Петербург)

ПОПОВ Лев Леонидович, д.ю.н., профессор (Московская государственная юридическая академия)

РАРОГ Алексей Иванович, д.ю.н., профессор (Московская государственная юридическая академия)

РАЯНОВ Фанис Мансурович, д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа)

СВЯТОЦКИЙ Александр Дмитриевич, д.ю.н., профессор, академик Национальной академии правовых наук Украины, заслуженный юрист Украины

СУЛЕЙМЕНОВ Майдан Кунтуарович, д.ю.н., профессор (НИИ частного права, г. Алматы), академик Национальной Академии наук Республики Казахстан

СУМСКОЙ Дмитрий Александрович, д.ю.н., профессор (Российский государственный социальный университет, г. Москва)

ТОЛСТОПЯТЕНКО Геннадий Петрович, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),

Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАТКУДИНОВ Зуфар Максумович, д.ю.н., профессор (Институт экономики, управления и права, г. Казань)

ШЕМСЧУЧЕНКО Юрий Сергеевич, д.ю.н., профессор (Институт государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины),

академик Национальной академии наук Украины

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.

Члены редакционной коллегии

РАГУЛИН Андрей Викторович, к.ю.н., доцент (заместитель главного редактора)

ШАЙХУЛЛИН Марат Селирович, к.ю.н., доцент

МАЛЕЕВА Ирина Анатольевна (ответственный редактор)

ДОНЦОВ Павел Владимирович, к.ю.н.

МОРОЗОВА Наталия Викторовна, к.ю.н.

ТРАПЕЗНИКОВ Валерий Анатольевич, к.ю.н.

ДАНЕЛЬЯН Андрей Андреевич, к.ю.н.

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельсламович, к.ю.н., доцент, представитель ЕврАзЮж в Республике Татарстан

БАЙТЕЕВА Марина Владимировна, к.ю.н., представитель ЕврАзЮж в странах Европейского Союза (г. Тюбинген, Германия)

СОБОЛЕВА Ольга Валерьевна, представитель ЕврАзЮж в США (г. Нью-Джерси)

КРЕСИН Алексей Вениаминович, к.ю.н., доцент, представитель ЕврАзЮж в Украине (г. Киев)

САЙМОВА Шолпан Алтынбековна, магистр юриспруденции, представитель ЕврАзЮж в Республике Казахстан (г. Астана)

АДИЛОВ Надир Адил оглы, к.ю.н., представитель ЕврАзЮж в Азербайджанской Республике (г. Баку)

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

Федеральное государственное учреждение «Федеральный институт развития образования»

Отпечатано в типографии: г. Москва, Р-Мастер. Заказ № 1573-11. Сдано в печать 22.08.2011.

Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 18,75. Тираж 1200 экз.

Руководитель IT отдела – Фархутдинов Д.И. Литературный редактор – Полянская В.В. Компьютерная верстка – Кулагин А.В.

Адрес редакции: 125319, г. Москва, ул. Чернышевского, д. 9. Тел.: (495) 152-63-11, 152-69-92 (доп. 321)

e-mail: eurasiaw@mail.ru, website: <http://www.eurasiaw.ru>, portal: <http://www.eurasiaw.info>

Eurasian Law Journal

№ 8 (39) 2011

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH Igor Mikhailovich, LLD, professor (Moscow State Law Academy)

Vice-chairman

BEKYASHEV Kamil Abdulovich, LLD, professor (Moscow State Law Academy)

Editorial council members

ABDRAIYM Bakytzhan Zharylkasynovich – LLD, professor, academician of the Academy of Juridical Sciences of the Republic of Kazakhstan (L.N.Gumilyov Eurasian National University, Astana)

BATKHIEV Rashid Husejnovich, PhD (Judge of the Supreme Court of the Russian Federation in resignation)

BUGERA Mikhail Evgenevich, PhD (State Assembly of the Republic of Bashkortostan, Ufa)

GRACHEVA Elena Jurevna, LLD, professor (Moscow State Law Academy)

GUSOV Kantemir Nikolaevich, LLD, professor (Moscow State Law Academy)

HAYDUK Vadim Vitalevich, LLD (Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, Ufa)

DMITRIEVA Galina Kirillovna, LLD, professor (Moscow State Law Academy)

EGORYSHEV Sergey Vasilevich, LLD, professor (Eastern Law and Economy Humanitarian Academy, Ufa)

KAPUSTIN Anatoly Yakovlevich, LLD, professor (Peoples' Friendship University of Russia, Moscow)

KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, PhD, associate professor (Yerevan State University)

MALEEV Yury Nikolaevich, LLD, professor (Moscow State Institute of International Relations (University) MFA of Russia)

MAMEDOV Rustam Fakhretdinovich, LLD, professor (Baku State University)

MISHALCHENKO Yury Vladimirovich, LLD, professor (The Eurasian Economic Community, Saint-Petersburg)

POPOV Lev Leonidovich, LLD, professor (Moscow State Law Academy)

RAROG Aleksey Ivanovich, LLD, professor (Moscow State Law Academy)

RAYANOV Fanis Mansurovich, LLD, professor (Bashkir State University, Ufa)

SHEMSHUCHENKO Yury Sergeevich, LLD, professor (Koretsky Institute of State and Law of the National Academy of Sciences of Ukraine), Academician of the National Academy of Sciences of Ukraine

SULEIMENOV Maidan Kuntuarovich, LLD, professor (Scientific-Research Institute of Private Law, Almaty),

Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan

SUMSKOI Dmitry Aleksandrovich, LLD, professor (Russian State Social University, Moscow)

SVJATOTSKY Alexander Dmitrievich, LLD, professor, academician of the National Academy of Legal Sciences of Ukraine, Honored Lawyer of Ukraine

TOLSTOPJATENKO Gennady Petrovich, LLD, professor (Moscow State Institute of International Relations (University) MFA of Russia)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, LLD (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman (Editor-in-Chief)

FATKUDINOV Zufar Maksumovich, LLD, professor (Institute of Economics, Management and Law, Kazan)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, LLD

Editorial board members

RAGULIN Andrey Viktorovich, PhD, associate professor (deputy Editor-in-Chief)

SHAIKHULLIN Marat Selirovich, PhD, associate professor

MALEEVA Irina Anatolievna (Editor-in-Charge)

DONTSOV Pavel Vladimirovich, PhD

MOROZOVA Natalia Viktorovna, PhD

TRAPEZNIKOV Valery Anatolievich, PhD

DANELYAN Andrey Andreevich, PhD

FAIZULLIN Gaiaz Gabeldelislamovich, PhD, associate professor, representative of ELJ in the Republic of Tatarstan

BAYTEEVA Marina Vladimirovna, PhD, associate professor, representative of ELJ in the countries of the European Union (Tjubingen, Germany)

SOBOLEVA Olga Valerievna, representative of ELJ in the USA (New Jersey, USA)

KRESIN Alexey Veniaminovich, PhD, associate professor, representative of ELJ in Ukraine (Kiev)

SAIMOVA Sholpan Altinbekovna, master of laws, representative of ELJ in the Republic of Kazakhstan (Astana)

ADILOV Nadir Adil oglu, representative of ELJ in Azerbaijan (Baku)

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I.Z.

Founder:

Federal State Constitution «Federal Institute of Education Development»

Journal is published by support of Moscow State Law Academy named by O.E.Kutafin. International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of doctor and candidate of sciences should be published.

Publishing since October 2007. Publishing monthly since January 2009.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны. За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции журнала.

© Евразийский юридический журнал, 2011

PERSONA GRATA

Россотрудничество и инновации в Евразийском пространстве

Интервью с доктором политических наук, руководителем
Федерального агентства по делам Содружества Независимых
Государств, соотечественников, проживающих за рубежом,
и по международному гуманитарному сотрудничеству
(Россотрудничество) **Ф.М.Мухаметшиным** 5

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

Камышевский В.И.

От ЕврАзЭС к Евразийскому союзу 11

Еникеев З.Д.

Международные стандарты справедливости уголовного правосудия
и проблемы их имплементации в законодательство стран СНГ 15

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Иванов Д.В.

Международное сотрудничество государств
в области защиты прав вынужденных мигрантов 20

Овчинников С.Н.

Международное таможенное право
в правовой системе России: проблемы реализации 25

Нуцалханов Г.Н.

Международная практика договорно-правового регулирования
статуса зон, свободных от ядерного оружия, как основа
и предварительный этап на пути образования безъядерной зоны
в Центральной Азии 29

Иншакова А.О.

Наноэкономика и право: международный уровень
регулирования процесса наноиндустриализации страны 34

Пашенцев Д.А.

Развитие государственно-конфессиональных отношений
в России в контексте международно-правовых стандартов 38

Байльдинов Е.Т.

К вопросу о новом международном праве 40

Мохаммад С.А.

Международное экологическое право
в исторической ретроспективе 44

Шайдуллина А.А.

О системе источников международного экологического права,
регулирующих сохранение и устойчивое использование
биологического разнообразия 50

МЕЖДУНАРОДНОЕ ИНВЕСТИЦИОННОЕ ПРАВО

Данельян А.А.

Иностранные инвестиции: некоторые аспекты взаимодействия
международного и национального права 57

Эседов Д.Т.

Новые тенденции в области
международных инвестиционных споров 61

ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Ашларба Л.Т.

Краткий обзор истории становления
семейного законодательства Грузии 64

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Левченко В.Е., Озеркис А., Ливенцов А.А.

Понятие и признаки юридической ответственности 66

Степаненко Д.М.

Инновационная функция права: понятие
и основные характеристики 68

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Сафина С.Б.

Конституционное закрепление системы органов государственной
власти республик в составе Российской Федерации 74

Чепунов О.И.

Некоторые аспекты конституционного строительства
в Российской Федерации 77

Тухватуллин Т.А.

Разграничение предметов ведения
и полномочий между Российской Федерацией
и Республикой Башкортостан в современных условиях 80

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Ушницкий Р.Р.

Об абсолютной природе корпоративного правоотношения 83

Садриева Р.Р.

Особенности гражданско-правовой ответственности
Российской Федерации по обязательствам, возникающим
у неё в соответствии с реализацией государственных гарантий,
предусмотренных федеральными законами 90

Сенников Н.Л.

Инновационное предпринимательство, финансовый кризис
и интеллектуальная промышленная собственность 93

Филатова М.А.

О предмете договора поставки оборудования 96

Корлякова Н.В.

Сравнительно-правовой анализ сущности и понятия
лицензионного договора и договора коммерческой концессии 100

Авдякова В.А.

Защита прав владельца бездокументарных акций:
отдельные проблемы правоприменения 104

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Арутюнов Л.С. Абакумов М.И.

Формирование общегражданской идентичности
как фактор минимизации этнорелигиозного экстремизма
в современной России 109

Агзамов И.М.

Личность виновного и условное неприменение наказания 111

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Афицинский В.А.

Организационное обеспечение и технико-криминалистические
средства, используемые в деятельности
по установлению личности неопознанного трупа 115

ПРАВО И ПОЛИТИКА

Мухортов В.В.

Суверенитет и российская федеративная государственность
в условиях политической глобализации 118

Селезнев Е.П.

Региональная безопасность в системе национальной
безопасности России: политико-правовые аспекты 121

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Артеменко О.И.

Удовлетворение этнокультурных образовательных потребностей
народов России: государственность, этническая идентичность 124

Бибик И.Е.

История развития правового регулирования аттестации
научных кадров в России в первой половине XIX века 132

ОБЗОРЫ

Рагулин А.В., Шайхуллин М.С.

Актуальные проблемы международного права: обзор материалов
международной научно-практической конференции
«Актуальные проблемы совершенствования законодательства
и правоприменения» (г. Уфа, 21 февраля 2011 г.) 136

Васильева Н.В.

Обзор круглого стола «Юридическое образование
в контексте инновационного развития России»
(г. Москва, Российский государственный социальный университет,
факультет юриспруденции и ювенальной юстиции, 3 июня 2011 г.) ... 138

НАШ ЮБИЛЯР

К юбилею **Юрия Александровича Тихомирова** 140

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

..... 142

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

..... 143

Contents

PERSONA GRATA

Rossotrudnichestvo and innovations in the Eurasian space

Interview with doctor of political sciences, head of the Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad, and International Cultural Cooperation (Rossotrudnichestvo)

Farit Mubarakshovich Mukhametshin 5

EURASIAN INTEGRATION: EXPERIENCE AND PROBLEMS

Kamyshevskiy V.I.

From EvrAzES to the Eurasian Union 11

Enikeev Z.D.

International standards of justice of criminal jurisdiction and the problems of their implementation in the legislation of CIS countries 15

INTERNATIONAL LAW

Ivanov D.V.

International cooperation of states in the field of forced migrants' rights protection 20

Ovchinnikov S.N.

International customs law in the Russian legal system: the problems of realization 25

Nutsalhanov G.N.

International practice of contractual and legal regulation of the status of zones free of nuclear weapons as a basis and a preliminary step towards the formation of a nuclear-free zone in Central Asia 29

Inshakova A.O.

Nanoeconomy and law: the international level of regulation of process of nanoindustrialization of the state 34

Pashentsev D.A.

Development of state-confessional relations in Russia in the context of international legal standards 38

Baildinov Y.T.

Towards an issue of a new international law 40

Mohammad S.A.

International environmental law in historical retrospective 44

Shaidullina A.A.

On the system of international environmental law sources governing the conservation and sustainable use of biological diversity 50

INTERNATIONAL INVESTMENT LAW

Danelyan A.A.

Foreign investments: some aspects of international and national law interaction 57

Esedov D.N.

New tendencies in the sphere of international investment disputes 61

THE LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Ashlarba L.T.

A brief overview of the history of formation of the Georgian family law 64

THEORY OF STATE AND LAW

Levchenko V. E, Ozerkis A, Liventsov A.A.

Concept and signs of legal responsibility 66

Stepanenko D.M.

Innovation function of the law: concept and basic characteristics 68

CONSTITUTIONAL LAW

Safina S.B.

Constitutional consolidation of the system of state power bodies of the republics in the structure of the Russian Federation 74

Chepunov O.I.

Some aspects of constitutional building in the Russian Federation 77

Tukhvatullin T.A.

Differentiation of the subjects of competence and powers between the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan in modern conditions 80

CIVIL LAW

Ushnitskiy R.R.

About the absolute nature of the corporate legal relationship 83

Sadrieva R.R.

Features of civil law responsibility of the Russian Federation under it's obligations arising according to realization of the state guarantees provided by federal laws 90

Sennikov N.L.

Innovative business, financial crisis and the intellectual industrial property 93

Filatova M.A.

About the subject of the contract of delivery of equipment 96

Korlyakova N.V.

Comparative analysis of essences and definitions of lisenca and franchise agreements 100

Avdyakova V.A.

Protection of the rights of shareholder: the problem of enforcement 104

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Arutyunov L. S., Abakumov M. I.

Formation of civil identity as the factor of minimization of ethnoreligious extremism in modern Russia 109

Agzamov I.M.

The personality of the guilty individual and conditional non-use of punishment 111

CRIMINAL PROCEDURAL LAW AND CRIMINALISTICS

Afitsinsky V.A.

Organizational maintenance and technical criminalistic means used in activity on the identification of the unidentified corpse 115

LAW AND POLITICS

Mukhortov V.V.

The sovereignty and the russian federal statehood in the conditions of political globalization 118

Seleznev E.P.

Regional security in the system of national security of Russia: political and legal aspects 121

JURISPRUDENCE AND EDUCATION

Artemenko O.I.

Satisfaction of ethnocultural educational needs of peoples in Russia: statehood and ethnic identity 124

Bibik I.E.

History of development of legal regulation of certification of scholars in Russia in the first half of XIX-th century 132

SURVEYS

Ragulin A.V., Shaikhullin M.S.

Actual problems of international law: the review of materials of the international scientific and practical conference «Actual problems of the legislation perfection and law enforcement» (Ufa, February 21st, 2011) 136

Vasilieva N.V.

The review of the round table discussion «Juridical education in a context of innovative development of Russia» (Moscow, Russian State Social University, faculty of jurisprudence and juvenile justice, June 3rd, 2011) 138

JUBILAEUM

To the anniversary of Yury Alexandrovich Tikhomirov 140

INFORMATION FOR AUTHORS 142

ABOUT THE AUTHORS 143

РОССОТРУДНИЧЕСТВО И ИННОВАЦИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Интервью с доктором политических наук, руководителем Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) **Фаритом Мубаракшевичем Мухаметшиным**.

ROSSOTRUDNICHESTVO AND INNOVATIONS IN THE EURASIAN SPACE

Interview with doctor of political sciences, head of the Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad, and International Cultural Cooperation (Rossotrudnichestvo) **Farit Mubarakshevich Mukhametshin**.

Визитная карточка:

Мухаметшин Фарит Мубаракшевич, 1947 г.р., образование высшее, в 1970 году окончил Казанский авиационный институт.

Доктор политических наук.

Работал на различных инженерных и руководящих должностях в Центральном аэрогидродинамическом институте им. Н.Е.Жуковского, Комитете молодежных организаций СССР (1983–1987 гг. – заместитель председателя Комитета).

В системе МИД с 1987 года. С отличием окончил Дипломатическую академию МИД СССР. В 1993–1995 гг. – первый заместитель директора Департамента МИД России по связям с субъектами федерации, парламентом и общественно-политическими организациями.

В 1995–1999 гг. – Полномочный представитель Республики Татарстан при Президенте Российской Федерации, вице-премьер Республики Татарстан.

В 1999–2003 гг. – начальник департамента Аппарата Правительства Российской Федерации.

В 2003–2008 гг. – Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Узбекистан.

С ноября 2008 года – Специальный представитель Президента Российской Федерации по связям с государствами – участниками Содружества Независимых Государств, Руководитель Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству.

Награжден орденом Дружбы народов, орденом Почета, орденом «Дустлык» Республики Узбекистан, орденом Русской Православной Церкви святого Благоверного князя Даниила Московского II степени, медалями. Имеет благодарности Президента и Председателя Правительства Российской Федерации.

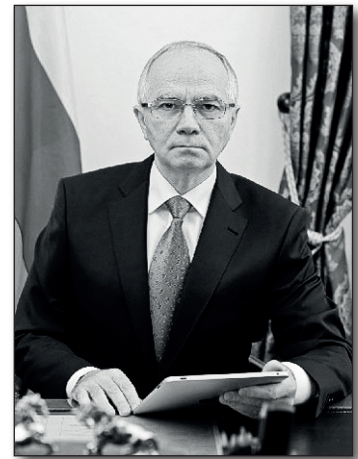
Женат. Имеет двоих сыновей.

Владеет английским, турецким и персидским языками.

Без отрыва от основной работы окончил Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. М.Тореза, затем с отличием Российскую правовую академию Минюста Российской Федерации.

Увлечения: история Востока, классическая музыка.

Область научных интересов: влияние религии на общественно-политические процессы. Автор ряда книг и статей.

Мухаметшин Ф.М.

– Уважаемый Фарит Мубаракшевич! О выходе евразийской интеграция на новый этап, думается, говорит выступление В.В.Путина 12 июля с.г. в Москве при открытии Российско-Белорусско-Казахстанского бизнес-форума «От Таможенного союза к Единому экономическому пространству: интересы бизнеса». Декларация о создании Евразийского союза может быть подписана в 2012 году, а сам союз начнет свою работу в 2013 году, заверил В.Путин. Как пояснил премьер, Евразийский союз – это ещё более высокий уровень интеграции (см.: № 7-2011, с. 5).

Значительную работу в плане дальнейшего развития СНГ и евразийской интеграции проводит возглавляемое Вами Агентство, что не может не интересовать читателей Евразийского юридического журнала (ЕврАзЮж).

Центральной темой нашей беседы в соответствии с достигнутой заранее договоренностью призвано выступить то, что Россотрудничество подключилось к проработке проекта Межгосударственной целевой программы инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года. В последнее время завершается отработка механизмов управления и финансирования, а также наполнения Программы конкретными проектами по приоритетным направлениям инновационного развития стран Содружества.

Но прежде хотелось бы задать вопросы общего характера, которые не менее интересны для читателей

ЕврАзЮж, проживающих, кстати, во всех государствах нашего Содружества. На основании какой нормативно-правовой базы оно действует? Какие цели и задачи стоят перед возглавляемым Вами Россотрудничеством?

– Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) создано в соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 1315 от 6 сентября 2008 года. Заняв свое место в системе органов государственной власти и управления, являясь подведомственным МИД России федеральным органом исполнительной власти, Россотрудничество становится сегодня эффективным инструментом реализации Концепции внешней политики Российской Федерации в сфере укрепления и расширения международного гуманитарного сотрудничества.

В своей деятельности наше Агентство руководствуется Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента и Правительства Российской Федерации, международными договорами, нормативными правовыми актами МИД России.

Россотрудничество решает поставленные Президентом и Правительством Российской Федерации задачи через организацию системной и целенаправленной работы своих представительств – российских центров науки и культуры за рубежом.

Их деятельность осуществляется в соответствии с Положением о представительстве Россотрудничества – российском центре науки и культуры за рубежом, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 13 ноября 2009 г. № 1283.

Россотрудничеством совместно с МИД России разработана аналитическая программа «Модернизация сети российских центров науки и культуры в иностранных государствах», которая предусматривает кардинальное техническое переоснащение существующих и строительство новых центров, расширение и обновление содержательного наполнения их деятельности. Россотрудничество наделено функциями государственного заказчика соответствующих федеральных, ведомственных и межгосударственных целевых программ.

Деятельность Агентства направлена, прежде всего, на утверждение за рубежом объективного представления о современной России, ее экономическом и духовном потенциале, на сохранение и расширение языкового и культурного присутствия России в мире, реализацию целей народной дипломатии и развитие межцивилизационного диалога.

Агентство взаимодействует с международными и региональными организациями, созданными Российской Федерацией совместно со странами Содружества. Разрабатывает и реализует по согласованию с МИД России и другими ведомствами программы помощи странам Содружества. В тесном взаимодействии с МИД и другими органами федеральной власти Россотрудничество осуществляет разработку ряда федеральных целевых программ (ФЦП).

Наше агентство востребовано как в системе органов государственной власти и управления РФ, так и за рубежом. Сегодня перед Россотрудничеством стоит важная задача – всестороннее развитие и укрепление международных гуманитарных связей. Наша цель – придание этой работе системного характера, ее новое осмысление, выработка свежих инновационных подходов, учитывающих быстро меняющиеся реалии современного мира, превращение российских центров науки и культуры за рубежом в полномасштабные многофункциональные информационно-культурные центры Российской Федерации, которые всей своей многоплановой деятельностью будут и дальше служить благородному делу развития дружбы, сотрудничества и взаимопонимания между народами.

– Судя по названию возглавляемого Вами Агентства, первоочередные ваши задачи поставлены в рамках нашего Содружества. Пожалуйста, расскажите подробнее о роли Россотрудничества в государствах СНГ.

– Наши зарубежные партнеры восприняли создание Агентства как еще одно подтверждение того, что приоритетная цель России – пространство СНГ, а наши соотечественники – как повышение внимания со стороны российского руководства к их чаяниям, к их проблемам, в том числе по укреплению межгосударственных гуманитарных связей как в ближнем, так и дальнем зарубежье, что органически, сами понимаете, взаимосвязано и взаимодополняется.

Если конкретно, то свою задачу мы видим в укреплении позиций представительств агентства, российских центров науки и культуры в странах Содружества Независимых Государств, укреплении их материально-технической и кадровой базы.

Посудите сами, только с начала 2009 года открыты новые российские центры науки и культуры в Молдавии, Азербайджане и Армении. В текущем году планируется открытие филиала центра науки и культуры в Казахстане (г. Алма-Ата), открывается новое здание центра на Украине (г. Киев). Но, главное, активно идет конкретное наполнение содержательной части начавшейся работы центров.

Прошу обратить внимание читателей вашего журнала и на то, что готовятся к подписанию межправительственные соглашения по открытию такого рода центров в Беларуси, Киргизии, Таджикистане, Туркменистане. Эта работа проводится в рамках разработанного перспективного плана открытия

российских центров науки и культуры и представительств нашего Агентства до 2020 года.

Агентство оказывает содействие Министерству иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии в части, касающейся координации программ в сфере международного гуманитарного сотрудничества, разрабатывает и реализует по согласованию с МИД России и другими федеральными органами исполнительной власти программы помощи государствам – участникам СНГ.

Одной из важнейших задач, стоящих перед Россотрудничеством, является взаимодействие с другими федеральными органами власти в реализации государственной политики, направленной на поддержку соотечественников за рубежом, защиту их образовательных, языковых, социально-трудовых, гуманитарных и иных законных прав и интересов.

Во взаимодействии с российскими некоммерческими, неправительственными организациями и объединениями, религиозными объединениями, государственными и общественными структурами зарубежных стран Россотрудничество через свои представительства и российские центры науки и культуры призвано осуществлять деятельность, направленную на доведение до широких кругов мировой общественности полной и точной информации о России, о ее позиции по основным международным проблемам, о внешнеполитических инициативах и действиях Правительства, о социально-экономическом развитии страны, достижениях российской культуры и науки.

Современные приоритеты внешней политики России, ее гуманитарная составляющая настоятельно требуют от Агентства решения широкого круга вопросов. Актуальным является вопрос, связанный с созданием и развитием сети российских центров науки и культуры за рубежом, в первую очередь в странах СНГ, наполнением их деятельности проектами и программами сотрудничества России с другими государствами в гуманитарной, культурной, образовательной, научно-технической, информационной и деловой областях.

Особое значение должны приобрести проекты, нацеленные на укрепление и продвижение позиции русского языка за рубежом, оказание поддержки соотечественникам в сохранении этнокультурной идентичности, расширение для них доступа к получению образования в Российской Федерации.

Сегодня 59 российских центров науки и культуры и 26 представительств Россотрудничества действуют в 73 странах мира. Ведется активная работа по реализации планов расширения их сети за рубежом. Разработан перспективный план открытия РЦНК до 2020 года. В 2009–2010 гг. состоялось открытие российских центров науки и культуры в Баку, Ереване, Кишиневе, Минске, Аммане (Иордания), Пекине, представительств в Абхазии, Южной Осетии, Словении, Румынии, на Кубе. В новые здания переехали центры в Киеве и Баку. В 2011 году планируется открытие центров в Бишкеке, Душанбе, Риме, Мадриде, Лондоне, представительств в Никарагуа, Иране, ОАЭ. В соответствии с планом предполагается, что к 2020 году в мире будет функционировать более 100 российских центров науки и культуры.

Кроме того, 18 представительств Россотрудничества придан региональный статус, что позволяет им вести работу еще в 34 сопредельных странах.

Деятельность представительств Россотрудничества – российских центров науки и культуры носит системный, многоплановый характер, охватывая такие направления, как информационное сопровождение внешней и внутренней политики России, содействие расширению международных культурных, образовательных, научно-технических, деловых связей, работа с соотечественниками, поддержка русского языка и российского образования, взаимодействие с неправительственными организациями, зарубежной общественностью, выпускниками вузов нашей страны. При РЦНК работают библиотеки, курсы русского языка, компьютерные классы, клубы и студии по интересам. На базе РЦНК проводится большое количество

различных мероприятий: конференции, семинары, круглые столы, популяризирующие достижения нашей страны в различных областях, фестивали, выставки, концерты мастеров искусств.

– На Россотрудничество возложены новые масштабные задачи в области содействия инновационному развитию. Ваше Агентство, кроме всего прочего, принимает участие в создании Международного инновационного центра нанотехнологий стран СНГ (МИЦНТ СНГ) на базе Объединенного института ядерных исследований в Дубне и Российского научного центра «Курчатовский институт».

Но прежде всего ЕврАзЮж интересует Межгосударственная целевая программа инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года, заказчиком-координатором которой определено ваше Федеральное агентство. Пожалуйста, расскажите подробнее об этой работе, которую трудно переоценить для прорыва евразийской экономической интеграции, на необходимость которой указывал В.В.Путин на упомянутом в самом начале нашей беседы форуме.

– Уникальность Межгосударственной программы инновационного сотрудничества Содружества Независимых Государств на период до 2020 года заключается в том, что впервые на экономическом пространстве СНГ должна быть сформирована система инновационного сотрудничества его государств – участников, обеспечивающая ускорение интеграционных процессов, что требует фундаментального и тщательного исследования экономик стран, входящих в Содружество, в том числе анализа динамики и объема государственных инвестиций в научные разработки и внедрение инноваций, процессов создания передовых производственных технологий.

Именно в интересах выполнения задач, стоящих в рамках разработки и реализации Межгосударственной целевой программы, а также с целью содействия инновационному развитию страны Россотрудничество приступило к созданию при РЦНК центров инновационного сотрудничества.

В качестве первого «пилотного» проекта в 2010 г. такие центры были открыты в Баку, Ереване, Минске. Ведется подготовительная работа по открытию инновационных центров на всем пространстве Содружества. Их деятельность ориентирована на создание социальных сетей инновационного сотрудничества. Они призваны активно заниматься организацией научных, инженерно-технологических обменов и вопросами переподготовки кадров.

Программа инновационного сотрудничества призвана создать условия для повышения глобальной конкурентоспособности экономики государств – участников СНГ, трансформировать ее в социально ориентированную экономику знаний, реализовать приоритеты экономического развития на основе эффективного взаимодействия национальных инновационных систем в интегрируемом инновационном пространстве, утвердить международный авторитет Содружества как одного из мировых центров технологического лидерства.

Решение о разработке Межгосударственной целевой программы инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года было принято Советом глав правительств СНГ 14 ноября 2008 года. Решением СГП СНГ от 21 мая 2010 года Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) было утверждено заказчиком-координатором Программы. Главным разработчиком Программы, согласно решению Экономического совета СНГ от 17 июня 2010 года, стал Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики.

Разработка Программы основана на положениях, заложенных в Стратегии экономического развития СНГ на период

до 2020 года (решение СГП СНГ от 14 ноября 2008 г.) и Основных направлениях долгосрочного сотрудничества государств – участников СНГ в инновационной сфере (решение СГП СНГ от 20 ноября 2009 г.).

– Уважаемый Фарит Мубаракшевич, с чего конкретно возглавляемое Вами Агентство начинает эту громадную беспрецедентную деятельность в евразийском экономическом пространстве?

– Свою задачу мы видим в том, чтобы предложить широкоформатный механизм, позволяющий гармонизировать национальные инновационные системы, разрабатывать и реализовывать межгосударственные целевые программы и инновационные проекты других форматов, а также взаимодействовать с национальными целевыми программами стран нашего Содружества.

Учитывая стремление национальных исследовательских центров, университетов и инновационных компаний стран СНГ к кооперации с европейскими партнерами, в Программе были предусмотрены подходы, позволяющие выйти на взаимодействие с рамочными программами Европейского Союза и аналогичными мероприятиями стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

В 2010 году заказчик-координатор и головной разработчик проделали большую работу по подготовке в сжатые сроки проекта этого комплексного документа, который выносился на обсуждение Комиссии по экономическим вопросам при Экономическом Совете СНГ (25 августа 2010 года, г. Москва) и Экономического Совета СНГ (17 сентября 2010 года, г. Москва).

В силу того, что Программа нацелена на радикальный пересмотр сложившихся форматов взаимодействия и переход от отраслевого к комплексному инновационному сотрудничеству государств – участников Содружества, заказчик-координатор и головной разработчик, национальные государственные заказчики и национальные разработчики, Минфин, Минэкономразвития и Минобрнауки Российской Федерации, а также Исполком СНГ пришли к единому мнению о необходимости изменения изначального формата и названия Программы на Межгосударственную программу инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года, исключив при этом слово «целевая». 19 ноября 2010 года Совет глав правительств СНГ утвердил решение об изменении названия.

В марте–апреле 2011 года Россотрудничество (заказчик-координатор) представляло проект Программы на рассмотрение Комиссии по экономическим вопросам, а также Экономического совета СНГ в Ялте 15 апреля 2011 года в установленном порядке.

К заседанию СГП 19 мая 2011 года Россотрудничество и НИУ–ВШЭ подготовили комплексный документ, вобравший в себя самые передовые методологические, содержательные и принципиальные организационные решения по развитию инновационного пространства СНГ. Он полностью соответствует международным стандартам, а также идеологии и методам формирования инновационных индексов. Таким образом, завершается первый этап разработки Программы. Предлагаемый документ состоит из пяти подпрограмм, включающих в себя: развитие межгосударственной кооперации в инновационной сфере; объединение научно-технологического потенциала; создание системы кадрового обеспечения; эффективное использование инфраструктуры национальных инновационных систем; а также нормативно-правовое регулирование инновационного сотрудничества на пространстве Содружества.

Завершается отработка механизмов управления и финансирования, а также наполнения Программы конкретными проектами по приоритетным направлениям инновационного развития стран Содружества.

Государства-участники нашего международного мегапроекта уже представили около 150 проектов. В настоящее время

активными участниками разработки Программы являются Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Украина, но двери открыты и для других государств – участников СНГ. Проявила интерес к работе Национальная Академия Наук Азербайджана. Мы будем рады приглашать на наши совещания и конференции представителей научного и экспертного сообщества всех стран Содружества.

Теперь, на втором этапе, необходимо выработать оптимальные решения по вопросам ее управления и финансирования. Национальные разработчики исходят из того, чтобы по возможности избежать создания новых структур и опираться на уже существующие в рамках СНГ, ЕврАзЭС, Таможенного союза. В представленном проекте предложены подходы по управлению Программой, согласованные с национальными разработчиками. Система управления включает в себя следующие ключевые элементы: наблюдательный совет, оператор, национальные контактные центры. Функции наблюдательного совета Программы могут быть поручены Межгосударственному Совету по сотрудничеству в научно-технической и инновационной сферах (МС НТИ). На его заседании в Минске 22–23 марта 2011 года эта возможность была подробно обсуждена, и МС НТИ выразил готовность взять на себя эти функции. Требуется внести изменения и дополнения в Положение о Межгоссовете и утвердить их на ССП СНГ.

Создание оператора Программы в настоящее время является наиболее сложным вопросом. По мнению наших партнеров, оператор Программы должен утверждаться решением Совета глав правительств. Прорабатывается идея создания такого органа управления с привлечением институтов развития государств – участников СНГ.

В ходе второго этапа Россотрудничество (заказчик-координатор), Высшая школа экономики (головной разработчик) во взаимодействии с национальными государственными заказчиками и национальными разработчиками, а также Рабочей группой в соответствии с Планом мероприятий по доработке проекта Программы намерены завершить разработку Программы в сентябре и внести ее в октябре 2011 года на рассмотрение Совета глав правительств Содружества.

Другим новым для Россотрудничества направлением стало участие совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами в разработке и реализации программ содействия развитию на пространстве СНГ. Установлены рабочие контакты с ведущими мировыми игроками в этой области – Программой развития ООН, Всемирной продовольственной программой, Агентством международного развития США (USAID), Немецким обществом по техническому сотрудничеству (GTZ), Японским агентством международного сотрудничества (JICA).

– Одним из ключевых направлений работы Россотрудничества остается поддержка соотечественников, реализация проектов (крупнейшим из них является Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года), содействующих укреплению связей с российской зарубежной диаспорой, сохранению этнокультурной идентичности наших соотечественников. Значительное место в реализуемых Агентством программах занимает работа по укреплению позиций российской культуры, ознакомлению зарубежной общественности с богатейшим российским культурным наследием, современным российским искусством. Что Вы хотели бы добавить к этому?

– Представительства Россотрудничества работают в тесном взаимодействии с объединениями соотечественников, их координационными советами, содействуют проведению мероприятий, способствующих процессу консолидации российской диаспоры (государственные и региональные конференции, круглые столы и т. п.). Россотрудничество содействует

укреплению и развитию всесторонних связей соотечественников с Россией, организует на постоянной основе работу по удовлетворению их культурных, информационных и языковых интересов и потребностей, обеспечивает участие соотечественников в культурных, образовательных, спортивных, молодежных мероприятиях, проводимых в России.

На площадках РЦНК или на театральных и концертных площадках стран-партнеров организуются фестивали русской культуры, выставки, концерты, дни российского кино с привлечением ведущих российских мастеров культуры.

Для популяризации духовного потенциала России, ее богатейшего культурного наследия на базе РЦНК начинают работу виртуальные залы ведущих российских музеев. Так, в РЦНК в Пекине, Минске, Баку, Любляне открыты виртуальные информационно-образовательные центры Государственного Русского музея, которые пользуются большой популярностью у зарубежных поклонников российского искусства. Такие центры планируется открыть во всех РЦНК.

Россотрудничество принимает самое активное участие в организации проведения годов России в зарубежных странах и зарубежных стран в России. Представители руководства Агентства входят в состав оргкомитетов по их подготовке. В частности, в 2010 году успешно прошли организованные Россотрудничеством мероприятия в рамках Года России во Франции, где достаточно широко был задействован Российский центр науки и культуры в Париже. В 2011 году Россотрудничество реализует комплекс масштабных мероприятий в рамках Года российской культуры и русского языка в Италии и Года России в Испании.

Кроме того, на базе РЦНК регулярно проводятся книжные выставки, презентации российских издательств. Всего в течение года в РЦНК, зарубежных национальных библиотеках, университетах проводится более тысячи книжных и книжно-иллюстративных выставок и презентаций российских издательств, которые посещают сотни тысяч человек. Библиотеки, работающие при РЦНК, не только знакомят зарубежную общественность с российской классической и современной литературой, но являются по сути информационно-методическими культурными центрами, где проводятся читательские конференции, презентации книжных новинок, литературные вечера, посвященные юбилейным датам российских писателей, поэтов, драматургов.

Новым направлением деятельности стало открытие на базе РЦНК виртуальных залов ведущих российских библиотек. Так, в РЦНК в Баку, Минске, Пекине, Любляне начали работу виртуальные залы Президентской библиотеки имени Б.Н.Ельцина. Такие залы планируется открыть во всех российских центрах.

Важной составляющей деятельности Россотрудничества является работа с неправительственными и религиозными организациями, развитие общественной дипломатии. Российская ассоциация международного сотрудничества (РАМС) и входящие в нее более 70-ти общественных объединений, включая российские общества дружбы с зарубежными странами, являются основными партнерами Россотрудничества в данной сфере.

Большое внимание Россотрудничество уделяет совершенствованию информационной деятельности, вопросам позиционирования Агентства в информационном пространстве как России, так и зарубежных стран. В этих целях Агентство активно взаимодействует с ведущими российскими и зарубежными СМИ.

Агентство широко представлено в Интернет-пространстве. Популярным является официальный сайт Россотрудничества www.rs-gov.ru, на котором открыта «Общественная Интернет-приемная». Пользователи глобальной сети могут оставить комментарии, пожелания и предложения в социальных сетях Facebook и Twitter или на странице «Россия глобальная» в Livejournal.

Сегодня перед Россотрудничеством стоит важная задача – всестороннее развитие и укрепление международных гуманитарных связей. Наша цель – придание этой работе системного характера, ее новое осмысление, выработка свежих инновационных подходов, учитывающих быстро меняющиеся реалии современного мира, превращение российских центров науки и культуры за рубежом в полномасштабные многофункциональные информационно-культурные центры Российской Федерации, которые всей своей многоплановой деятельностью будут и дальше служить благородному делу развития дружбы, сотрудничества и взаимопонимания между народами.

В качестве важнейшей задачи Агентство рассматривает выведение деятельности своих зарубежных представительств на новый, современный уровень. Это достигается реализацией комплексных проектов и программ сотрудничества с иностранными государствами в гуманитарной, культурной, образовательной, научно-технической, информационной и деловой сферах, при понимании того, что РЦНК должны стать полномасштабными многофункциональными информационно-культурными центрами Российской Федерации с соответствующей современной материально-технической базой и кадровым обеспечением.

– Наш ЕврАзЮж проводит целенаправленную работу по установлению тесных связей с юридическим факультетом и юридическими вузами, учеными-правоведами стран СНГ, что оказывает неопределимую помощь для перспектив развития единого евразийского пространства. Особо отметим, что необходимость национально-правового и международно-правового обеспечения экономической интеграции в рамках нашего Содружества налицо. Наиболее плодотворные связи, например, у нас сложились с Евразийским национальным университетом имени Л.Н.Гумилева. Что могли бы Вы, кстати, доктор политических наук, сообщить нашим читателям в связи с этим?

– Действительно, одной из важнейших задач Агентства является реализация программ по поддержке русского языка за рубежом, оказание всемерного содействия в методическом, организационном, содержательном обеспечении сохранения и расширения его позиций при объединении усилий всех заинтересованных организаций, включая Минобрнауки, Рособразование, МАПРЯЛ, Фонд «Русский мир» и др. Наша цель – превращение курсов русского языка и учебно-методических центров при РЦНК в главный инструмент продвижения нашей политики по укреплению и расширению позиций русского языка в мире и, как следствие, роста интереса и симпатий к нашей стране, ее истории, культуре, современной жизни.

Сегодня РЦНК являются основной базой широкого курсового обучения русскому языку за рубежом. Преподавание осуществляется по современным российским программам. На базе курсов созданы центры тестирования, выдаются государственные сертификаты, подтверждающие уровень владения языком. В целях совершенствования этой работы и придания ей системного характера Россотрудничеством разработана ведомственная целевая программа «Единая система курсового обучения русскому языку на базе РЦНК за рубежом».

Агентство, наряду с Минобрнауки, является исполнителем Федеральной целевой программы (ФЦП) «Русский язык». В рамках Федеральной программы проводятся книжные выставки, направляются комплекты учебной и методической литературы, современные компьютерные обучающие программы.

В проекте Концепции ФЦП «Русский язык» на 2011–2015 годы Россотрудничество выступает в качестве государственного заказчика в разделах «Поддержка русского языка как основы развития интеграционных процессов в СНГ» и «Удовлетворение языковых и культурных потребностей соотечественников за рубежом».

С целью активизации интереса к изучению русского языка в странах СНГ Россотрудничество, при поддержке Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом, приступило к созданию Учебно-методических центров русского языка на базе РЦНК с соответствующим учебно-методическим, материально-техническим и кадровым обеспечением их деятельности. Разработаны концепция и программа Центра, которые предусматривают организацию курсов русского языка для различных возрастных категорий и социальных групп с охватом всех регионов страны пребывания, курсы повышения квалификации для преподавателей русского языка, проведение конференций, семинаров и круглых столов с участием ведущих российских ученых-методистов и преподавателей-практиков и т. п.

Важным направлением деятельности Россотрудничества за рубежом является работа по продвижению российского образования, расширению сотрудничества между образовательными учреждениями России и стран-партнеров.

Активные партнерские связи с действующими в Армении, Беларуси, Киргизии, Таджикистане Славянскими университетами, являющимися крупными региональными образовательными центрами, способствуют налаживанию прочных межгосударственных научных отношений.

В последнее время важную роль приобретают вопросы технологического обеспечения поддержки деятельности филиалов и представительств российских вузов в странах СНГ, в том числе посредством внедрения технологий электронного, дистанционного обучения. В этой связи одной из значимых и перспективных образовательных площадок является Сетевой университет СНГ, созданный на базе РУДН при содействии Россотрудничества и Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ.

Содействуя укреплению и развитию двустороннего сотрудничества со странами-партнерами в сфере образования, представительства проводят работу по согласованию и подготовке к подписанию двусторонних межведомственных и межвузовских соглашений в сфере образования. В соответствии с полномочиями Россотрудничества, его представительств за рубежом принимают активное участие в подборе и направлении на учебу в российские вузы иностранных студентов, поддерживают активные связи с их выпускниками. В настоящее время Агентство совместно с Минобрнауки участвует в разработке Концепции экспорта образовательных услуг Российской Федерации, конечно же, и в сфере юридического образования, которая определит принципы, основные цели и задачи Российской Федерации в области предоставления образовательных услуг иностранным гражданам в России и за ее пределами.

Данная Концепция станет базовым документом в деле планирования и реализации системы мероприятий по содействию и развитию экспорта образовательных услуг Российской Федерации, в котором будут изложены меры по обеспечению привлекательности и повышению конкурентоспособности системы высшего образования России. Предполагается, что представительства Россотрудничества будут являться основными элементами инфраструктуры, обеспечивающей реализацию данной Концепции за рубежом.

– Многоуважаемый Фарит Мубаракшевич, в заключение хотелось бы задать наши традиционные вопросы. Что хотели бы Вы пожелать редколлегии, авторам и читателям Евразийского юридического журнала – основного общего русскоязычного юридического журнала в евразийском правовом пространстве и его Интернет-партнеру – Евразийскому юридическому portalу.

– Не вызывает сомнений то, что нужна и важна такая работа для сохранения и укрепления научных и научно-практических связей между правоведами из разных стран СНГ. Мне весьма импонирует то, что вы из номера в номер ведете

единую редакционную политику, направленную на правовую интеграцию и интернационализацию национальных законодательств в евразийском пространстве. Если говорить конкретно, очень важно также и то, что ваш ежемесячный журнал еще осенью прошлого года открыл рубрику, посвященную 20-летию СНГ. Нельзя не заметить, что в каждом номере вашего журнала выступают с полноценными статьями авторы из разных стран СНГ.

Новых творческих успехов редакционной коллегии ЕврАзЮж, чтобы вы и в дальнейшем радовали своих читателей новыми научными и научно-практическими статьями, другими материалами, посвященными евразийской экономической и правовой интеграции! Мы должны ценить достигнутые нашим Содружеством результаты и стремиться к большему!

Беседовал
Инсур Фархутдинов,
доктор юридических наук,
главный редактор ЕврАзЮж

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию
**ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА**

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры, социологии права, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги. На базе института выпускается одно из ведущих международных юридических периодических изданий, включенных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации в список ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук –

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация

Website: <http://www.eurasniipp.ru> E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-903-31-257-90

Евразийская интеграция : опыт и проблемы

Камышевский В.И.
ОТ ЕВРАЗЭС К ЕВРАЗИЙСКОМУ СОЮЗУ

В статье рассмотрены актуальные проблемы деятельности Евразийского экономического сообщества на пути его перехода к Евразийскому союзу.

Ключевые слова: Евразийское экономическое сообщество, Евразийский союз, евразийская интеграция.

Kamyshevskiy V.I.
FROM EVRAZES TO THE EURASIAN UNION

In the article actual problems of activity of the Eurasian Economic Community on a way of its transition to the Eurasian Union are considered.

Keywords: Eurasian Economic Community, Eurasian Union, Eurasian integration.

От редакции:

Дорогие читатели!

По вашим многочисленным просьбам, поступившим в наш адрес, а также ввиду особой актуальности и значимости тематики евразийской интеграции для нашего журнала, редакция ЕвразЭЮж приняла решение открыть постоянную рубрику с названием «Евразийская интеграция: опыт и проблемы», в которой мы предлагаем вам ознакомиться с основными этапами становления и деятельности ЕвразЭС как ведущей международной экономической организации на постсоветском пространстве.

В рамках настоящей рубрики планируется издание периодических (раз в 4 месяца) аналитических материалов и обзоров, каждый из которых будет посвящен отдельному аспекту функционирования ЕвразЭС: создание единой системы таможенно-тарифного и нетарифного регулирования; установление общих правил торговли товарами и услугами и их доступа на внутренние рынки; обеспечение свободы движения капитала и создание равных условий для доступа иностранных инвестиций на рынки сторон; формирование общего рынка транспортных и энергетических услуг; противодействие нелегальной трудовой миграции.

Освещение вышеуказанных вопросов, по нашему мнению, крайне важно для целей евразийской интеграции, поскольку, к сожалению, сегодня далеко не всем известно о данной международной организации, несмотря на ее десятилетнюю историю.

Помимо ознакомительной части, ЕвразЭЮж берет на себя задачу прогнозирования дальнейшего развития вектора евразийской интеграции путем анализа тенденций, протекающих внутри ЕвразЭС, связанных с переходом к новой ступени экономической интеграции – Единому экономическому пространству (с 2012 г.), а в перспективе – созданием Евразийского союза, который будет являться четвертым этапом интеграции России, Беларуси и Казахстана. В идеале процесс экономической интеграции должен быть завершен образованием Политического союза с приданием отдельным институтам Сообщества наднациональных функций. Таким образом, будет выстроена модель, аналогичная Евросоюзу.

При таких условиях изменится весь механизм принятия и исполнения решений в рамках Сообщества, статус должностных лиц наднациональных органов, появятся зачатки возникновения самостоятельного права ЕвразЭС.

Но готовы ли сами страны-участницы к столь амбициозному проекту? Наш ответ – да! И это вовсе не дань политической моде. Это способ выживания на мировой арене, борьба за право контролировать определенную долю товаров, услуг, инвестиций и рабочей силы на глобальном рынке. Нынешнее столетие характеризуется не столько конкуренцией между государствами, сколько конкуренцией между интеграционными блоками, каждый из которых представляет собой «полюс» экономической силы, зону концентрации групповых интересов.

Открывая рубрику, мы отдаем дань уважения теоретикам евразийства, его основателям и интеллектуальным вождям, в числе которых – известный филолог Н.Трубецкой, юристы и правоведы В.Ильин и Н.Алексеев, философы А.Карсавин, Н.Досский,

Камышевский В.И.

Б.Вышеславцев, богословы Г.Флоровский, В.Зеновский, Г.Федотов, географ Г.Вернадский, экономист П.Савицкий, историк М.Шахматов и другие. Концепция евразийства, сформулированная ими, во многом послужила основой для строительства наднационального евразийского государства. И сегодня мы видим, что их идеи переживают в наше время второе рождение, находя свое реальное воплощение в проекте Евразийского союза, главным вдохновителем которого является президент Казахстана Н.Назарбаев.

Мы ожидаем, что открытие рубрики принесет определенную степень ясности в то, как и каким образом данная идея будет претворяться в жизнь. Кроме того, мы будем всячески поддерживать и продвигать данный проект на страницах нашего журнала.

В этом ключе, по нашему мнению, необходимо будет дать развернутую международно-правовую характеристику основным этапам (формам) экономической интеграции в рамках ЕвразЭС, а также проанализировать имеющуюся договорно-правовую базу Сообщества на предмет ее эффективности при переходе (ориентировочно) в 2013 году к Евразийскому союзу (ЕАС).

Объектом исследования рубрики будут являться как уже существующие, так и планируемые к подписанию соглашения в рамках ЕвразЭС по общим и отраслевым вопросам. Надеемся, что результаты данного исследования окажутся полезными и будут востребованы нашими читателями.

Наш первый материал будет посвящен общей характеристике, проблемам и перспективам развития ЕвразЭС.

От ЕвразЭС к Евразийскому союзу

Историческая справка

Прежде чем приступить к оценке текущего состояния дел внутри Сообщества, а также предвосхищая анализ деятельности институтов ЕвразЭС за последний период времени, хотелось бы сказать несколько слов об истории возникновения и развития ЕвразЭС, а также выявить основные причины, побудившие лидеров стран принять такое знаковое решение.

Следует отметить, что создание ЕвразЭС было обусловлено рядом экономических и политических причин.

Ни для кого не секрет, что советская экономика была единым организмом, который после распада СССР на 15 автономных частей оказалась в предсмертном состоянии. Постсоветское экономическое пространство нуждалось в глубоких преобразованиях, частично – в формировании новых и самостоятельных экономик, частично – в сохранении той индустриальной экономики, которая строилась на сложных технологических цепочках, выходящих за пределы одной страны.

Постепенно возникла осознанная необходимость создания регионального интеграционного объединения, способного завоевать своими ресурсами определенную долю на соответствующем глобальном рынке путем предоставления потребителям товаров, услуг и инвестиций конкурентного

качества. Кроме того, согласованная экономическая политика стран – членов ЕврАзЭС по замыслам его создателей должна была сократить издержки производства отдельных видов продукции, что позволило бы ЕврАзЭС выйти на уровень конкуренции между интеграционными блоками.

В этом ключе логичным выглядит установление в рамках Сообщества общих правил торговли товарами и услугами и их доступа на внутренние рынки; создание общей унифицированной системы таможенно-тарифного регулирования; обеспечение равных условий для доступа иностранных инвестиций на рынки Сторон.

Необходимо сказать, что ЕврАзЭС было создано во многом для достижения целей, которые не были достигнуты в рамках соглашений стран СНГ. Содружество часто называют «Клубом президентов постсоветских стран».

Много говорят о политической нежизнеспособности данной международной организации. Действительно, одного лишь СНГ явно недостаточно, чтобы решать конкретные экономические вопросы и развивать реальное торгово-экономическое сотрудничество между странами. Многие нормы принимаемых международных договоров в рамках СНГ не содержат конкретных взаимных обязательств государств по отношению друг к другу, а лишь определяют цели и приоритетные направления сотрудничества.

Кроме того, документы институтов и органов Содружества носят в большинстве своем рекомендательный характер, что также не сулит ничего хорошего в формировании Единого экономического пространства.

Действительно, органы СНГ лишены реальных властных полномочий, без которых эффективное развитие интеграционных процессов и создание Единого экономического пространства невозможны. Подписанные в рамках Содружества соглашения, как правило, не выполняются. Так, расследование исполнительного секретариата СНГ, проведенное в 1997 г., показало, что из 880 решений, принятых Содружеством, реально выполнены только 130. Ряд документов – соглашения о создании зоны свободной торговли (15 апреля 1994 г.), о создании платежного союза (21 октября 1994 г.) и др. – не имеет необходимых условий для выполнения. В то же время отсутствует координация внешнеэкономической, денежно-кредитной и налоговой политики, не создана система ответственности за выполнение странами принятых обязательств.

В отличие от СНГ в ЕврАзЭС исполнение решений, принимаемых институтами Сообщества, достигается путем принятия необходимых национальных правовых актов в соответствии с национальным законодательством. Договоры вступают в силу после выполнения внутригосударственных процедур всеми участниками.

Кроме того, применяется механизм «взвешенного» голосования с учетом экономических возможностей государства-участника и суммы его взносов в уставный фонд международной организации.

Словом, в такой ситуации для воссоздания Единого экономического пространства хотя бы на части территорий бывшего СССР понадобилось создание нового, неполитического международного объединения, нацеленного на развитие экономической интеграции.

Текущее состояние дел, проблемы и перспективы

Формально Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) было учреждено 10 октября 2000 года в столице Республики Казахстан Астане главами пяти постсоветских государств – России, Казахстана, Беларуси, Кыргызстана, Таджикистана.

На деле же появление ЕврАзЭС было обусловлено созданным в 1995 году Таможенным союзом Беларуси, Казахстана, Киргизии и России. С инициативой преобразования Таможенного союза в новую международную организацию в мае 2000 года выступил тогдашний президент России В.Путин.

По своей правовой природе ЕврАзЭС представляет международную межгосударственную экономическую организацию, является полноправным субъектом международного права и обладает полномочиями, определенными Договором об учреждении ЕврАзЭС (далее – Договор).

Правоспособность Сообщества была официально признана государствами-участниками и нормативно закреплена в ст. 11 Договора об учреждении ЕврАзЭС 2000 г., чем, напротив, до сих пор не может похвастаться СНГ. Кроме того, в рамках ЕврАзЭС созданы и успешно действуют его органы, такие как Межгосударственный Совет (Межгоссовет), Интеграционный Комитет, Межпарламентская Ассамблея (МПА), а также Суд Сообщества.

В соответствии с нормами Договора государства-участники «отдали» наднациональным институтам ЕврАзЭС часть своих суверенных полномочий для решения задач, определенных в соглашениях о Таможенном союзе, Договоре об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях и Договоре о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве согласно намеченным в указанных документах этапам.

Иными словами, целью деятельности ЕврАзЭС было объявлено формирование Единого экономического пространства и зоны свободного перемещения товара, услуг, капитала и трудовых ресурсов.

Нормативное закрепление поставленных задач в тексте Договора ознаменовало собой возникновение нового периода в развитии отношений между странами – участницами ЕврАзЭС – периода взаимовыгодного экономического и гуманитарного сотрудничества на институциональной основе с целью построения вначале зоны свободной торговли, а в конечном счете – Евразийского союза (ЕАС).

Сегодня данное интеграционное объединение покрывает 94 % территории СНГ с более чем 200-миллионным населением и совокупным ВВП, равным 88 % от стран СНГ. Единые таможенные ставки охватывают более 60 % импорта. Товарооборот внутри Сообщества превышает 90 миллиардов долларов. Предпринимаются совместные шаги и в гуманитарной сфере, что позволяет полнее удовлетворять потребности граждан в области культуры, здравоохранения, обеспечивать их социальные права.

Очевидно, что евразийская интеграция как правовое явление означает создание «специального» – внутриинтеграционного – правового режима для регулирования перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы в Сообществе.

И вот 16 августа 2006 г. на встрече глав государств – членов ЕврАзЭС в Сочи Межгоссоветом было принято Решение о формировании Таможенного союза (ТС) трех государств (России, Беларуси и Казахстана) в рамках ЕврАзЭС.

Интересным является тот факт, что договорно-правовые акты, предписываемые к принятию, были органичным образом сгруппированы по сферам, условно поименованным «свободами», по аналогии со свободами, закрепленными в учредительных документах Европейского союза.

Таких свобод в Решении Межгоссовета выделено три.

Прежде всего, в рамках первой свободы – «свободы движения услуг» – предусматривалось принятие государствами – членами ЕврАзЭС проектов Соглашений о торговле услугами; о сотрудничестве в сфере аттестации и аккредитации образовательных организаций; о порядке организации, управления, функционирования и развития общего нефтегазового рынка Беларуси, России и Казахстана.

В рамках второй свободы – «свободы движения капитала» – намечалось принятие актов, направленных на либерализацию движения капиталов государств, входящих в Сообщество, а также предусматривающих механизм защиты прав инвесторов при осуществлении инвестирования. К их числу были отнесены: проекты Соглашений о поощрении и взаимной защите капиталовложений, об основах инвестиционной

деятельности, а также об основополагающих принципах валютной политики по регулированию и контролю операций, связанных с движением капитала. Кроме того, необходимо было разработать и принять Проект Соглашения о создании условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала, а также Проект Протокола о создании общего страхового рынка.

И, наконец, третья свобода была посвящена беспрепятственному «передвижению рабочей силы». С этой целью была предусмотрена выработка сторонами Проекта Соглашения о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей, а также Проекта Соглашения о сотрудничестве по противодействию нелегальной миграции.

В Решении также было предусмотрено принятие документов, посвященных согласованной экономической политике государств – членов Сообщества. В основном это акты, касающиеся проведения общей конкурентной политики, а также установления единых правил регулирования деятельности субъектов естественных монополий.

За прошедший период была проведена огромная работа по формированию договорно-правовой базы ТС, направленная на переход от первого интеграционного этапа уже функционировавшего режима свободной торговли ко второй интеграционной стадии – ТС «тройки» с последующим присоединением остальных участвующих сторон по мере их готовности.

На заседании Межгоссовета ЕврАзЭС на уровне глав государств 6 октября 2007 года были приняты документы, формирующие институциональную структуру ТС и определяющие механизм присоединения к нему остальных, не входящих в первоначальную «тройку» государств – членов ЕврАзЭС. Кроме того, был утвержден план действий по формированию ТС в рамках ЕврАзЭС на 2007–2010 годы.

25 января 2008 года на двадцатом заседании Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав правительств были подписаны девять международных договоров, направленных на дальнейшее формирование договорно-правовой базы Таможенного союза трех государств ЕврАзЭС (Белоруссия, Казахстан, Россия). Введение в действие данного международно-правового механизма позволило сформировать единую таможенную территорию, в пределах которой не применяются таможенные пошлины и ограничения экономического характера. При этом стороны смогли применять единый таможенный тариф и другие единые меры регулирования торговли товарами с третьими странами.¹

10 октября 2008 года в Бишкеке состоялось очередное заседание Межгоссовета ЕврАзЭС на уровне глав государств. Межгоссовет на уровне глав государств принял на себя также и функции высшего органа, создаваемого ТС.

Существенным шагом в деле формирования ТС «тройки» стало заседание Межгоссовета ЕврАзЭС на уровне глав правительств 9 июня 2009 года в Москве, на котором был одобрен единый таможенный тариф ТС. Было принято решение уведомить ВТО о намерении начать переговорный процесс по присоединению к ВТО ТС России, Беларуси и Казахстана как единой таможенной территории. Комиссии ТС поручено инициировать этот процесс.

Решающим шагом в деле создания ТС стало заседание Межгоссовета ЕврАзЭС на уровне глав государств 27 ноября 2009 года в Минске, на котором был дан старт запуску его механизма с 1 января 2010 года.

Участники саммита «тройки» ТС подписали Договор о Таможенном кодексе ТС и согласовали план мероприятий по введению Таможенного кодекса в силу. Были утверждены единый таможенный тариф ТС (введен в действие с 1 января 2010 года, а полномочия по его формированию были переданы национальному органу – Комиссии ТС), Единая товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности и другие

международные документы, направленные на осуществление единого таможенно-тарифного регулирования.

Кроме того, было принято решение интенсифицировать работу над договорно-правовой базой Единого экономического пространства трёх стран (ЕЭП). При этом комиссии Таможенного союза было поручено разработать и в срок до 20 декабря 2009 года представить главам государств план действий по формированию ЕЭП.

Отдельно был рассмотрен вопрос о применении государствами – членами Таможенного союза единой системы мер нетарифного регулирования в отношении третьих стран, согласованы Единый перечень товаров, к которым применяются запреты или ограничения на ввоз или вывоз государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС в торговле с третьими странами, и положения о применении ограничений к включенным в этот перечень товарам.

19 декабря 2009 года решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС был утвержден план действий по формированию Единого экономического пространства Беларуси, Казахстана и России.

21 мая 2010 года на заседании Межгоссовета ЕврАзЭС на уровне глав правительств в Санкт-Петербурге были приняты решения о вступлении в силу важнейших международных договоров, формирующих договорно-правовую базу Таможенного союза.

На заседании Межгоссовета ЕврАзЭС на уровне глав государств 5 июля 2010 года в Астане было решено ускорить процесс. Правительствам Беларуси, Казахстана и России было поручено принять меры и обеспечить подписание до 1 января 2011 года всех международных договоров – 20 соглашений, формирующих правовую базу ЕЭП.

Ключевым результатом заседания стало принятие решений о вступлении в силу с 1 июля 2010 года Таможенного кодекса ТС «тройки» – России, Беларуси и Казахстана.

9 декабря 2010 года в рамках мероприятий по проведению заседания Межгоссовета ЕврАзЭС на уровне глав государств были подписаны все оставшиеся международные соглашения, входящие в пакет договорно-правовой базы ЕЭП: три на уровне глав государств и ещё десять – вице-премьерами. Таким образом, процесс разработки и подписания соответствующих соглашений завершён.

Условно с учетом современной международно-правовой базы задумывалось, что формирование ТС будет проходить в несколько этапов. В рамках предварительного этапа – с 1 января 2010 г. – начал действовать Единый таможенный тариф. На следующем этапе, т. е. с 1 июля 2011 г., на единой таможенной территории трех государств начала действовать упрощенная система оформления и контроля, увеличился срок уплаты пошлин с 15 дней до 4 месяцев. На завершающем этапе – с 1 июля 2011 г. – Таможенный союз оказался вынесенным с внутренних границ стран-участниц на «внешний контур» союза.²

На сегодняшний день можно с уверенностью утверждать, что реально действующий Таможенный союз, упраздняющий таможенные пошлины между государствами-членами и разрабатывающий единую торговую политику по отношению к третьим странам, создает предпосылки для перехода государств-членов к общему рынку, предполагающему свободу движения товаров, услуг и факторов производства (капитал и рабочая сила). Это еще не ЕЭП, но более высокий уровень координации экономической политики. На этом этапе дополнительно к «свободам» ТС и Свободной экономической зоны (СЭЗ) принимаются (во всяком случае, должны приниматься) меры по унификации законодательства, прежде всего в финансовой сфере, и создаются структурные органы по управлению соответствующими процессами.

1 См.: <http://premier.gov.ru/visits/ru/10667/info/10663> (официальный сайт Председателя Правительства РФ).

2 Фоков А.П. Международно-правовое обеспечение Таможенного союза Евразийского Экономического союза // Евразийский юридический журнал. – 2009. – № 12 (19). – С. 19.

На этом же этапе решается самый трудный вопрос управления: наделять ли такие органы компетенцией принимать решения наднационального характера.³

ЕЭП формируется поэтапно, поскольку переход от этапа к этапу обусловлен фактическим достижением специфических целей договорных положений об экономической интеграции и выполнением сторонами принятых на себя обязательств. Первый этап имел своей целью создание зоны свободной торговли в Сообществе.

Второй этап, как мы видели, завершил формирование ТС и единой таможенной территории. Третий этап предполагает создание ЕЭП, включающего формирование общего (внутреннего) рынка товаров, услуг, капитала и труда, проведение общей экономической политики и создание единой инфраструктуры, завершение гармонизации законодательства сторон, обеспечивающего функционирование ЕЭП. Есть еще более глубокий уровень интеграции – Евразийский союз (ЕАС) со свободным передвижением всех четырех «свобод»: товаров, услуг, инвестиций и рабочей силы.

Особенно важной при этой стадии интеграции является инвестиционная составляющая. От того, насколько благоприятным будет правовой режим для инвестиций и их «операторов», зависит будущее всей евразийской интеграции.

Другая же задача, по нашему мнению, связана с необходимостью кодификации нормативно-правовой базы ЕврАзЭС, в рамках которого заключено порядка 105 соглашений.

Нормы данных международных договоров часто перекликаются друг с другом. В связи с этим необходимо каким-либо образом систематизировать существующую правовую базу. Кроме того, по словам первого вице-премьера И.Шувалова, в 2012 году будет сформирован новый договор, который объединит и систематизирует нормативно-правовую базу Единого экономического пространства.

Помимо этого на первый план выдвигаются и вопросы, связанные с созданием единого транспортного и энергетического пространства, развязыванием узлов в сфере миграции населения.

Одним словом, проблем достаточно. Учреждение Таможенного союза внутри ЕврАзЭС и создание Единого экономического пространства в 2012 году со свободным передвижением товаров, услуг, инвестиций и рабочей силы часто представляют и сравнивают с региональной интеграционной инициативой, сформированной на основе опыта Евросоюза.

Действительно, указанные процессы имеют много сходного. Оба объединения создавались на основе общности экономического, политического и юридического наследия составляющих их стран. Обе структуры прошли, а ЕврАзЭС еще проходит, закономерные этапы экономической интеграции, начиная от заключения преференциальных торговых соглашений и зон свободной торговли и заканчивая формированием Экономического и валютного союза.

В то же время Евросоюз имеет более чем шестидесятилетнюю историю, начиная с учреждения Европейского объединения угля и стали в 1951 году, положившего начало всей дальнейшей европейской интеграции.

Теперь посмотрим на ЕврАзЭС с его небольшой десятилетней историей. Страны бывшего СССР сумели за столь короткое время пройти долгий путь и создать прообраз Евразийского союза, преодолев многие трудности и противоречия. Поистине, это достижение.

Нельзя сказать, что десятилетие, проводимое под знаком углубления интеграции между странами во всех сферах общественной жизни, проходило безболезненно, без всяких проблем. Напротив, страны-партнеры столкнулись с различного

рода проблемами, начиная от насущных организационно-финансовых задач и заканчивая необходимостью создания договорно-правовой базы Сообщества с целью гармонизации (унификации и сближения) национальных законодательств в различных сферах.

В то же время ЕврАзЭС по сравнению с другими региональными интеграционными объединениями, например ЕС, где все стадии построения экономического федерализма, глубокой гармонизации внутренних правовых систем с целью благоприятной циркуляции внутри интеграционного товарооборота занимали долгие годы, десятилетия, идет семимильными шагами, ускоренными темпами к высшей форме интеграционного объединения государств – Евразийскому союзу с соответствующей политической надстройкой (единая валюта, наделение институтов Сообщества наднациональными функциями, тенденция конфедеративного устройства).⁴

Подводя итог нашему первому материалу, заметим, что создание ЕврАзЭС, с одной стороны, ознаменовало собой поступательное развитие экономической интеграции: от зоны свободной торговли (беспошлинная торговля) через таможенный союз (общий таможенный тариф в отношении товаров третьих стран) к общему рынку – Единому экономическому пространству (свободное перемещение товаров, капиталов, услуг, рабочей силы, единая торговая политика в отношении третьих стран).

С другой стороны, образование постоянно действующей международной организации для последовательного осуществления экономических соглашений было отчасти реакцией на внутренние проблемы СНГ и на ставшую очевидной общность исторического наследия стран с переходной экономикой, адаптирующейся к современной мировой экономике и готовящейся к вступлению в ВТО.

Кроме того, ожидается подписание декларации об образовании Евразийского союза, который начнет свою работу в 2013 году. Надеемся, что Евразийский союз будет создан для целей обеспечения гармоничного, взаимодополняющего и взаимовыгодного сотрудничества с другими странами, международными экономическими объединениями и Европейским союзом с выходом на создание общего экономического пространства.

В свою очередь, полагаем, что достижение поставленных целей во многом зависит от того, насколько нормативная надстройка Сообщества будет адекватна объективным закономерностям развития экономических отношений между государствами-членами, соответствовать их заинтересованности в таком развитии.

Логика экономической интеграции ведет, таким образом, к экономическому федерализму, к глубокой гармонизации внутренних правовых систем – для того, чтобы благоприятно циркулировали все факторы производства: товары, услуги, инвестиции и рабочая сила.

Пристатейный библиографический список

1. Камышевский В.И. Некоторые аспекты правового обеспечения формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства в рамках ЕврАзЭС // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 1 (20).
2. Фоков А.П. Международно-правовое обеспечение Таможенного союза Евразийского Экономического союза // Евразийский юридический журнал. – 2009. – № 12 (19).
3. Ярышев С.Н. Таможенный союз как основа единого экономического пространства ЕврАзЭС // Евразийский юридический журнал. – 2009. – № 9 (16).

³ Ярышев С.Н. Таможенный союз как основа единого экономического пространства ЕврАзЭС // Евразийский юридический журнал. – 2009. – № 9 (16).

⁴ Камышевский В.И. Некоторые аспекты правового обеспечения формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства в рамках ЕврАзЭС // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 1 (20). – С. 9.

Еникеев З.Д.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СТРАН СНГ

На основе анализа международных актов и прецедентной практики Европейского Суда по правам человека в статье рассматриваются вопросы законодательного закрепления и реализации принципа справедливости в уголовном судопроизводстве стран СНГ.

Ключевые слова: справедливость, международные стандарты, законодательство, сотрудничество.

Enikeev Z.D.

INTERNATIONAL STANDARDS OF JUSTICE OF CRIMINAL JURISDICTION AND THE PROBLEMS OF THEIR IMPLEMENTATION IN THE LEGISLATION OF CIS COUNTRIES

Based on the analysis of international instruments and case law of the European Court of Human Rights the article examines the legislative requirements for consolidation and implementation of the principle of justice in the criminal proceedings of the CIS countries.

Keywords: justice, international standards, legislation, community.

Еникеев З.Д.

Прежде всего отметим, что справедливость относится к фундаментальным началам уголовного судопроизводства, что обусловлено этической и правовой ее природой. Семантически слово «справедливый» включает в себя следующие смысловые значения: истинный, верный, достоверный, правильный, соответствующий действительному положению дел, сделанный законно, по правде, по совести, по правоте.¹ В лингвистике сам термин «справедливость» истолковывается как «соответствие человеческих отношений, законов, порядков и т. п. морально-этическим, правовым и т. п. нормам, требованиям».²

Справедливость, признанная универсальным принципом и одной из важнейших основ демократии во многих международных актах,³ имеет отношение ко всей правовой системе. В силу своей универсальности как понятие о должном она является общеправовым, всеотраслевым принципом, служащим нравственным ориентиром в правотворческой, правоохранительной и правоприменительной деятельности.

Ранг универсального, общеправового принципа придает справедливости не только международными актами, но и тем, что в конституциях стран СНГ все эти республики провозглашены демократическими правовыми государствами. Справедливость является одной из основных черт подлинно демократического правового государства. В Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ от 29 июня 1990 года и Документе Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ от 3 октября 1991 года справедливость, как и демократия, законность, считается основой, неотъемлемым элементом правового государства.⁴

В конституциях некоторых стран СНГ справедливость выражена не только сущностно, но и словесно. Так, в преамбуле Конституции РФ этот термин употребляется в плане почтения памяти предков, передавших народу веру в добро и справедливость. В преамбуле Конституции Республики Таджикистан ставится задача создания справедливого общества.

В преамбуле и ст. 1 Конституции Республики Молдова справедливость названа в числе высших ценностей. В преамбуле Конституции Азербайджанской Республики выражено желание утвердить справедливость. В статье 14 Конституции Республики Узбекистан закреплено положение о том, что «государство строит свою деятельность на принципах социальной справедливости и законности в интересах благосостояния человека и общества».

Справедливость – правовая категория, имеющая емкое содержание. В Документе Копенгагенского совещания в это понятие вкладывается множество составляющих, в том числе: обеспечение верховенства закона; обязанность правительства и государственных властей соблюдать конституцию и действовать совместимым с законом образом; гарантированность законных прав и свобод человека и соответствие их обязательствам по международному праву; равенство всех людей перед законом и их право на равную и эффективную защиту со стороны закона; полная обоснованность административных решений, направленных против какого-либо лица; независимость судей и беспристрастное функционирование государственной судебной службы; право каждого человека при рассмотрении любого предъявленного ему уголовного обвинения на справедливое и открытое разбирательство компетентным, независимым и беспристрастным судом; презумпция невиновности; четкое определение в уголовно-процессуальных нормах компетенции в отношении разбирательства и мер, которые предшествуют и сопровождают такое разбирательство, и т. д.⁵

Такое семантическое, нравственное и правовое содержание справедливости свидетельствует, что она полностью распространяется на уголовный процесс. То, что справедливость занимает и должна занимать статус уголовно-процессуального принципа, находит подтверждение как в международных актах, так и в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых стран СНГ. В частности, согласно ст. 10 Всеобщей декларации прав человека, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.⁶ В числе Основных принципов независимости судебных органов, одобренных резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября и 13 декабря 1985 года, обозначено требование к судебным органам

1 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – С. 757; Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 4. – М., 2005. – С. 299; Словарь синонимов русского языка. – Т. 2. – Л.: Наука, 1971. – С. 483–484.

2 Словарь синонимов. – Л.: Наука, 1975. – С. 549. См. также: Большой энциклопедический словарь. – М., 1998. – С. 1139; Российская юридическая энциклопедия. – М.: Инфра, 1999. – С. 927–928.

3 Международные акты о правах человека: Сборник документов. – М.: Норма, 2002. – С. 35, 38, 39, 43, 52, 56, 75, 79, 130, 136, 347–348, 559, 562, 564, 753, 754, 759, 763, 770, 771, 784, 785, 787, 814.

4 См.: там же. – С. 770–771, 787–788.

5 См.: там же. – С. 770–772.

6 См.: там же. – С. 39, 56, 564.

по обеспечению справедливого ведения судебного разбирательства и соблюдения прав сторон. Причем сказано, что судебные органы решают переданные им дела беспристрастно, на основе фактов, в соответствии с законом, без каких-либо ограничений, неправомерного влияния, побуждения, давления, угроз или вмешательства, прямого или косвенного, с чьей бы то ни было стороны и по каким бы то ни было причинам.⁷

В Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 13 октября 1994 года «О независимости, эффективности и роли судей» также в виде принципов предусмотрены обязанности судей по обеспечению надлежащего применения закона, справедливого, эффективного и быстрого рассмотрения дел. Указывается, что судьи должны иметь неограниченную свободу беспристрастно принимать решения, руководствуясь своей совестью, своим толкованием фактов и действующими нормами права. Для этого они должны быть наделены достаточной властью и соответствующими полномочиями. Причем говорится, что повышение роли судебного корпуса, укрепление положения и полномочий судей необходимы в целях создания эффективной и справедливой правовой системы.⁸ В Рекомендации этого же международного органа от 11 сентября 1995 года «Относительно управления системой уголовного правосудия» сказано: «Справедливое и эффективное уголовное правосудие является необходимым условием существования любого демократического общества, основанного на принципе господства права». Тем самым подтверждается величие социальной ценности такой системы правосудия по уголовным делам.

Другими словами, но по существу, та же самая оценка дается правосудию в Декларации принципов и программе действий программы ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, принятых Генеральной Ассамблеей ООН 18 декабря 1991 года. Она звучит так: «Правосудие, основанное на верховенстве права, является краеугольным камнем, на котором зиждется цивилизованное общество... Гуманная и эффективная система уголовного правосудия может служить инструментом обеспечения равенства, конструктивных социальных перемен и социальной справедливости, а также защиты основных ценностей и неотъемлемых прав народов. Закон должен обеспечивать защиту любого права индивидуума от нарушения, что является процессом, в котором система уголовного правосудия играет важнейшую роль» (п. 2). Примечательно, что в преамбуле данного основополагающего правового акта выражены цели Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, в частности, сокращение масштабов преступности, более действенное и эффективное исполнение законов и отправление правосудия, соблюдение прав человека и обеспечение наивысших стандартов справедливости, гуманности и профессионального поведения.¹⁰

Достижение самых высоких стандартов справедливости, человечности и профессионального поведения в сфере борьбы с криминалом и осуществления уголовного правосудия настолько важно, что эти цели подтверждены Десятым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, принявшим 15 апреля 2000 года Венскую декларацию о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века. В ней предусматривается необходимость создания в каждом государстве справедливой, ответственной, этичной и эффективной системы уголовного правосудия.¹¹ Эти цели вновь прозвучали на Одиннадцатом (2005 г.) и Двенадцатом (2010 г.) конгрессах ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию.¹²

7 См.: там же. – С. 172–173.

8 См.: Рос. юстиция. – 1997. – № 9. – С. 3–4.

9 См.: Рос. юстиция. – 1997. – № 11. – С. 4.

10 Международные акты по вопросам уголовного судопроизводства. – Т. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ. – 2007. – С. 230, 232.

11 Документ ООН A/CONF.187/15.

12 См.: Документы ООН A/CONF.203/L.5; A/CONF.213/L.6/Rev.2.

Согласно международным актам система уголовного правосудия включает в себя органы предварительного расследования, прокуратуру, адвокатуру и суд, а также выявление, расследование, преследование преступлений и судебные процедуры. Следовательно, требования справедливости распространяются на весь уголовный процесс, на все субъекты, ведущие производство по уголовным делам. Это подтверждается международными актами. Так, в документе «Руководящие принципы, касающиеся роли лиц, осуществляющих судебное преследование», принятом Восьмым Конгрессом ООН в сентябре 1990 года, говорится о соблюдении всех требований справедливости применительно не только к судебному разбирательству, но и к возбуждению дела, расследованию преступления. Причем сказано, что лица, осуществляющие преследование преступлений, исполняют свои обязанности справедливо, последовательно и быстро, уважают, защищают человеческое достоинство и права человека, способствуя тем самым обеспечению надлежащего процесса и бесперебойному функционированию системы уголовного правосудия.¹³

В Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 6 октября 2000 года «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» предусматривается обязанность прокурора «выполнять свои функции справедливо, беспристрастно и объективно; стараться обеспечить, чтобы система уголовного правосудия функционировала так быстро, как это возможно» (п. 24)¹⁴.

В Европейском кодексе полицейской этики, принятом 19 сентября 2001 года Комитетом Министров Совета Европы, имеется раздел «Руководящие принципы деятельности полиции». В нем прописано положение о том, что «полиция должна выполнять свои задачи справедливо» (п. 40). Применительно к требованиям, предъявляемым к квалификации сотрудников полиции, сказано, что они должны обладать чувством справедливости (п. 23). Относительно полицейских расследований говорится, что они должны быть объективными и справедливыми (п. 49). В Рекомендации Комитета Министров (2001 г.) относительно указанного Кодекса обращает на себя особое внимание то обстоятельство, что государствам-членам предлагается руководствоваться в их внутреннем законодательстве и практике, а также в их кодексах поведения для полиции принципами, изложенными в Европейском кодексе полицейской этики.¹⁵

То, что все стандарты Организации Объединенных Наций в области прав человека при отправлении правосудия должны полностью и эффективно реализовываться в законодательстве и правоприменительной практике государств-членов, неоднократно констатировалось во многих актах ООН, в том числе в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 2005 года «Права человека при отправлении правосудия»¹⁶ и решениях Двенадцатого Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, состоявшегося 12–13 апреля 2010 года в Сальвадоре (Бразилия).¹⁷

В Модельном УПК для государств – участников СНГ, принятом 17 февраля 1996 года Межпарламентской Ассамблеей государств – участников Содружества Независимых Государств в виде рекомендательного законодательного акта, учтены рекомендации ООН и Совета Европы относительно закрепления справедливости в законах, регулирующих уголовное правосудие. В части 2 ст. 3 «Задачи уголовно-процессуального закона» прописано следующее положение: «Уголовно-процессуальный закон призван способствовать формированию в обществе уважения к правам и свободам человека и гражданина, утверждению справедливости». В то же время право на справедливое

13 Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. – Нью-Йорк, 1992. – С. 186–192.

14 Совет Европы и Россия: Сборник документов. – М.: Юрид. лит., 2004. – С. 751.

15 Документ Совета Европы COPOL (2002) 05 Code Police Ethics.

16 Документ ООН A/RES/60/159.

17 Документ ООН A/CONF.213/L.6/Rev.2.

рассмотрение дела зафиксировано в числе принципов уголовного судопроизводства (ст. 22) в такой редакции: «1. Каждый имеет право на объективное рассмотрение затрагивающего его интересы уголовного дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, учрежденным в соответствии с законом и действующим в рамках надлежащей правовой процедуры. 2. Судья, присяжный заседатель, прокурор, следователь, дознаватель не могут участвовать в производстве по делу, если они лично, прямо или косвенно, заинтересованы в его исходе. 3. Орган уголовного преследования обязан принять все предусмотренные настоящим Кодексом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие подозреваемого и обвиняемого обстоятельства, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства. 4. Все заявления подозреваемого, обвиняемого и их защитника об их невиновности или меньшей виновности, о наличии доказательств, оправдывающих подозреваемого или обвиняемого либо смягчающих их ответственность, все жалобы на нарушения законности в ходе уголовного судопроизводства должны тщательно проверяться органом, ведущим уголовный процесс».¹⁸

Модельный УПК как часть международно-правовых источников обладает приоритетом и более высоким статусом по отношению к внутригосударственным уголовно-процессуальным законам. Поэтому его положения также должны активно внедряться в национальное уголовно-процессуальное право. Однако справедливое рассмотрение дела как самостоятельный принцип закреплен только в УПК Республики Армения (ст. 17). В УПК Азербайджанской Республики оно предусмотрено в составе принципа, именуемого «объективность, беспристрастность и справедливость уголовного судопроизводства» (ст. 28). В УПК Республики Казахстан (ст. 8), Кыргызской Республики (ст. 4) справедливое судебное разбирательство включено в содержание задач уголовного процесса. В УПК республик Беларусь, Казахстан, Кыргызской Республики, Туркменистана всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств уголовного дела закреплены как отдельный принцип. В УПК Республики Молдова эти требования включены в содержание принципа «Свободный доступ к правосудию», а в УПК Узбекистана – в состав принципа установления истины. В УПК же РФ ни один из названных принципов как отдельно, так и в составе других принципов не предусмотрен.

К сожалению, справедливость терминологически не получила статус принципа и в новом российском законодательстве. Имеются в виду Федеральный закон от 28 декабря 2010 года «О Следственной комиссии Российской Федерации», Федеральный закон от 7 февраля 2011 года «О полиции» и Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации». И это при том, что справедливость как кардинальное требование относится ко всей правовой системе: и к праву в целом, и ко всей правоприменительной деятельности, в том числе к уголовно-процессуальной, особенно к судебной, в которой решается судьба человека.

Для России и других стран, вошедших в состав Совета Европы, обязательны не только его правовые акты, но и прецедентная практика Европейского Суда по правам человека. В целом ряде решений этого Суда выражена его правовая позиция о том, что требование справедливости относится ко всему процессу и не ограничивается состязательными стадиями; оно должно обеспечиваться на всех стадиях процесса, пропитывать его движение и все действия, совершаемые в ходе судебного разбирательства.¹⁹ Для судебной практики очень важно признание Судом презумпции невиновности одним

из элементов справедливого судебного разбирательства и его указание: «Этот принцип нарушается, если суд объявляет обвиняемого виновным, в то время как его виновность не была предварительно доказана». Отсюда следует, что справедливость – это основное качество судьи, он должен правильно разрешать дело по форме и по существу, быть высоким профессионалом, безупречным в нравственном отношении, авторитетом в обществе.

В этой связи полезно вспомнить наследие великого китайского учителя, знаменитого философа Конфуция, жившего в 551–479 годах до нашей эры, – учение об истине и справедливости как средстве против лжи, заблуждений и недоразумений. По его мнению, в правосудии нужно быть справедливым, бескорыстным, правдивым, внимательным, решать дела путем всестороннего обсуждения, чтобы добиться истины.²⁰ Огромное значение для современной жизни имеет его изречение: «Хочешь определять будущее – изучай прошлое».²¹ Ведь история прошлого – это учитель настоящего. По словам И.И. Лукашука, «государство не может рассчитывать на успех, повернувшись спиной к прошлому, игнорируя существующие условия и не учитывая будущего».²²

Что же было в советском прошлом касательно справедливости вообще и применительно к правосудию в частности? В Постановлении Съезда народных депутатов СССР от 9 июня 1989 г. «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР» в качестве одной из задач государственной политики был обозначен решительный поворот к последовательному проведению социальной справедливости, а закон провозглашен гарантом данного принципа.²³ В статье 3 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве от 13 ноября 1989 года было установлено, что «вся деятельность суда направлена на всемерное укрепление правового государства, законности и правопорядка, утверждение принципа социальной справедливости, обеспечение демократизации, предупреждение правонарушений, воспитание граждан...».²⁴ Еще до этого в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года (ст. 2–4, 7–8, 14–17, 33, 36–38, 40, 42–43, 49 и др.) и УПК всех союзных республик 1959–1961 гг. содержалось понятие «установление истины по уголовному делу» и были закреплены его гарантии: требования (в виде задач) о быстром и полном раскрытии преступлений, изобличении виновных и обеспечении правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден; обязательность принятия всех предусмотренных законом мер к установлению события преступления (в случае обнаружения их признаков) и лиц, виновных в совершении преступления; принципы презумпции невиновности, равноправия, всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, обеспечения обвиняемому права на защиту, непосредственности, устности и непрерывности судебного разбирательства и т. д.²⁵ В УПК РСФСР слово «истина» употреблялось в шести статьях (ст. 89, 243, 246, 257, 280, 285). В проекте Основ уголовно-процессуального законодательства Союза ССР и республик, опубликованном в соответствии с Постановлением Верховного Совета СССР от 11 июня 1991 года, в виде способов осуществления задач уголовно-процессуального законодательства были предусмотрены

20 См.: Мудрость Конфуция / Под ред. В.П. Бутромеева, В.В. Бутромеева. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – С. 11, 61, 115, 157, 161, 196, 293, 319.

21 Конфуций в центре Пекина // Российская газета «Неделя». – 2011. – 7 апреля. – С. 28.

22 Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. – М.: СПАРК, 2000. – С. 238.

23 Ведомости СНД СССР. – 1989. – № 3. – Ст. 52.

24 Ведомости СНД СССР. – 1989. – № 23. – Ст. 441.

25 См.: Законодательство об уголовном судопроизводстве Союза ССР и союзных республик: В 2 т. – М., 1963.

18 Информационный бюллетень Международной Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств. – 1996. – № 10. – С. 4, 17–18.

19 Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. – СПб., 2002. – С. 376–379, 484–485.

быстрое и полное раскрытие преступлений, получение доказательств с целью установления истины и правильного применения закона, назначения справедливого наказания виновным, предотвращения незаконного привлечения граждан к уголовной ответственности и осуждения невиновных (ст. 1). В числе принципов уголовного судопроизводства предусматривались всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела в целях установления истины (ст. 8).²⁶ Это были правильные, мудрые законодательные решения, так как «не может быть справедливости без установления истины».²⁷

В видении Н.Н.Моисеева «высшая мудрость состоит в том, чтобы из сомнений рождать уверенность в истинности принимаемых решений... Но для принятия конкретных практических решений мы обязаны постулировать справедливость, если угодно, даже абсолютность достигнутого уровня знаний».²⁸

В советское время относительно истины мудростью отличались и постановления Пленума Верховного Суда СССР. Имеются в виду постановления от 18 марта 1963 года «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел», от 16 июня 1978 года «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому права на защиту» и от 1 ноября 1985 года «О практике применения законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», в которых показывается значение строгого, последовательного соблюдения законодательства, обеспечения всестороннего, полного и объективного исследования материалов дела для установления истины по делу и постановления законного, обоснованного и справедливого приговора.²⁹ В Постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 21 апреля 1987 года «Об обеспечении всесторонности, полноты и объективности рассмотрения судами уголовных дел» говорилось, что «обеспечение законности при рассмотрении уголовных дел и вынесение по ним законных, обоснованных и справедливых судебных решений возможно лишь на основе всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела».³⁰

Теоретические и правовые источники свидетельствуют, что в России еще задолго до советского периода установление истины считалось задачей или целью уголовного судопроизводства, необходимой для обеспечения правильного отправления правосудия и назначения справедливого наказания.³¹ Причем утверждалось, что если закон расходится с истиной и справедливостью, то такой закон должен быть исключен из кодекса.³² Но после распада СССР, ставшего драмой для народа, получили наоборот. В УПК РФ в виде задач или принципа не получили закрепления ни справедливости, ни установление истины, ни всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств уголовного дела. По мнению З.З.Зинатуллина, негативные последствия нигилистического отношения к проблеме истины по каждому расследуемому и разрешаемому уголовному делу видятся в следующем. Во-первых, это прямой путь к возможному привлечению к уголовной ответственности и последующему осуждению лиц, невиновных в преступлении. Во-вторых, это своеобразный способ оправдания нерадивого, халатного отношения к исполнению соответствующими должностными лицами своих служебных обязанностей. В-третьих, это путь к формированию у потерпевших от преступлений, да и в целом у граждан

неверия в способность правоохранительных и судебных органов раскрывать преступления, устанавливать виновных в них лиц, обоснованно привлекать их к ответственности и назначать то наказание, которого они заслуживают; путь порождения неверия в торжество истины в целом.³³

Исключение из УПК РФ принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела и требования установления истины, отсутствие принципа справедливости действительно порождают негативные последствия. Сложилась правоприменительная практика, которая явно носит обвинительный уклон.³⁴ Повсеместно следственными органами нарушаются конституционные права граждан, выражающиеся в незаконном возбуждении уголовных дел, несоблюдении прав участников уголовного судопроизводства. В 2009 году следственными органами внутренних дел в отношении более 1 тысячи 300 лиц уголовные дела прекращены по реабилитирующим основаниям (рост почти вдвое в сравнении с 2008 годом), при этом каждый пятый содержался под стражей. Допускаются массовые факты фальсификации процессуальных документов. Не принимается исчерпывающих мер к раскрытию преступлений. В 2009 году более 1 млн 300 тыс. зарегистрированных преступлений остались нераскрытыми. Продолжается тенденция ухудшения раскрываемости особо тяжких преступлений.³⁵

Согласно Концепции судебной реформы в РСФСР, одобренной Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года, суд должен был занять верховенствующее место в правоохранительной деятельности, выступать гарантом законности и справедливости, обладать уникальной способностью применять закон адекватно каждому случаю спора о праве, не только устанавливать, но и очеловечивать истину. Как вершина в сложной системе уголовного правосудия суд должен был стать безальтернативным механизмом защиты прав и законных интересов граждан в экстремальной ситуации преступного правонарушения.³⁶ Однако постсоветский российский суд, как и следственные органы, не стал таким. В самом постановлении VI Всероссийского съезда судей от 2 декабря 2004 года с сожалением, но очень мягко констатировалось: «еще не везде суд стал «скорым, правым и справедливым».³⁷

О том, что правовая база, которая обеспечивала бы в полной мере отправление правосудия в соответствии с Конституцией РФ и общепризнанными нормами международного права, еще не создана, и что судебная власть может существовать только как государственно-правовой институт, призванный удовлетворять потребности граждан, общества и государства в законном, справедливом, быстром разрешении споров о праве, возникающих в процессе реализации прав и обязанностей субъектов правоотношений, прямо было сказано в федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 годы, утвержденной постановлением Правительства РФ от 20 ноября 2001 года.³⁸

В аналогичной федеральной целевой программе на 2007–2011 годы, утвержденной постановлением Правительства РФ от 21 сентября 2006 года, говорится о низком уровне доверия общества к судебной системе вследствие долгого и неэффективного рассмотрения дела, недостаточной объективности

26 Известия. – 1991. – 29 июня. – С. 4.

27 Кудрявцев В.Н. Право и поведение. – М.: Юрид. лит., 1978. – С. 111.

28 Моисеев Н.Н. Судья цивилизации. Путь разума. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 22–23.

29 См.: Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам. – М.: ТК Велби, 2003. – С. 305–310, 321–322, 326–327.

30 См.: там же. – С. 341.

31 Об этом см.: Хрестоматия по уголовному процессу России / Авт.-сост. Э.Ф.Куцова. – М.: Городец, 1999. – С. 12–21, 49, 70–81, 112–119.

32 См.: там же. – С. 99.

33 Зинатуллин З.З. Проблемы уголовного процесса России. – Ижевск, 2008. – С. 194.

34 См.: Козлова Н. Суд смягчился // Российская газета. – 2011. – 11 марта. – С. 2.

35 Об этих данных см.: Доклад Генерального прокурора РФ Ю.Я.Чайки «О состоянии законности и правопорядка в 2009 году и проделанной работе по их укреплению» 28 апреля 2010 года на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // <http://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-13701>.

36 См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации. – М.: Республика, 1992. – С. 6–7, 35, 41, 44.

37 Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2005. – № 2. – С. 5.

38 Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4623.

судебных решений и их качества.³⁹ Принимать законные и справедливые решения способны только судьи, обладающие высоким профессионализмом и безупречные в нравственном отношении. Однако состояние правосудия в стране до сих пор таково, что качество и эффективность его осуществления требуют существенного повышения. Как видно из обзоров кассационной и надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2008–2010 гг., количество ошибок, исправляемых Верховным Судом РФ, продолжает оставаться значительным, многие суды еще не всегда точно и неуклонно соблюдают законы при осуществлении правосудия, не обеспечивают в полной мере защиту прав и охраняемых законом интересов граждан и выполнение задач уголовного судопроизводства.⁴⁰

Но рост недоверия населения к судебной власти объясняется не только этим. Судя по многочисленным материалам, опубликованным в «Российской газете», имеются более глубинные причины: острые проблемы в подборе судебных кадров, их профессионализма и нравственности, наличие неубывающей коррупции в этой системе, фальсификация доказательств, вынесение судами явно неправосудных решений, совершение судьями других, даже особо тяжких преступлений и, разумеется, несовершенство законодательства. Страна вообще поражена правовым нигилизмом, социальной несправедливостью, коррупцией, преступностью, коренные их причины не выявляются и не устраняются. Нарекания в адрес судов, да и правоохранительных органов, очень удручающие, например, в виде выражений: «В условиях тотального коррумпированного государства, не имеющего нормальной правоохранительной системы, нормального правосудия, в котором порушены принципы морали и нравственности, справедливости, не может быть, чтобы они блестяще работали», или «процветают судебный произвол и коррупция».⁴¹

По оценке главы государства Д.А.Медведева, доверие к судам «на нуле». При этом судебное сообщество он назвал корпорацией, не способной к самоочищению. Давая такую характеристику, Президент, видимо, имел в виду данные о том, что 80 % респондентов не доверяют судам.⁴² А «недоверие судебному корпусу подрывает основы правосудия независимо от того, вызвано ли оно реальными или мнимыми причинами, и без его устранения правосудие не сможет нормально осуществляться», – заявил председатель Конституционного Суда РФ В.Д.Зорькин.⁴³

Сегодня совершенно очевидно, что в деле обеспечения справедливости правосудия имеются серьезные законодательные и организационные изъяны, устранение которых требует инкорпорирования международных ее стандартов в российскую действительность. Международные стандарты справедливости включают в себя и установление истины по уголовным делам. В части 4 ст. 28 Модельного УПК, посвященной принципу состязательности уголовного судопроизводства,

39 Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 41. – Ст. 4248.

40 См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 9. – С. 29, 40; № 10. – С. 23, 32; 2009. – № 8. – С. 27, 40; 2010. – № 6. – С. 24, 31–32, № 7. – С. 27, 32.

41 Российская газета «Неделя». – 2011. – 7 февраля. – С. 8; Российская газета. – 2011. – 12 апреля. – С. 4.

42 Неподсудная корпорация // Российская газета «Неделя». – 2011. – 10 февраля. – С. 12.

43 Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. – М.: Норма, 2008. – С. 282.

указывается, что суд не связан мнением сторон и вправе по собственной инициативе принимать необходимые меры для установления истины по уголовным делам. Поскольку Модельный УПК – образец для УПК стран СНГ, законодатели республик Армения, Казахстан, Молдова, Узбекистан поступили правильно, закрепив в своих УПК положения об установлении истины. Из стран Балтии можно привести УПК Эстонии, по которому следователь обязан направлять следствие к установлению истины (ст. 107), а судья принимает меры к полному, всестороннему и объективному исследованию всех обстоятельств дела и установлению истины (ст. 205).

В этом году исполняется двадцать лет со дня создания Содружества Независимых Государств. С момента принятия Модельного УПК для стран СНГ прошло 15 лет. Но УПК РФ в части требований справедливости, всесторонности, полноты, объективности исследования обстоятельств дела, установления истины и других вопросов до сих пор отстает от Модельного УПК и УПК других стран СНГ. В то же время в УПК не всех стран СНГ в виде принципов закреплены требования справедливости и установления истины. Содружество же Независимых Государств – объединение государств, которые должны добросовестно выполнять принятые на себя обязательства по документам Содружества и законодательство которых согласно Уставу СНГ должно быть в гармонии и соответствовать общепризнанным принципам и нормам международного права. Следовательно, все международные стандарты справедливости должны быть имплементированы в законодательство стран СНГ.

В пользу решения данной проблемы можно привести имеющий непреходящее значение политико-правовой документ «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», утвержденный 4 мая 2011 года Президентом страны Д.А.Медведевым. В нем реализация в законодательстве принципов справедливости названа в числе основных факторов, влияющих на состояние правовой грамотности и правосознания граждан.

В заключение отметим, что позиция Совета Федерации Федерального Собрания РФ на этот счет заключается в сближении национального законодательства стран СНГ и приведении их законов, в том числе уголовно-процессуальных, в соответствие с модельными законами Межпарламентской Ассамблеи СНГ.⁴⁴

Пристатейный библиографический список

1. Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. – СПб., 2002.
2. Зинатуллин З.З. Проблемы уголовного процесса России. – Ижевск, 2008.
3. Козлова Н. Суд смягчился // Российская газета. – 2011. – 11 марта.
4. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. – М.: Юрид. лит., 1978.
5. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. – М.: СПАРК, 2000.
6. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. – М., 2000.
7. Мудрость Конфуция / Под ред. В.П.Бутромеева, В.В.Бутромеева. – М., 2011.

44 См.: Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2009 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации». – М.: Издание Совета Федерации, 2010. – С. 205–206.

Иванов Д.В.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ

Во второй части статьи автор дал оценку деятельности БАОПОР по защите палестинских беженцев. В статье рассматривается роль различных универсальных и региональных международных организаций в международной защите вынужденных мигрантов. В частности, анализируются функции таких организаций, как МОМ, ЮНИСЕФ, ФАО, ВОЗ, МОТ; Африканский Союз, СНГ, ОБСЕ. В статье содержится анализ действующего российского законодательства о вынужденных мигрантах, представлены официальные статистические данные.

Ключевые слова: БАПОР, палестинские беженцы, вынужденная миграция, вынужденный переселенец.

Ivanov D.V.

INTERNATIONAL COOPERATION OF STATES IN THE FIELD OF FORCED MIGRANTS' RIGHTS PROTECTION

In the second part of the article the author has provided an assessment of UNWRA activity with regard to Palestinian refugees protection. The article refers to the role of various universal and regional international organizations in international protection of forced migrants. In particular it includes the analysis of functions of such organizations as IOM, UNICEF, FAO, WHO, ILO; African Union, CIS, OSCE. The article contains the analysis of effective Russian legislation on forced migrants, official statistical data.

Keywords: UNWRA, Palestinian refugees, forced migration, forced resettler.

Иванов Д.В.

Часть 2

В мае 1948 г. прекратил своё действие британский мандат над Палестиной. Ещё раньше, в ноябре 1947 г., Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 181(II)А, в соответствии с которой на территории Палестины создавалось два государства: арабское и еврейское. Однако это решение не принесло мир на Святую землю. Разразилась первая арабо-израильская война. В результате военных действий сотни тысяч арабских беженцев спасались бегством, найдя убежище на территории соседних арабских государств. Для решения возникшей проблемы была создана Согласительная комиссия ООН для Палестины (СКООНПЭ),¹ а для решения проблемы почти 1 миллиона беженцев – Ближневосточное агентство для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР).²

БАПОР по своему правовому статусу было определено как вспомогательное учреждение Генеральной Ассамблеи ООН. Мандат БАПОР распространяется на «лицо, обычным местожительством которого Палестина была как минимум в течение двух лет непосредственно перед вспышкой конфликта в 1948 г. и которое утратило в результате конфликта кров и средства к существованию». В его функции входит оказание чрезвычайной помощи, а также помощи в сфере здравоохранения и образования беженцам, а также другим лицам, перемещённым в результате конфликта.³ Территориальная сфера действия мандата БАПОР распространяется на Ливан, Сирию, Иорданию, Сектор Газа, а после войны 1967 г. – на Египет. В то же время палестинские беженцы не были включены в компетенцию УВКБ ООН и не подпадают под действие Конвенции о статусе беженцев 1951 г. и Протокола к ней 1967 г. В настоящее время общее число палестинских беженцев составляет около 4,5 млн человек. Международное сообщество полагает, что вопрос палестинских беженцев удастся успешно разрешить путём создания независимого государства Палестина.⁴

1 Палестина – доклад Посредника ООН в Палестине о достигнутых результатах: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 194(III) от 11.12.1948 // [http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?OpenAgent&DS=A/RES/194\(III\)&Lang=R](http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?OpenAgent&DS=A/RES/194(III)&Lang=R).

2 Оно было создано в декабре 1949 г. вместо Специального фонда для помощи палестинским беженцам.

3 См. подробнее: Доклад Генерального секретаря от 12.05.2006 A/61/80-E/2006/72 // <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/347/90/PDF/N0634790.pdf?OpenElement>.

4 Takkenberg L. The Search for Durable Solutions for Palestinian Refugees: A Role for UNRWA? // Israel and the Palestinian Refugees. – Springer, 2007. – P. 373–386

Важное место в глобальной системе международной защиты беженцев занимают международные межправительственные организации, как специализирующиеся исключительно на этой проблеме, так и те, у которых это одно из нескольких направлений деятельности.

Международная организация по миграции (далее – МОМ) была создана в 1951 г. В настоящее время её членами являются более 120 государств. Если вначале работа МОМ в основном была направлена на оказание помощи беженцам и перемещённым лицам в Европе, то позднее деятельность организации стала носить универсальный характер. Цели и функции МОМ включают организацию планомерной миграции граждан, перемещение определённых категорий беженцев, лиц, перемещённых внутри страны, и других лиц, вынужденных покинуть страну своего происхождения, предоставление государствам консультационных, исследовательских, информационных и прочих услуг. МОМ разработала и реализовала много текущих и предстоящих программ, которые получили общее название «Выявление возможностей и управление миграционной политикой, администрирование, законодательство».⁵

За время своего существования МОМ оказала помощь около 10 млн беженцев и лиц, перемещённых внутри страны. МОМ сотрудничает с другими международными институтами международной защиты беженцев. В марте 1992 г. между Россией и МОМ было подписано Соглашение о сотрудничестве, согласно которому в Москве было учреждено Бюро этой организации.⁶

Помимо МОМ вопросами международной защиты беженцев занимаются и другие международные организации. Среди них Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), созданный в 1946 г. и призванный оказывать чрезвычайную и долгосрочную помощь матерям и детям, ставшим беженцами. Ярким примером деятельности ЮНИСЕФ в этой области является гуманитарная операция по оказанию помощи беженцам и лицам, перемещённым внутри страны, на тайландско-кампучийской границе, проходившая с 1979 по 1982 г.⁷

5 Подробнее о деятельности МОМ см.: Goodwin-Gill G.S., McAdam J. The Refugee in International Law. – Third Edition. – Oxford University Press, 2007. – P. 442–443.

6 Соглашение о сотрудничестве между Правительством Российской Федерации и Международной организацией по миграции: от 13.03.1992 // СПС «Консультант-плюс».

7 UNICEF Cambodia at a glance. UNICEF, 2005. P.35 // http://www.unicef.org/eaporo/Cambodia_at_a_glance.pdf.

Важную роль в обеспечении беженцев товарами первой необходимости и питанием играет Продовольственная и сельскохозяйственная организация (ФАО). Резолюция 1714(XVI) Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 1961 г. утвердила Мировую продовольственную программу,⁸ цель которой – распределение излишков продовольствия, удовлетворение потребностей людей и ликвидация ситуаций, создаваемых недоеданием.

Для того чтобы избежать массовых эпидемий среди беженцев и других категорий вынужденных мигрантов, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) разрабатывает и координирует международные и национальные программы по обеспечению людей медикаментами. В распоряжении ВОЗ находится специально обученный персонал, а также огромные запасы лекарств, которые можно оперативно использовать при возникновении чрезвычайных ситуаций.⁹

В области трудоустройства и защиты прав беженцев, работающих по найму, большое значение имеет деятельность специализированного учреждения ООН – Международной организации труда (МОТ).¹⁰

Важным звеном в глобальной системе международной защиты беженцев являются региональные международные организации. Среди них Африканский Союз (ранее – Организация Африканского Единства), Организация Американских Государств (ОАГ), Совет Европы, Содружество Независимых Государств (СНГ) и др.

В конце 60-х годов прошлого столетия в рамках Организации африканского единства была принята Конвенция ОАЕ 1969 г., регулирующая конкретные аспекты проблемы беженцев в Африке. Подписанию этого документа предшествовала большая подготовительная работа.¹¹

Основной отличительной особенностью данной конвенции является расширительное определение понятия «беженец», сформулированное в ст. 1 данного международного договора. Оно было дополнено новыми обстоятельствами, вынуждающими лицо стать беженцем, – «внешняя агрессия, оккупация, иностранное господство или события, серьёзно нарушающие публичный порядок как в определенной части, так и во всей стране происхождения или гражданства данного лица».

Важным является и тот факт, что в Конвенции признается необходимость гуманитарного подхода к проблеме беженцев. В ней указывается, что предоставление убежища является мирным и гуманитарным актом и не рассматривается как недружественный акт со стороны какого-либо государства – члена Африканского союза.

Важным результатом регионального сотрудничества в Африке явилось создание Африканской комиссии по правам человека и народов, собирающейся на закрытые заседания и рассматривающей сообщения о грубых нарушениях прав человека. Создание подобного регионального контрольного органа за соблюдением договоров, касающихся прав человека, способствует выполнению странами региона положений международных соглашений по правам человека и беженцев.

8 Мировая продовольственная программа: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1714 (XVI) от 19.12.1961 // <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/170/13/IMG/NR017013.pdf?OpenElement>.

9 ВОЗ осуществляет свою деятельность по таким направлениям, как медицинские действия в условиях кризисов или обеспечение репродуктивного и сексуального здоровья в чрезвычайных условиях. Все мероприятия, осуществляемые в рамках этих направлений, направлены на оказание помощи беженцам. См. специальный раздел сайта ВОЗ, посвященный беженцам: Refugees. World Health Organization (<http://www.who.int/topics/refugees/en/index.html>).

10 См., напр.: International labor migration: A rights-based approach. Geneva: ILO, 2010 // http://www.ilo.org/public/english/protection/migrant/download/rights_based_approach.pdf.

11 Текст конвенции был разработан на состоявшейся в Аддис-Абебе конференции по правовым, экономическим и социальным аспектам проблемы африканских беженцев. См.: Конвенция 1969 года по конкретным аспектам проблем беженцев в Африке // <http://unhcr.ru/index.php?id=36>.

Помимо этого контрольного органа контролем за соблюдением норм международных соглашений занимается непосредственно Африканский союз.¹²

Распад СССР, образование новых независимых государств, ухудшение политической и экономической обстановки в республиках бывшего СССР, начало вооруженных конфликтов вызвали массовые потоки беженцев и лиц, перемещённых внутри страны, в этом регионе. Начиная с 1989 г. внутри стран СНГ и между ними переместилось более 10 млн человек – каждый тридцатый житель региона.¹³ В 1991 г., когда распался Советский Союз, общее число лиц, живших за пределами своих «родных» республик или автономных областей, составляло от 54 до 65 млн человек, или пятую часть общей численности населения. Всё это способствовало началу активного регионального сотрудничества новых государств по решению проблем беженцев в рамках созданного в 1991 г. Содружества независимых государств и его институтов.

С целью решения проблем беженцев в рамках Содружества 24 сентября 1993 года семь государств – членов¹⁴ СНГ подписали в Москве Соглашение о помощи беженцам и вынужденным переселенцам, дополненное 10 февраля 1995 г. По состоянию на 1 октября 2010 г. Соглашение подписали 9 государств – участников СНГ (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), из которых 6 государств его ратифицировали (Узбекистан, Армения, Таджикистан, Россия, Кыргызстан, Беларусь).

Соглашение содержит определение понятия «беженец», в основном совпадающее с определением ст. 1 Конвенции 1951 г. о статусе беженцев. Определение только конкретизирует обстоятельства, вынудившие беженцев покинуть место своего постоянного жительства, – «вооружённые и межнациональные конфликты».

Однако Соглашение дало рождение новой международно-правовой категории вынужденных мигрантов – «вынужденный переселенец». В соответствии со ст. 2 Соглашения 1993 года «вынужденным переселенцем признается лицо, которое, являясь гражданином Стороны, предоставившей убежище, было вынуждено покинуть место своего постоянного жительства на территории другой Стороны вследствие совершенного в отношении него или членов его семьи насилия или преследования в иных формах, либо реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, политических убеждений, а также принадлежности к определенной социальной группе в связи с вооружёнными и межнациональными конфликтами».¹⁵

Помимо этого Соглашение регулирует следующие вопросы: обязательства государств-участников, создание Межгосударственного фонда помощи беженцам и вынужденным переселенцам, содействие Консультативного Совета по труду, миграции и социальной защите населения государств – участников СНГ, права и обязанности беженцев и т. д.

Необходимо отметить, что Соглашение носит декларативный характер, так как в нём не предусмотрены ни механизм контроля над исполнением положений соглашения, ни меры

12 Подробнее о работе комиссии в направлении защиты прав беженцев см.: Beyani Ch. The role of human rights bodies in protecting refugees // Human rights and refugees, internally displaced persons and migrant workers. Essays by memory of Joan Fitzpatrick and Arthur Helton / ed. by A.F. Bayefsky. – Martinus Nijhoff Publishers, 2006. – P. 273

13 Эти данные получены в результате исследований, проведенных в ходе подготовки к международной конференции по странам СНГ, состоявшейся в Женеве в мае 1996 г.

14 О помощи беженцам и вынужденным переселенцам: Соглашение стран СНГ от 24.09.1993 // СПС «Консультант-плюс».

15 Данные понятия были определенным образом истолкованы Экономическим Судом СНГ: О толковании понятий «беженец», «мигрант», «вынужденный переселенец» применительно к Соглашению о помощи беженцам и вынужденным переселенцам, заключенному 24 сентября 1993 года см.: Решение Экономического суда СНГ от 11.09.2006 № С-1/14-96

ответственности государств – участников соглашения. Всё это, по сути, превращает данный документ в очередное заявление о намерениях, а не в эффективный документ о сотрудничестве.

Соглашение также не учитывает новых тенденций в оказании помощи не только беженцам по смыслу Конвенции 1951 года, но и другим категориям вынужденных мигрантов, которые объединены в рамках понятия «лица, нуждающиеся в международной защите».

Во исполнение ст. 8 Соглашения 1993 года семь государств – участников СНГ 10 февраля 1995 г. приняли решение о создании Межгосударственного фонда помощи беженцам и вынужденным переселенцам.¹⁶ В соответствии с Положением о Фонде его основными задачами являются: аккумуляция финансовых и материальных средств для оказания помощи вышеуказанным категориям населения; распределение средств между государствами – участниками Соглашения, принимающими беженцев и вынужденных переселенцев, в целях организации их переселения и обустройства; содействие государственным органам и общественным организациям в защите гражданских, экономических и социальных прав беженцев и вынужденных переселенцев, а также пропаганда идей милосердия, справедливости, привлечения внимания общественности к проблемам данных категорий лиц.

Фонд состоит из учредителей и членов Фонда. Учредителями являются государства – участники Соглашения, которые обязаны своевременно вносить установленные взносы в бюджет Фонда и активно содействовать выполнению его задач и функций. Учредители имеют право через своих полномочных представителей вносить на рассмотрение руководящих органов Фонда предложения по вопросам, входящим в круг деятельности Фонда, и участвовать в их обсуждении; участвовать в разработке программ оказания помощи беженцам и вынужденным переселенцам; участвовать в распределении средств Фонда.

Членами Фонда могут быть юридические и физические лица, общественные организации. Члены Фонда вносят взносы либо оказывают Фонду содействие другими материальными средствами.

Высшим органом Фонда является Административный совет, в который входят по одному представителю от государств – участников Соглашения 1993 года и председатель Исполнительного комитета Фонда. Административный совет собирается на совещания два раза в год. В его обязанности входит определение размеров ассигнований, направляемых на решение задач Фонда; подготовка Совету глав правительств СНГ предложений о размерах ежегодных взносов в Фонд; утверждение персонального состава Исполкома Фонда; утверждение структуры Фонда и др.

Исполнительный комитет Фонда является постоянно действующим и распорядительным органом Фонда. В его состав входят председатель, его заместитель и руководители подразделений Фонда. Исполком подготавливает вопросы, относящиеся к компетенции Административного совета Фонда, и представляет их на его рассмотрение; поддерживает отношения с правительственными органами, неправительственными и международными организациями, частными лицами по вопросам деятельности Фонда; решает текущие вопросы его деятельности.

Однако один Фонд не может решить проблем беженцев и вынужденных переселенцев на территории стран – участниц Соглашения и СНГ. Да и сам Фонд сталкивается с определенными проблемами в своей деятельности. По мнению экспертов, противоречивость интересов стран – участниц Соглашения 1993 года, принимающих беженцев и вынужденных переселенцев, с одной стороны, и государств происхождения – с другой, при непроработанности механизма

поступления средств в Фонд и отсутствии санкций способны заблокировать деятельность Фонда. Прибавьте сюда и тот факт, что в Фонде участвуют только семь стран СНГ. Значит, беженцы и вынужденные переселенцы из других государств – членов СНГ не смогут воспользоваться помощью Фонда.¹⁷

Еще одна проблема, которая может возникнуть в процессе деятельности Фонда, заключается в круге лиц, попадающих под сферу его деятельности. Согласно Положению о Фонде, его деятельность распространяется только на беженцев и вынужденных переселенцев, пересекающих государственные границы стран Содружества. Его деятельность не распространяется на другие категории вынужденных мигрантов и лиц, нуждающихся в международной помощи, которым в настоящее время УВКБ ООН оказывает необходимую защиту и помощь.

В рамках СНГ было разработано еще несколько международно-правовых документов, касающихся беженцев. Среди них – Соглашение о первоочередных мерах по защите жертв вооруженных конфликтов от 24 сентября 1993 г., Соглашение по вопросам, связанным с восстановлением прав депортированных лиц, национальных меньшинств и народов, от 9 октября 1992 г., Меморандум о сотрудничестве в области миграции от 8 июля 1994 г., Устав СНГ от 22 января 1993 г., Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. и ряд других.

Значительную роль в области международной защиты беженцев и других категорий вынужденных мигрантов играет Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Особенность её деятельности в этой сфере заключается в том, что «процедуры ОБСЕ, возможно, не имеют строго нормативного характера, свойственного международному договору».¹⁸ Вопрос о сотрудничестве государств в рамках ОБСЕ постоянно находится в центре внимания на каждой встрече.¹⁹ Например, на Венской встрече 1986–1987 гг. государства – участники СБСЕ²⁰ обсудили комплекс вопросов, касающихся миграции, включая свободу покидать любую страну, в том числе свою собственную, и возвращаться туда, а также право беженцев на репатриацию.²¹

В Заключительном документе Копенгагенской конференции СБСЕ по человеческому измерению также были подтверждены основные права человека, включая свободу передвижения и всеобъемлющее право на эффективные средства правовой защиты.²² Позднее, в ноябре 1990 г. государства СБСЕ приняли Парижскую хартию для новой Европы с руководящими принципами укрепления демократических институтов, поощрения богатого вклада национальных меньшинств, борьбы против всех форм этнической розни и дискриминации и т. д.²³

Несмотря на тот факт, что процесс сотрудничества в рамках ОБСЕ носит во многом формальный, необязательный

17 Беженцы и вынужденные переселенцы в государствах СНГ / Под ред. В.Мукомеля и Э.Паина. – М., 1995. – С. 31–34.

18 Гудвин-Гилл Г.С. Статус беженца в международном праве. – М.: ЮНИТИ, 1997. – С. 272.

19 Принцип сотрудничества между государствами ОБСЕ был зафиксирован еще в Заключительном акте СБСЕ, подписанном 35 государствами в 1975 г.

20 С 1 января 1995 г. – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе.

21 Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе: Заключительный документ Венской встречи (4 ноября 1986 г. – 17 января 1987 г.): 28 ILM 527 (1989). В Заключительном документе конкретно определялись общие принципы, включая права человека, свободу передвижения и репатриации применительно к беженцам; сотрудничество, в частности, по проблеме трудящихся-мигрантов; сотрудничество в гуманитарной и других областях, включая человеческие контакты и свободу отъезда и возвращения; и человеческое измерение: права человека, человеческие контакты и другие гуманитарные вопросы.

22 Подробнее см.: Документ Копенгагенской встречи Конференции по человеческому измерению: от 29.06.1990. СБСЕ. 29 ILM 1305 (1990)

23 Подробнее см.: Парижская хартия для новой Европы: от 21.11.1990. СБСЕ. 30 ILM 190 (1991)

16 О создании Межгосударственного фонда помощи беженцам и вынужденным переселенцам: Решение Совета глав государств СНГ от 10.02.1995 // СПС «Консультант-плюс».

характер,²⁴ неоднократное подтверждение государствами-участниками основных принципов, а также формирование и развитие новых структур ОБСЕ – важное доказательство укрепления нормы о сотрудничестве и процесса всё более широкого участия государств в этой региональной системе сотрудничества по вопросам защиты беженцев и других категорий вынужденных мигрантов.

Как отмечалось выше, Россия присоединилась к Конвенции о статусе беженцев 1951 г. и Протоколу, касающемуся статуса беженцев, 1967 г. в феврале 1993 г. Для приведения национального права в области вынужденной миграции в соответствие с данными международными договорами в России был разработан и принят Закон РФ «О беженцах» от 19 февраля 1993 г. № 4528-1,²⁵ в который в последующие годы вносились изменения и дополнения.

Закон РФ «О беженцах» чётко определяет понятие «беженец», которое, в общем, соответствует Конвенции о статусе беженцев и Соглашению о помощи беженцам и вынужденным переселенцам 1993 г. Закон предусматривает процедуру подачи лицом, ищущим убежище, соответствующего ходатайства. Сама процедура предусматривает определённые этапы: 1) обращение с ходатайством о признании беженцем; 2) предварительное рассмотрение ходатайства; 3) принятие решения о выдаче свидетельства о рассмотрении ходатайства по существу либо в отказе в рассмотрении ходатайства по существу; 4) выдачу свидетельства либо уведомления об отказе в рассмотрении ходатайства по существу; 5) рассмотрение ходатайства по существу; 6) принятие решения о признании беженцем либо об отказе в признании беженцем; 7) выдачу удостоверения беженца либо уведомления об отказе в признании беженцем.

Статус беженцев на территории Российской Федерации по своему правовому содержанию полностью совпадает с положениями Конвенции о статусе беженцев 1951 г. Помимо Закона РФ «О беженцах» в России принят целый ряд законов и подзаконных актов, которые более подробно регламентируют правовое положение беженцев на территории Российской Федерации.

По официальным данным Федеральной миграционной службы России, в период с 2005 по 2010 г. с ходатайством о признании беженцем обратилось 12114 иностранных граждан и лиц без гражданства, из которых беженцами было признано 796 человек.²⁶

Закон РФ «О беженцах» также содержит определение понятия «временное убежище». В соответствии с п. 2 ст. 12 Закона РФ «О беженцах» временное убежище может быть предоставлено иностранному гражданину или лицу без гражданства, если они: 1) имеют основания для признания беженцем, но ограничиваются заявлением в письменной форме с просьбой о предоставлении возможности временно пребывать на территории Российской Федерации; 2) не имеют оснований для признания беженцем по обстоятельствам, предусмотренным законодательством, но из гуманных побуждений не могут быть выдворены (депортированы) за пределы территории Российской Федерации. Порядок предоставления временного убежища на территории РФ предусмотрен Постановлением Правительства РФ от 9 апреля 2001 г. № 274 «О предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации».²⁷ По официальным данным Федеральной

миграционной службы России, в период с 2005 по 2010 г. с ходатайством о предоставлении временного убежища обратилось 8928 иностранных граждан и лиц без гражданства, из которых временное убежище получило 4504 человека.²⁸

Закон РФ «О вынужденных переселенцах» от 19 февраля 1993 г.²⁹ с внесёнными в него позднее изменениями и дополнениями определяет правовой статус вынужденных переселенцев. В соответствии со ст. 1 вынужденный переселенец – это гражданин Российской Федерации, покинувший место жительства вследствие совершенного в отношении его или членов его семьи насилия или преследования в иных формах либо вследствие реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также по признаку принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, ставших поводами для проведения враждебных кампаний в отношении конкретного лица или группы лиц, массовых нарушений общественного порядка. По обстоятельствам, предусмотренным пунктом 1 той же статьи, вынужденным переселенцем также признается:

- 1) гражданин Российской Федерации, вынужденный покинуть место жительства на территории иностранного государства и прибывший на территорию Российской Федерации;
- 2) гражданин Российской Федерации, вынужденный покинуть место жительства на территории одного субъекта Российской Федерации и прибывший на территорию другого субъекта Российской Федерации.

Претендовать на получение статуса вынужденного переселенца могут иностранный гражданин или лицо без гражданства, постоянно проживающие на законных основаниях на территории Российской Федерации и изменившие место жительства в пределах территории Российской Федерации по обстоятельствам, предусмотренным п. 1 ст. 1 Закона РФ «О вынужденных переселенцах». Вынужденным переселенцем признается также гражданин бывшего СССР, постоянно проживавший на территории республики, входившей в состав СССР, получивший статус беженца в Российской Федерации и утративший этот статус в связи с приобретением гражданства Российской Федерации, при наличии обстоятельств, препятствовавших данному лицу в период действия статуса беженца в обустройстве на территории Российской Федерации.

Для приобретения статуса вынужденного переселенца лицо лично или через уполномоченного представителя подаёт ходатайство о признании его вынужденным переселенцем в Федеральную миграционную службу РФ либо в дипломатическое или консульское учреждение России в государстве своего пребывания, которые направляют ходатайство в соответствующий орган ФМС России. В случае принятия положительного решения по окончании рассмотрения ходатайства лицо получает соответствующее удостоверение. Статус вынужденного переселенца предоставляется сроком на пять лет с возможностью его последующего продления на последующий год по заявлению вынужденного переселенца.

В соответствии со ст. 6 Закона вынужденный переселенец имеет право:

- 1) самостоятельно выбрать место жительства на территории Российской Федерации, в том числе в одном из населённых пунктов, предлагаемых ему территориальным органом федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции. Вынужденный переселенец может в соответствии с установленным порядком проживать у родственников или у иных лиц при условии их согласия на совместное проживание независимо от размера занимаемой родственниками или иными лицами жилой площади;

28 Официальные статистические данные. Предоставление убежища в РФ // <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/38057>.

29 О вынужденных переселенцах: Закон от 19.02.1993 №4530-1 // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 52. – С. 5110 // СПС «Консультант-плюс».

24 Процедуры и механизмы ОБСЕ начинают действовать при наличии трех условий: воли государств-участников к действию, принципиального консенсуса по поводу принятых решений, готовности к использованию согласованных механизмов ОБСЕ.

25 О беженцах: Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1 // Российская газета. – 1997. – 3 июня (№ 126) // СПС «Консультант-плюс».

26 Официальные статистические данные. Признание беженцем в РФ // Официальный сайт Федеральной миграционной службы России: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/38048>.

27 О предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 09.04.2001 № 274 // СПС «Консультант-плюс».

2) при отсутствии возможности самостоятельного определения своего нового места жительства на территории Российской Федерации получить у федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, или его территориального органа в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации, направление на проживание в центре временного размещения вынужденных переселенцев либо в жилом помещении из фонда жилья для временного поселения вынужденных переселенцев;

3) на получение содействия в обеспечении своего проезда и провоза багажа к новому месту жительства или к месту пребывания. При этом малообеспеченные лица (одиноким пенсионер, одиноким инвалид, семья, состоящая только из пенсионеров и (или) инвалидов, одиноким родитель (заменяющее его лицо) с ребенком или детьми в возрасте до восемнадцати лет, многодетная семья с тремя и более детьми в возрасте до восемнадцати лет) имеют право на компенсацию расходов на проезд и провоз багажа от места временного поселения к новому месту жительства или к месту пребывания на территории Российской Федерации в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

Помимо прав и преимуществ Закон РФ «О вынужденных переселенцах» налагает на вынужденного переселенца определённые обязанности. Они заключаются в том, что он обязан: 1) соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы; 2) соблюдать установленный порядок проживания в центре временного размещения вынужденных переселенцев в жилом помещении из фонда жилья для временного поселения вынужденных переселенцев; 3) при перемене места жительства перед выездом сняться с учета в территориальном органе федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, и в течение одного месяца встать на учет в территориальном органе федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции; 4) проходить ежегодный переучет в сроки, устанавливаемые территориальным органом федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции.

Доктрина международного права неоднозначно под- ходит к понятию «вынужденный переселенец». Зарубежные

юристы-международники полагают, что правовой статус «вынужденного переселенца», который является гражданином государства, предоставившего такой статус, ничем не отличается от правового статуса обычных граждан. Более того, получение помощи от собственного государства не должно быть мотивировано подтверждением со стороны граждан определённых обстоятельств.³⁰ С точки зрения практики УВКБ ООН, вынужденный переселенец рассматривается как лицо, перемещённое внутри страны.

По официальным данным Федеральной миграционной службы России, на 1 ноября 2007 г. в России было зарегистрировано в качестве вынужденных переселенцев 78309 человек. За период с 2009 по 2010 г. (сведения за десять месяцев) численность вынужденных переселенцев составила 44307 человек.³¹

Пристатейный библиографический список

1. Беженцы и вынужденные переселенцы в государствах СНГ / Под ред. В.Мукомеля и Э.Паина. – М., 1995.
2. Гудвин-Гилл Г.С. Статус беженца в международном праве. – М.: ЮНИТИ, 1997.
3. Конференция СНГ по проблемам беженцев и мигрантов. – 1996. – Т. 2. – № 1. – (Европейская серия).
4. О толковании понятий «беженец», «мигрант», «вынужденный переселенец» применительно к Соглашению о помощи беженцам и вынужденным переселенцам, заключенному 24 сентября 1993 года: Решение Экономического суда СНГ от 11.09.2006 № С-1/14-96.
5. Парижская хартия для новой Европы: от 21.11.1990. СБСЕ. 30 ILM 190 (1991).
6. Beyani Ch. The role of human rights bodies in protecting refugees // Human rights and refugees, internally displaced persons and migrant workers. Essays by memory of Joan Fitzpatrick and Arthur Helton / ed. by A.F.Bayefsky. – Martinus Nijhoff Publishers, 2006.
7. Goodwin-Gill G.S., McAdam J. The Refugee in International Law. – Third Edition. – Oxford University Press, 2007.
8. Takkenberg L. The Search for Durable Solutions for Palestinian Refugees: A Role for UNRWA? // Israel and the Palestinian Refugees. – Springer, 2007.

30 Своё отрицательное мнение в отношении использования данного понятия высказали иностранные специалисты на Конференции СНГ по проблемам беженцев и мигрантов. См.: Конференция СНГ по проблемам беженцев и мигрантов. – 1996. – Т. 2. – № 1. – С. 159–165. – (Европейская серия).

31 Официальные статистические данные. Статистические данные по форме 1-РД. Вынужденные переселенцы // <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/38048>.

А.В.Рагулин

УЧАСТИЕ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ

Учебное пособие

Уфа
2011

В издательстве Евразийского научно-исследовательского института проблем права вышла книга Руководителя центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры ЕвразНИИПП к.ю.н., доцента А.В.Рагулина – Участие адвоката-защитника в следственных действиях: Учебное пособие. – Уфа: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2011. – 80 с.

В работе на основе действующего уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики рассматриваются уголовно-процессуальные и тактические аспекты участия адвоката-защитника в следственных действиях на стадии предварительного расследования уголовных дел. Особое внимание в работе уделено анализу нарушений норм уголовно-процессуального законодательства, допускаемых лицами, осуществляющими предварительное расследование, а также алгоритму действий адвоката по использованию указанных нарушений в интересах стороны защиты и нейтрализации этих нарушений.

Стоимость книги составляет 250 рублей без учета расходов на пересылку. Желющие приобрести вышеуказанную работу могут обращаться по электронной почте info@eurasniipp.ru или по адресу и (или) телефону ЕвразНИИПП. Более подробная информация на сайте ЕвразНИИПП – www.eurasniipp.ru

Овчинников С.Н.
МЕЖДУНАРОДНОЕ ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО
В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена проблеме действия международного таможенного права в правовой системе России. Автор анализирует конкретные примеры имплементации норм международного таможенного права, такие как многосторонние и двусторонние договоры, таможенный кодекс Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России. Рассматриваются организационные и правовые факторы этого процесса.

Ключевые слова: международное таможенное право, правовая система России, Таможенный союз.

Ovchinnikov S.N.
INTERNATIONAL CUSTOMS LAW
IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM: THE PROBLEMS OF REALIZATION

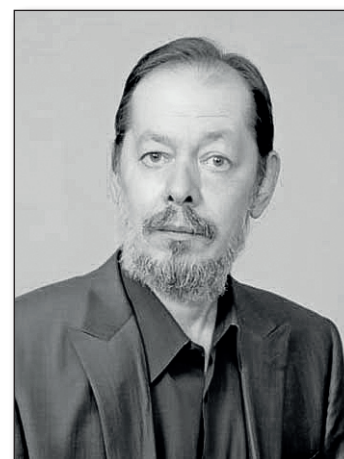
The article is devoted to the problem of implementation of the international customs law in the Russian legal system. Author analyzes concrete examples of the implementation of the international customs rules in the Russian legal system, such as multilateral and bilateral agreements, Customs Code of the Customs Union of the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation. It considers the factors of organizational and legal nature of this process.

Keywords: international customs law, Russian legal system, Customs Union.

В современный период возрастает значение международного права, представляющего собой систему международных договорных и обычных норм, устанавливаемых государствами и иными субъектами международного права и регулирующих международные отношения. Это определяется стремлением к обеспечению мира и международной безопасности, развитием международного сотрудничества, усилением интеграционных процессов. На возрастание роли международного права влияют и глобальные проблемы, процессы глобализации, которые становятся одним из решающих факторов исторического развития. В связи с этим усложняется и система международного права, поскольку в сферу его действия попадают самые разнообразные отношения, которые ранее не регулировались на международно-правовом уровне или которых ранее вообще не существовало. Основным подразделением системы международного права является отрасль права. В современном международном праве выделяется множество отраслей: морское, космическое, атомное, экологическое, медицинское, экономическое, транспортное и т. п. В этом же ряду стоит и международное таможенное право.

Если международное право – это система юридических принципов и норм, регулирующих межгосударственные отношения в целях обеспечения мира и сотрудничества, то международное таможенное право регулирует международные таможенные отношения. Международный характер таможенному праву придает его регулирование международно-правовыми нормами, т. е. нормами, установленными международно-правовыми актами. Международное таможенное право следует рассматривать как систему норм и принципов, регулирующих отношения, складывающиеся между государствами и международными межправительственными организациями в ходе их сотрудничества в сфере таможенного дела.

Международное таможенное сотрудничество осуществляется в рамках международных таможенных отношений. В доктрине по-разному трактуются международные таможенные отношения. Зачастую их рассматривают в рамках только внешнеторговой деятельности и экономических отношений. Таможенные отношения не всегда связаны с внешнеторговой деятельностью и собственно экономическими отношениями, в них присутствует и правоохранный аспект. Международное таможенное сотрудничество самым общим образом можно определить как сотрудничество между государствами и международными межправительственными организациями в таможенной сфере, в области таможенного дела, т. е. в

Овчинников С.Н.

области перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу.

Среди принципов таможенного права в литературе отмечается принцип соответствия национального законодательства международно-правовым нормам, который отражает «стремление Российского государства к присоединению к процессу унификации и гармонизации таможенного законодательства с общепринятыми международно-правовыми нормами».¹ Унификация, гармонизация и упрощение таможенных норм, процедур и практики их применения – необходимое условие для развития международной торговли и других видов международного обмена.

Подавляющее большинство норм международного таможенного права – это нормы, сформулированные и согласованные между государствами в международных договорах, откуда именно международный договор является основным источником международного таможенного права. Конституция Российской Федерации признала общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации составной частью её правовой системы, закрепила приоритет международных договоров Российской Федерации над нормами федеральных законов. Практика имплементации международных договоров и их исполнения наталкивается на многочисленные препятствия, сложности юридического, организационного, политического и иного порядка. Во многом эти проблемы являются сходными для всех отраслей международного публичного права, но международное таможенное право в этом отношении отличается определенными особенностями. В-первых, это количество международно-правовых актов в области таможенного сотрудничества. По подсчетам А.В.Шорникова, на 1988 г. «Россия участвует в более пятистах международных договорах, где, так или иначе, освещаются вопросы таможенного дела».² В справочной правовой системе «КонсультантПлюс» в настоящее время отмечено больше тысячи таких актов, в которых участвует Россия. Во-вторых, с созданием Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана таможенное регулирование в России переходит на международный уровень, что порождает дополнительные трудности.

1 См.: Завершинская М.В. Принципы нормативного регулирования правоотношений в области таможенного дела // Таможенное дело. – 2006. – № 3.

2 Шорников А.В. Соотношение международного таможенного права и российского таможенного законодательства // Юридический мир. – 1998. – № 11–12.

Подчас присоединение России к действующим в таможенной сфере международно-правовым договорам, соглашениям, конвенциям требует длительного периода времени. Таможенные органы начинают руководствоваться этими актами, не дожидаясь формального присоединения. Концепция системы управления рисками в таможенной службе Российской Федерации, утвержденная приказом ГТК от 26 сентября 2003 г. № 1069, ссылается на Международную конвенцию от 18 мая 1973 года об упрощении и гармонизации таможенных процедур. Также и федеральный законодатель, принимая Таможенные кодексы РФ 1993 и 2003 гг., в определенной мере использовал понятия, практику, конструкции, закрепленные в международных договорах, прежде всего в Международной конвенции от 18 мая 1973 года об упрощении и гармонизации таможенных процедур, несмотря на то, что Россия в них не участвует.

Федеральный законодатель иногда не совсем последователен в воплощении норм международного таможенного права в российское законодательство. Так, Таможенный кодекс РФ 1993 г. в п. 5 ст. 18 в соответствии с международными нормами в качестве транспортных средств рассматривал «любые средства, используемые для международных перевозок пассажиров и товаров, включая контейнеры и другое транспортное оборудование».³ Аналогичное определение содержится в п. 5 ст. 11 Основ таможенного законодательства государств – участников СНГ, принятых решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств 10 февраля 1995 г.⁴ Согласно преамбуле к Основам таможенного законодательства государств – участников СНГ, за государствами, принявшими Основы, сохраняется право введения других норм, не противоречащих настоящим Основам. Таможенный кодекс РФ 2003 г. в пп. 5 п. 1 ст. 11, давая определение транспортных средств путем их перечисления,⁵ уже не упоминает контейнеры, а значит, с точки зрения буквы закона, не относит их к транспортным средствам. Руководствуясь Таможенным кодексом, таможенные органы стали рассматривать контейнеры как товар и требовали декларирования посредством отдельных грузовых таможенных деклараций, таможенного оформления, заявления таможенной стоимости и т. п. Это повлекло за собой дополнительные финансовые и временные затраты, задержки в перемещении товаров. В целях упрощения декларирования ФТС издала приказ от 11 декабря 2006 г. № 1298 «О декларировании отдельных видов товаров».⁶ В пункте 12 Приложения № 1 к этому приказу в списке товаров, при декларировании которых может использоваться форма заявления сведений в виде перечня товаров, названы контейнеры, но сделано примечание, что контейнеры понимаются в значении, определенном Конвенцией о временном ввозе от 26 июня 1990 г. Однако названная Конвенция касается временного ввоза иностранных товаров и транспортных средств,⁷ тогда как упрощенная процедура декларирования необходима была и для контейнеров, принадлежащих российским транспортным организациям. При рассмотрении возникшего спора в суде таможенный орган ссылался на определение транспортных средств, содержащееся в главе 3 специального приложения J Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур. Действительно, в этом приложении в качестве транспортных средств не названы контейнеры. С другой стороны, согласно ст. 2 Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур ничто не препятствует участникам Конвенции предоставлять более благоприятные условия, чем это предусмотрено стандартными правилами и рекомендуемыми правилами, содержащимися в приложениях

к Конвенции, и каждому участнику рекомендуется по возможности шире предоставлять такие благоприятные условия.⁸ Кроме того, Приложение В.3 к Конвенции о временном ввозе от 26 июня 1990 г. и п. «е» ст. 1 Конвенции о международной перевозке грузов с применением книжки МДП (Конвенция МДП), заключенной в Женеве 14 ноября 1975 г., рассматривают контейнеры как транспортное оборудование. Суд, исходя из названных международно-правовых актов, признал контейнеры транспортным средством, несмотря на действовавший Таможенный кодекс.⁹ В настоящее время пп. 39 п. 1 ст. 4 Таможенного кодекса Таможенного союза включает контейнеры в перечень транспортных средств.¹⁰

Согласно ст. 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»¹¹ федеральные органы исполнительной власти, в компетенцию которых входят вопросы, регулируемые международными договорами Российской Федерации, обеспечивают выполнение обязательств России по договорам и осуществление прав России, вытекающих из этих договоров, а также наблюдают за выполнением другими участниками договоров их обязательств. Что касается международных договоров Российской Федерации в области таможенного дела, то этим занимается Федеральная таможенная служба России. Правда, в Положении о Федеральной таможенной службе напрямую эта функция не обозначена.¹² Косвенным образом эти функции осуществляются в соответствии с п. 5.16 Положения, называющим среди полномочий ФТС взаимодействие с органами государственной власти иностранных государств и международными организациями в установленной сфере деятельности, включая представление по поручению Правительства Российской Федерации интересов Российской Федерации во Всемирной таможенной организации (Совете таможенного сотрудничества) и других международных организациях, и п. 5.8 Положения, в соответствии с которым ФТС обобщает практику применения законодательства Российской Федерации в установленной сфере деятельности. Попутно заметим, что в п. 3 рассматриваемого Положения о Федеральной таможенной службе правовую основу деятельности ФТС определяет в следующем порядке: Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, указы и распоряжения Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации. Представляется, что место международных договоров в этом перечне не соответствует их месту в иерархии источников российского таможенного права.

Применительно к таможенному законодательству Таможенного союза ст. 6 Таможенного кодекса Таможенного союза называет обеспечение исполнения таможенного законодательства Таможенного союза одной из основных задач таможенных органов. Заменявший Таможенный кодекс РФ Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации»¹³ в п. 14 ст. 12 среди основных функций (обязанностей) таможенных органов выделяет обеспечение выполнения международных обязательств Российской Федерации в части,

8 Международная конвенция от 18 мая 1973 года об упрощении и гармонизации таможенных процедур в редакции Протокола о внесении изменений в Международную конвенцию об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 26 июня 1999 года // СПС «КонсультантПлюс».

9 Решение Арбитражного суда Мурманской области от 23 апреля 2008 г. по делу № А42-2228/2007 // http://ras.arbitr.ru/data/pdf/704e75e8-0c19-460d-b46f-5d6509439e8d/%D0%9042-2228-2007_20080423.pdf. См. также: Квитко А. Юристы компании отстаивают правильное толкование Таможенного кодекса // Юрист компании. – 2008. – № 4.

10 Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 50. – Ст. 6615.

11 Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 29. – Ст. 2757.

12 Положение о Федеральной таможенной службе. Утверждено Постановлением Правительства РФ от 26 июля 2006 г. № 459 // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 32. – Ст. 3569.

13 О таможенном регулировании в Российской Федерации. Федеральный закон от 27 ноября 2010 года № 311-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 48. – Ст. 6252.

3 Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1993. – № 31. – Ст. 1224.

4 Бюллетень международных договоров. – 1995. – № 9.

5 Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 22. – Ст. 2066.

6 Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2007. – № 28.

7 Конвенция о временном ввозе (заключена в Стамбуле 26 июня 1990 г.) // Таможенные ведомости. – 1996. – № 2.

касающейся таможенного дела, осуществление сотрудничества с таможенными и иными компетентными органами иностранных государств, международными организациями, занимающимися вопросами таможенного дела. Соответственно названным документам требуется дополнить Положение о Федеральной таможенной службе.

В соответствии с Положением об организации и порядке осуществления международной деятельности Федеральной таможенной службы России Управление таможенного сотрудничества ФТС России занимается обеспечением выполнения международных обязательств Российской Федерации в области таможенного сотрудничества, выработкой консолидированной позиции ФТС России в переговорном процессе с органами государственной власти иностранных государств и международных организаций. Разработку и внутригосударственное согласование проектов международных договоров и международных правовых актов Российской Федерации и ФТС России в сфере таможенного сотрудничества осуществляет Управление правового обеспечения законопроектной деятельности.¹⁴ Осуществляя обозначенные функции, ФТС России рассылает подчиненным таможенным органам тексты международных договоров РФ для использования в работе, дает разъяснения по поводу их применения. Например, письмом ФТС от 5 февраля 2009 г. № 04-25/4920¹⁵ был направлен русский текст Конвенции о временном ввозе. Письмом ФТС от 30 марта 2011 г. № 01-11/14209 было разъяснено применение Таможенной конвенции о международной перевозке грузов с применением книжки МДП в связи с образованием Таможенного союза и началом применения единой процедуры таможенного транзита товаров, перемещаемых между таможенными органами Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации.¹⁶

Действие международных договоров зависит от их правильного понимания и толкования. Подчас Федеральная таможенная служба достаточно произвольно толкует содержание международных договоров. Так, в соответствии с Соглашением о ввозе материалов образовательного, научного и культурного характера от 22 ноября 1950 г. и Протоколом к нему от 26 ноября 1976 г. (Флорентийское соглашение)¹⁷ к материалам (бумага, целлюлозная масса, типографская краска и др.), ввозимым для производства книг, публикаций и документов, применяются льготы по уплате ввозной таможенной пошлины. Российская Федерация присоединилась к названному Соглашению и Протоколу постановлением Правительства РФ от 6 июля 1994 г. № 795.¹⁸ Соответствующие подзаконные акты, разъясняющие порядок применения названных льгот, были приняты тогдашним Государственным таможенным комитетом РФ. Например, Письмом ГТК РФ от 27 июня 2003 г. № 01-06/25936 были направлены Методические рекомендации «О некоторых вопросах применения норм Соглашения о ввозе материалов образовательного, научного и культурного характера» в целях обоснованного предоставления таможенных льгот при ввозе товаров, декларируемых как материалы образовательного, научного и культурного характера. Однако затем на основании письма ФТС РФ от 21 сентября 2010 г. № 01-11/46068 «О применении льгот по уплате ввозных таможенных пошлин»¹⁹ при ввозе газетных, мелованных и других сортов типографской бумаги на таможенных постах России стала

взиматься ввозная таможенная пошлина. В данном случае ФТС не только по-своему трактует нормы Флорентийского соглашения, но и в одностороннем порядке изменило существующую практику реализации этих норм, поскольку постановление Правительства РФ № 795 от 6 июля 1994 г. требует согласованных действий с семью федеральными ведомствами. В итоге письмом ФТС РФ от 16 декабря 2010 г. № 01-11/61450 было указано не применять письмо ФТС РФ № 01-11/46068 от 21 сентября 2010 г.²⁰ Проблемы, порождаемые нежеланием таможенных органов предоставлять льготу, предусмотренную Флорентийским соглашением, приводили к тому, что импортеры иногда сначала уплачивали неправомерно требуемую таможенной пошлину в полном объеме, а затем обращались в суды с заявлениями о возврате излишне уплаченных таможенных платежей. По мнению таможенных органов, импортер не имеет права на возврат излишне уплаченных таможенных платежей, поскольку не заявил о льготе по уплате таможенных пошлин при декларировании товара. Однако, по справедливому мнению арбитражного суда, льгота возникает вследствие международного Соглашения, а не вследствие заявления декларантом о такой льготе.²¹

В связи с созданием Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана и введением в действие Таможенного кодекса Таможенного союза таможенное регулирование во многом переходит на национальный уровень. В целях надлежащей реализации норм Таможенного кодекса Таможенного союза ФТС России выпустило письма, в которых отметила нормы Таможенного кодекса РФ, фактически утратившие силу как несовпадающие с нормами Таможенного кодекса Таможенного союза.²²

Наивысшая юридическая сила Конституции РФ прямо установлена ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, соответственно, нормы международного права, действующие в Российской Федерации и являющиеся частью ее правовой системы, не должны противоречить Конституции. Однако можно обнаружить нормы, прямо или косвенно не совпадающие с текстом Конституции, противоречащие ей. Конституция РФ не допускает установление таможенных границ на территории Российской Федерации (ч. 1 ст. 74). Статья 2 Таможенного кодекса РФ 2003 г. устанавливала, что на территории Российской Федерации могут находиться создаваемые в соответствии с федеральными законами особые экономические зоны, являющиеся частью таможенной территории Российской Федерации. Пределы особых экономических зон являются таможенной границей. Аналогичные нормы содержались и в ст. 3 предыдущего Таможенного кодекса РФ. При разработке проекта Федерального закона «О свободных экономических зонах» Государственная Дума столкнулась с затруднениями и обратилась в Конституционный Суд РФ с запросом о толковании ч. 1 ст. 74 Конституции Российской Федерации и проверке конституционности ст. 3 Таможенного кодекса РФ 1993 г. Конституционный Суд РФ по формальным основаниям отказал в принятии запроса к рассмотрению,²³ но проблема осталась. Федеральный законодатель установил норму, несмотря на её прямое противоречие Конституции. Федеральное законодательство об особых экономических зонах устанавливает препятствия для свободного перемещения товаров.²⁴ В литературе уже отмечалось

20 Таможенные ведомости. – 2011. – № 3.

21 См., напр.: Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 18 августа 2010 г. № КА-А40/6557-10 // СПС «КонсультантПлюс».

22 О неприменении отдельных норм Таможенного кодекса Российской Федерации от 28 мая 2003 г. № 61-ФЗ. Письмо ФТС РФ от 29 июня 2010 г. № 01-11/31847 // Таможенные ведомости. – 2010. – № 8.

23 Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 сентября 1995 г. № 74-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Государственной Думы Федерального Собрания о толковании части первой статьи 74 Конституции Российской Федерации и проверке конституционности статьи 3 Таможенного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

24 См., напр.: Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 30. – Ч. II. – Ст. 3127.

14 Положение об организации и порядке осуществления международной деятельности ФТС России. Утверждено Приказом ФТС России от 29 апреля 2008 г. № 513 // СПС «КонсультантПлюс».

15 О направлении текста конвенции о временном ввозе. Письмо ФТС от 5 февраля 2009 г. № 04-25/4920 // СПС «КонсультантПлюс».

16 О направлении разъяснений. Письмо ФТС от 30 марта 2011 г. № 01-11/14209 // СПС «КонсультантПлюс».

17 Бюллетень международных договоров. – 1999. – № 3.

18 О присоединении Российской Федерации к Соглашению о ввозе материалов образовательного, научного и культурного характера и Протоколу к нему. Постановление Правительства РФ от 06.07.1994 № 795 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 11. – Ст. 1303.

19 Таможенные ведомости. – 2010. – № 11.

это противоречие, и предлагались варианты его разрешения: изменение текста ч. 1 ст. 74 Конституции, отказ от использования особых экономических зон, приведение нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность особых экономических зон, в соответствие с Конституцией РФ.²⁵ Пункт 3 ст. 2 Таможенного кодекса Таможенного союза в редакции Протокола о внесении изменений и дополнений в Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза от 16 апреля 2010 г. допускает, что в соответствии с международными договорами государств – членов Таможенного союза таможенной границей могут являться пределы отдельных территорий, находящихся на территории государств – членов Таможенного союза. Соглашение по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны (Санкт-Петербург, 18 июня 2010 г.) в п. 4 ст. 9 устанавливает, что пределы портовой и логистической СЭЗ являются таможенной границей Таможенного союза. Противоречие с Конституцией, существующее в российском законодательстве, появилось и в международном договоре Российской Федерации. Эту коллизию желательно устранить. Самым простым выходом является первый вариант из обозначенных выше, поскольку особые экономические зоны и таможенная процедура свободной таможенной зоны необходимы для экономического развития страны, привлечения инвестиций.

Одним из основных источников таможенного права Таможенного союза являются решения Комиссии таможенного союза. В соответствии с Правилами процедуры Комиссии таможенного союза, утвержденными Решением Межгоссовета ЕврАзЭС (высшего органа таможенного союза) на уровне глав государств от 27 ноября 2009 года № 15, опубликование (размещение) решений, принимаемых Комиссией таможенного союза, осуществляется на сайте Комиссии таможенного союза. Дата размещения решения Комиссии на официальном Интернет-сайте Комиссии является датой его официального опубликования. Вызывает сомнение соответствие такого порядка опубликования ч. 3 ст. 15 Конституции РФ. Тем более что некоторые решения Комиссии напрямую затрагивают права, свободы и обязанности человека и гражданина. В качестве примера можно привести Инструкцию о порядке совершения таможенных операций в отношении товаров для личного пользования, перемещаемых физическими лицами через таможенную границу, и отражении факта признания таких товаров не находящимися под таможенным контролем, утвержденную Решением Комиссии таможенного союза от 18 июня 2010 г. № 311.

Трудности в воплощении норм международного таможенного права могут быть связаны и с различиями в терминологии. Так, например, сравнительный анализ норм

25 См.: Чащин А.Н. Конституционные основы функционирования особых экономических зон в РФ // Туризм: право и экономика. – 2006. – № 5.

Таможенного кодекса Таможенного союза с положениями Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18 мая 1973 года в редакции Брюссельского Протокола 1999 года показывает их несовпадение, касающееся очистки и выпуска товара. В литературе отмечается, что «разработчики проекта Кодекса, обеспечив правопреимственность норм таможенного законодательства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, в котором не упоминается и не используется определение «очистка», по существу проигнорировали указанный институт международного права в области таможенного регулирования, содержащийся в положениях названной Конвенции».²⁶ В приведенном примере можно обнаружить несовпадение международно-правовых норм различных уровней: общего, к которому относится Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур, и регионального, к которому относится Таможенный кодекс Таможенного союза.

В заключение отметим, что осуществление норм международного таможенного права в России нуждается в постоянном анализе, поддержке и контроле. Настоящая работа не охватывает, конечно, всех проблем, связанных с имплементацией норм международного таможенного права в правовую систему России, но, представляется, может быть полезной для дальнейших исследований.

Пристатейный библиографический список

1. Завершинская М.В. Принципы нормативного регулирования правоотношений в области таможенного дела // Таможенное дело. – 2006. – № 3.
2. Квитко А. Юристы компании отстаивали правильное толкование Таможенного кодекса // Юрист компании. – 2008. – № 4.
3. Кожанков А.Ю. Таможенная очистка товаров – важнейший институт международного таможенного регулирования // Экономика и Жизнь. – 2010. – 12 марта.
4. Кожанков А.Ю. Унификация таможенного законодательства таможенного союза с положениями Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур на примере норм проекта Таможенного кодекса таможенного союза – институт «Очистка товаров» // Таможенное дело. – 2010. – № 3.
5. Чащин А.Н. Конституционные основы функционирования особых экономических зон в РФ // Туризм: право и экономика. – 2006. – № 5.
6. Шорников А.В. Соотношение международного таможенного права и российского таможенного законодательства // Юридический мир. – 1998. – № 11–12.

26 Кожанков А.Ю. Таможенная очистка товаров – важнейший институт международного таможенного регулирования // Экономика и Жизнь. – 2010. – 12 марта. См. также: Кожанков А.Ю. Унификация таможенного законодательства таможенного союза с положениями Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур на примере норм проекта Таможенного кодекса таможенного союза – институт «Очистка товаров» // Таможенное дело. – 2010. – № 3.

А.В.Рагулин

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА
НА СУДЕБНЫХ СТАДИЯХ
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

Учебное пособие

Уфа
2010

В издательстве Евразийского научно-исследовательского института проблем права вышла книга Руководителя центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры ЕврАзНИИПП к.ю.н., доцента А.В.Рагулина – Деятельность адвоката-защитника на судебных стадиях уголовного процесса: Учебное пособие. – Уфа: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2010. – 128 с.

В работе на основании действующего уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики рассматриваются уголовно-процессуальные и тактические аспекты деятельности адвоката-защитника на стадии судебного рассмотрения уголовных дел.

Стоимость книги составляет 300 рублей без учета расходов на пересылку. Желающие приобрести вышеуказанную работу могут обращаться по электронной почте info@eurasniipp.ru или по адресу и (или) телефону ЕврАзНИИПП. Более подробная информация на сайте ЕврАзНИИПП – www.eurasniipp.ru

Нуцалханов Г.Н.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА ДОГОВОРНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ЗОН, СВОБОДНЫХ ОТ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ, КАК ОСНОВА И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП НА ПУТИ ОБРАЗОВАНИЯ БЕЗЪЯДЕРНОЙ ЗОНЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Настоящая статья посвящена исследованию процесса договорно-правового оформления статуса зон, свободных от ядерного оружия, как одного из элементов международного режима нераспространения ядерного оружия. В работе рассматриваются возникновение и развитие идеи создания безъядерных зон, особенности их договорного оформления в разных регионах мира. Затронута история вопроса создания зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии.

Ключевые слова: международный режим нераспространения ядерного оружия, безъядерная зона, зона свободная от ядерного оружия, Договор Тлатеполко, Договор Раротонга, Договор Пелиндаба, Бангкокский договор, Договор о зоне, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии.

Нуцалханов Г.Н.

Nutsalhanov G.N.

INTERNATIONAL PRACTICE OF CONTRACTUAL AND LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF ZONES FREE OF NUCLEAR WEAPONS AS A BASIS AND A PRELIMINARY STEP TOWARDS THE FORMATION OF A NUCLEAR-FREE ZONE IN CENTRAL ASIA

The present article deals with the contractual and legal status of zones free of nuclear weapons as one of the elements of the international nuclear nonproliferation regime. This article considers the emergence and development of the idea of establishing nuclear-free zones, especially their contractual design in different regions of the world. History of the issue of establishing a zone free of nuclear weapons in Central Asia is shown.

Keywords: international nuclear nonproliferation regime, nuclear-free zone, zone free from nuclear weapons, Treaty of Tlatelolco, Treaty of Rarotonga, Treaty of Pelindaba, Bangkok Treaty, Treaty on a zone free of nuclear weapons in Central Asia.

Одним из итогов развития международных отношений во второй половине XX века явилось превращение ядерного оружия в фактор мировой политики. Это объясняется восприимчивостью международных отношений к развитию атомной энергетики, многообразием исследований в этой области и возрастанием числа стран, в них заинтересованных. Важное значение в этой ситуации приобретают гарантии исключительно мирной направленности ядерных программ, юридически закрепленный и действенный запрет на производство ядерных вооружений, что соответствует современным концепциям поддержания стабильности в отдельных регионах и в мире в целом.

Важным инструментом поддержания международного мира и безопасности является международный режим нераспространения ядерного оружия. Основные его черты сложились в 60-е гг. XX века в США под влиянием «философии нераспространения». Режим нераспространения представляет собой совокупность международных договоренностей и организаций с участием как ядерных, так и неядерных государств, а также внутренних законодательств стран-участников, целью которых является предотвращение приобретения ядерного статуса государствами, которые не имели его к 1967 г.¹

Правовые основы режима нераспространения закреплены в принятом 12 июня 1968 г. Генеральной Ассамблеей ООН Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). В соответствии с ДНЯО под нераспространением ядерного оружия подразумевается свободно заключенное соглашение между государствами, обладающими и не обладающими ядерным оружием, о том, как наилучшим образом извлечь преимущества из мирного использования атомной энергии, в то же время прилагая все усилия для того, чтобы не подорвать международный мир и безопасность.²

Большое значение в деле нераспространения ядерного оружия и обеспечения глобальной безопасности имеет процесс

создания зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО). Цель написания данной статьи заключается в том, чтобы охарактеризовать международную практику договорно-правового оформления таких зон. Для реализации данной цели поставлены задачи анализа возникновения и развития идеи создания безъядерных зон, а также исследования процесса договорного оформления статуса ЗСЯО в различных регионах мира.

В международно-правовой литературе сформулировано множество понятий безъядерной зоны. Так, один из авторов концепции зон мира Б.Р.Тузмухамедов определяет ЗСЯО как территорию, на которой на основании международного договора запрещается производство, испытание и размещение ядерного оружия.³ Г.Г.Петушко дает определение правового режима безъядерных зон как суммы обязательств не производить, не приобретать, не допускать размещения и транзита ядерного оружия в пределах определенной территории.⁴

Правовой режим ЗСЯО содержит элементы демилитаризации и нейтрализации территории. Демилитаризация – это договорно-закрепленный международно-правовой режим определенной территории, пространственной сферы, в пределах которой стороны обязуются ликвидировать все военные укрепления и сооружения.⁵ Объем демилитаризации оговаривается в самих договорах. Нейтрализация – это договорно-установленный правовой режим определенной территории, пространственной сферы, в соответствии с которым там запрещается ведение военных действий. Безъядерная зона представляет собой частично демилитаризованный и частично нейтрализованный район. Несколько иная позиция высказана Ю.М.Прусаковым, который определяет ЗСЯО как частично демилитаризованный и полностью нейтрализованный район, в котором в силу международного соглашения или

1 См.: Орлов В.А. Ядерное нераспространение: В 2 т. – Т. 1. – М., 2002. – С. 16.

2 См.: Договор о нераспространении ядерного оружия от 12 июня 1968 г. <http://www.un.org/russian/documents/ntp>.

3 См.: Тузмухамедов Б.Р. Зоны мира. – М., 1986. – С. 18.

4 См.: Петушко Г.Г. Безъядерные зоны, нераспространение и неразмещение ядерного оружия // Советский ежегодник международного права. – М., 1989. – С. 239.

5 См.: Тузмухамедов Б.Р. Указ. соч. – С. 13–14.

внутригосударственного акта не должно создаваться, испытываться, транспортироваться, применяться ядерное оружие.⁶

История ядерного нераспространения насчитывает немало идей о зонах, свободных от ядерного оружия. Все они ценны как проявления воли к строительству безопасного мира.

Впервые идея создания зон, свободных от ядерного оружия, возникла в конце 50-х гг. XX века, когда СССР внес в подкомитет Комиссии ООН по разоружению предложение о создании в Европе зоны ограничения и инспекции вооружений. Идея создания безъядерных зон стала приобретать все большую привлекательность как мера, способствующая ядерному нераспространению, как фактор урегулирования региональных конфликтных ситуаций.

В 1957 г. министр иностранных дел Польской Республики А. Рапацкий выдвинул идею, известную как «План Рапацкого», провозгласить безъядерной зоной Центральную Европу. Согласно этому плану государства Центральной Европы обязуются не производить, не накапливать, не ввозить, не разрешать транспортировку по их территориям разных видов ядерного оружия, не разрешать использовать территории для размещения иностранного ядерного оружия. Статус безъядерной зоны предлагалось юридически оформить односторонними декларациями государств Центральной Европы, которые имели бы характер международного обязательства. Что касается остальных субъектов безъядерной зоны, в частности ядерных держав, то они должны были оформить совместный документ либо выступить с односторонними декларациями.

При рассмотрении вопроса о создании безъядерной зоны на Ближнем Востоке Египет предложил, чтобы избежать многосторонних переговоров, каждой стране оформить одностороннее обязательство о неразмещении на своей территории ядерного оружия, присоединиться к ДНЯО и направить соответствующий документ в Совет Безопасности ООН.⁷

В последующие годы были выдвинуты идеи создания ЗСЯО на Балканах, в Северной Европе, в районе Адриатического моря, Средиземного моря, Балтийского моря.

Генеральная Ассамблея ООН приняла 11 декабря 1975 г. резолюцию 3472В (XXX), в которой содержится определение ЗСЯО: «зоной, свободной от ядерного оружия, считается любая признаваемая таковой Генеральной Ассамблеей ООН зона, которую любая группа государств при свободном осуществлении ими своего суверенитета создала в силу договора или конвенции, в которых: определяется статут о полном отсутствии ядерного оружия, действующий в отношении этой зоны, включая процедуру делимитации зоны, и учреждена международная система проверки и контроля для обеспечения гарантии соблюдения обязательств, вытекающих из этого статута».⁸ В данном определении можно выделить следующие основные элементы:

- инициатива создания ЗСЯО должна исходить от государства соответствующего региона;
- инструментом оформления ЗСЯО должен быть международный договор;
- участники принимают обязательства о полном отсутствии ядерного оружия на территории применения договора;
- необходимо создание системы проверки и контроля ядерной деятельности в ЗСЯО;
- ЗСЯО должна быть признана Генеральной Ассамблеей ООН;
- необходимо четко определить границы применения договора.

6 См.: Прусаков Ю.М. Международно-правовые вопросы создания и функционирования зон, свободных от ядерного оружия: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1987. – С. 13.

7 См.: Прошин В.Н. Зоны пространственного ограничения вооружений. – М., 1988. – С. 47.

8 См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3472В (XXX) // <http://www.un.org/russian/documents/ntp>.

В специальном отчете Конференции по разоружению «Всеобъемлющее исследование по вопросу о зонах, свободных от ядерного оружия» обозначены руководящие принципы формирования ЗСЯО: возможность охвата не только континентов или широких регионов, но и менее крупных групп государств и отдельных стран; добровольность участия в ЗСЯО; бессрочность договора; содействие экономическому прогрессу стран-участниц путем развития международного сотрудничества в области мирного использования атомной энергии.⁹ Известный исследователь правового режима безъядерных зон Ю.М. Прусаков среди характерных признаков ЗСЯО выделяет также наличие международно-правовых гарантий соблюдения режима безъядерной зоны.¹⁰

В настоящее время созданы и существуют ЗСЯО в Латинской Америке и Карибском регионе, в Южной части Тихого океана, в Африке, в Юго-Восточной Азии, в Центральной Азии. Участниками данных договоров является более ста государств, территория которых равна половине земной поверхности.

Нормы, запрещающие присутствие ядерного оружия на определенной территории, содержатся в Договоре о Шпицбергене 1920 г., Договоре об Аландских островах 1920 г., Договоре об Антарктике 1959 г., Договоре об исследовании и использовании космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г., Договоре о запрещении размещения на дне морей и океанов и в их недрах оружия массового уничтожения 1971 г. Особенности каждого ЗСЯО заслуживают внимательного изучения, так как их международно-правовое оформление отличается собственной динамикой, сочетает логику регионального развития и универсальные нормы режима нераспространения.

Первым международным соглашением, предусматривающим создание ЗСЯО, является Договор о Шпицбергене 1920 г. Основной целью данного договора является создание режима, способного обеспечить развитие и мирное использование архипелага. Так, статья 9 Договора обязывает Норвегию, суверенитет которой распространяется на остров и прилегающие к нему территории, не создавать и не допускать создание на них какой-либо морской базы, не строить никаких укреплений, которые никогда не должны использоваться в военных целях.

Согласно ст. 1 Договора об Аландских островах Финляндия обязуется демилитаризовать Аландские острова, не укреплять их и не предоставлять для вооруженных сил других государств. Иными словами, в зоне Аландских островов не может быть создана военная или морская база, никакое иное учреждение, устройство, могущее быть использованным в военных целях, что позволяет говорить о безъядерном статусе островов.

Договор об Антарктике 1959 г. запрещает в этой области Земли любые мероприятия военного характера, в том числе создание военных баз и укреплений, проведение военных маневров, испытание ядерного оружия и захоронение радиоактивных материалов. Таким образом, была создана демилитаризованная зона к югу от 60 градуса южной широты.

В 1967 г. был заключен Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. Договор запрещает выводить на орбиту Земли любые объекты с ядерным оружием или другими видами оружия массового поражения, устанавливать такое оружие на небесных телах и размещать его в космическом пространстве. Запрещается также создание на небесных телах военных баз, сооружений и укреплений, испытания и проведение военных маневров.

В 1971 г. был подписан Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия. Он обязывает его участников, в том числе Россию (правопреемницу Советского Союза), США, Англию и Францию,

9 См.: Орлов В.А. Указ. соч. – С. 151–152.

10 См.: Прусаков Ю.М. Безъядерные зоны (Международно-правовые вопросы). – Ростов, 1982. – С. 59.

не устанавливать и не размещать на морском дне ядерные и другие виды оружия массового поражения, а также сооружения для хранения, испытания и применения такого оружия. Зоной действия Договора является область, находящаяся за пределами 12-мильного ограничения территориальных вод от прибрежной полосы. Договор устанавливает режим безъядерной зоны на огромных пространствах морского и океанского дна и его недр и тем самым исключает возможность развертывания оружия массового уничтожения вне пределов территориальных и внутренних вод государств.

Большой вклад в дело международно-правового признания безъядерных зон был внесен большинством стран Латинской Америки, которые в 1967 г. подписали Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке, именуемый также Договором Тлателолко (по месту подписания в районе столицы Мексики, где расположен мексиканский МИД). Инициатива создания в Латинской Америке безъядерной зоны возникла в 1958 г., когда Коста-Рика предложила всем латиноамериканским странам не производить ядерное оружие и не приобретать его у держав, которые его производят.

На XVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН был внесен проект резолюции по вопросу о признании Латинской Америки безъядерной зоной. В нем предлагалось, чтобы страны Латинской Америки не осуществляли производство, хранение, накопление ядерного оружия, не производили взрывы ядерного оружия.

В 1963 г. по инициативе Мексики ряд латиноамериканских государств выступил с Декларацией о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке. В ней провозглашалось стремление избавить страны данного региона от тех трагических последствий, к которым привела бы ядерная катастрофа, высказывалась надежда, что заключение регионального латиноамериканского соглашения способствует заключению аналогичного соглашения во всемирном масштабе. В данной декларации заявлялось о намерении немедленно заключить региональное соглашение, по которому стороны взяли бы на себя обязательство не производить, не хранить, не накапливать ядерное оружие. При этом не был затронут вопрос об обязательстве ядерных держав соблюдать статус безъядерной зоны.

После одобрения данной Декларации Генеральной Ассамблеей ООН была создана подготовительная комиссия по разработке проекта соответствующего договора. Договор был открыт для подписания 14 февраля 1967 г.¹¹ Вскоре после этого в него были внесены изменения, касающиеся вступления его в силу, присоединения к договору государств, не участвовавших в его заключении, усиления роли МАГАТЭ в регионе путем предоставления ему права на проведение исключительных инспекций.

Куба подписала Договор Тлателолко в 1995 г. и завершила процесс введения его в действие в 2002 г. Договор стал именоваться Договором о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском регионе.

В разные годы местом проведения ядерных взрывов были Южная часть Тихого океана и прилегающие к ней акватории. Идея создания безъядерной зоны в данном регионе возникла в начале 70-х годов прошлого века, она была выдвинута правительством Новой Зеландии и поддержана Папуа – Новой Гвинеей, Фиджи и Австралией. В 1975 г. эта инициатива была вынесена на рассмотрение XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН и поддержана большинством стран мира. Однако по политическим мотивам в реализации данной идеи вскоре возникли трудности.

В 1983 г. Австралия выступила с инициативой о создании в регионе ЗСЯО. Вопросы ее создания стали активно обсуждаться на сессиях Южнотихоокеанского форума (ЮТФ). На XV сессии государств ЮТФ были выработаны общие положения, определяющие статус безъядерной зоны, и создана

рабочая группа по подготовке соответствующего документа. Решение о создании ЗСЯО было принято на XVI сессии ЮТФ, проходившей на о. Раротонга. Договор вступил в силу 11 декабря 1986 г.¹²

В 1997 г. вступил в силу подписанный в 1995 г. Бангкокский договор – Договор о безъядерной зоне в Юго-Восточной Азии. Идея создания ЗСЯО в Юго-Восточной Азии возникла в начале 70-х гг. XX века, когда Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) рассмотрела предложение о создании в Юго-Восточной Азии зоны мира, свободы и нейтралитета (ЗМСН). В Декларации о зоне мира, свободы и нейтралитета в Юго-Восточной Азии (Куала – Лумпурская декларация) 1971 г. заявлялось, что нейтрализация региона представляет собой желанную цель. Целью ЗМСН являлось ограничение вмешательства третьих стран в регион путем обращения к ним с призывом воздержаться от создания военных баз на их территориях, вмешательства во внутренние дела. Создание ЗСЯО рассматривалось АСЕАН как промежуточная мера к созданию ЗМСН.

В 1984 г. министры иностранных дел стран – членов АСЕАН на встрече в Джакарте обсудили перспективы создания ЗСЯО в Юго-Восточной Азии. Два года спустя министры поручили комитету, работавшему над проблемой создания ЗМСН, изучить принципы, цели и составные элементы зоны и начать предварительную работу по выработке проекта договора.

На XXVI встрече министров АСЕАН, состоявшейся в Сингапуре в 1993 г., министры иностранных дел подтвердили свою приверженность созданию ЗМСН. В качестве неотъемлемого элемента ЗМСН было принято решение создать в регионе ЗСЯО.¹³

Предложение об объявлении Африки безъядерной зоной впервые было выдвинуто в 1960 г. на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Группа африканских государств выступила с проектом резолюции, в которой всем странам – членам ООН предлагалось признать африканский континент безъядерной зоной. На XVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята резолюция, призывавшая государства – члены ООН воздерживаться от использования территории, территориальных вод и воздушного пространства Африки для испытания, хранения или перевозки ядерного оружия, рассматривать и признавать Африканский континент безъядерной зоной.

В 1964 г. на первой сессии Ассамблеи глав государств и правительств Организации Африканского Единства (ОАЕ) была принята Декларация об объявлении Африки безъядерной зоной. В ней говорилось о готовности африканских стран взять на себя обязательство по международному соглашению не производить ядерное оружие и не приобретать контроля над ним. Данная декларация была поддержана резолюцией XX сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в которой содержался призыв ко всем государствам воздерживаться от применения или угрозы применения ядерного оружия, от испытания, производства, применения и размещения ядерного оружия на Африканском континенте. К государствам, обладающим ядерным оружием или способностью его производить, был обращен призыв не передавать под национальный контроль какого-либо государства ядерное оружие, научные данные или технологическую помощь, которые могли бы способствовать производству или применению ядерного оружия на Африканском континенте.¹⁴

В последующие годы Генеральной Ассамблеей ООН регулярно принимались резолюции в поддержку создания в Африке зоны, свободной от ядерного оружия, но ядерный потенциал и амбиции ЮАР затянули решение данного вопроса на несколько десятилетий. Только в 1996 г. был подготовлен

12 См.: Там же. – С. 113–115.

13 См.: Ачдрия А., Огунбанво С. ЗСЯО в Юго-Восточной Азии и Африке // Ежегодник СИПРИ–1998: вооружения, разоружение и международная безопасность.

14 Давыдов В.Ф. Указ. соч. – С. 132–135.

11 См.: Давыдов В.Ф. Безъядерные зоны и международная безопасность. – М., 1988. – С. 42–43.

окончательный проект договора. 11 апреля 1996 г. Договор о создании в Африке зоны, свободной от ядерного оружия, был открыт к подписанию. Договор Пелиндаба вступил в законную силу 15 июля 2009 г., после того, как договор ратифицировала Бурунди, ставшая двадцать девятой страной Африки, которая узаконила соглашение.

Все эти международные договоры явились своего рода основой и предварительным этапом на пути образования безъядерной зоны в Центральной Азии.

На встрече президентов центральноазиатских республик в Ташкенте 11 января 1992 г. была заложена основа нового регионального содружества, получившего название «Центральная Азия». Содружество государств Центральной Азии должно способствовать решению целого ряда экономических, политических и социальных задач, среди которых особое место занимает укрепление регионального мира и безопасности, нераспространение ядерного оружия.

Впервые идея создания ЗСЯО в Центральной Азии прозвучала 25 сентября 1992 г. на XLVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, когда Монголия заявила о своем безъядерном статусе. Президент Монголии П.Очирбат не исключил возможности создания региональной центральноазиатской ЗСЯО.

В 1993 г. на XLVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН Президент Республики Узбекистан И.Каримов внес предложение о создании ЦАЗСЯО в духе ДНЯО, имея в виду регион, ограниченный территориями пяти постсоветских республик. Выступая с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН, И.Каримов сказал: «Для демократических реформ жизненно необходимы стабильность общества и безопасность государства. Узбекистан твердо и последовательно выступает за обеспечение мира и стабильности во всех регионах, и прежде всего в Центральной Азии. Здесь накоплено ядерное оружие, а также обычное вооружение большой разрушительной силы. Столкновения в этом регионе способны вызвать катастрофы непредсказуемых масштабов. Реалии современного мира таковы, что безопасность одного государства не может быть обеспечена за счет другого государства, региональную безопасность нельзя рассматривать в отрыве от проблем всемирной безопасности. Исходя из этого, Узбекистан выступает за полную ликвидацию ядерного оружия и является убежденным сторонником объявления Центральной Азии безъядерной зоной».

Существует несколько причин, в силу которых государства региона выдвинули инициативу о создании ЗСЯО в Центральной Азии. Во-первых, одним из основополагающих факторов была обеспокоенность некоторых центральноазиатских государств состоянием окружающей среды, так как проблема содержания плохо охраняемого радиационно загрязненного оборудования и радиоактивных отходов остро стоит в каждой стране региона. Во-вторых, страны региона столкнулись с проблемой безопасного содержания и последующего уничтожения урановых хвостохранилищ, ибо оползни, наводнения, прорывы грунтовых вод создают угрозу их безопасному содержанию.¹⁵

В течение 1994–1995 гг. этот вопрос вновь ставился в ООН. В 1995 г. в рамках Конференции по рассмотрению действия и продлению ДНЯО сначала представитель узбекской делегации в своем выступлении подчеркнул необходимость создания безъядерных зон, а затем киргизская делегация распространила документ о создании ЗСЯО в Центральной Азии.

27 февраля 1997 г. лидеры пяти центральноазиатских республик подписали Алма-Атинскую декларацию, в которой полностью одобрили создание ЗСЯО в Центральной Азии. Хотя в декларации содержатся фразы о национальной безопасности, о поддержке независимости, об устойчивом развитии, именно озабоченность состоянием окружающей среды красной нитью проходит через весь документ.

В апреле того же года на первой сессии Подготовительного комитета конференции участников ДНЯО по рассмотрению действия договора делегация Узбекистана заявила о намерении провести международную конференцию «Центральная Азия – зона, свободная от ядерного оружия». Конференция прошла в Ташкенте в сентябре 1997 г. На ней представители стран-участниц других ЗСЯО поделились своим опытом создания ЗСЯО. Также по итогам конференции было подписано совместное заявление министров иностранных дел пяти государств региона, которым они подтвердили желание их стран и далее работать над созданием ЗСЯО в Центральной Азии.

На III сессии Генеральной Ассамблеи ООН представители центральноазиатских республик представили проект резолюции о создании ЦАЗСЯО, которая была принята в декабре 1997 г. Процесс продолжился в Бишкеке. В июле 1998 г. там состоялась встреча с участием государств региона, ядерных держав и представителей ООН. На ней обсуждались основные принципы будущего договора, суммированные в документе под названием «Основные элементы договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии». Последующие встречи экспертной группы были проведены в Женеве, Ташкенте, Сапоро, Самарканде. На встрече экспертной группы в Самарканде стороны смогли достичь согласия по большинству пунктов Договора, но в последующем эксперты ядерных держав представили ряд дополнительных замечаний и предложений к данному документу.

На Ташкентском заседании региональной группы экспертов, которое состоялось в феврале 2005 г., была согласована общая позиция стран Центральной Азии по тексту Договора с учетом предложений и комментариев ядерных держав, МАГАТЭ и Департамента по правовым вопросам ООН. По результатам заседания принято «Ташкентское заявление по созданию зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии». В нем было подчеркнуто, что этот документ внесет важный вклад в обеспечение ядерной безопасности в Центральной Азии и во всем мире.¹⁶

8 сентября 2006 г. в Семипалатинске руководители внешнеполитических ведомств Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана подписали Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. Во время церемонии подписания Договора министры иностранных дел пяти центральноазиатских государств сделали совместное заявление, в котором призвали страны, обладающие ядерным оружием, стать сторонами Протокола к нему, и просили государства и международные организации, имеющие опыт уничтожения радиоактивных отходов, оказать помощь странам Центральной Азии в ликвидации экологических последствий добычи урана, производства и испытаний ядерного оружия. В совместном заявлении было также выражено намерение представить в ходе LXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН совместный проект резолюции о создании в регионе зоны, свободной от ядерного оружия.

В своем послании, оглашенном на церемонии подписания Договора, Генеральный секретарь ООН подчеркнул роль ЗСЯО в содействии процессам ядерного нераспространения и разоружения и уделил особое внимание проблеме региональной стабильности. Он признал, что некоторые страны, обладающие ядерным оружием, испытывают обеспокоенность в отношении отдельных аспектов Договора, и просил центральноазиатские государства провести соответствующие переговоры, чтобы обеспечить эффективное выполнение Договора. Характерно, что до подписания Договора три государства – США, Франция, Великобритания – выразили свое несогласие с его текстом.

Тем временем решением Семипалатинской встречи приняты Правила процедуры по осуществлению статьи 10 Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной

15 См.: Сотников В. О создании ЗСЯО в Центральной Азии // Аналитические записки МГИМО. – 2008. – № 8 (37). – С. 4–5.

16 См.: Кутнаева Н.А. Перспективы заключения договора о создании в Центральной Азии ЗСЯО // Ядерный контроль. – 2006. – № 1 (79). – С. 59–62.

Азии (консультативные встречи участников). Затем LI сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла резолюцию «Создание зоны, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии». В резолюции отмечено, что создание зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии на основе договоренностей, добровольно заключенных между государствами региона, представляет собой важный шаг в сторону укрепления режима ядерного нераспространения, поощрения сотрудничества в экологической реабилитации территорий и укрепления регионального и международного мира. В ней также подчеркнута, что создание зоны является эффективным вкладом в борьбу с международным терроризмом и предотвращением попадания ядерных материалов в руки негосударственных субъектов. Генеральная Ассамблея отметила конструктивную позицию государств Центральной Азии, которые заявили о готовности к дальнейшим консультациям с постоянными членами Совета Безопасности ООН, обладающими ядерным оружием.¹⁷

Таким образом, нам представляется, что задачи, поставленные в данной статье, выполнены. По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- во-первых, ЗСЯО являются неотъемлемым элементом режима нераспространения ядерного оружия;
- во-вторых, создание безъядерных зон представляет собой сложный, длительный, противоречивый политико-правовой процесс;

17 См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/61/88 «Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии» // <http://www.un.org/russian/documents/ntp>.

– в-третьих, юридическое оформление статуса безъядерной зоны осуществляется посредством международных договоров, хотя международной практике известны и другие способы оформления режима ЗСЯО (например «План Рапацкого»);

– в-четвертых, процесс создания каждой ЗСЯО и, соответственно, режим их функционирования обладают специфическими признаками.

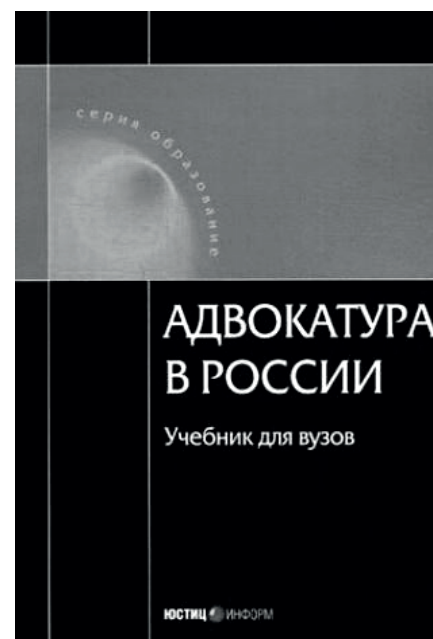
Пристатейный библиографический список

1. Ачдрия А., Огунбанво С. ЗСЯО в Юго-Восточной Азии и Африке // Ежегодник СИПРИ 1998: вооружения. Разоружение и международная безопасность.
2. Давыдов В.Ф. Безъядерные зоны и международная безопасность. – М., 1988.
3. Кутнаева Н.А. Перспективы заключения договора о создании в Центральной Азии ЗСЯО // Ядерный контроль. – 2006. – № 1 (79).
4. Орлов В.А. Ядерное нераспространение: В 2 т. – Т. 1. – М., 2002.
5. Петушко Г.Г. Безъядерные зоны, нераспространение и неразращение ядерного оружия // Советский ежегодник международного права. – М., 1989.
6. Прошин В.Н. Зоны пространственного ограничения вооружений. – М., 1988.
7. Прусаков Ю.М. Безъядерные зоны (Международно-правовые вопросы). – Ростов, 1982.
8. Прусаков Ю.М. Международно-правовые вопросы создания и функционирования зон, свободных от ядерного оружия: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1987.
9. Сотников В. О создании ЗСЯО в Центральной Азии // Аналитические записки МГИМО. – 2008. – № 8 (37).
10. Тузмухамедов Б.Р. Зоны мира. – М., 1986.

В издательстве «Юстицинформ» вышел новый учебник «Адвокатура в России». Правда, новый он лишь в том плане, что в нём обновлены законодательная, научно-практическая сферы, формат и некоторые другие его компоненты. Издаётся же названный учебник ещё с 2002 г. За это время он выдержал четыре издания, стал лауреатом конкурса «Лучший учебник», завоевал авторитет в высшей школе, у преподавателей и студентов российских вузов.

Настоящее 4-е издание написано действующими профессионалами научного, адвокатского и судейского сообщества России. Его авторами являются, например, адвокаты и преподаватели вузов Э.Колоколова, Е.Мартынчик, А.Балашов, И.Чеботарёва, И.Ревина. Кроме упомянутых лиц, список авторов украсили и такие известные учёные и практические деятели, как: Никита Колоколов – доктор юридических наук, профессор Высшей школы экономики, судья Верховного Суда РФ в отставке; Оксана Исаенкова – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Саратовской государственной академии права, член экспертно-консультативного совета по гражданскому праву в Совете Федерации Федерального собрания России; Виктор Вайпан – кандидат юридических наук, московский адвокат, главный редактор журнала «Право и экономика», руководитель сектора научно-договорных работ юридического факультета Московского государственного университета; Михаил Смоленский – кандидат юридических и доктор социологических наук, ростовский адвокат, профессор кафедры теории государства и права в РГУ; Татьяна Рябинина – кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, профессор и заведующая кафедрой уголовного права и криминалистики Юго-Западного университета в г. Курске; Владимир Сергеев – доктор юридических наук, профессор Московского гуманитарно-экономического института, московский адвокат, руководитель этого авторского коллектива и редактор учебника.

Нынешнее, четвёртое издание учебника отличается от предыдущих своей основательностью (более тысячи страниц текста), объёмом учебного материала (23 главы и практические приложения), свободным юридическим языком и нестандартным стилем изложения, обилием примеров из судебной и адвокатской практики, большим практическим наполнением методического материала. Отличительной особенностью учебника является также его этический и воспитательный компонент. Можно с уверенностью сказать, что за всю почти стопятидесятилетнюю историю российской адвокатуры не было ещё столь объёмного и фундаментального труда, который бы нёс в себе одновременно познавательное, методическое, воспитательное и научное начало.

Иншакова А.О.

НАНОЭКОНОМИКА И ПРАВО: МЕЖДУНАРОДНЫЙ УРОВЕНЬ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА НАНОИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ

Настоящая статья посвящена проблемам правового регулирования наукоемких технологий, к которым относятся в том числе и нанотехнологии, – ключевым стратегически важным направлениям развития современной экономической деятельности страны и науки, ее обеспечивающей.

Ключевые слова: правовое регулирование наукоемких технологий, экономико-правовая глобализация и интеграция мира высоких технологий.

Inshakova A.O.

NANO ECONOMY AND LAW: THE INTERNATIONAL LEVEL OF REGULATION OF PROCESS OF NANOINDUSTRIALIZATION OF THE STATE

The present article is devoted to problems of legal regulation of high technologies which concern, including nanotechnologies – key strategically important directions of development of modern economic activities of the state and the science providing it.

Keywords: legal regulation of high technologies, economic and legal globalization and integration of the world of high technologies.

Иншакова А.О.

На сегодняшний день важнейшей общегосударственной задачей, отнесенной к исключительному ведению Российской Федерации, является регулирование наукоемких технологий, которые включают высокие технологии и инновационные технологии, в том числе нанотехнологии. В современном понимании, нашедшем отражение в специальной юридической литературе, нанотехнология – это целенаправленная человеческая деятельность по производству и использованию (включая отображение, измерение, моделирование и управление материей) материалов с преднамеренно внедренными особенностями, вплотную к атомному или молекулярному масштабу, имеющих размер от 1 до 100 нм.¹

В своем Послании Федеральному Собранию РФ от 26 апреля 2007 г. Президент РФ В.В.Путин заявил о необходимости формирования в России научно-технологического потенциала, адекватного современным вызовам мирового технологического развития, особо подчеркивая при этом необходимость создания эффективной системы исследований и разработок в области нанотехнологий, основанных на атомном и молекулярном конструировании. Бывший Президент Российского государства публично высказал свои опасения по поводу того, что «...для большинства людей «нанотехнологии» – это такая же абстракция, как и ядерные технологии в 30-е годы прошлого века». Однако далее В.В.Путин разъяснил, что «...нанотехнологии уже становятся ключевым направлением развития современной промышленности и науки. На их основе в долгосрочной перспективе мы в состоянии обеспечить повышение качества жизни наших людей, национальную безопасность и поддержание высоких темпов экономического роста... Оценки ученых говорят о том, что изделия с применением нанотехнологий войдут в жизнь каждого – без преувеличения – человека, позволят сэкономить невозобновляемые природные ресурсы...».²

Академик В.И.Жуков в своей работе «The World Crisis: Economics and Sociology of Global Processes», обстоятельно проанализировав совокупность причин современного экономического кризиса, помимо финансовой, в перечне главных причин выделяет смену технологического уклада и переход к так называемому шестому технологическому укладу. «В настоящее время, – отмечает академик, – почти все отрасли производства достигли высшей точки своего развития. Теперь без технологической революции в энергетике, материаловедении,

генетике, медицине, информатике и других областях прогресс невозможен».³

Все приведенные выше доводы относительно значимости и приоритетности развития направлений современной науки в сфере нанотехнологий в полной мере касаются и права, призванного упорядочить процесс наноиндустриализации. Сегодня перед юридическим экспертным сообществом стоит непростая задача по совершенствованию законодательства, обеспечивающего развитие инновационной деятельности в сфере нанотехнологий. Для того чтобы читатель мог понимать суть проблем правового обеспечения столь важной сферы современной хозяйственной деятельности в условиях экономико-правовой глобализации и интеграции мирового сообщества, целесообразно, по мнению автора, применять комплексный подход к ее изучению и рассматривать действующие и перспективно-востребованные правовые механизмы ее обеспечения на трех уровнях правового регулирования: универсальном, региональном и национальном. Кроме того, необходимо устранять основной, на наш взгляд, методологический недостаток появляющихся современных правовых исследований в сфере нанотехнологий, который заключается в недостаточном внимательном отношении к проблемам унификации и гармонизации соответствующей области правового регулирования, вызванным объективным явлением экономико-правовой глобализации и интеграции. По нашему глубокому убеждению, в настоящее время невозможно сделать адекватные выводы относительно тенденций и перспектив развития национального законодательства в области наноиндустрии без учета влияния процесса экономико-правовой интеграции как исходного начала необходимой правовой унификации всех уровней правового регулирования в условиях нарастающего взаимодействия и взаимовлияния международного и внутригосударственного права. Особое место в такого рода исследованиях должно быть отведено и вопросам выбора надлежащего метода правовой унификации.

Настоящая статья посвящена международному уровню регулирования процесса наноиндустриализации. На обозначенном уровне правового обеспечения сферы наноиндустрии следует отметить интенсификацию процесса формирования

1 См., напр.: Зульфугарзаде Т.Э., Хатаева М.А. Основы правового регулирования нанотехнологий в Российской Федерации // Адвокат. – 2009. – № 5. – С. 93–113.

2 Российская газета. – 2007. – 27 апреля.

3 См. подробнее: Жуков В.И. The World Crisis: Economics and Sociology of Global Processes. – М., 2009. Монография посвящена изучению мирового кризиса, рассматриваемого автором как единение экономических и социологических аспектов, как глобальный процесс. В работе раскрывается природа кризиса; анализируется антикризисный финансовый, интеллектуальный, технологический и кадровый потенциал ведущих стран мира в сопоставлении с возможностями России. Большое значение уделяется выявлению резервных возможностей России и освещению ее конкурентных преимуществ.

правовых блоков посредством норм *soft law*,⁴ разрабатываемых международными организациями специальной компетенции. Унификация норм в рассматриваемой области хозяйствования – объективная необходимость, обусловленная двумя основополагающими тенденциями современного экономического развития. С одной стороны, это процесс глобализации мирового хозяйства, а с другой – рост экономических интеграционных межгосударственных союзов, как международных, так и региональных. Обе тенденции, как в экономическом, так и в правовом аспекте имеют одинаковую целенаправленность, заключающуюся в транснациональном расширении организованных на внутригосударственном уровне экономической и правовой систем.

Доказано, что одним из приоритетных уровней эффективной унификации правового регулирования хозяйственной деятельности в условиях интенсификации процессов экономической интеграции является сближение национальных правовых систем посредством создания единых норм и правил через международные организации специальной компетенции, такие как Международная организация труда (International Labour Organization, ILO), Всемирная торговая организация (World Trade Organization, WTO), Организация экономического сотрудничества и развития (Organization for Economic Cooperation and Development, OECD) и т. д.⁵

Так, Международной организацией труда (далее – МОТ) принят ряд конвенций, провозглашающих основные принципы охраны труда работников, в том числе и работников, осуществляющих разработку и практическое внедрение наноматериалов. Примерами таких конвенций являются Конвенция МОТ № 155 «О безопасности и гигиене труда и производственной среде» (Женева, 3 июня 1981 г.), Конвенция МОТ № 187 от 31.05.2006 «Об основах, содействующих безопасности и гигиене труда» и другие. Основная цель указанных конвенций – содействие постоянному совершенствованию безопасности и гигиены труда в целях предупреждения случаев производственного травматизма, профессиональных заболеваний и гибели людей на производстве посредством разработки на основе консультаций с наиболее представительными организациями работодателей и работников национальной политики, национальной системы и национальной программы.⁶ В целом конвенции МОТ в сфере охраны труда содержат нормативы и положения, которые предполагают обязанности государства в области управления сферой охраны труда, экономическую ответственность работодателя за опасные и вредные условия труда, права и ответственность работника. Гармонизацию российского трудового законодательства с требованиями конвенций и рекомендаций МОТ следует считать одним из приоритетов политики РФ в социально-трудовой сфере. Доказательством тому является, как можно заметить в ходе правового анализа ключевых документов соответствующей области регламентации в РФ, современная система управления охраной труда (в том числе инфраструктура управления профессиональными рисками на всех уровнях социального партнерства). Основные элементы этой системы в целом идентичны установленным Конвенцией № 187; в частности: существуют органы, отвечающие за вопросы безопасности и гигиены труда (за охрану труда), созданные в соответствии с национальным законодательством (Минздравсоцразвития России и органы по

труду субъектов РФ); функционирует система федеральной инспекции труда (Роструд), а также национальный трехсторонний консультативный орган, занимающийся вопросами безопасности и гигиены труда (Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений и соответствующие трехсторонние комиссии в регионах). Также следует констатировать, что в 2011 г. в России в систему управления профессиональными рисками интегрированы региональные, отраслевые и корпоративные программы по улучшению условий и охраны труда, т. е. фактически создана инфраструктура, соответствующая требованиям Конвенции № 187. Надо отметить, что на сегодняшний день международные документы рекомендательного характера, относящиеся к так называемому *soft law* – мягкому праву, по управлению инновациями создаются и такими международными организациями универсального уровня регулирования, как: ЮНИДО (United Nations Industrial Development Organization, UNIDO), которая действует в рамках Организации Объединенных Наций (Organization incorporated nations), и Организация экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР). Эти рекомендации и минимальные правовые стандарты обеспечивают необходимый минимум знаний и направления инновационного развития в мире. Так, миссией ЮНИДО является улучшение жизни людей в развивающихся странах и странах с переходной экономикой на основе развития их промышленности. В рамках ЮНИДО проводятся исследования глобальных перспектив индустриального развития, формирование международных сетей промышленного и технологического сотрудничества. Правовыми результатами этих исследований являются Форсайты – долгосрочные прогнозы, стратегии развития, комплексное согласованное видение будущего и путей его достижения. Концепция Форсайт основывается на построении и реализации согласованных действий бизнеса, научного сообщества, органов государственной власти и гражданского общества, которые пытаются прийти к единому мнению на основе разработанных специалистами сценариев развития общества. С 2001 г. воплощается инициатива по технологическому Форсайту для государств Центральной и Восточной Европы и СНГ. Так, разработанные для Российской Федерации Форсайты – региональный, корпоративный и для малого бизнеса – следует учитывать при управлении инновациями российских предприятий как источник необходимой информации для принятия решений.

Еще один документ, нормы которого могут применяться и в области высоких технологий, – Меморандум о взаимодействии РФ и ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), подписанный в Москве 25 июля 1993 г.⁷ В нем стороны подчеркнули свою заинтересованность областью точных и естественных наук, а именно развитием программ в области биотехнологии изучения человеческого организма, молекулярной и клеточной биологии, применения биотехнологии для решения экологических проблем, изучения функциональной значимости биологического разнообразия. В документе обращается внимание на то, что стороны поддерживают инициативу создания с участием Регионального бюро по науке и технике для Европы (далее – РОСТЕ) программы содействия внедрению технологических инноваций РФ. На сегодняшний день следует констатировать, что с учетом положений Меморандума в России активно внедряются инновационные технологии, в том числе и при участии РОСТЕ.

Значимая роль в развитии инновационной деятельности, в том числе и в сфере нанотехнологий, отведена ОЭСР, завершившей в 2010 году разработку Инновационной стратегии. Правовой анализ данного документа позволяет говорить о том, что его основной задачей является формирование

4 В международной практике данный термин означает рекомендательные нормы. Появление этого термина было обусловлено принятием Генеральной Ассамблеей ООН большого количества резолюций, носщих, согласно Уставу ООН, рекомендательный характер. См. подробнее: Шумилов В.М. Международное публичное экономическое право. – М.: НИМП, 2001.

5 См. подробнее: Иншакова А.О. Проблемы гармонизации законодательства Российской Федерации и ОЭСР в сфере корпоративного управления // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2009. – № 3; Иншакова А.О. Гармонизация корпоративного регулирования РФ с принципами Кодекса лучшей практики ОЭСР // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2009. – № 2; Иншакова А.О. Унификация корпоративного регулирования в ЕС и СНГ. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – С. 16.

6 <http://www.ilo.org> (официальный сайт Международной организации труда).

7 См.: Московский журнал международного права. – 1993. – № 4; Национальный информационный центр по академическому признанию и мобильности. Министерство образования и науки. Российский Университет Дружбы Народов // www.russianenic.ru/int/lisbon/1.html.

общего видения, изложенного в едином акте, который бы позволил связать отдельные точки роста инноваций, элементы инновационной инфраструктуры, а также усилия различных субъектов в единую систему. Принятие и реализация Инновационной стратегии странами – членами ОЭСР является весьма актуальным, поскольку инновации выступают движущей силой посткризисного устойчивого развития. Инновационная стратегия ОЭСР не только учитывает основные существующие характеристики развития глобальной экономики и общества, но и направлена на формирование более справедливого процесса глобализации, основанного на принципах «устойчивого роста» и более равномерного распределения произведенных благ между развитыми и развивающимися странами. Большинство основополагающих принципов Инновационной стратегии ОЭСР напрямую касаются социальной проблематики – улучшения качества жизни и привнесения соответствующих изменений в инновационную политику.⁸ В связи с этим следует отметить, что российские нормативно-правовые акты, регулирующие сферу науки и новаций, во многом уже направлены на развитие человеческого капитала. Необходимо лишь усилить результативность, достигая намеченных целей по повышению доли конкурсного финансирования и внедряя эффективную систему мониторинга и оценки результативности запланированных мероприятий. Кроме того, более активное вовлечение России в международную инновационную кооперацию, учитывая последние тенденции в этой сфере, ускорит ее переход к инновационному развитию.

Помимо Инновационной стратегии в рамках ОЭСР в сфере инновационных технологий приняты и такие документы, как Руководство по измерению научной и научно-технической активности (The Measurement of Scientific And Technological Activities – Oslo Manual); Экономика знаний (The Knowledge-based Economy), 1996; Национальные инновационные системы (National Innovation System), 1997; Динамика национальных инновационных систем (Dynamising National Innovation Systems), 2002; Стандарт отчетности по научным исследованиям и разработкам (Proposed Standard Practice for Surveys of Research and Experimental Development – Frascati Manual), 2002; Руководство по измерению трудовых ресурсов, занятых в научной и научно-технической сфере, (Manual On The Measurement Of Human Resources Devoted To S&T – Canberra Manual), 1995. Эти документы отражают общие систематизированные и стандартизированные знания в области научных исследований и инноваций.

На необходимость изучения перечисленных документов ОЭСР с целью унификации российского национального законодательства с содержащимися в них положениями в сфере нанотехнологий следует указать и по причине отмеченной в последние два года интенсификации процесса подготовки к вступлению России в ОЭСР, который требует приведения в соответствие с минимальными правовыми стандартами, разработанными в рамках данной международной организации, нормативно-правовой базы, обеспечивающей жизнедеятельность широкого спектра отношений в самых различных сферах,⁹ в первую очередь, в таких стратегически важных для страны, как сфера высоких технологий.

Отдельные международные нормы, которые могут применяться в наноиндустрии, разработаны Всемирной торговой организацией (далее – ВТО). Так, все страны – члены ВТО принимают обязательства по выполнению основных соглашений и юридических документов, объединенных термином «Многосторонние торговые соглашения» (далее – МТС). Таким образом, с правовой точки зрения, система ВТО представляет собой своеобразный многосторонний контракт (пакет соглашений), нормами и правилами которого регулируется примерно 97 %

всей мировой торговли товарами и услугами. Пакет соглашений Уругвайского раунда объединяет по совокупности более 50 МТС и других правовых документов, основными из которых являются Соглашение об учреждении ВТО и прилагаемые к нему МТС. В сфере интеллектуальной собственности принято Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности. Данное соглашение провозглашает, что охрана и обеспечение соблюдения прав интеллектуальной собственности должны содействовать техническому прогрессу и передаче и распространению технологии к взаимной выгоде производителей и пользователей технических знаний, способствуя социально-экономическому благосостоянию и достижению баланса прав и обязательств. Соглашением регулируются различные вопросы интеллектуальной собственности, такие как объем и использование прав интеллектуальной собственности, обеспечение соблюдения прав интеллектуальной собственности, приобретение прав интеллектуальной собственности, урегулирование споров и т. д. Указанное Соглашение играет важную роль в деле развития наноиндустрии, поскольку облегчает процедуру приобретения и реализации интеллектуальных прав, что для рассматриваемой сферы является чрезвычайно важным с точки зрения ее развития и привлечения инвестиций.¹⁰

На международном уровне разработаны и действуют документы, регламентирующие технические вопросы в сфере наноиндустрии. Так, например, Международной организацией по стандартизации (International Organization for Standardization, далее – ISO), в состав которой входит и Россия, приняты международные документы по стандартизации в сфере нанотехнологий, такие как ISO/TR12885:2008 «Нанотехнологии. Правила техники безопасности, применяемые в профессиональной деятельности», ISO/TS27687:2008 «Нанотехнологии. Термины и определения нанобъектов. Наночастица, нановолокно и нанопластина», ISO/TS10867:2010 «Нанотехнологии. Определение характеристик одностенных углеродных нанотрубок с помощью инфракрасного фотолюминесцентного спектроскопа», ISO/TR11360:2010 «Нанотехнологии. Методология классификации наноматериалов», ISO29701:2010 «Нанотехнологии. Проверка на эндотоксин образцов наноматериалов в системах «in vitro». Испытания методом Limulus amoebocyte lysate (LAL)», ISO/TS80004-1:2010 «Нанотехнологии. Термины и определения. Часть 1. Основные термины», ISO/TS80004-3:2010 «Нанотехнологии. Термины и определения. Часть 3. Углеродные нанобъекты», IEC 62624:2009 «Методы измерений электрических свойств углеродных нанотрубок». Кроме того, в рамках ISO принята «Программа стандартизации в наноиндустрии в 2010–2014 гг.», в которой определены приоритетные направления развития стандартизации в наноиндустрии.

К ним относятся: разработка национальных стандартов, обеспечивающих широкое применение нанотехнологий в различных отраслях промышленности; разработка стандартов, гармонизированных с международными стандартами, обеспечивающих развитие технологической базы, безопасность и конкурентоспособность нанотехнологий и нанопродукции; активизация работы участников нанотехнологической сети в работах по стандартизации на национальном уровне; целевая подготовка кадров в области стандартизации.

Вышеназванные международные стандарты играют существенную роль в деле развития наноиндустрии в различных странах, в том числе и России. Использование таких стандартов будет способствовать интенсификации процессов, развивающихся в сфере современных технологий, что представляется чрезвычайно важным на современном уровне развития экономики любой страны.

Существенная роль в развитии процессов наноиндустриализации отведена традиционному методу универсального

8 <http://www.oecd.ru.org/sitemap.html> (официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития).

9 Иншакова А.О. Проблемы гармонизации законодательства Российской Федерации и ОЭСР в сфере корпоративного управления. – С. 37–49.

10 http://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/inbrief_e/inbr02_e.htm (официальный сайт ВТО).

уровня регулирования посредством различного рода межправительственных соглашений, как многосторонних, так и двусторонних. На сегодняшний день подписан ряд международно-правовых договоров, участником которых является и Российская Федерация, хотя их число еще совсем незначительно и говорить о первостепенной роли данного метода регулирования в сфере нанотехнологий не приходится. Видимо, это связано с тем, что данный вид экономической деятельности РФ еще недостаточно освоен. Тем не менее, правовые основы международного сотрудничества в научной сфере были заложены еще в 90-х годах XX века. Так, в Риме 1 декабря 1995 года было подписано Соглашение между Правительством РФ и Правительством Итальянской Республики о научном и техническом сотрудничестве,¹¹ вступившее в силу 8 июня 1999 года. Данное Соглашение содержит положение о том, что стороны в соответствии с законодательством своих государств и обязательствами, вытекающими из действующих международных договоров, конвенций и обязательств, участниками которых они являются, будут содействовать развитию научного и технического сотрудничества в областях, представляющих взаимный интерес, на основе равенства и взаимной выгоды. В Соглашении также определены приоритетные направления сотрудничества, к которым относятся фундаментальные и прикладные исследования в области естественных наук, а также промышленные исследования и новые технологии.

Другим ярким примером классического правового международного сотрудничества в сфере инноваций является принятый 28 февраля 2006 года в Будапеште Меморандум об основных направлениях экономического сотрудничества между Венгерской Республикой и Российской Федерацией на среднесрочную перспективу.¹² В преамбуле документа предусмотрено, что стороны заявляют о необходимости дальнейшего развития российско-венгерских экономических связей на современной рыночной основе с учетом конкретных инициатив деловых кругов и их реализации путем взаимных инвестиций, участия в тендерах, кредитования и страхования экспорта и других прогрессивных форм экономического сотрудничества. При этом в ст. 2 Меморандума определяются основные направления экономического сотрудничества в научно-технической и инновационной сфере, к коим относится сотрудничество в разработке высоких технологий и создании наукоемкой продукции, включая нанотехнологии, организация трансфера технологий и совместной коммерциализации передовых научно-технических результатов.

16 июля 2006 г. в Санкт-Петербурге по итогам саммита стран «Большой восьмерки» был принят документ «Глобальная энергетическая безопасность».¹³ В подпункте 39 данного документа подчеркивается необходимость координации совместных усилий государств, направленных на принятие мер по разработке перспективных технологий, в том числе связанных с сооружением усовершенствованных энергосетей, сверхпроводимостью, нанотехнологиями (включая нанобиотехнологии). Подобный подход государств к развитию nanoиндустрии в энергетической сфере определяется важностью этого сектора экономики, все возрастающим вниманием к проблеме энергоэффективности и энергосбережений.

В рамках данной статьи рассмотрены лишь отдельные, наиболее значимые, с нашей точки зрения, документы в сфере правового регулирования вопросов nanoиндустриализации, однако позволившие определить наиболее динамично развивающиеся сферы правового регулирования процесса nanoиндустриализации. Среди них помимо области права интеллектуальной собственности право корпораций, антимонопольное и инвестиционное право.

Помимо рассмотренных документов существует целый комплекс международных актов, регулирующих не только вопросы инновационной деятельности, но и проблемы интеллектуальной собственности, положения которых могут применяться и в рассматриваемой нами сфере. Тем не менее, следует констатировать, что само по себе международно-правовое регулирование не может быть эффективным без соответствующей его имплементации в национальную правовую базу и правильной ориентации последней на инновационную экономику. Важнейшими факторами динамичного развития современной отечественной экономики, влияющими на ее инновационный характер, являются информация, знания, новейшие технологии, вовлеченные в производство. Поэтому в России на современном этапе первостепенной стала стратегия активизации и эффективного использования инновационного потенциала страны для обеспечения устойчивого экономического развития государства. Правовое регулирование как международных, так и национальных хозяйствующих субъектов в сфере nanoиндустриализации требует учитывать нарастающее взаимовлияние внутреннего и международного права под действием процессов экономико-правовой глобализации и интеграции и, как следствие, возникновение неизбежной потребности в унификации и гармонизации правового регулирования данной сферы хозяйственной деятельности.

По нашему глубокому убеждению, механизмы унификации правового регулирования в сфере нанотехнологий в состоянии учесть экономические и политические угрозы для страны, связанные с несвоевременным включением страны в мировые интеграционные процессы, что неизбежно приведет к фатальному отставанию от других государств. Отсутствие четкого унифицированного правового регулирования отражает противоречивое содержание различных международных актов, которые по-разному определяют само понятие нанотехнологий. Действующие на сегодняшний день международные акты носят по большей части рекомендательный характер и составляют значительный блок в массиве соответствующего правового обеспечения. Они не способны ввести субъекты данной сферы экономической деятельности в жесткие рамки существующего мирового правопорядка. Однако следует упомянуть и некоторые положительные тенденции современного процесса трансформации источников права в исследуемой области, в частности, появление новых видов правовых документов и документов *soft law* (мягкого права), ранее мало известных или неизвестных вовсе. Такие документы мягкого права, как технические регламенты, рамочные программы, концепции, системы и решения в динамично развивающейся сфере nanoиндустрии отличаются гибкостью, предполагающей свободу выбора методов и средств со стороны национального законодателя, и способны оперативно подменять нормативно-правовое регулирование, требующее больших временных затрат. Последнее их свойство призвано способствовать стремительному развитию объективных интеграционных процессов в области nanoиндустриализации, особенно в рамках единого экономико-правового пространства региональных межгосударственных образований.

Пристатейный библиографический список

1. Жуков В.И. *The World Crisis: Economics and Sociology of Global Processes*. – М., 2009.
2. Зульфугарзаде Т.Э., Хатаева М.А. Основы правового регулирования нанотехнологий в Российской Федерации // *Адвокат*. – 2009. – № 5.
3. Иншакова А.О. Гармонизация корпоративного регулирования РФ с принципами Кодекса лучшей практики ОЭСР // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. – 2009. – № 2.
4. Иншакова А.О. Проблемы гармонизации законодательства Российской Федерации и ОЭСР в сфере корпоративного управления // *Вестник Российского университета дружбы народов*. – 2009. – № 3.
5. Иншакова А.О. Унификация корпоративного регулирования в ЕС и СНГ. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.
6. Шумилов В.М. *Международное публичное экономическое право*. – М.: НИМП, 2001.

11 См.: Бюллетень международных договоров. – 1999. – № 11.

12 Справочно-правовая система ГАРАНТ.

13 <http://www.president.kremlin.ru> (официальный сайт Президента РФ).

Пашенцев Д.А.

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ¹

В статье проанализированы особенности развития государственно-конфессиональных отношений в России на разных этапах, предложена авторская трактовка международно-правовых стандартов в данной сфере и особенностей их реализации.

Ключевые слова: международно-правовые стандарты, государственно-конфессиональные отношения, церковь, религия, свобода вероисповедания.

Pashentsev D.A.

DEVELOPMENT OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS

The article analyzes the characteristics of state-confessional relations in Russia at various stages, proposed by the author's interpretation of international legal standards in this area.

Keywords: international legal standards, state-confessional relations, church, religion, freedom of religion.

Международно-правовые стандарты государственно-конфессиональных отношений закреплены в ст. 18 Международного пакта ООН о гражданских и политических правах и в ч. 1 ст. 9 Европейской Конвенции о защите прав и основных свобод. В этих документах говорится, что каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отпавлении культа, изучении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов.²

Существуют национально-государственные особенности понимания и реализации данных положений. Все государства в зависимости от их взаимоотношений с церковью делятся на три группы:

– теократические (политическая власть принадлежит главе церкви, как, например, в Ватикане);

– клерикальные (государство с церковью не слито, но последняя через законодательные институты, включая конституционные нормы, активно влияет на государственную политику, а школьное образование в обязательном порядке включает изучение церковных догматов (Италия, ФРГ, Великобритания);

– светские – государства, в которых церковь отделена от государства, а школа от церкви (Франция, Россия, Турция).

Очевидно, что теократические государства, которых сегодня весьма немного, не в полной мере соответствуют мировым стандартам государственно-конфессиональных отношений, так как реализация права граждан этих государств свободно менять свою религию затруднена. Индивиду, принадлежащие к любой конфессии, кроме официальной, встречаются в таких государствах, прежде всего, с объективными трудностями, которые связаны с отсутствием храмов для иных конфессий, а также с субъективным отрицательным восприятием их убеждений со стороны населения и официальных лиц.

Светских государств, прямо провозглашающих всякое отделение религии от государственной и общественной жизни, в мире также немного. Но даже и эти государства не всегда могут уйти от того, чтобы не подчеркнуть приоритет той или иной конфессии. В качестве примера можно привести Конституцию Грузии, которая в ст. 9, провозглашая независимость церкви от государства, в то же время признает исключительную роль Грузинской православной церкви в истории страны.³ Нарушает ли такое признание международно-правовые стандарты? Полагаем, что не нарушает. Признание

исключительной роли одной из конфессий, тем более в историческом плане, не препятствует гражданам свободно исповедовать иную религию либо оставаться атеистами. То же самое относится и к клерикальным государствам, которых большинство среди стран Европы. Если государство тесно сотрудничает с той конфессией, которую считает основной и к которой принадлежит большинство граждан, но при этом не запрещает деятельность иных конфессий, не препятствует реализации права граждан на свободу вероисповедания, то это вполне соответствует международно-правовым стандартам государственно-конфессиональных отношений.

Достаточно большое количество клерикальных государств также косвенно свидетельствует о том, что их существование не нарушает международно-правовых стандартов государственно-конфессиональных отношений. В качестве примера таких государств можно привести Данию, конституция которой признает лютеранство государственной религией и устанавливает обязательность данного вероисповедания для монарха; Норвегию, где евангелическо-лютеранская религия является официальной; Грецию, где православие признается господствующей религией. В Германии преподавание религии в государственных школах является обязательным. В число государств, которые не до конца расстались со своими религиозными традициями, входят также Лихтенштейн и Монако.⁴

Конституция Российской Федерации устанавливает в ст. 14, что Россия – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

Что означает конституционный принцип светского государства?

Ответ на этот вопрос содержится в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 г.⁵

В соответствии с данным постановлением конституционный принцип светского государства и отделения религиозных объединений от государства означает, что государство, его органы и должностные лица не вправе вмешиваться в законную деятельность религиозных объединений, возлагать на них выполнение функций органов государственной власти и местного самоуправления. В свою очередь, религиозные объединения не вправе вмешиваться в дела государства, участвовать в формировании государственных органов, выполнять их функции, участвовать в выборах, оказывать помощь политическим партиям.

Таким образом, по смыслу данного постановления, церковь не должна, прежде всего, участвовать в политической

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Основной конкурс РГНФ 2011 г. Грант 11-03-00074).

² Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12.

³ Сравнительный анализ конституций государств – участников СНГ. – М., 2006. – С. 18.

⁴ Величко А.М. Церковь, власть и право. – СПб., 2005. – С. 133.

⁵ Конституция Российской Федерации в решениях Конституционного Суда России. – М., 2005. – С. 76.

жизни. Именно на этом аспекте сделал акцент Конституционный Суд.

Такой подход также вполне соответствует международно-правовым стандартам, которые, как показано выше, позволяют в своих рамках выбирать те или иные направления государственно-церковного взаимодействия. В то же время текст Конституции, если исходить из его официального толкования, не препятствует развитию отношений государства и церкви в тех сферах, которые непосредственно не связаны с политикой.

В современных условиях нельзя не заметить определенное сближение государства с Русской православной церковью. Несмотря на то, что в современной России представлено свыше 30 различных религий, включая все мировые, нельзя отрицать, что исторически именно православие играло в нашей стране ведущую роль.

В период татаро-монгольского ига и разрушения отечественной государственности именно православная церковь стала той единственной силой, которая объединяла раздробленные русские земли и княжества, препятствовала их окончательному обособлению, тем самым подготавливая предстоящее объединение.

В период абсолютной монархии православная церковь была полностью подчинена государству, стала частью государственного аппарата. Полное подчинение церковной организации государству предполагало непосредственное управление церковью со стороны государственных органов, введение органов церковного управления в состав государственного аппарата и бюрократизацию приходского духовенства путем перевода его на государственное содержание. Этот процесс в определенной мере затруднялся сохранением собственной экономической базы церкви и наличием сословной структуры общества.

Надо отметить, что такое положение церкви, хотя и давало ей определенные преимущества перед другими конфессиями, не лучшим образом сказалось на ее развитии. В то же время государство и народ также не выиграли от подчиненного положения церкви. Как справедливо отмечал протоиерей Г.Флоровский в своей работе «Пути русского богословия», с Петра начался великий русский раскол – раскол между властью и народом. Если раньше народ мог находить отдушину от чрезмерного государственного гнета в православии, если церковь могла определенным образом сглаживать противоречия между народом и государственным аппаратом, то теперь она сама стала частью этого аппарата.

В целом взаимоотношения государства и церкви в дореволюционный период достаточно ярко определил философ В.Соловьев, отмечавший, что церковь сначала «тянулась за государственную корону, потом крепко схватилась за меч государственный и, наконец, принуждена была надеть государственный мундир».⁶

При советской власти положение церкви в государстве значительно изменилось. В соответствии с Декретом Совета народных комиссаров от 23 января 1918 г. у нее отняли функцию ведения записи актов гражданского состояния, ей запретили владеть собственностью, лишили прав юридического лица.⁷ Если раньше она составляла часть государственного аппарата, то новая власть провозгласила отделение церкви от государства, что сопровождалось гонениями против церковнослужителей и верующих, насильственным насаждением атеизма. Конституция РСФСР 1918 г. лишила священнослужителей и монахов избирательного права. Таким образом, отделение церкви от государства фактически стало правовым поводом для организации гонений на нее.

В современных условиях, когда фактически происходит возрождение православия, когда в России строятся новые храмы и растет число прихожан, когда позиции Православной

Церкви значительно укрепились, возникает соблазн упрекнуть государство в том, что, оказывая такое внимание одной конфессии, оно тем самым ущемляет права других и нарушает международные стандарты государственно-конфессиональных отношений.

В Федеральном законе «О свободе совести и религиозных объединениях» имеется преамбула, в которой, с одной стороны, подтверждается свобода совести и свобода вероисповедания, с другой стороны, признается особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры. Помимо этого, говорится об уважении христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России. Таким образом, мы видим, наряду с признанием особой исторической роли православия, проявление уважения к другим религиям и к свободе вероисповедания. Такой взвешенный подход, несомненно, соответствует международно-правовым стандартам и практике европейских государств.

Государство не может полностью дистанцироваться от взаимоотношений с религиозными объединениями хотя бы в силу того, что они являются частью гражданского общества, представляют интересы значительной части населения страны. При Президенте Российской Федерации действует Совет по взаимодействию с религиозными объединениями, в состав которого входят представители христианства (Русской православной церкви, Римско-католической церкви, протестантских церквей), мусульманства, буддизма и иудаизма.

При Правительстве Российской Федерации работает Комиссия по вопросам религиозных объединений. Консультативные структуры, куда входят местные религиозные лидеры, существуют и при большинстве губернаторов и глав администраций субъектов Российской Федерации.

На федеральном и региональном уровнях сложилась практика заключения соглашений о сотрудничестве между органами исполнительной власти и различными религиозными организациями. Религиозные лидеры работают и в составе Общественной палаты Российской Федерации.⁸

Безусловно, государство сегодня несколько выделяет православие по сравнению с другими религиями, что вызывает обеспокоенность представителей иных конфессий, которые справедливо говорят о многоконфессиональном и многонациональном характере России. В то же время большинство населения страны считают себя именно православными. Не стоит забывать и про историческую государствообразующую роль Православной церкви. В связи с этим необходим поиск гибких, взвешенных подходов в выстраивании государственно-конфессиональных отношений в соответствии с международными стандартами. Что касается самой Русской Православной Церкви, она, на наш взгляд, сама должна противиться излишнему сближению с государством, чтобы оставаться в народном сознании своего рода третьей силой, дистанцированной от власти, той сферой, где можно найти духовное убежище, той силой, что всегда готова встать на защиту социально незащищенных и духовно униженных. Только тогда Церковь сможет успешно выполнять свои функции в обществе, а функции эти отличны от функций государства.

Пристатейный библиографический список

1. Величко А.М. Церковь, власть и право. – СПб.: Изд-во Юрид. института, 2005.
2. Миронов С.М. Актуальные вопросы развития государственно-конфессиональных отношений // Государственная власть и местное самоуправление. – 2008. – № 10.
3. Соловьев В.С. О духовной власти в России // Соловьев В.С. Собр. соч. – СПб., 1911. – Т. 3.
4. Сравнительный анализ конституций государств – участников СНГ. – М., 2006.

⁸ Миронов С.М. Актуальные вопросы развития государственно-конфессиональных отношений // Государственная власть и местное самоуправление. – 2008. – № 10.

⁶ Соловьев В.С. О духовной власти в России // Собр. соч. – СПб., 1911. – Т. 3. – С. 214.

⁷ Собрание узаконений и распоряжений. – 1918. – № 18. – С. 263.

Байльдинов Е.Т.
К ВОПРОСУ О НОВОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Статья посвящена анализу ряда проблем современного международного права и, в частности, определенной противоречивости его основных принципов. Автор предлагает свое видение решения данных проблем.

Ключевые слова: проблемы, современное международное право, основные принципы, соотношение принципов, неравнозначность принципов.

Baidinov Y.T.
TOWARDS AN ISSUE OF A NEW INTERNATIONAL LAW

The article analyses some problems of the modern international law, particularly the contradictions of its basic principles. The author proposes his own vision of solving these problems.

Keywords: problems, modern international law, basic principles, correlation of principles, legal inequality of principles.

Байльдинов Е.Т.

Проблема соотношения основных принципов международного права между собой является сегодня, пожалуй, одной из основных не только доктринальных, но и практических проблем.¹ В последние полтора десятилетия поведение отдельных государств на международной арене и, соответственно, их международно-правовые доктрины, базирующиеся на позициях реализма, вошли в серьезное противоречие с основной доктриной современного международного права, исходящей из равнозначности и равной юридической силы всех основных принципов между собой. В практике международных отношений этих государств мы видим, что принципы уважения прав человека и невмешательства не просто коллидируют между собой: принцип уважения прав человека в системе ОПМП ставится выше принципа невмешательства по своей юридической силе. То же самое можно сказать и о коллизии принципов самоопределения народов и территориальной целостности государств. Сегодня мы находимся в очень сложной и в то же время интересной ситуации, когда следует либо признать неравнозначность ОПМП между собой и тогда выстроить соответствующую иерархию между ними, в дальнейшем укрепляя на этой основе ООН, либо стать свидетелем постепенной утраты современным международным правом своих правовых характеристик.

Думается, что международное сообщество все-таки пойдет по первому пути, и этот путь фактически будет означать начало процесса формирования нового международного права. Представляется также, что гуманитарная интервенция в той или иной форме рано или поздно будет легализована, и принципиальным вопросом здесь станет, очевидно, определение и строгая регламентация оснований, субъектов, методов, средств, а также объема такого вмешательства. К такому выводу подводит наличие трех очевидных и взаимообусловленных фактов:

1. С развалом СССР в явной степени выразилась обусловленность современного международного права интересами наиболее сильных держав, а не интересами международного сообщества в целом.

2. Нарушение баланса силы в пользу США привело к снижению авторитета международного права: мир стал свидетелем того, что не только известные постоянные члены Совета Безопасности, но и некоторые обычные члены ООН позволяют себе не замечать существования международного права, когда им это становится невыгодно.

3. Назрела объективная необходимость в реформировании международного права в том направлении, которое позволит обеспечить хотя бы относительную устойчивость общемирового развития. Другими словами, существует потребность

в новом международном праве и, соответственно, в более безопасном, более гармоничном и более справедливом миропорядке. Предназначение нового международного права, как представляется, должно состоять не только и не столько в обеспечении баланса интересов большинства государств, сколько в обеспечении наиболее общих интересов всего человечества, каждого жителя Земли. Другими словами, новое международное право должно регулировать отношения между государствами и иными субъектами международного права не только в интересах своих народов, но и в интересах всего человечества в целом.

Процесс формирования нового международного права, видимо, и будет представлять собой решение вышеуказанной триединой задачи.

Если следовать по пути признания неравнозначности ОПМП между собой, то тогда необходимо научно обосновать соответствующую иерархию принципов и их взаимное соотношение. Отдельными учеными высказывались ранее мнения о неравнозначности принципов,² однако в целом представленные в доктрине различные классификации ОПМП и варианты их систематизации исходят из признания их полного юридического равенства.³

В этой связи хотелось поделиться своими взглядами на возможную иерархию ОПМП, которая могла бы способствовать более устойчивому развитию человечества.

Предлагаемая ниже классификация (систематизация) основных принципов является своего рода попыткой устранить названный недостаток и выстроить все принципы в строгой юридической иерархии в зависимости от важности каждого принципа для человечества в целом. В основу ее положен базовый, наиболее важный для всего человечества, принцип – принцип уважения прав и основных свобод человека. Представляется, что все остальные принципы должны рассматриваться как производные от него, логически и иерархически вытекающие из него и предыдущих принципов, и поэтому, на наш взгляд, должны обладать юридической силой в строгом соответствии со своим иерархическим положением в предлагаемой системе основных принципов международного права.

1. Принцип уважения прав и основных свобод человека, на наш взгляд, является наиболее важным, а потому центральным и исходным во всей системе основных принципов международного права. Он затрагивает базу человеческого существования и развития. Все остальные принципы так или иначе производны от принципа уважения прав человека. Без обеспечения права на жизнь и других естественных прав и основных

2 См., напр.: Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 299.

3 См., напр.: Бобров Р.Л. Основные проблемы теории международного права. – М., 1968. – С. 197–198; Международное право / Под ред. Н.Т.Блатовой. – М., 1987. – С. 91–92.

1 См.: Проблемы гуманитарной интервенции и защиты граждан за рубежом // Международная жизнь. – 2009. – № 7. – С. 33.

свобод человека невозможно развитие никакой, даже самой элементарной, общественной системы. Каждый человек на Земле должен иметь право на безопасное, свободное, всестороннее и гармоничное развитие в согласии с окружающей природой и другими людьми на основе равных прав и равных возможностей. Более детально минимальный объем основных прав и свобод человека представлен во Всеобщей декларации прав человека, Международных Пактах по правам человека, документах СБСЕ–ОБСЕ, других международно-правовых актах.

На сегодняшний день принцип уважения прав человека, к сожалению, как уже отмечалось, остается пока для многих государств – членов ООН лишь декларацией. В своем современном правовом содержании он говорит лишь об обязанности уважать права человека, и на практике эту обязанность выполняют в основном только общепризнанные демократические государства. Поэтому уважение к правам человека должно не только декларироваться на бумаге. Права человека должны реально соблюдаться и защищаться, причем не только на национальном, но и на международном уровне. В этой связи, на наш взгляд, необходимо дальнейшее прогрессивное развитие этого принципа. Он должен устанавливать всеобщую обязанность государств не только уважать, но и соблюдать и защищать на своей территории общепризнанные права и основные свободы человека.

Сказанное, однако, вовсе не означает, что права отдельного человека имеют приоритет над правами народа (национальными правами), суверенными правами государства. Они должны находиться в гармонии между собой. Национальные права должны рассматриваться как совокупные и наиболее общие права каждого члена нации. Поэтому права отдельного индивида не должны противоречить наиболее общим правам всех других людей, совместно проживающих с ним на общем жизненном пространстве. Эти наиболее общие для каждого человека права и являются по сути фундаментальными, международно-признанными. В демократическом правовом государстве национальные права, как правило, полностью совпадают с базовыми правами человека. В этой связи приоритет должны иметь наиболее общие для каждого человека права и интересы, т. е. права общества в целом. Разумеется, что права и интересы отдельного индивида не могут стоять выше прав и интересов всех и каждого, прав и интересов общества, в котором он живет, будь то семья, трудовой коллектив или нация в целом. Поскольку в демократическом правовом государстве правительство выражает и реализует права и интересы всей нации в целом, то, соответственно, права и интересы отдельной личности не должны противоречить национальным (суверенным) правам и интересам как наиболее общим для каждого гражданина страны правам и интересам. В тоталитарных государствах, где национальные права и интересы определяются одной персоной единолично или узким кругом бессменно находящихся у власти людей, возможны не только нарушения прав отдельного человека, но и нации в целом. И исторических примеров тому предостаточно. Всеобщая Декларация прав человека 1948 года также говорит о приоритете общих интересов над индивидуальными. «Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности». При этом прямо предусматривается возможность ограничения прав только в интересах «общего благосостояния в демократическом обществе» (статья 29).

2. Принцип равноправия и самоопределения народов следует рассматривать как напрямую вытекающий из принципа уважения прав и основных свобод человека. В этом случае действительно, если все люди на Земле равноправны и свободны в выборе путей своего развития, то и народы, которые эти равноправные и свободные люди формируют, также равноправны и имеют право самостоятельно определять свою судьбу. Эта очевидная логика подчеркивает иерархическую

связь и соподчиненность принципа прав человека и принципа равноправия и самоопределения народов. Однако право народов на самоопределение, равно, как и права человека, ограничено правами других народов, совместно проживающих на определенной территории, и оно может быть реализовано только с согласия этих народов. С нашей точки зрения, именно так должен пониматься данный принцип.

К сожалению, в российской и постсоветской литературе по международному праву нет четкого разделения понятий «народ» и «нация». Общеизвестно, что в постсоветском сознании не только на бытовом, но и на политическом и научном уровнях достаточно прочно укоренился стереотип, в соответствии с которым под нацией понимается некая этнически однородная общность людей. Устоявшиеся в обиходе словосочетания «межнациональные отношения», «национальная политика», предполагающие соответственно отношения между различными этническими группами и политику титульного этноса по отношению к другим этносам, как раз и отражают этот феномен.

Понятие «народ» здесь имеет два значения: одно из них подразумевает совокупное население страны, а второе – некую этническую группу в структуре населения страны. Другими словами, с точки зрения человека постсоветской формации (*homo postsovieticus*), понятия «нация» и «народ» в своем втором значении идентичны. Более того, для обозначения относительно небольшой по численности этнической группы в структуре населения страны используют понятие «народность». Все это значительно усложняет и запутывает детерминацию понятий «нация», «национальность», «народ», «народность», «этнос» и т. д.

В современной же западной доктрине международного права под нацией понимается совокупность граждан некоего государства, как правило, вне зависимости от их этнической принадлежности. В этом смысле нация – это самоопределившийся народ, создавший собственное суверенное независимое государство. Если термин «национальность» в «советском» менталитете предполагает принадлежность того или иного индивида к определенной этнической общности, смешиваясь с понятием «нация» или «народ» в русском значении этих слов, то в западной культуре это понятие однозначно и четко обозначает принадлежность индивида к определенной нации как совокупности граждан некоего государства, т. е. гражданство индивида. При этом его этническая принадлежность и не предполагается.

Понятие «народ» (*people*) в западной культуре имеет три значения. Первое, как и в постсоветском сознании, означает население некоей страны в целом без какой-либо детерминации его этнической принадлежности или этнического состава. Второе значение подразумевает некую этническую общность. Третье же значение имеет несколько расплывчатый смысл – люди в целом как некая совокупность индивидов. Нюанс заключается в том, что для случая самоопределившегося народа понятия *nation* и *people* имеют одинаковый смысл, а для случая несамостоявшихся народов или народов в составе полиэтнического населения некоей страны – разный.

Таким образом, сущность первой части принципа равноправия и самоопределения народов заключается в том, что равноправны между собой как самоопределившиеся, так и не самоопределившиеся народы, равноправны нации и народы. Эта сущность отражена и в названии принципа.

Отсюда становится очевидной важность учета разных менталитетов при интерпретации принципов международного права. Даже собственно в разных версиях одного и того же понятия – *international law* и «международное право» – существует разница в отражении его смысла. Русский вариант не совсем корректно отражает сущность этого понятия, передавая его как право между народами. Термин *international law* («межнациональное», в смысле межгосударственное право) более удачен в интерпретации не только понятия

«международное право», но и понятия «нация», имея в виду страну, государство, организованную в государство общность людей. На эту проблему также обращают внимание И.И. Лукашук и другие ученые.⁴

3. Принцип суверенного равенства государств необходимо рассматривать как логически вытекающий из предыдущего принципа. Его правовая сущность в таком случае будет заключаться в следующем: если юридически равноправны и свободны все народы, населяющие планету, то и все государства, которые образовали свободные и равноправные народы, также юридически равноправны и свободны.⁵ При этом именно свободные и равноправные народы, формируя через законные выборные процедуры свои государства, наделяют их суверенитетом. С нашей точки зрения, о суверенном равенстве можно говорить лишь в демократическом смысле, т. е. только тогда, когда народы соответствующих государств как источники национальных суверенитетов законным образом наделили свои правительства властными полномочиями. В противном случае такие правительства незаконны, и, следовательно, по отношению к руководимым ими государствам принцип суверенного равенства применяться не может.

4. Принцип невмешательства во внутренние дела суверенного государства, как нам представляется, следует рассматривать как иерархически вытекающий из принципа суверенного равенства государств, при этом суверенное равенство, как было здесь показано, основано на равенстве народов, а равенство народов, в свою очередь, вытекает из признания прав человека и равноправия всех людей на земле. Следовательно, каждое суверенное с демократической точки зрения государство обязано признавать, уважать и защищать на своей территории права человека и равноправие людей вне зависимости от их гражданства и этнической принадлежности, а также права других народов и суверенные права других государств, поскольку принцип уважения и защиты прав человека и принцип равноправия и самоопределения народов в предлагаемой системе принципов имеют более высокое иерархическое положение. Отсюда следует несколько иная интерпретация принципа невмешательства, а именно, вмешательство во внутренние дела суверенного государства юридически может быть оправдано только в случаях:

- нарушения этим государством прав человека или его неспособности обеспечить эти права;
- нарушения этим государством прав своего населения или отдельных этнических групп либо его неспособности обеспечить эти права;
- нарушения суверенных прав данного государства со стороны внутренней оппозиции или со стороны других государств.

При этом вмешательство должно осуществляться только со стороны мирового сообщества в целом в лице ООН, а методы, средства и пределы такого вмешательства должны быть строго регламентированы в ее Уставе.

Действия государства, систематически нарушающие права человека и права своего народа, не могут быть признаны законными. Только сам народ может делегировать государству право ограничивать себя в правах через законно принятую конституцию и соответствующие ей законы. Поскольку с демократических позиций основные права человека первичны и имеют приоритет перед любыми актами, должно быть признано легитимным только такое вмешательство во внутренние дела суверенного государства, которое совершается от имени и с санкции ООН с целью защиты прав человека, прав народа в целом (а также отдельных этнических групп в его составе)

4 См., напр.: Лукашук И.И. Указ. соч. – С. 14–15.

5 А. Фердросс, например, считал, что принцип суверенного равенства «не означает, что все государства имеют равные права, а лишь то, что ни одно суверенное государство не подчинено другому». Однако это мнение не кажется нам бесспорным (цит. по: Международное публичное право / Отв. ред. К.А.Бекяшев. – М.: Проспект, 2009. – С. 118).

или суверенных прав какого-либо государства. С этой точки зрения глава VII Устава ООН, предусматривающая превентивные и принудительные меры, должна быть дополнена, на наш взгляд, этими положениями.

5. Принцип территориальной целостности государств предлагается рассматривать как иерархически вытекающий из принципа суверенного равенства государств, а также принципа невмешательства. Территория государства может быть изменена каким-либо образом только с согласия нации (народа данного государства) и на основе международного договора с заинтересованными государствами.

6. Принцип нерушимости границ следует рассматривать как логическое продолжение предыдущего принципа.

7. Принцип сотрудничества логически вытекает из всех предыдущих принципов, поэтому его иерархия и место в системе принципов определяется данной правовой логикой. На наш взгляд, юридическая сила данного принципа имеет, безусловно, императивный характер. Однако, как было показано ранее, целый ряд крупных ученых, в том числе и профессор И.И. Лукашук, выражают сомнение по поводу его обязательной юридической силы. Более того, отдельные юристы-международники видят в этом принципе не обязанность государств, а их право. Нельзя заставить суверенное государство сотрудничать с кем бы то ни было, если оно не заинтересовано в таком сотрудничестве.⁶ Тем не менее, представляется, что принцип сотрудничества следует считать императивной нормой международного права, поскольку названное противоречие разрешается, если применить в исследовании данной проблемы системный подход.

Необходимость сотрудничества вытекает из естественной потребности любой социальной структуры, в том числе и государства, развиваться. Совершенно очевидно, что без сотрудничества нет развития. Без сотрудничества мужчины и женщины невозможно построить счастливую семью, без сотрудничества трудового коллектива невозможно развитие организации, без сотрудничества заинтересованных в нем компаний невозможно развитие каждой компании в отдельности. Это аксиома. Развитие в самом общем смысле этого слова – основная цель любого человека, любого общества, любого государства, любого социального образования. Поэтому для обеспечения развития какой-либо социальной системы структурно входящие в нее подсистемы обязаны сотрудничать между собой, учитывая права и интересы друг друга.

Если под системой понимать все человечество, то отдельные суверенные государства являются ее подсистемами и, следовательно, обязаны сотрудничать в достижении общечеловеческих целей. Если же речь идет об общих целях отдельных взаимозависимых государств, то под системой необходимо понимать совокупность только тех государств, для которых эти цели являются общими. В этом случае принцип сотрудничества будет являться императивной нормой только для заинтересованных государств, т. е. для государств, образующих «малую» систему.

Таким образом, принцип сотрудничества необходимо считать императивной нормой для всех взаимозависимых государств. Однако, учитывая тот факт, что мир стал весьма взаимозависимым, очевидным становится и то, что этот принцип имеет обязательную юридическую силу для всех государств *erga omnes*.

8. Принцип *Pacta sunt servanda* следует рассматривать как логически вытекающий из предыдущего принципа. Совершенно справедливым является то обстоятельство, что если государства сотрудничают между собой, то и обязательства, которые они на себя взяли в этом сотрудничестве, должны добросовестно выполняться.

9. Принцип разрешения споров только мирными средствами также вытекает из предыдущего принципа. Ясно, что

6 См.: Лукашук И.И. Указ. соч. – С. 320.

при всяком сотрудничестве, всяком взаимодействии могут возникать различные споры, которые способны привести даже и к военным столкновениям. Поэтому императив данного принципа обязывает государства разрешать любые свои споры, возникающие у них с другими государствами или какими-либо иными субъектами общественных отношений, только мирными средствами.

10. Принцип неприменения военной силы или угрозы силой⁷ целесообразно, на наш взгляд, рассматривать как логически вытекающий из предыдущего: если все споры должны разрешаться исключительно мирными средствами, то применение военной силы или угрозы ее применения, за исключением случаев, предусмотренных Уставом ООН, должно быть строго запрещено.

⁷ Более адекватно отражающим идейно-правовую сущность данного принципа представляется название, данное проф. Ю.Н.Малеевым, – принцип воздержания от применения силы или угрозы силой. См.: Малеев Ю.Н. Реабилитация адекватного и пропорционального применения силы // Московский журнал международного права. – 2004. – № 4. – С. 37–38.

Итак, на основе всестороннего исследования основных принципов международного права мы попытались разрешить их внутреннее противоречие, логически обосновать и иерархически выстроить их систему, в которой исходным является принцип уважения прав человека. При противоречии между принципами приоритетом должны пользоваться те, которые находятся выше по своей иерархии. Нам представляется, что в таком систематизированном виде они будут больше способствовать глобальной устойчивости.

Пристатейный библиографический список

1. Бобров Р.А. Основные проблемы теории международного права. – М., 1968.
2. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. – М.: Волтерс Клувер, 2005.
3. Малеев Ю.Н. Реабилитация адекватного и пропорционального применения силы // Московский журнал международного права. – 2004. – № 4.
4. Международное право / Под ред. Н.Т.Блатовой. – М., 1987.
5. Проблемы гуманитарной интервенции и защиты граждан за рубежом // Международная жизнь. – 2009. – № 7.

Российский университет кооперации сегодня – это главный учебно-научный центр системы кооперативного образования России. Учредитель университета – Центросоюз Российской Федерации. Российский университет кооперации имеет право на осуществление образовательной деятельности по образовательным программам среднего, высшего, послевузовского и дополнительного профессионального образования и выдачу документов об образовании государственного образца выпускникам, подтвердившим на итоговой государственной аттестации освоение соответствующей образовательной программы.

Современные лекционные залы и специализированные лаборатории, компьютерные классы и лингафонные кабинеты, аудитории, оснащенные интерактивным оборудованием, располагают к творческой работе. Постоянно пополняется и обновляется фонд учебной, научной, художественной литературы библиотеки. Интернет-клуб и зимний сад, современная столовая, общежития, спортивный комплекс, поликлиника, молодежный центр постоянно работают для студентов, аспирантов, преподавателей.

Около 50 тысяч студентов в настоящее время обучаются в университете и его филиалах. В региональную сеть Российского университета кооперации входят 22 филиала, в том числе Чебоксарский, Саранский, Поволжский, Волгоградский, Казанский, Краснодарский, Башкирский кооперативные институты (филиалы).

В университете эффективно действует система непрерывного образования, которая включает в себя довузовское обучение, начальное, среднее и высшее профессиональное образование, повышение квалификации и переподготовку специалистов, обучение в аспирантуре и докторантуре, защиту кандидатских и докторских диссертаций.

В соответствии с рейтингом Министерства образования и науки РФ университет входит в десятку ведущих экономических вузов России.

Высокий уровень профессиональной подготовки позволяет выпускникам университета найти применение своим знаниям, способностям в разнообразных областях народного хозяйства, органах государственного, муниципального управления, кооперативах, акционерных обществах, финансовых структурах.

Образовательные программы высшего профессионального образования в Университете реализуются в четырех формах: очной, очно-заочной (вечерней), заочной и в форме экстерната.

В состав Университета входят 6 факультетов:

- Факультет бухгалтерского учета и прикладной информатики,
- Факультет международных экономических отношений,
- Финансово-экономический факультет,
- Факультет торговли и ресторанного бизнеса,
- Юридический факультет,
- Факультет заочного образования.

В Российском университете кооперации созданы все условия для того, чтобы студенты смогли проявить свои способности в самых различных направлениях: в науке, спорте, музыке. Для вас открыты молодежные клубы, КВН, спортивные секции, научные общества, получившие высокую оценку и заслуженные государственные награды.

Адрес: 141014, Московская область, г. Мытищи, ул. В.Волошиной, дом 12\30

Веб сайт: www.ruc.su E-mail: ruc@rucoop.ru

Приёмная комиссия: (495) 233-50-03, (495) 582-91-19, (495) 640-57-12

Довузовская подготовка: (495) 640-57-11, доб. 60-24

Аспирантура: (495) 640-57-11, доб. 60-64

Мохаммад С.А.
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

В статье анализируются основные этапы в истории развития международного экологического права, определяются временные рамки этих этапов, а также характерные для каждого из них особенности и тенденции.

Ключевые слова: международное экологическое право, история развития, Международный союз охраны природы и природных ресурсов (МСОП), Стокгольмская конференция, Конференция ООН по окружающей среде и развитию, «экологизация», изменение климата.

Mohammad S.A.
INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW IN HISTORICAL RETROSPECTIVE

The article deals with the main stages in the development of international environmental law. The timing of these stages, as well as specific to each of them characteristics and trends are determined.

Keywords: international environmental law, history of development, International Union for Conservation of Nature and Natural Resources (IUCN), Stockholm Conference, UN Conference on Environment and Development, «greening», climate change.

В составе авторского коллектива монографии «История международного экологического права»¹ нам уже приходилось обращаться к исследованию проблемы становления и развития международного экологического права как самостоятельной отрасли международного права. Однако появившиеся за рубежом в последние годы научные труды,² а также оказавшиеся в руках автора стенограммы некоторых важнейших международных конференций по проблемам окружающей среды заставляют нас внести некоторые коррективы в периодизацию истории международного экологического права и оценку тех событий, которые предопределили будущее этой отрасли международного права на достаточно длительную перспективу. Сразу подчеркнем, что в плане познания международного экологического права и его науки исторический аспект имеет, безусловно, основополагающее значение. «...Знание истории предмета и истории его науки, – замечал Г.И.Тункин, – необходимое условие развития любой науки».³ Наука международного экологического права не является в этом отношении исключением.

При этом важно иметь в виду, что в процессе познания мы, так или иначе, работаем с материалом, открытым, изученным и систематизированным в той или иной мере личностями, жившими до нас. Напомним в этой связи высказывание русского ученого Д.И.Каченовского, сделанное им еще в 1863 г.: «Пора понять, что наука обширна и глубока..., что она разрабатывается преемственно. Самое деятельное и добросовестное поколение вносит скромную долю в капитал, добываемый усилиями нескольких веков».⁴

Международное экологическое право, равно как и его наука, не находятся в статическом состоянии. Разные эпохи порождают разные международно-правовые нормы, регулирующие международные экологические отношения, которые, в свою очередь, влекут за собой новые взгляды, трактовки, научные концепции. «Право, – констатировал русский международник М.А.Таубе, – не есть что-нибудь неподвижное, неизменное, неизвестно откуда явившееся: оно есть одна из многих сторон или проявлений нашей жизни; оно растет и изменяется

1 Копылов М.Н., Мохаммад С.А., Якушева Е.А. История международного экологического права. – М.: Изд-во РУДН, 2007.

2 См., напр.: Brownlie I. Principles of Public International Law. – Seventh ed. – Oxford: Oxford University Press, 2008; Cassese A. International Law. – Second ed. – Oxford: Oxford University Press, 2005; Shaw M.N. International Law. – Sixth ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010; Birnie P., Boyle A., Redgwell C. International Law and the Environment. – Third ed. – Oxford: Oxford University Press, 2009; The Global Environment: Institutions, Law, and Policy. – Third ed. / R.S.Axelrod, S.D.VanDeveer, D.L.Downie (eds). – Washington: CQPress, 2011.

3 Тункин Г.И. Предисловие // Левин Д.Б. Наука международного права в России в конце XIX века и начале XX века. – М.: Наука, 1982. – С. 4.

4 Каченовский Д.И. Курс международного права. – Харьков, 1863. – Ч. 1. – С. 15.

Мохаммад С.А.

вместе с нею; это своего рода живой организм, и понять его современное состояние без его истории невозможно».⁵

Но было бы недостаточно мотивировать изучение истории международного экологического права лишь необходимостью понять его современное состояние. Определение перспектив его развития, динамики, положительного и негативного, предвосхищение того, что пока закрыто годами, – невозможно без знания истории. Мы должны изучить факты прошлой жизни человечества для того, чтобы открыть в них законы его прогресса. Будущее способен предвидеть только тот, кто понял прошедшее. Сегодня можно с уверенностью констатировать, что как в отечественной, так и в зарубежной юридической литературе существует полное единодушие относительно условного деления истории международного экологического права на 4 этапа (эпохи) и относительно рамок первого этапа: 1839–1948 гг.⁶ Что же касается временных рамок трех других этапов, то здесь мнения ученых расходятся, прежде всего, в связи с различными оценками тех событий, которые, по их мнению, могли кардинально изменить характер, формы и принципы международного природоохранного сотрудничества. Мы попытаемся внести некоторую ясность в этот вопрос, предложив аргументы и доводы в обоснование своей периодизации истории международного экологического права.

Как принято считать, первый этап в истории развития международного экологического права берет свое начало с заключения двусторонней Конвенции о ловле устриц и рыболовстве у берегов Великобритании и Франции от 2 августа 1839 г.⁷ Конвенция устанавливала правила рыболовства в проливе Ла-Манш и Северном море. В соответствии с ней была образована Смешанная комиссия, которая разрабатывала рекомендации о сроках промысла, районах лова. По рекомендации Комиссии Великобритания и Франция в 1843 г. утвердили правила рыболовства за пределами трехмильных территориальных вод.

Заклученный за 85 лет до этого в Ваприо 17 августа 1754 г. Договор между ее величеством Императрицей Австрии, выступавшей как Герцогиня Милана, и ее светлостью Республикой

5 Таубе М.А. История. – СПб., 1894. – С. VI–VII.

6 См., напр.: Бекашев К.А. О роли ООН в кодификации и прогрессивном развитии международного экологического права // Труды МПЮА. – М., 1997. – № III. – С. 146–152; Kiss A., Shelton D. International environmental law. – Ardsley-on-Hudson, 1991. – P. 55–79.

7 См., напр.: Kiss A., Shelton D. Op.cit. – P. 55; Бекашев К.А. Указ. соч. – С. 146; Копылов М.Н., Кузьменко Э.Ю. Международное экологическое право: Кодификация и прогрессивное развитие. – М., 2005. – С. 70; Копылов М.Н. Введение в международное экологическое право. – М.: Изд-во РУДН, 2007. – С. 51; Международное право / Под ред. А.Я.Капустина. – М.: Гардарики, 2008. – С. 473; Международное право / Отв. ред. В.И.Кузнецов, Б.Р.Тузмухамедов. – 3-е изд., перераб. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – С. 577.

Венеция об определении границ относительно свободного течения вод пограничной реки Олио и использования их для рыболовства⁸ явился лишь единичным событием, не положившим начало системному подходу в договорном регулировании охраны живых ресурсов международных рек. В нем вопросы рыболовства рассматривались как сопутствующие решению главной проблемы – определению границ относительно свободного течения вод пограничной реки Олио.

В рамках первого этапа предпринимались разрозненные усилия на двустороннем субрегиональном и региональном уровнях по защите и сохранению отдельных объектов живой природы. Усилия проводимых конференций не координировались, и они не пользовались эффективной поддержкой правительств.⁹ Хотя в этот период государствами было проявлено определенное внимание к экологическим вопросам, выразившееся в заключении более 10 региональных международных соглашений, удалось в какой-то мере решить лишь частные, локальные проблемы.

Следующие шесть ключевых событий определили характерные черты, свойственные этому этапу:

– Конвенция по защите конкретных видов птиц, полезных в сельском хозяйстве, заключенная в Париже 19 марта 1902 г.¹⁰ Она явилась первым глобальным соглашением, вступившим в силу. Принятие Конвенции было продиктовано стремлением остановить истребление тех особей животных, которые считались полезными и неопасными для человека. Одновременно договор поощрял уничтожение животных, признанных вредными для человека, в частности львов, леопардов, крокодилов и ядовитых змей.

Уже само название Конвенции 1902 г. указывает на те цели, которые преследовались ее участниками. Соглашение касалось полезных птиц, особенно насекомоядных, и было нацелено, прежде всего, на увеличение сельскохозяйственного производства. Приложение 2, названное «Неполезные птицы», включало в себя большинство птиц, используемых на охоте, включая некоторые разновидности орлов и соколов, находящиеся сегодня под строгой защитой. Критерием защиты было избрано их краткосрочное использование, сиюминутная полезность защищаемых особей. Значение других птиц для экосистем, особенно охотников на грызунов, полностью игнорировалось;

– Вашингтонская конвенция о сохранении и защите морских котиков, подписанная США, Великобританией, Россией и Японией 7 июля 1911 г. Как и Конвенция 1902 г. имела открытый утилитарный характер.

По признанию американских экспертов, объединение усилий четырех государств в рамках данной Конвенции должно было положить конец истреблению морских котиков и обеспечить их сохранение. Конвенция вступила в силу 14 декабря 1911 г. и явилась одним из первых международных договоров, в котором регулировались вопросы сохранения диких животных.

Конвенция в ст. I объявила район открытого моря, расположенный к северу от 30° с. ш., включая Берингово море, запретным для охоты на морских котиков. Сам же термин «охота» по смыслу Конвенции означает «убийство, поимку или преследование в какой-либо форме морских котиков в открытом море» (ст. IX).

Основу Конвенции составляют следующие три базовые ее положения: запрет на охоту на морских котиков в открытом море; предоставление юрисдикции США на управление береговой охотой. В обмен на это другим участникам Конвенции

гарантировались выплаты и / или определенный процент шкур морских котиков (ст. XI–XIV); из сферы действия ограничений, налагаемых Конвенцией, исключаются представители коренного населения, занятые охотой в некоммерческих целях с применением традиционных видов орудий (ст. IV).

Сразу после вступления Конвенции в силу США объявили пятилетний мораторий на охоту на морских котиков, который сыграл важную роль в восстановлении поголовья этих животных.

Действие Конвенции было сначала приостановлено, а затем и прекращено второй мировой войной. 17–19 ноября 1913 г. в Берне состоялась хронологически первая межправительственная Конференция по международной охране природы. По приглашению швейцарского правительства на конференцию собрались представители 17 государств: Австрии, Аргентины, Бельгии, Великобритании, Венгрии, Германии, Дании, Испании, Италии, Нидерландов, Норвегии, Португалии, России, США, Франции, Швейцарии, Швеции (Румыния и Япония приглашения получили, но от участия отказались). В своем стремлении положить конец истреблению ценных видов растений и животных, которое приняло «действительно ужасающие размеры», прежде всего в Африке, и которое было квалифицировано участниками Конференции как «истребительное неистовство»¹¹ (Л.Форрер, Швейцария), участники Конгресса учредили совещательную Комиссию, полномочия которой касались сбора, обобщения и опубликования всех данных о состоянии природы мира и ее охране, а также пропаганды международной охраны природы. Такое половинчатое решение основной задачи, которая стояла перед Конгрессом, – учредить действенный межправительственный орган с широкими полномочиями в области международной охраны флоры и фауны, сохранения биологического разнообразия, охраны исчезающих видов флоры и фауны, международной поддержки устройства природных заповедников, охраны ландшафтов и охраны исчезающих человеческих племен – было обусловлено тем, что мнения участников разделились. Одни государства (Россия, Швейцария и др.) стремились к созданию дееспособного международного органа, который обладал бы правом разрабатывать международные соглашения и следить за их выполнением.¹² Другие не были готовы наделять международный орган широкими полномочиями в сфере охраны окружающей среды.

Представление о полномочиях будущей комиссии можно составить из следующих выступлений участников Конгресса.

Поль Саразин (Швейцария, инициатор Конгресса): «Природа не знает политических границ, и ее охрана не может ограничиваться какими-либо отдельными государствами. Охранить живую красоту всего земного шара от грозящего ей уничтожения является задачей столько же национальной, сколько и международной охраны природы. Соревнование наций должно разгореться и здесь, и та нация, которая в пределах своей страны сумеет создать что-либо большее для охраны своей природы, тем самым много сделает и для мировой охраны природы».¹³

Л.Форрер (Швейцария): «Если же государство не может своими собственными усилиями добиться необходимых результатов в том случае, например, когда области, требующие охраны, не принадлежат никакому государству или принадлежат нескольким державам, как это может быть с океанами, пустынями, степями, или если вмешательство государства только повредило бы промышленности его собственных подданных и не принесло бы никакой пользы делу охраны, тогда все цивилизованные государства или определенная группа их

8 International Protection of the Environment: Treaties and Related Documents. Second series: continuation of volumes I-XXX (1754–1981) / B.Simma, B.Rüster (eds). – N.-Y.: Oceana Publications, 1990–1995.

9 См., напр.: Храмов С.С. Проблема окружающей среды в деятельности ООН. – М., 1984. – С. 17.

10 International Convention for the Protection of Birds Useful to Agriculture (Paris, March 19, 1902) // British and Foreign State Papers. – Vol. 102. – P. 969.

11 См.: Мировая охрана природы. – Петроград: Тип. М.М.Стасюлевича, 1915. – № 2. – С. 11.

12 См.: Чичварин В.А. Охрана природы и международные отношения. – М., 1970. – С. 86.

13 Поль Саразин. О задачах мировой охраны природы (Доклад представителя Швейцарии) // Мировая охрана природы. – С. 17.

должны положить конец истреблению при помощи международного соглашения, которое объединило бы эти государства в их общих мероприятиях или принудило бы их к одинаковому образу действий».¹⁴

К сожалению, в связи с началом первой мировой войны международный акт об учреждении Комиссии так и не вступил в силу. Однако усилия международного сообщества по созданию межгосударственного органа в сфере охраны окружающей среды не прошли даром. В 1922 г. появился Международный совет по охране птиц, в 1923 г. было учреждено Международное общество по охране зубра, в 1929 г. – Постоянный комитет по охране природы Тихого океана, а в 1935 г. в Брюсселе возникло Международное бюро по охране природы, в задачи которого входило ведение реестра национального природоохранного законодательства и национальных парков и заповедников.

Как отмечают российские юристы А.Х.Абашидзе и А.М.Солнцев, «главным итогом Бернской конференции было то, что впервые на межгосударственном уровне при широком представительстве государств прозвучала идея необходимости международного сотрудничества для защиты окружающей среды. Это была революционная идея для начала XX века»;¹⁵

– в 1930-е гг. принятие двух международно-правовых актов ознаменовало появление чисто экологических подходов, явившихся предшественниками современных экологических концепций. Первый из этих документов – Лондонская Конвенция об охране флоры и фауны в их естественном состоянии на Африканском континенте 1933 г.¹⁶ – действовал в отношении колониальной Африки, за исключением территории метрополий (ст. 1). Конвенцией предусматривались создание национальных парков и строгая защита некоторых видов диких животных. Она также регулировала экспорт охотничьих трофеев и запрещала некоторые способы охоты. Хотя в своей основе Конвенция была свойственна все та же утилитарность, тем не менее, она предусматривала такие ограничения, которые не влияли на сохранение охоты как развлечения (сафари) (ст. 4(2)). Кроме того, она призвала к осуществлению мер по одомашниванию диких животных, представляющих собой экономический интерес (ст. 7(8)), и разрешала принятие дополнительных мер защиты в отношении животных и растений, которые «по всеобщему признанию являются полезными для человека или представляют научный интерес» (ст. 8(4)).

Второй документ – Конвенция о защите окружающей среды и сохранении дикой природы в западном полушарии 1940 г.¹⁷ Подобно Лондонской Конвенции она предусматривала создание заповедников и защиту диких животных и растений, особенно мигрирующих птиц; хотя в целом многие положения этого документа являются более общими и менее ограничивающими по сравнению с Лондонской Конвенцией;

– Решение международного арбитражного трибунала от 11 марта 1941 г. по делу «Трейл Сметтер», в котором впервые был сформулирован отраслевой принцип международного экологического права, в соответствии с которым «ни одно государство не имеет права использовать свою территорию или разрешать ее использование таким образом, чтобы это причинило ущерб территории (или на территории другого государства собственности и лицам)».¹⁸

Таким образом, появились первые элементы кодекса охраны окружающей среды. Доктрина международного права также внесла свой вклад, предложив основополагающие принципы, которые должны составлять фундамент права трансграничного загрязнения.

Второй этап истории международного экологического права, который иногда еще называют «достоевской эрой», по нашему мнению, берет свое начало в 1948 г. Он характеризуется, прежде всего, укреплением институциональной базы международного природоохранного сотрудничества, что связано, главным образом, с созданием ООН и ее специализированных учреждений, а также образованием целого ряда международных неправительственных экологических организаций, ведущая роль среди которых принадлежит учрежденному в 1948 г. Международному союзу охраны природы и природных ресурсов (МСОП).

Произошло осознание того, что человек стал фактором фундаментальных изменений в природных системах Земли, включая истощение стратосферного озонового слоя, глобальное изменение климата и утрату биологического разнообразия.¹⁹ В этой связи напомним, что еще в 1925 г. основоположник биогеохимии В.И.Вернадский писал, что превратившись в существенный экологический фактор биосферного целого, в мощный фактор эволюции органического мира, человеческое общество «становится в биосфере... единственным в своем роде агентом, могущество которого растет с ходом времени со все усиливающейся быстротой. Оно одно изменяет новым образом и с возрастающей быстротой структуру самих основ биосферы».²⁰

Параллельно с этим политическая власть во всем мире становилась все более фрагментарной после распада обширных колониальных империй Великобритании, Франции, Нидерландов, Бельгии и Португалии. Появление новых государств отразилось на росте числа членов ООН с 51 в 1945 г. до 193 в 2011 г. Тот факт, что каждое государство, независимо от численности населения или уровня экономического развития, утверждает исключительное право устанавливать условия использования его природных ресурсов,²¹ значительно усложнил задачу достижения международного сотрудничества в решении региональных и глобальных экологических проблем. У государств есть тенденция к чрезмерному использованию или злоупотреблению областями, находящимися за пределами их территориальной юрисдикции, такими как Мировой океан и атмосфера, что ведет, по образному выражению Г.Хардина, к «трагедии общин» в глобальном масштабе.²²

Центростремительные тенденции систем национальных государств были сдержаны в некоторой степени появлением и созреванием международных режимов, обеспечивающих меры международного управления для решения многочисленных экологических проблем.²³ Понятие «международный режим» широко применялось для обозначения сочетания международных учреждений, обычных норм и принципов, а также резолюций и формальных договоров, предписывающих действия государств в отношении конкретного предмета, проблемы или региона.²⁴ Например, существуют международные

19 См.: Planet under Stress: The Challenge of Global Change / C.Mungall, D.J.McLaren (eds). – N.-Y.: Oxford University Press, 1990.

20 Вернадский В.И. Биогеохимические очерки. – М.; Л., 1940. – С. 47.

21 См. подробнее: Капустин А.А. Суверенитет государства над своими природными ресурсами // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции. Москва, 9–10 апреля 2010 г. / Под ред. А.Х.Абашидзе, М.Н.Копылова, Е.В.Киселевой. – М.: РУДН, 2011. – Ч. I. – С. 58–67.

22 Hardin G. The Tragedy of the Commons // Science, 1968, December 13. – № 168. – P. 1243–1248; см. также: Soroos M.S. Garrett Hardin and Tragedies of Global Commons // Handbook of Global Environmental Politics / P.Dauvergne (ed.). – Cheltenham (UK), 2005. – P. 35–40.

23 См.: Young O. International Governance: Protecting the Environment in a Stateless Society. – N.-Y.: Cornell University Press, 1994; Hempel L.C. Environmental Governance: The Global Challenge. – Wash.: Island Press, 1996.

24 См.: International Regimes / S.D.Krasner (ed.). – N.-Y.: Cornell University Press, 1983.

14 Речь представителя Л.Форрера (представителя Швейцарии) // Мировая охрана природы. – С. 12.

15 Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Первая международная экологическая конференция – Конференция по международной охране природы (Берн, 1913 г.) // Экологическое право. – 2006. – № 4. – С. 4.

16 Convention Relative to the Preservation of Fauna and Flora in their Natural State (London, Nov. 8. 1933) // Legal Nations Treaty Series. – Vol. 172. – P. 241.

17 Convention on Nature Protection and Wildlife Preservation in the Western Hemisphere (Washington, D.C., Oct. 12, 1940) // UN Treaty Series. – Vol. 161. – P. 193.

18 Подробнее см.: Международное право: Практикум / Под ред. А.Н.Вылегжанина, А.А.Капустина, М.Н.Копылова. – М.: ИД Юрис Пруденс, 2011. – С. 308–319.

режимы сохранения биологического разнообразия, сокращения трансграничного загрязнения воздуха в Европе, ограничения захоронения токсичных веществ в океанах, регулирующие использование космического пространства, сохранение исчезающих видов и защиты окружающей среды Антарктики.²⁵

Международные учреждения играют основную роль в создании, развитии и осуществлении международных экологических режимов. Они включают не только универсальные международные межправительственные организации (ММПО) системы ООН, но и региональные, такие как Европейский Союз и Африканский Союз (бывшая Организация Африканского Единства). Большинство ММПО, игравших роль в процессе эволюции международных экологических режимов, не создавались специально для решения экологических вопросов, но со временем их цели стали включать и экологические проблемы.

Работа этих международных учреждений была дополнена ростом числа и влияния международных неправительственных организаций (МНПО). Среди них есть научные объединения, такие как Международный Совет по Науке (бывший Международный Совет научных союзов) и многочисленные экологические организации пропагандистской направленности, такие как Гринпис Интернешнл и Всемирный Фонд дикой природы (ВФДП). Говорят, что совместно МНПО образуют международное гражданское общество с учетом их роли в сближении людей и групп из нескольких стран для продвижения общих интересов и мотивов.²⁶ Когда после второй мировой войны была основана ООН, существовало слабое понимание экологических проблем. И хотя деятельность новой организации была значительно шире, чем у Лиги Наций, особенно по экономическим, социальным и гуманитарным вопросам, в Уставе ООН не было упомянуто о природной среде.²⁷

В последующие десятилетия растущее число ММПО, в частности, в значительной степени автономные специализированные учреждения, слабо координируемые ООН, включили экологические проблемы в свои цели. ФАО, чей широкий портфель полномочий включает отношения между производством продуктов питания и окружающей средой, способствовала развитию оценки международных комиссий по рыболовству в области управления и сохранения морских рыбных запасов. ВОЗ исследует воздействие загрязнения воды и воздуха на здоровье человека, в то время как МОТ стремится защитить работников от экологических опасностей, таких как отходы (пыль) и пестициды. ИМО выступила спонсором ряда международных соглашений, направленных на регулирование загрязнения океанов с судов, особенно танкеров.²⁸ ЮНЕСКО поддерживает исследования в области вопросов, связанных с окружающей средой, включая Программу «Человек и биосфера». За рамками ООН в 1946 г. была создана Международная китобойная комиссия для сохранения исчезающих видов китов.

Внимание международного сообщества к экологическим вопросам в 1960-е гг. было направлено на довольно узко определённые экологические проблемы, такие как предотвращение определённых видов загрязнения и сохранение конкретных видов диких животных. Не существовало крупных международных организаций, основные цели которых были бы экологическими. В экономической сфере три мощные Бреттон-Вудские организации – МБРР, МВФ и Генеральное соглашение по тарифам и торговле (с 1995 г. – Всемирная

Торговая Организация) – сформировали развитие все более глобализирующейся мировой экономики. Напротив, существовавшие формы международного экологического управления были в зачаточном состоянии и раздроблены по многим крупным автономным ММПО, для которых экологические проблемы стояли на втором месте среди их задач в таких секторах, как транспорт, трудовые отношения, погода, здравоохранение, ресурсы, энергия и наука.

Третий этап в истории развития международного экологического права, который может быть назван «стокгольмской эрой», берет свое начало в 1968 г. Именно в этом году Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о созыве Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды резолюцией 2398 (XXIII) от 3 декабря 1968 г. В этой резолюции Генеральная Ассамблея ООН определила, что «главная цель конференции должна состоять в том, чтобы служить практическим средством поощрения и направления действий правительства и международных организаций по защите и улучшению окружающей человека среды, по восстановлению и предотвращению ее загрязнения с помощью международного сотрудничества, имея в виду, что это даст возможность развивающимся странам не допустить возникновения таких проблем».²⁹

Волна общественной озабоченности вопросами окружающей среды во главе с НПО в Европе и Северной Америке поднялась в конце 1960-х гг. и достигла пика в начале 1970-х гг. Среди конкретных проблем, оказавшихся в центре внимания, были распространение ДДТ и других токсичных веществ через экосистемы, радиоактивное загрязнение в результате наземных испытаний ядерного оружия и нанесение ущерба лесам и водной флоре и фауне в результате кислотных осадков. Огромный разлив нефти из-за посадки на мель супертанкера Торри Каньон в Английском канале в 1967 г. был назван политологом Р.Фальком «Хиросимой экологического возраста».³⁰ Разрушительное воздействие войны на окружающую среду во Вьетнаме стало спорным вопросом на Стокгольмской конференции, на которой Швеция предложила термин «экоцид» по отношению к американскому использованию средств воздействия на окружающую среду в качестве тактики ведения войны, например, путём уничтожения растительности и вырубки лесов для того, чтобы помешать партизанам там укрываться.³¹

Ещё более важно, что в этот период можно было увидеть нарастающую тенденцию рассматривать окружающую среду более целостно. Такая точка зрения берёт своё начало в Международном геофизическом году (1957–1958 гг.), т. е. глобальном научном проекте, рассчитанном на 18 месяцев, который привнёс дополнительные научные знания о наиболее отдалённых участках планеты, включая Антарктику, океаны, атмосферу и космическое пространство.³² Этот целостный подход был также основан на фотографиях Луны и Земли, полученных со спутников, которые побудили Б.Уорд ввести в оборот выражение «космический корабль Земля».³³ В конце 1960-х гг. наблюдалось растущее беспокойство по поводу перспективы того, что экспоненциальный рост и бум промышленного развития быстро разрушат природные ресурсы планеты и серьёзно ухудшат ее окружающую среду.

Открытие шведского ученого С.Одда о том, что увеличение подкисления окружающей среды в южной части Скандинавии вызвано загрязнителями воздуха, исходящими из далеко расположенных Британских островов и стран континентальной Европы, побудили Швецию предложить в 1968 г. созвать Конференцию ООН по проблемам окружающей

25 См.: Копылов С.М., Мохаммад С.А. Международное управление Антарктикой: эффективность и легитимность Системы Договора об Антарктике // Международное право – International Law. – 2009. – № 4(40). – С. 204–227.

26 См.: Wapner P. Environmental Activism and World Civic Politics. – Albany: State University of New York Press, 1996; Lipschutz R.D., Mayer J. Global Civil Society and Global Environmental Governance: The Politics of Nature from Place to Planet. – Albany: State University of New York Press, 1996.

27 См.: Копылов М.Н. Экологическая компетенция ООН: вчера, сегодня, завтра // Международное право – International Law. – 2005. – № 3 (23). – С. 173–195.

28 См. подробнее: Копылов М.Н. Вопросы защиты и сохранения окружающей среды в деятельности специализированных учреждений ООН (на примере ИМО и ИКАО) // Международное право – International Law. – 2006. – № 1 (25). – С. 178–192.

29 См. подробнее: Копылов М.Н., Кузьменко Э.Ю. Указ. соч. – С. 213–219.

30 Falk R.A. This Endangered Planet: Prospects and Proposals for Human Survival. – N.-Y.: Vintage Books, 1971. – P. 284.

31 См.: Logevall F. The Swedish-American Conflict over Vietnam // Diplomatic History, 1995. – Vol. 17. – № 3. – P. 421–446.

32 См.: Atwood W.W.Jr. The International Geophysical Year in Retrospective // Department of State Bulletin, 1959. – Vol. 40. – P. 682–689.

33 См.: Ward B. Spaceship Earth. – N.-Y.: Columbia University Press, 1966.

человека среды, состоявшуюся в Стокгольме в 1972 г. Следуя рекомендациям конференции, Генеральная Ассамблея ООН учредила Программу ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Стокгольмская конференция стала прототипом волны крупных международных конференций, иногда называемых «глобальными городскими совещаниями», сосредоточивающих внимание всего мира на важнейших международных вопросах. Среди таких конференций, имевших экологоориентированный предмет, были Всемирная конференция по народонаселению в Бухаресте в 1974 г., Всемирная продовольственная конференция в Риме в 1974 г., Конференция ООН по населённым пунктам в Ванкувере в 1976 г., Конференция ООН по водным ресурсам в Мар-дель-Плата в 1977 г., Конференция ООН по борьбе с опустыниванием в Найроби в 1977 г. и Конференция по образованию в области охраны окружающей среды в Тбилиси в 1977 г. В каждом случае, включая и саму Стокгольмскую конференцию, проводился ряд подготовительных совещаний для выработки официальных документов, как правило – декларации принципов и плана действий, которые были пересмотрены и приняты к концу конференции.³⁴ Большинство государств – членов ООН направляли своих представителей на эти конференции, как и специализированные учреждения ООН и другие межправительственные организации, заинтересованные в вопросах для обсуждения. Многочисленные неправительственные организации, некоторым из которых были предоставлены ограниченные возможности участия в официальных правительственных совещаниях, организовывали одновременно общественные форумы, обмен мнениями по рассматриваемым проблемам, на которых зачастую принимались более интересные решения.

Рост экологических проблем в первые годы Стокгольмской эры наблюдался в основном в промышленно развитых странах, которые к началу 1970-х гг. стали создавать природоохранные министерства, департаменты или агентства для решения внутренних проблем, таких как загрязнение воздуха и воды. Развивающиеся страны скептически отнеслись к новой экологической повестке дня, поскольку для них более насущными приоритетами были их собственное экономическое развитие и сокращение бедности. Они также были обеспокоены тем, что презумпция конечности ресурсов Земли и их быстрого истощения или деградации, как это было предсказано в книге Римского клуба «Пределы роста», станет основанием для того, чтобы отказаться от своего более высокого уровня развития и потребления.³⁵ Кроме того, ко времени проведения Стокгольмской конференции развивающиеся страны испытывали потребность в «новом международном экономическом порядке», который повлечёт бы серьёзные реформы в управлении глобальной экономической системой. Таким образом, развивающиеся страны отказались вступить в серьёзный диалог по экологическим вопросам, представляющим интерес для промышленно развитых стран, без гарантий того, что новые международные экологические инициативы не будут реализованы за счёт их законного стремления к экономическому росту, а также не заморозят неравенство в распределении богатств в мире.³⁶

Волна международного экологического интереса, достигшего пика ко времени Стокгольмской конференции, стихла к концу 1970-х гг., уменьшилась частота проводимых всемирных конференций. Несмотря на ограниченное и неопределённое финансирование, ЮНЕП, однако, добилась заметного прогресса в осуществлении ключевых частей плана действий, принятого на Стокгольмской конференции. Некоторые специализированные учреждения ООН приняли дополнительные экологические проекты, часто сотрудничая друг с

другом, с ЮНЕП и неправительственными организациями, такими как МСОП. Тем не менее, ответ системы ООН на экологические проблемы в этот период оставался фрагментарным и в значительной степени нескоординированным. Кроме того, международные усилия в сфере охраны окружающей среды и развития экономики шли по большей части по отдельным институциональным путям, несмотря на настойчивые попытки развивающихся стран связать эти два важнейших приоритета.

Наконец, начало четвертого (современного) этапа в истории развития международного экологического права, который иногда в юридической литературе называют «эрой Рио-де-Жанейро», принято связывать с 1986 г. Именно во второй половине 1980-х гг. началось нарастание второй крупной волны международных экологических вопросов, требующих решения, достигнув своего пика в 1992 г., когда была проведена Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро. Проблемы, получившие наибольшее внимание в этот период, включали истощение озонового слоя, глобальное изменение климата, вырубку тропических лесов, утрату биологического разнообразия, распространение пустынь. Международное научное сообщество использовало понятие «глобальное изменение», чтобы обратить внимание на то, каким образом деятельность человека оказывает воздействие на основное функционирование системы Земли.

В эру Рио также меняется отношение международных организаций к экологическим проблемам. Началось движение по приспособлению международных экологических инициатив к стремлению стран «Юга» к экономическому развитию и справедливости, что нашло свое отражение в идее «устойчивого развития». Эта переориентация была предложена Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию под председательством Г.Х.Брунтланд. Именно комиссия обратила внимание на опасения развивающихся стран, что экологическая повестка дня ООН явилась ответной реакцией на разочарования, вызванные медленным экономическим развитием в течение 1980-х гг., и на неудачи богатых развитых стран в попытке удовлетворить свои потребности в реформировании международного экономического порядка. Доклад Комиссии Брунтланд «Наше общее будущее» имел важнейшее значение для признания того, что бедность и низкий уровень экономического развития развивающихся стран являлись важными причинами деградации окружающей среды. Доклад убедительно аргументировал, что экологические приоритеты не могут быть достигнуты без сокращения бедности посредством устойчивого экономического роста в развивающихся странах и решения вопроса несправедливости между богатыми и бедными странами в потреблении ограниченных ресурсов планеты.

Доклад Комиссии Брунтланд определил рамки Конференции ООН по окружающей среде и развитию, проведённой в июне 1992 г. В Конференции приняли участие 116 глав государств, что подтвердило возрастание приоритета экологических проблем среди всемирных вопросов, стоящих перед ООН. Конференция приняла пересмотренный список принципов и детализированный план действий под названием «Повестка дня на XXI век», а также международные договоры по изменению климата и биологическому разнообразию, одновременно утвердив «Лесные принципы». Сессия Генеральной Ассамблеи ООН в 1992 г. завершилась созданием Комиссии по устойчивому развитию (КУР) для облегчения осуществления широкого круга целей и рекомендаций, установленных «Повесткой дня на XXI век». Кроме Конференции в Рио-де-Жанейро в 1990-е гг. были проведены: Всемирная конференция по правам человека в Вене 1993 г., Конференция ООН по населению и развитию в Каире 1994 г., Всемирный саммит по социальному развитию в Копенгагене 1995 г. и Четвёртая Всемирная конференция по положению женщин в Пекине 1995 г. Эти конференции имели значение еще и потому, что они увеличили вовлеченность неправительственных организаций на всех стадиях, начиная

34 См.: Копылов М.Н. Теория и практика организации и проведения конференций ООН по окружающей среде // Экологическое право. – 2008. – № 2. – С. 37–41.

35 См.: Meadows D.H. et al. The Limits to Growth. – N.-Y.: Universe Books, 1972.

36 См.: Miller M.A.L. The Third World in Global Environmental Politics. – Boulder: Lynn Rienner, 1995.

с подготовительных совещаний, через выполнение принятых программ действий. В последующее десятилетие также проводились совещания, созываемые через пять или десять лет после изначального проведения всемирных конференций для оценки хода выполнения их рекомендаций, которые обычно не оправдывали ожиданий. Таким образом, целью Всемирного саммита по устойчивому развитию, проведённого в Йоханнесбурге в 2002 г., было не предложение новых амбициозных инициатив, а воскрешение усилий по продвижению рекомендаций, содержащихся в «Повестке дня на XXI век». Экологические вопросы отошли на второй план, уступив место проблемам развития более бедных стран, представители которых уверяли, что они не участвуют в росте, стимулированном экономической глобализацией, и что неравенство между богатыми и бедными государствами мира продолжает расширяться.

Похоже, что к началу XXI в. «эра Рио» подходит к закату, и мы являемся свидетелями зарождения новой эры, которую Т.Фридман называет «энергетическая / климатическая эра».³⁷ Начинается третья волна «экологизации» международных отношений, которая была вызвана, в частности, тем, что темпы глобального изменения климата превысили ожидания, и что в различных частях мира наглядно проявилось разнообразное и разрушительное воздействие изменения климата. Серьёзность ситуации была подчёркнута во влиятельном докладе Межправительственной комиссии по изменению климата 2007 г. В последние годы многие индустриально развитые страны усилили свои попытки снизить эмиссию парниковых газов для достижения ограничений, о которых они договорились в Киотском протоколе 1997 г. Переговоры о следующей фазе международных усилий для решения проблемы изменения климата начались в декабре 2007 г. на конференции на Бали, где была принята дорожная карта для дальнейших переговоров в направлении нового договора о глобальном изменении климата, который должен был быть принят в Копенгагене в декабре 2009 г. Противостояние вопросам, поставленным глобальным изменением климата, требует фундаментального перехода от ископаемого топлива к возобновляемым источникам энергии и «зелёным» технологиям.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Первая международная экологическая конференция – Конференция по международной охране природы (Берн, 1913 г.) // Экологическое право. – 2006. – № 4.
2. Бекяшев К.А. О роли ООН в кодификации и прогрессивном развитии международного экологического права // Труды МПЮА. – М., 1997. – № III.
3. Вернадский В.И. Биогеохимические очерки. – М.; Л., 1940.
4. Капустин А.Я. Суверенитет государства над своими природными ресурсами // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции. Москва, 9–10 апреля 2010 г. / Под ред. А.Х.Абашидзе, М.Н.Копылова, Е.В.Киселевой. – М.: РУДН, 2011. – Ч. I.
5. Каченовский Д.И. Курс международного права. – Харьков, 1863. – Ч. 1.
6. Копылов М.Н. Введение в международное экологическое право. – М.: Изд-во РУДН, 2007.
7. Копылов М.Н. Вопросы защиты и сохранения окружающей среды в деятельности специализированных учреждений ООН (на примере ИМО и ИКАО) // Международное право – International Law. – 2006. – № 1 (25).
8. Копылов М.Н. Теория и практика организации и проведения конференций ООН по окружающей среде // Экологическое право. – 2008. – № 2.
9. Копылов М.Н. Экологическая компетенция ООН: вчера, сегодня, завтра // Международное право – International Law. – 2005. – № 3 (23).
10. Копылов М.Н., Кузьменко Э.Ю. Международное экологическое право: кодификация и прогрессивное развитие. – М., 2005.
11. Копылов М.Н., Мохаммад С.А., Якушева Е.А. История международного экологического права. – М.: Изд-во РУДН, 2007.

12. Копылов С.М., Мохаммад С.А. Международное управление Антарктикой: эффективность и легитимность Системы Договора об Антарктике // Международное право – International law. – 2009. – № 4(40).
13. Международное право / Отв. ред. В.И.Кузнецов, Б.Р.Тузмухамедов. – М.: Норма, 2007.
14. Международное право / Под ред. А.Я.Капустина. – М.: Гардарики, 2008.
15. Международное право: Практикум / Под ред. А.Н.Вылегжанина, А.Я.Капустина, М.Н.Копылова. – М.: ИД Юрис Пруденс, 2011.
16. Мировая охрана природы. – Петроград: Тип. М.М.Стасюлевича, 1915. – № 2.
17. Таубе М.А. История. – СПб., 1894.
18. Тункин Г.И. Предисловие // Левин Д.Б. Наука международного права в России в конце XIX века и начале XX века. – М.: Наука, 1982.
19. Храмцов С.С. Проблема окружающей среды в деятельности ООН. – М., 1984.
20. Чичварин В.А. Охрана природы и международные отношения. – М., 1970.
21. Atwood W.W.Jr. The International Geophysical Year in Retrospective // Department of State Bulletin, 1959. – Vol. 40.
22. Birnie P., Boyle A., Redgwell C. International Law and the Environment. – Third ed. – Oxford: Oxford University Press, 2009.
23. Brownlie I. Principles of Public International Law. – Seventh ed. – Oxford: Oxford University Press, 2008.
24. Cassese A. International Law. – Second ed. – Oxford: Oxford University Press, 2005.
25. Convention on Nature Protection and Wildlife Preservation in the Western Hemisphere (Washington, D.C., Oct. 12, 1940) // UN Treaty Series. – Vol. 161.
26. Convention Relative to the Preservation of Fauna and Flora in their Natural State (London, Nov. 8. 1933) // Legal Nations Treaty Series. – Vol. 172.
27. Falk R.A. This Endangered Planet: Prospects and Proposals for Human Survival. – N.-Y.: Vintage Books, 1971.
28. Friedman Th. Hot, Flat, and Crowded: Why We Need a Green Revolution and How It Can Renew America. – N.-Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2008.
29. Hardin G. The Tragedy of the Commons // Science, 1968, December 13. – № 168.
30. Hempel L.C. Environmental Governance: The Global Challenge. – Wash.: Island Press, 1996.
31. International Convention for the Protection of Birds Useful to Agriculture (Paris, March 19, 1902) // British and Foreign State Papers. – Vol. 102.
32. International Protection of the Environment: Treaties and Related Documents. Second series: continuation of volumes I-XXX (1754–1981) / B.Simma, B.Rüster (eds.). – N.-Y.: Oceana Publications, 1990–1995.
33. International Regimes / S.D.Krasner (ed.). – N.-Y.: Cornell University Press, 1983.
34. Kiss A., Shelton D. International environmental law. – Ardsley-on-Hudson, 1991.
35. Lipschutz R.D., Mayer J. Global Civil Society and Global Environmental Governance: The Politics of Nature from Place to Planet. – Albany: State University of New York Press, 1996.
36. Logevall F. The Swedish-American Conflict over Vietnam // Diplomatic History, 1995. – Vol. 17. – № 3.
37. Meadows D.H. et al. The Limits to Growth. – N.-Y.: Universe Books, 1972.
38. Miller M.A.L. The Third World in Global Environmental Politics. – Boulder: Lynn Rienner, 1995.
39. Planet under Stress: The Challenge of Global Change / C.Mungall, D.J.McLaren (eds). – N.-Y.: Oxford University Press, 1990.
40. Shaw M.N. International Law. – Sixth ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
41. Soroos M.S. Garrett Hardin and Tragedies of Global Commons // Handbook of Global Environmental Politics / P.Dauvergne (ed.). – Cheltenham(UK), 2005.
42. The Global Environment: Institutions, Law, and Policy. – Third ed. / R.S.Axelrod, S.D.VanDeveer, D.L.Downie (eds). – Washington: CQPress, 2011.
43. Wapner P. Environmental Activism and World Civic Politics. – Albany: State University of New York Press, 1996.
44. Ward B. Spaceship Earth. – N.-Y.: Columbia University Press, 1966.
45. Young O. International Governance: Protecting the Environment in a Stateless Society. – N.-Y.: Cornell University Press, 1994.

37 Friedman Th. Hot, Flat, and Crowded: Why We Need a Green Revolution and How It Can Renew America. – N.-Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2008. – P. 27.

Шайдуллина А.А.

**О СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА,
РЕГУЛИРУЮЩИХ СОХРАНЕНИЕ
И УСТОЙЧИВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БИОЛОГИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ**

В статье анализируются официальные факты и цифры, свидетельствующие о необходимости принятия срочных мер в области сохранения биологического разнообразия. Выстраивается система источников международного экологического права, которые сегодня содействуют обеспечению сохранности биоразнообразия. Рассматриваются основные международные договоры, а также документы т.н. «мягкого права», образующие фундамент современного международного сотрудничества в данной сфере.

Ключевые слова: биологическое разнообразие, «рамочные» соглашения, нормы «мягкого права», меморандум о взаимопонимании, Рамсарская конвенция, CITES, Боннская конвенция, Конвенция о биоразнообразии, Картахенский протокол.

Shaidullina A.A.

**ON THE SYSTEM OF INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW
SOURCES GOVERNING THE CONSERVATION
AND SUSTAINABLE USE OF BIOLOGICAL DIVERSITY**

The article analyzes the official facts and figures, testifying to the necessity of undertaking urgent measures in the field of biodiversity conservation. The system of sources of the international environmental law promoting the maintenance of biodiversity is outlined. Major international treaties and acts of the so-called «soft law» forming the basis of the contemporary international cooperation in this sphere are considered.

Keywords: biodiversity, «framework» agreements, the rules of «soft law», memorandum of understanding, Ramsar Convention, CITES, Bonn Convention, Convention on Biodiversity, Cartagena protocol.

В последние годы в доктрине международного экологического права происходит углубленная теоретическая проработка отдельных сторон систематизации нормативного материала, обусловленная специфическими особенностями практики правового регулирования международных экологических отношений.

Как отмечал в этой связи О.С.Колбасов, «большое внимание уделяется: (а) основаниям и условиям разграничения глобальных и региональных международных эколого-правовых норм; (б) определению взаимосвязи между рамочными и детализирующими их нормами протоколов и иных вспомогательных соглашений; (в) оценке значения рекомендательных норм, так называемых норм мягкого права, создаваемых в особенности при определении принципов, стратегий и вообще долгосрочного планирования в правовом регулировании межгосударственных экологических отношений; (г) пониманию сущности и роли международных экологических стандартов в механизме правового регулирования экологических отношений».¹

Как результат, большинством правоведов предлагается различать в сложном процессе международного нормотворчества основные процессы, к которым относятся те способы образования норм, в результате завершения которых появляется международно-правовая норма, и вспомогательные процессы, которые являются определенными стадиями процесса становления международно-правовой нормы, но которые этот процесс не завершают.²

Исходя из этого, в системе источников международного экологического права принято различать основные (международные договоры и международно-правовые обычаи) и вспомогательные (так называемые источники мягкого права и экологические стандарты).

Опираясь на эти общетеоретические выводы, попытаемся в настоящей статье дать общую характеристику источников

1 Колбасов О.С. Международное экологическое право на пороге XXI века // Первая конференция Всемирной ассоциации международного права в России, 1997 / Отв. ред. А.Л.Колодкин. – Новороссийск, 1999. – С. 131.

2 См., напр.: Копылов М.Н. Введение в международное экологическое право. – М.: Изд-во РУДН, 2009. – С. 147; Shaw M.N. International Law. – Sixth ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – P. 69–128.

Шайдуллина А.А.

международного экологического права, регулирующих сохранение и устойчивое использование биологического разнообразия.

Приведем определение биологического разнообразия, которое мы находим в вышедшей в 2005 г. книге В.И.Данилова-Данильяна, К.С.Лосева, И.Е.Рейфа: «Всю нашу планету, от приполярной тундры до раскаленных песков пустынь, покрывает сплошная пленка жизни, не прерывающаяся ни на высокогорных плато, ни в кратерах потухших вулканов. Этот непрерывный живой покров – результат длительной эволюции, в процессе которой виды и их сообщества освоили все геоклиматическое разнообразие земных условий за счет высокой дифференциации жизненных форм и сообществ организмов.

Это то, что называют биоразнообразием, – термин, известный сегодня даже неспециалисту. Именно оно позволяет каждому живому существу с максимальной эффективностью использовать природные ресурсы в пределах своего местобитания и своей биологической ниши, которую можно уподобить жизненному амплуа, или «профессии», организма».³

В поисках международно-правового определения биологического разнообразия обратимся к Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г., ст. 2 которой определяет биоразнообразие как «вариабельность живых организмов из всех источников, включая, среди прочего, наземные, морские и иные водные экосистемы и экологические комплексы, частью которых они являются; это понятие включает в себя разнообразие в рамках вида, между видами и разнообразие экосистем».

Это определение биоразнообразия, содержащееся в русском аутентичном тексте Конвенции, неоднократно подвергалось справедливой критике отечественными специалистами за употребление слова «вариабельность», содержание которого не раскрывается. На отсутствие слова «вариабельность» в 4-томном «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И.Даля, в 2-томном «Российском энциклопедическом словаре» (отв. ред. А.М.Прохоров), отечественных словарях иностранных слов, Словаре русского языка С.И.Ожегова, русском

3 Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С., Рейф И.Е. Перед главным вызовом цивилизации: Взгляд из России. – М.: ИНФРА-М, 2005. – С. 21.

«Лингвистическом энциклопедическом словаре» указывает, в частности, проф. А.Н.Вылегжанин.⁴ По его мнению, при такой транслитерации теряется значение конвенционного термина.

Если обратиться к английскому тексту Конвенции («Biological diversity» means the variability among living organisms...»), который выглядит куда яснее, то становится очевидным, что речь здесь должна вестись о многообразности живых организмов.

Поэтому вполне оправданным выглядит вывод проф. А.Н.Вылегжанина, который считает, что «Конвенция 1992 г. характеризует биологическое разнообразие как состояние естественно сложившегося множества видов растительного и животного мира нашей планеты, способность существования такого множества во всем разнообразии, естественном взаимодействии, в том числе и с неживой природой».⁵

Конвенция 1992 г. поставила перед мировым сообществом общую задачу – сохранение биоразнообразия. Объясняется это, прежде всего, тем, что, по официальным данным, каждый час на планете исчезают три вида живых организмов. По самым скромным оценкам, за последние пять столетий с лица Земли исчезло около 900 видов растений и животных. В ближайшем будущем к этому списку могут присоединиться ещё более 10000 видов живых организмов.

Это заставило ученых даже начать говорить о наступлении шестого (Плейстоценового) массового вымирания видов – первого в истории вымирания не по естественным причинам, а в результате активности одного биологического вида – человека, который ежегодно увеличивается в численности на 100 млн индивидов. При нынешней средней скорости вымирания 40 видов в день необходимо лишь 16 тыс. лет, чтобы исчезло 96 % современной биоты – ровно столько, сколько исчезло в период катастрофического Пермского вымирания (приблизительно 250 млн лет назад).

Казалось бы, сама объективная реальность выдвигает проблему сохранения биологического разнообразия на передний план международного природоохранного сотрудничества и диктует настоятельную необходимость принятия срочных мер самого широкого международного охвата для ее разрешения. Однако на деле оказывается, что всё не уж так однозначно.

Разработка международно-правовых норм, направленных на сохранение биологического разнообразия, началась ровно 40 лет назад, когда 2 февраля 1971 г. в Иранском курортном городе Рамсар была принята Конвенция об охране водно-болотных угодий, имеющих международное значение главным образом в качестве местобитаний водоплавающих птиц (вступила в силу в декабре 1975 г.). С этого момента международное нормотворчество в рассматриваемой области развивалось по двум основным направлениям: принимались традиционные международные договоры и соглашения универсального, регионального и двустороннего характера, заключались так называемые рамочные международные соглашения, и, наконец, вырабатывались документы, которые доктрина международного права относит к источникам так называемого мягкого права. В результате на сегодняшний день в международном экологическом праве сложилась довольно «пестрая» картина порой несогласованных между собой международными инструментами, обладающих различной юридической силой, с различным кругом участников. Это, на наш взгляд, однозначно указывает на наличие определенной фрагментации⁶ в сфере международно-правового обеспечения сохранности биологического разнообразия.

К этому можно добавить, что в правовой доктрине по данному вопросу сформировались две противоположные точки зрения. Одна группа ученых со ссылкой на проект

Международного пакта по окружающей среде и развитию 1995 г. (существует в 4-й редакции 2010 г.), где в качестве одного из принципов (ст. 2) зафиксировано «уважение всех форм жизни», делает вывод о том, что человек «должен охранять не только собственные интересы, но и интересы иных видов».⁷ Другие, продолжая оставаться на началах антропоцентризма, полагают, что «всё живое» на планете лишь в той мере подлежит «уважению», в какой это отвечает интересам человека.⁸ И это при том, что, по признанию специалистов, общество и биосфера в своем развитии взаимно детерминируют друг с другом, и этот процесс начался еще в палеолите, хотя ярко выраженные формы обрел со времени неолитической революции и особенно ее индустриальной фазы. Стало понятным, что безопасность общества, государства и личности не может быть гарантирована, если биосфера, ее биоразнообразие, масса биоты, устойчивость экосистем и естественных циклов и процессов эволюции будет нарушена; антропоцентризм уходит в прошлое, и чисто социальный подход сменяется социо-природным.⁹

Схематично систему источников международного экологического права, образующих сегодня нормативную основу международного сотрудничества в области сохранения и устойчивого использования биологического разнообразия, можно представить следующим образом:

– международные договоры, являющиеся основным источником в силу того, что специфика природоохранения состоит в том, что его эффективность прямо пропорциональна степени точности и детализации международно-правового регулирования. В этой группе источников можно выделить универсальные международные договоры (например, уже упоминавшаяся Рамсарская конвенция от 2 февраля 1971 г., Вашингтонская конвенция о международной торговле видами фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, от 3 марта 1973 г.), региональные международные соглашения (например, Бернская конвенция об охране дикой фауны и флоры и природных сред обитания в Европе от 19 сентября 1979 г., Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики от 20 мая 1980 г., Конвенция о сохранении тюленей Антарктики от 1 июня 1972 г.) и двусторонние договоры (например, Конвенция между США и Канадой по охране перелетных птиц 1916 г., Конвенция между США и Мексикой по охране мигрирующих птиц и охотничье-промысловых млекопитающих животных 1936 г.). Особое место в этой группе источников занимают так называемые рамочные соглашения, которые направлены главным образом на «управление» исчезающими природными ресурсами, а не на выработку общих принципов международного права. Иными словами, такие соглашения носят более прагматичный характер и требуют от государств не заявлять о своей приверженности общим принципам международной защиты окружающей среды, а предпринимать конкретные меры, направленные на восстановление и поддержание того или иного природного ресурса¹⁰ (например, уже упоминавшаяся Конвенция о биологическом разнообразии от 5 июня 1992 г. и Боннская конвенция о сохранении мигрирующих видов диких животных от 23 июня 1979 г.);

– так называемые источники мягкого международного экологического права (рекомендации, руководства, кодексы или стандарты), использование которых, по мнению М.Н.Шоу, примечательно как показатель изменения или установления

7 Бринчук М.М. О предмете экологического права // Вестник Международного университета. – М., 1998. – Вып. III. – С. 70.– (Право).

8 Копылов М.Н. Право на развитие и экологическая безопасность развивающихся стран: Международно-правовые вопросы. – М.: ЭКОН, 2000. – С. 23.

9 Безопасность России. Экологическая безопасность, устойчивое развитие и природоохранные проблемы. – М.: Знание, 1999. – С. 39.

10 Копылов М.Н., Копылов С.М. О системе источников международного экологического права // Международное право – International law. – 2007. – № 4 (32). – С. 5–27.

4 См.: Вылегжанин А.Н. Биоразнообразие морской среды и международное право // Государство и право. – 2001. – № 3. – С. 74.

5 Там же. – С. 75.

6 См.: Колодкин Р.А. Фрагментация международного права // Московский журнал международного права. – 2005. – № 2 (54). – С. 38–61.

руководящих начал, которые в конечном счете могут стать юридически обязательными нормами. Такие начала важны, их влияние существенно, но сами по себе они не составляют юридических норм.¹¹ Примерами таких документов в рассматриваемой области могут служить Всемирная стратегия охраны природы от 5 марта 1980 г., Всемирная хартия природы от 28 октября 1982 г., Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия от 23 ноября 1972 г.

Рассмотрим теперь более подробно наиболее важные, на наш взгляд, международные акты, образующие эти две группы источников.

Рамсарская конвенция 1971 г. преследует цель выявления и сохранения наиболее ценных водно-болотных угодий (морские заливы, озера, участки долин рек, заболоченные территории) независимо от географического положения, которые по ряду установленных критериев соответствуют статусу угодий, имеющих международное значение.

Критерии, по которым определяется значимость водно-болотного угодья, подразумевают, что такое угодье должно быть типичным или уникальным для соответствующего региона, иметь особую ценность для поддержания биологического разнообразия и регулярно посещаться большим количеством водоплавающих птиц (20 тыс. птиц, или 1 % особей популяции одного вида или подвида водоплавающих птиц). Такие места являются рефугиумами специфического биоразнообразия, стабилизаторами климата, а часто и источниками пресной воды. Провозглашение водно-болотного угодья «имеющим международное значение» и включение его в Список Конвенции означает, что государство принимает на себя обязательство осуществлять свою деятельность на данном угодье таким образом, чтобы способствовать сохранению и устойчивому использованию водно-болотного угодья, а также содействовать охране, управлению и рациональному использованию ресурсов мигрирующих водоплавающих птиц.¹²

С целью совершенствования в Рамсарскую конвенцию дважды вносились поправки: Парижским протоколом от 3 декабря 1982 г. и в Реджайне (Канада) 28 мая 1987 г. Парижский протокол (вступил в силу в 1986 г.) установил процедуру внесения поправок в текст Конвенции (ст. 10 bis) и утвердил официальные варианты текста Конвенции на арабском, французском, английском, немецком, русском и испанском языках. Реджайнские поправки (вступили в силу 1 мая 1994 г.) представляют собой серию поправок к ст. 6 и 7. Эти поправки не затронули основных существенных принципов Конвенции, они определили полномочия Конференции Договаривающихся Сторон, учредили межсессионный Постоянный комитет и сформировали постоянный секретариат и бюджет Конвенции.

Уникальность Рамсарской конвенции состоит в том, что она основывается на экосистемном подходе. Конвенция нацелена не только на сохранение водоплавающих птиц, она признает водно-болотные угодья экосистемами, которые имеют исключительно важное значение для сохранения биологического разнообразия и для благосостояния человека.

В соответствии с Рекомендацией 4.8 Конференции Договаривающихся Сторон (1990 г.) был создан Протокол Монтрё, который ведется как составная часть Рамсарского списка. Угодья, внесенные в Протокол Монтрё, нуждаются в принятии приоритетных природоохранных мер на национальном и международном уровнях и имеют предпочтительное право приглашения Рамсарской консультативной миссии. По состоянию на март 2011 г. в Протоколе Монтрё имелось 51 Рамсарское угодье; 32 угодья, которые были внесены в Протокол Монтрё, были впоследствии исключены из него (хотя одно из таких угодий было внесено в Протокол повторно).

По состоянию на март 2011 г. 160 государств являлись участниками Конвенции, 1923 водно-болотных угодья по всему

миру общей площадью более 187 млн га были внесены в Рамсарский список водно-болотных угодий международного значения.

Вашингтонская конвенция о международной торговле видами фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1973 г. (CITES), была разработана Международным союзом охраны природы и природных ресурсов (МСОП) с целью борьбы с нелегальной добычей и незаконной торговлей наиболее уязвимыми объектами живой природы. CITES через регулирование международной торговли, по существу, обеспечивает сохранность более 30 тыс. видов флоры и фауны. С момента вступления Конвенции в силу не исчез в результате торговли ни один вид, находящийся под защитой Конвенции. Не случайно поэтому многие специалисты предпочитают оценивать Вашингтонскую конвенцию скорее как международный инструмент защиты биоразнообразия, чем международное торговое соглашение.

Основная цель Конвенции – обеспечить международный контроль над торговлей дикими видами животных и растений, численность которых подорвана или может быть подорвана из-за того, что они являются популярными объектами торговли. Согласно положениям Конвенции система мер охраны видов, находящихся под угрозой вымирания, распространяется на сферы как внешней, так и внутренней торговли, включает меры строгого контроля за перемещением через государственные границы видов животных, нуждающихся в особой охране, жесткой правовой регламентации всех операций (включая правила перевозки, размеры клеток, контейнеров и т. д.), усиления ответственности, повышения неотвратимости наказания, а также организацию специальных служб и органов. Торговля этими видами разрешается только в исключительных случаях и по специальным разрешениям, выдаваемым с учетом заключений научных организаций.

Конвенция имеет три приложения: Приложение I – виды, находящиеся под угрозой вымирания; Приложение II – виды, которые хотя в данное время не находятся обязательно под непосредственной угрозой вымирания, но могут стать таковыми, если торговля образцами таких видов не будет строго урегулирована в целях предотвращения их использования, несовместимого с их выживанием; Приложение III – виды, которые по определению любой Стороны должны подвергнуться регулированию в пределах ее собственной юрисдикции в целях предотвращения или ограничения эксплуатации и которые нуждаются в сотрудничестве других сторон в регулировании торговли. Согласно ст. XI Вашингтонской Конвенции Конференция Сторон каждые два года обсуждает и принимает поправки к Приложениям I, II и III.

По состоянию на июнь 2011 г. участниками Конвенции являлись 175 государств.

Бернская конвенция об охране дикой фауны и флоры и природных сред обитания в Европе была принята Советом Европы в 1979 г. (вступила в силу 1 июня 1982 г.). Ее появление было связано с сокращением популяций многих видов животных и растений в результате чрезмерной охоты, рыболовства и неконтролируемого туризма в Европе.

По состоянию на апрель 2011 г. участниками Бернской конвенции являются все государства – члены Совета Европы (кроме России, Сан-Марино), Европейский Союз, Буркина Фасо, Марокко, Сенегал, Тунис. Статус наблюдателя имеют Алжир, Беларусь, Кабо-Верде, Святой престол, Сан-Марино и Россия, которые Конвенцию не подписали.

Конвенция направлена на сохранение дикой флоры и фауны и природной среды обитания, поощряет международное сотрудничество, содействует мониторингу и контролю над видами, находящимися под угрозой исчезновения, и уязвимыми видами, оказывает помощь по правовым и научным вопросам.

В ходе осуществления Бернской конвенции Совет Европы образовал в 1998 г. Изумрудную Сеть особо охраняемых

11 Shaw M.N. Op. cit. – P. 118.

12 Копылов М.Н., Мохаммад С.А., Якушева Е.А. История международного экологического права. – М.: Изд-во РУДН, 2007. – С. 53–54.

территорий, которая функционирует в рамках 6-й Экологической программы Европейского Союза (2002–2012 гг.) и центры которой располагаются в государствах – участниках Бернской конвенции и государствах, имеющих статус наблюдателя.

Конвенция имеет 4 приложения: I – строго охраняемые виды растений; II – строго охраняемые виды животных; III – охраняемые виды животных, эксплуатация которых регулируется в соответствии с требованиями Конвенции; IV – перечень запрещенных средств и способов добычи, отлова животных и других форм охоты. Большинство видов рептилий, амфибий и птиц также включено в указанные приложения.

Постоянно действующим органом, обеспечивающим контрольно-надзорные, координационные функции, является Постоянная комиссия.

Конвенция о сохранении тюленей Антарктики была принята в 1972 г. на специально созданной для этих целей в Лондоне международной Конференции (вступила в силу 11 марта 1978 г.). Она распространяется на все виды антарктических тюленей, обитающих в воде и на морском льду южнее 60° ю. ш. Согласно Приложению к Конвенции разрешается отлов только трех видов тюленей в следующих количествах: 170 тыс. крабоедов, 12 тыс. леопардов, 5 тыс. Уэдделла в год для каждого вида. Отлов тюленей Росса, морских слонов и котиков рода *Arctocephalus* Конвенция запрещает.

Установлены запретные районы, допустимые сроки охоты и шесть разрешенных зон отлова, каждая из которых в соответствии с п. 4 Приложения должна поочередно закрываться на период с 1 сентября по последний день февраля. Конвенция запретила забивать или отлавливать тюленей в трех заповедниках, которые являются районами размножения тюленей или районами, где проводятся долгосрочные научные исследования (п. 5 Приложения).

Независимо от положений Конвенции любая из договаривающихся сторон может выдавать разрешения на забой или отлов тюленей в ограниченных количествах в соответствии с задачами и принципами Конвенции в следующих целях:

- для обеспечения жизненно необходимого питания для людей или собак;
- для проведения научных исследований;
- для получения образцов для музеев, учебных или культурных учреждений.

Каждая договаривающаяся сторона в возможно короткий срок сообщает другим договаривающимся сторонам и СКАР¹³ о назначении и содержании всех разрешений, а впоследствии – о количестве тюленей, забитых или отловленных в соответствии с этими разрешениями (ст. 4).

В 1988 г., т. е. через 10 лет после вступления в силу, Конвенция и Приложение к ней были пересмотрены. По состоянию на июнь 2011 г. участниками Конвенции являлись 15 Консультативных Сторон (Австралия, Аргентина, Бельгия, Бразилия, Великобритания, Германия, Италия, Норвегия, Польша, Российская Федерация, США, Франция, Чили, ЮАР, Япония) и одно государство из числа Неконсультативных сторон (Канада).¹⁴

Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики была принята в 1980 г. в Канберре (Австралия). Она вступила в силу в 1982 г. и действует в морских районах к югу от линии антарктической конвергенции. Эта Конвенция являлась первым международным договором, закрепившим экосистемный подход к сохранению живых природных ресурсов.

Статья I (п. 3) Конвенции определяет морскую экосистему Антарктики как «комплекс взаимоотношений морских живых ресурсов Антарктики друг с другом и с окружающей

их физической средой» и распространяется на все популяции плавниковых рыб, моллюсков, ракообразных и на другие виды живых организмов, включая птиц, а также тюленей и китов.

Не случайно поэтому установленный Конвенцией режим морских биоресурсов, как в отечественной, так и в зарубежной доктрине называется моделью экологического подхода.¹⁵

Конвенция учредила специальную Комиссию по сохранению морских живых ресурсов Антарктики, которая способствует проведению исследований и всестороннему изучению морских живых ресурсов Антарктики и антарктической морской экосистемы, собирает данные о состоянии популяций морских живых ресурсов Антарктики, изменениях в них и о факторах, влияющих на распределение, численность и продуктивность вылавливаемых видов и зависящих от них или связанных с ними видов или популяций, обеспечивает сбор статистических данных об уловах и промысловых усилиях, устанавливает потребность в сохранении и анализирует эффективность мер по сохранению, применяет систему наблюдения и инспекции, осуществляет иную деятельность.

Наиболее важными функциями Комиссии являются: определение количества любого вида, которое может вылавливаться в районе применения Конвенции; определение районов и подрайонов на основе распределения популяций морских живых ресурсов Антарктики и следующее за этим определение количества, которое может вылавливаться из популяций районов и подрайонов; определение охраняемых видов; определение размера, возраста и в соответствующих случаях пола видов, которые могут вылавливаться; определение сезонов, открытых и закрытых для промысла; определение открытых и закрытых зон, районов или подрайонов для целей научного изучения или сохранения, включая особые зоны охраны и научного изучения; регулирование промысловых усилий и методов лова, в том числе орудий лова. В целях проверки соблюдения принятых мер на борту судов, ведущих научные исследования или промысел морских живых ресурсов в Антарктике, проводятся наблюдение и инспекция.

Консультативным органом Комиссии является Научный комитет по сохранению морских живых ресурсов Антарктики.

Конвенция о биологическом разнообразии была принята в 1992 г. и вступила в силу 29 декабря 1993 г. В Конвенции участвуют 193 государства, США ее не ратифицировали (подписали 4 июня 1993 г.), а Андорра и Святой Престол не только не ратифицировали, но и не подписали ее. В Конвенции подчеркивается, что государства, обладающие суверенными правами на свои биологические ресурсы, отвечают за сохранение своего биоразнообразия и устойчивый характер использования биоресурсов.

Как предусмотрено ст. 1 Конвенции, ее исполнением преследуется решение трех задач: 1) «сохранение биологического разнообразия»; 2) «устойчивое использование»; 3) «честное и справедливое распределение выгод, полученных от использования генетических ресурсов». Вторая из указанных в Конвенции задач расшифровывается так: «устойчивое использование» означает использование компонентов биологического разнообразия таким образом и такими темпами, которые не приводят в долгосрочной перспективе к истощению биологического разнообразия, тем самым сохраняя его способность удовлетворять потребности нынешнего и будущих поколений и отвечать их чаяниям» (ст. 2).

В статье 3 зафиксирован основополагающий отраслевой принцип международного экологического права, в соответствии с которым государства «несут ответственность за обеспечение того, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или под их контролем не наносила ущерба окружающей среде

13 СКАР – Научный комитет по изучению Антарктики – является междисциплинарным комитетом Международного совета по науке. Он был создан в 1958 г. для поощрения и координации научных исследований в Антарктике и выявления вопросов, возникающих в связи с более глубоким пониманием научных проблем региона, которые должны доводиться до сведения директивных органов.

14 Подробнее см.: Копылов С.М. Международное право о сохранении тюленей // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 7 (26). – С. 120–124.

15 См.: Голицын В.В. Антарктика: тенденции развития режима. – М., 1989. – С. 231; Freestone D. The Conservation of Marine Ecosystems under International Law // International Law and the Conservation of Biological Diversity / M. Bowman, C. Redgwell (eds). – London – The Hague – Boston: Kluwer Law International, 1996. – P. 100.

других государств или районов за пределами действия национальной юрисдикции». По действующему международному праву государство имеет суверенные права на разработку природных ресурсов районов, находящихся за пределами их государственной территории (континентального шельфа и исключительной экономической зоны). Это регламентированное международными нормами суверенное право отличается от права на природные ресурсы в пределах государственной территории, регламентируемого главным образом нормами национального права. В Конвенции 1992 г., однако, эти права уравниваются.

Две статьи (8 и 9) посвящены сохранению наземного и морского биоразнообразия, соответственно, *in-situ* (сохранение экосистем, естественных мест обитания, поддержание и восстановление популяций в их естественной среде) и *ex-situ* (за пределами естественной среды обитания видов). Причем предусмотренные Конвенцией меры сохранения компонентов биологического разнообразия *ex-situ* (например, в дельфинариях) квалифицируются как вспомогательные («в целях дополнения мер *in-situ*», например, в естественной морской среде) (ст. 9).¹⁶

В развитие Конвенции о биоразнообразии в 2000 г. был принят Картахенский протокол по биобезопасности (вступил в силу в 2003 г.), а в 2010 г. – Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения.

Боннская Конвенция о сохранении мигрирующих видов диких животных 1979 г. (вступила в силу 3 ноября 1983 г.)¹⁷ была разработана в соответствии с Рекомендацией 32 Плана действий, принятого Стокгольмской конференцией ООН по проблемам окружающей человека среды 1972 г. Она открыта для участия любого государства или региональной организации экономической интеграции и преследует цель сохранения видов диких животных, мигрирующих через государственные границы и вне их, путём разработки и реализации совместных соглашений о запрещении добычи особей находящихся под угрозой исчезновения видов, сохранения их местобитаний и контроле за неблагоприятным воздействием. Конвенция рассматривает мигрирующие виды как ресурс, который охраняется и управляется государствами, на территории которых животные проводят определенную часть своего жизненного цикла. Конвенция имеет 2 приложения: Приложение I, которое содержит перечень мигрирующих видов, находящихся под угрозой исчезновения, (ст. III) и Приложение II, касающееся мигрирующих видов, которые могут стать предметом Соглашений (ст. IV). По видам Приложения I государства – участники Конвенции должны прилагать максимальные усилия по их защите, сохранению и восстановлению мест их обитания, сокращению препятствий к миграции и контролю за другими факторами, которые могут оказать негативное влияние на данные виды. Что же касается видов Приложения II, то Стороны, являющиеся государствами ареала их обитания, будут прилагать усилия к заключению благоприятных для данных видов Соглашений и должны отдавать приоритет таким видам, статус сохранности которых является неблагоприятным.

В определенном смысле Боннская конвенция 1979 г. является «рамочной» конвенцией, поскольку развивающие ее соглашения, основные черты и содержание которых определены в ст. V Конвенции, могут варьироваться от договоров, имеющих обязательную силу (называемых Соглашениями), до менее формальных инструментов, таких как Меморандумы о взаимопонимании, и могут быть адаптированы к условиям того или иного региона.

16 См.: Вылегжанин А.Н. Указ. соч. – С. 69–81.

17 Подробнее о Конвенции см.: Циприс М.С. Применимо ли понятие «рамочное» соглашение к Боннской конвенции о сохранении мигрирующих видов диких животных 1979 г.? // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции, Москва, 9–10 апреля 2010 г. / Под ред. А.Х.Абашидзе, М.Н.Копылова, Е.В.Киселевой. – М.: РУДН, 2011. – Ч. II. – С. 146–154.

Первым соглашением с широким кругом участников, принятым в рамках Боннской конвенции, явилось Соглашение о сохранении популяций европейских летучих мышей 1991 г. (вступило в силу в 1994 г.), в котором в настоящее время участвуют 30 европейских государств. Соглашение 1991 г.¹⁸ направлено на защиту всех 45 видов летучих мышей, известных в Европе. В 1995 г. первое Совецание Сторон приняло План действий, для осуществления которого был образован Консультативный комитет. На том же первом Совецании Сторон был учрежден Секретариат Соглашения, который приступил к работе в 1996 г.¹⁹

Что касается Меморандумов о взаимопонимании, то в рамках Боннской конвенции такие документы были приняты по: стерху (сибирскому журавлю) (1993 г.); тонкоклювому кроншнепу (1994 г.); морским черепахам Атлантического побережья Африки (1999 г.); морским черепахам Индийского океана и Юго-Восточной Азии (2001 г.); среднеевропейским популяциям дрофы (2001 г.); Бухарскому оленю (2002 г.); водяной славке (2003 г.); западноафриканским популяциям Африканского слона (2005 г.); сайгаку (2005 г.); китообразным региона Тихоокеанских островов (2006 г.); Средиземноморскому тюленю монах (2007 г.); дюгоны (2007 г.); красноголового гуся (2006 г.); луговым птицам (2007 г.); ламантинам и малым китообразным западной части Африки и Макаронезии (2008 г.); хищным птицам Африки и Евразии (2008 г.); высокоандским фламинго (2008 г.); акулам (2010 г.). Всего принято 18 Меморандумов.

Органом Конвенции по принятию решений является Конференция Сторон. Для консультаций по научным вопросам первая Конференция Сторон учредила Научный совет.

Секретариат Конвенции расположен в Бонне, формируется с помощью Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) и наделен традиционным для такого рода органов набором функций.

По состоянию на 1 марта 2011 г. сторонами Боннской конвенции являются 114 государств и Европейский Союз. Из государств – участников СНГ сторонами Боннской конвенции являются Армения (2011 г.), Беларусь (2003 г.), Грузия (2000 г.), Казахстан (2006 г.), Молдова (2001 г.), Таджикистан (2001 г.), Узбекистан (1998 г.) и Украина (1999 г.) (с 18 августа 2009 г. Грузия официально завершила членство в СНГ, тем не менее, она остается участницей более 70 многосторонних соглашений со странами СНГ и выходит из них не собирается).²⁰

О том, что Боннская конвенция представляет собой «живой», постоянно развивающийся организм, свидетельствует хотя бы тот факт, что вплоть до недавнего времени последним Соглашением этой системы было принято считать Соглашение о сохранении альбатросов и буревестников (качурок) 2001 г.²¹ Однако в 2007 г. было заключено еще одно соглашение – Соглашение о сохранении горилл и их местообитаний, преследующее цель предотвратить истребление горилл, мясо которых пользуется «повышенным» спросом у местного населения. В настоящее время в Соглашении участвуют 6 государств: Центрально-Африканская Республика, Республика Конго, Демократическая Республика Конго, Габон, Нигерия, Руанда.

Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. (вступила в силу 17 декабря 1975 г.) была разработана в рамках ЮНЕСКО и принята на 17 сессии ее Генеральной Конференции. Конвенция исходит из того, что

18 Соглашение о сохранении популяций европейских летучих мышей 1991 г. (неофициальный перевод Копылова М.Н., Циприс М.С.) // Международное право – International Law. – 2009. – № 2 (38). – С. 314–323.

19 Подробнее см.: Копылов М.Н., Циприс М.С. Соглашение о сохранении популяций европейских летучих мышей 1991 г. как первое Соглашение в системе Боннской конвенции о сохранении мигрирующих видов диких животных 1979 г. // Международное право – International Law. – 2010. – № 1 (41). – С. 272–295.

20 Российская газета. – 2009. – 19 августа.

21 Соглашение о сохранении альбатросов и буревестников (качурок) 2001 г. (неофициальный перевод Копылова М.Н., Циприс М.С.) // Международное право – International Law. – 2009. – № 1 (37). – С. 299–324.

«повреждение или исчезновение любых образцов культурной ценности или природной среды представляют собой пагубное обеднение достояния всех народов мира» и что «некоторые ценности культурного и природного наследия представляют исключительный интерес, что требует их сохранения как части всемирного наследия всего человечества» (преамбула).

О том, что Конвенция 1972 г. направлена на сохранение биоразнообразия, свидетельствует хотя бы то, как она определяет «природное наследие»: «природные памятники, созданные физическими и биологическими образованиями или группами таких образований, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения эстетики или науки; геологические и физиографические образования и строго ограниченные зоны, представляющие ареал подвергающихся угрозе видов животных и растений, имеющих выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки или сохранения; природные достопримечательные места или строго ограниченные природные зоны, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки, сохранения или природной красоты» (ст. 2).

При этом, с точки зрения доктрины международного права, Конвенцию 1972 г. следует квалифицировать как источник «мягкого права», о чем свидетельствуют характерные для такого рода источников обороты и выражения, встречающиеся в тексте Конвенции: «по возможности, стремятся...» (ст. 5), «Каждое государство – сторона настоящей Конвенции представляет по мере возможности Комитету всемирного наследия...» (ст. 11), «способствуют...» (ст. 17), «стремятся, применяя все соответствующие средства...» (ст. 27) и т. д.

Конвенция преследует цель способствовать охране, сохранению, популяризации или восстановлению культурного и природного наследия, «имеющего выдающуюся универсальную ценность», для чего закрепляет ряд базовых принципов международной охраны, основными из которых, на наш взгляд, являются следующие:

– «Полностью уважая суверенитет государств, на территории которых находится культурное и природное наследие..., и не ущемляя прав, предусмотренных национальным законодательством в отношении указанного наследия, государства – стороны настоящей Конвенции признают, что оно является всеобщим наследием, для охраны которого все международное сообщество обязано сотрудничать» (п. 1 ст. 6);

– «Государства-стороны обязуются... в соответствии с положениями настоящей Конвенции оказывать содействие признанию, охране, сохранению и популяризации культурного и природного наследия..., если об этом попросят государства, на территории которых оно находится» (п. 2 ст. 6);

– «Каждое государство – сторона настоящей Конвенции обязуется не принимать каких-либо преднамеренных действий, которые могли бы причинить прямо или косвенно ущерб культурному и природному наследию..., расположенному на территории других государств – сторон настоящей Конвенции» (п. 3 ст. 6).

При этом международная охрана всемирного культурного и природного наследия в Конвенции определяется как «создание системы международного сотрудничества и помощи для оказания государствам – сторонам Конвенции помощи в усилиях, направленных на сохранение и выявление этого наследия» (ст. 7). Как справедливо отмечалось в отечественной юридической литературе, объявление или перспектива объявления отдельных уникальных природных объектов частью всемирного наследия переносят вопрос в плоскость международного сотрудничества по их защите. «Внутренние» меры защиты в этом отношении, в случае их принятия, должны быть строго скоординированы с международными. Дублирование или позитивное превышение одних мер над другими здесь возможно и даже полезно. Важно не допускать расхождения в негативную сторону.²²

²² Копылов М.Н. Право на развитие и экологическая безопасность развивающихся стран. – С. 176.

Наличие в Конвенции двух списков культурного и природного наследия – Списка всемирного наследия и Списка всемирного наследия, находящегося под угрозой, – на практике также содействует делу сохранения биоразнообразия.

Всемирная стратегия охраны природы 1980 г. была разработана в рамках МСОП и предусматривает три фундаментальных направления в деле сохранения биоразнообразия: 1) поддержание важнейших экологических процессов и систем поддержания жизни; 2) сохранение генетического разнообразия; 3) обеспечение устойчивого использования видов и экосистем.

Термин «генетическое разнообразие», согласно тексту Стратегии, означает «генетический материал организмов, от которых зависит функционирование поддерживающих жизнь систем и процессов, с которыми связаны программы искусственного выращивания, необходимые для защиты и улучшения культивируемых растений, одомашненных животных, микроорганизмов, а также научный и медицинский прогресс, технические внедрения и безопасность многих отраслей промышленности, в которых используются живые ресурсы».

Всемирная хартия природы 1982 г., которая, по нашему убеждению, все еще недостаточно глубоко и всесторонне исследована в отечественной доктрине международного права,²³ представляет собой типичный пример так называемого источника основного положения о биоразнообразии, закрепленного во Всемирной стратегии охраны природы 1980 г. Причем все содержащиеся в ней принципы доктрина международного экологического права относит к принципам-идеям, которые отражают биосферный подход к проблемам сосуществования человека и природы.²⁴

Анализируя принципы Всемирной хартии природы в той части, в которой они касаются сохранения биоразнообразия, заметим, прежде всего, что Генеральная Ассамблея ООН в своих резолюциях неоднократно заявляла «о своей убежденности в том, что те блага, которые можно получить от природы, зависят от сохранения естественных процессов и от разнообразия форм жизни и что эти блага оказываются под угрозой в результате чрезмерной эксплуатации и разрушения природных сред обитания» (Резолюция 35/7 от 30 октября 1980 г.).

В преамбуле Хартии, являющейся ее неотъемлемой составной частью, для настоящей статьи первостепенное значение имеют следующие три положения:

– «любая форма жизни является уникальной и заслуживает уважения, какой бы ни была ее полезность для человека»;

– «долгосрочные выгоды, которые могут быть получены от природы, зависят от сохранения экологических процессов и систем, существенно важных для поддержания жизни, а также от разнообразия органических форм, которые человек подвергает опасности в результате чрезмерной эксплуатации или разрушения природной среды обитания»;

– «человек должен приобретать знания, необходимые для сохранения и расширения его возможностей по использованию природных ресурсов, сохраняя при этом виды и экосистемы на благо нынешнего и будущих поколений».

Приведенные положения преамбулы нашли свое развитие в трех принципах Хартии, непосредственно направленных на сохранение биоразнообразия.

Принцип 2: «Генетическая основа жизни на Земле не должна подвергаться опасности; популяция каждой формы жизни, дикой или одомашненной, должна сохраняться по крайней мере на том уровне, который достаточен для обеспечения

²³ На сегодняшний день наиболее полным освещением принципов Всемирной хартии природы можно считать статью О.С.Колбасова «Всемирная хартия природы». См.: Правовая охрана окружающей среды / Под ред. О.С.Колбасова, М.М.Славина. – М., 1985. – С. 136–146.

²⁴ Копылов М.Н., Копылов С.М., Кузьменко Э.Ю. Прогрессивное развитие и кодификация международного экологического права. – М.: Экон-Информ, 2007. – С. 218.

ее выживания; необходимые для этого среды обитания следуют сохранять».

Принцип 4: «Используемые человеком экосистемы и организмы, а также ресурсы суши, моря и атмосферы должны управляться таким образом, чтобы можно было обеспечить и сохранить их оптимальную и постоянную производительность, но без ущерба для целостности экосистем и видов, с которыми они сосуществуют».

Принцип 9: «Использование человеком участков земной поверхности в определенных целях должно осуществляться на плановой основе с надлежащим учетом физических ограничений, биологической продуктивности и разнообразия, а также природной красоты этих участков».

Даже такой беглый анализ международных документов, регламентирующих область сохранения биологического разнообразия, дает представление о «разнокаберности» и несогласованности предусмотренных ими мер по координации усилий государств в рассматриваемой сфере. Создаваемые ими институциональные механизмы не скоординированы между собой, объем их полномочий существенно отличается, а государства-участники должны в каждом отдельном случае разрабатывать самостоятельные стратегии и планы поведения.

В этой ситуации определенный интерес, с точки зрения улучшения сложившегося положения дел, может представлять концепция международного управления (международного экологического управления), которая пользуется повышенным и все возрастающим вниманием в мировой политике и международном праве. Единой международной стратегии в этом плане не существует. Но именно проблематика сохранения биоразнообразия, по нашему убеждению, представляет тот естественный «полигон», на котором целесообразно (и, главное, настоятельно необходимо) опробовать складывающиеся подходы к международному управлению «в нормальных условиях».

Пристатейный библиографический список

1. Безопасность России. Экологическая безопасность, устойчивое развитие и природоохранные проблемы. – М.: Знание, 1999.
2. Бринчук М.М. О предмете экологического права // Вестник Международного университета. – М., 1998. – Вып. III. – (Право).
3. Вылегжанин А.Н. Биоразнообразие морской среды и международное право // Государство и право. – 2001. – № 3.
4. Голицын В.В. Антарктика: тенденции развития режима. – М., 1989.
5. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С., Рейф И.Е. Перед главным вызовом цивилизации: Взгляд из России. – М.: ИНФРА-М, 2005.
6. Колбасов О.С. Всемирная хартия природы // Правовая охрана окружающей среды / Под ред. О.С.Колбасова, М.М.Славина. – М., 1985.
7. Колбасов О.С. Международное экологическое право на пороге XXI века // Первая конференция Всемирной ассоциации международного права в России, 1997 / Отв. ред. А.Л.Колодкин. – Новороссийск, 1999.
8. Колодкин Р.А. Фрагментация международного права // Московский журнал международного права. – 2005. – № 2 (54).
9. Копылов М.Н. Введение в международное экологическое право. – М.: Изд-во РУДН, 2009.
10. Копылов М.Н. Право на развитие и экологическая безопасность развивающихся стран: Международно-правовые вопросы. – М.: ЭКОН, 2000.
11. Копылов М.Н., Копылов С.М. О системе источников международного экологического права // Международное право – International Law. – 2007. – № 4(32).
12. Копылов М.Н., Копылов С.М., Кузьменко Э.Ю. Прогрессивное развитие и кодификация международного экологического права. – М.: Экон-Информ, 2007.
13. Копылов М.Н., Мохаммад С.А., Якушева Е.А. История международного экологического права. – М.: Изд-во РУДН, 2007.
14. Копылов М.Н., Циприс М.С. Соглашение о сохранении популяций европейских летучих мышей 1991 г. как первое Соглашение в системе Боннской конвенции о сохранении мигрирующих видов диких животных 1979 г. // Международное право – International Law. – 2010. – № 1 (41).
15. Копылов С.М. Международное право о сохранении тюленей // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 7 (26).
16. Соглашение о сохранении альбатросов и буревестников (качурок) 2001 г. (неофициальный перевод Копылова М.Н., Циприс М.С.) // Международное право – International Law. – 2009. – № 1 (37).
17. Соглашение о сохранении популяций европейских летучих мышей 1991 г. (неофициальный перевод Копылова М.Н., Циприс М.С.) // Международное право – International Law. – 2009. – № 2 (38).
18. Циприс М.С. Применимо ли понятие «рамочное» соглашение к Боннской конвенции о сохранении мигрирующих видов диких животных 1979 г.? // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции, Москва, 9–10 апреля 2010 г. / Под ред. А.Х.Абашидзе, М.Н.Копылова, Е.В.Киселевой. – М.: РУДН, 2011. – Ч. II.
19. Freestone D. The Conservation of Marine Ecosystems under International Law // International Law and the Conservation of Biological Diversity / M.Bowman, C.Redgwell (eds). – London – The Hague – Boston: Kluwer Law International, 1996.
20. Shaw M.N. International Law. – Sixth ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

Под различными наименованиями МГЮА имени О.Е. Кутафина существует с 1931 года. Наиболее известное из них – Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ).

Московская государственная юридическая академия имени О.Е.Кутафина – старейший и крупнейший в России центр юридического образования и науки. Академия готовит юристов высшей квалификации для работы в судах, прокуратуре, органах внутренних дел и безопасности, других государственных органах, а также для нотариата, адвокатуры, юридических служб предприятий и организаций, экспертных учреждений.

Россия, 123995, Москва, Садовая-Кудринская ул., дом 9. Телефон: (499) 244-86-08, Факс: (499) 254-98-69
web-site: www.msai.ru e-mail: msai@msai.ru

Данельян А.А.

ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

Международные инвестиционные отношения нуждаются в особом двухуровневом правовом регулировании. Формирование такого особого метода (международно-правового и национального) регулирования иностранных инвестиций обусловило выделение специального международного инвестиционного права как комплексной отрасли международного права.

Ключевые слова: иностранные инвестиции, международное инвестиционное право, ИКСИД, МИГА, национальный режим.

Danelyan A.A.

FOREIGN INVESTMENTS: SOME ASPECTS OF INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW INTERACTION

The international investment relations need the special two level legal regulation. The formation of such special method (international legal and national) of regulation of foreign investments caused the special international investment law as a complex branch of international law.

Keywords: foreign investments, international investment law, ICSID, MIGA, national treatment.

Данельян А.А.

Международное инвестиционное право (МИП) в широком смысле этого слова является комплексной отраслью как в системе международного публичного права, так и в системе международного частного права одновременно, существует наряду с основными отраслями права и занимает особое место в правовой системе.¹ Хотя следует признать, что международное инвестиционное право, с точки зрения международного права, обладает публичным характером, его нормы создаются на основе добровольного согласования воль государств, а регулируемые им отношения носят властный характер.² Международные инвестиционные отношения нуждаются в особом двухуровневом правовом регулировании. Иностранные инвестиции, имея частноправовой характер, как впервые было обосновано А.Г. Богатыревым,³ нуждаются одновременно как в национально-правовом, так и в международно-правовом регулировании. О сочетании международно-правового и внутреннего (национального) регулирования пишет и М.М. Богуславский.⁴

Но достаточно ли одного международно-правового регулирования иностранных капиталов? Отнюдь нет. Привлекательный для иностранных инвесторов режим хозяйствования может быть достигнут только при условии развития международно-правовых стандартов в национально-правовом механизме регулирования иностранных инвестиций. Формирование особого двухуровневого метода (международно-правового и национального) регулирования иностранных инвестиций обусловило выделение специального международного инвестиционного права как комплексной отрасли международного права, то есть совокупности публично-правовых и частно-правовых методов регулирования.

При этом международное инвестиционное право представляет комплекс принципов, норм и правил международного договорного и недоговорного характера, регулирующих иностранную инвестиционную деятельность на территории принимающего государства. Другими словами, источники международного инвестиционного права имеют свою определенную специфику, которая выражается в гармоничном сочетании и взаимодействии конвенционных норм с нормами «мягкого права», которые имеют рекомендательный характер.

Международное инвестиционное право, будучи правовой основой для участников инвестиционной деятельности, регулирует иностранные инвестиционные отношения, содействуя их изменению в соответствии с новыми условиями, и способствует совершенствованию форм и методов обеспечения правовой защиты иностранных инвестиций публично-правовыми методами регулирования, в которых нуждаются не только государства, но и юридические и физические лица (инвесторы).

Но, тем не менее, в правовом регулировании иностранных инвестиций внутригосударственные формы и методы порой бывают недостаточными. Поэтому важнейшим элементом этой системы является международный договор. В настоящее время этот способ представляется очень важным, так как в отличие от внутригосударственных актов международный договор охватывает, во всяком случае, два субъекта международного права – государство-реципиента и государство происхождения инвестора. Крайне важно то, что их волеизъявления существуют не отдельно друг от друга, а согласованно, имея одинаковую направленность на одну цель.⁵ Таким образом, подход к международным инвестициям – это совокупность принципов и правил международного и внутреннего права, которые определяют режим международных инвестиций с момента их учреждения до момента их ликвидации.

Международно-правовой анализ международных двусторонних, региональных и многосторонних договоров, регулирующих иностранные инвестиции, показывает, что они направлены на консолидацию системы международного инвестиционного права. Источники МИП юридически закрепляют принципы, нормы и правила, которые определяют правовой режим иностранных инвестиций с момента их запуска и учреждения до момента их ликвидации. МИП охватывает совокупность правовых источников договорного и недоговорного характера.

Фундаментальными многосторонними источниками МИП являются два договора: Вашингтонская конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами, юридическими и физическими лицами других государств 1965 г., учредившая Международный центр об урегулировании инвестиционных споров (МЦУИС – ИКСИД); Сеульская конвенция об учреждении Международного агентства по гарантиям инвестиций (МАГИ – МИГА) 1985 г.

Договорные источники МИП, имплементируясь в национальную правовую систему, юридически закрепляют принципы, нормы и правила, которые определяют правовой режим

1 Фархутдинов И.З. Арбитражное право иностранных инвестиций // Хозяйство и право. – 2005. – № 11. – С. 76–82.

2 См.: Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. – 2002. – № 3. – С. 115–123.

3 Богатырев А.Г. Инвестиционное право. – М., 1992. – С. 35.

4 Богуславский М.М. Международное частное право. – М., 2004. – С. 230.

5 См. подробнее: Лукашук И.И. Современное право международных договоров: В 2 т. – М.: Волтерс Клувер, 2006.

иностранных инвестиций с момента их запуска и учреждения до момента их ликвидации. Среди первых следует назвать международные двусторонние соглашения о взаимной защите капиталовложений, которые составляют не имеющий прецедентов по своим масштабам массив. Речь идет о так называемых двухсторонних инвестиционных договорах (ДИД). Общепринято считать, что они создают надежный дополнительный механизм правового регулирования иностранных инвестиций, в том числе и в области страхования.

ДИД являются межгосударственными соглашениями, и для выполнения своих международных обязательств по этим соглашениям необходимо связующее звено, которое обязанность перед другим государством по международному соглашению перевело бы в обязанность государства перед иностранным частным инвестором.

Появление нового типа международных договоров и новых тенденций в международном инвестиционном сотрудничестве позволяет использовать инструменты международного права для оказания влияния на внутригосударственное законодательство об инвестициях. Инвестиционные нормы, закрепленные в международных универсальных, региональных и двусторонних договорах и являющиеся составной частью национальных правовых систем, выступают правовым стандартом для внутригосударственного инвестиционного законодательства. Причем этот процесс происходит не путем изъятия из действующего национального законодательства соответствующих внутренних принципов и норм и замены их международно-правовыми договорными нормами, а путем гармонизации совместного правового регулирования в ходе обеспечения правовых гарантий иностранных инвестиций.

В этих условиях важно определить место норм и источников международного права в правовой системе России, а также соотношение юридической силы норм международного права и внутреннего права, юридических условий действия норм международного права во внутригосударственной сфере, применимости субъектов внутреннего права. Особо важное практическое значение имеет последняя задача, поскольку позволяет установить, когда суды и другие органы могут применять те или иные нормы международного права при решении конкретных дел, например, при разрешении международных инвестиционных споров, а когда нет.⁶ Но основной фигурой этого рода правоотношений является частный инвестор, выступающий в абсолютном большинстве случаев в качестве частноправовых лиц. Иностранных инвесторов, в качестве которых, как правило, выступают юридические и физические лица зарубежных государств, следует охарактеризовать как участников, находящихся под юрисдикцией других государств, т. е. речь здесь идет об особой категории смешанных международных отношений государственного / негосударственного характера.

В соответствии с действующей Конституцией Российской Федерации в сфере иностранных инвестиционных отношений действует целый комплекс международно-правовых норм. К таким нормам относятся основные принципы международного права,⁷ специальные принципы международного инвестиционного права, которые могут рассматриваться в качестве общепризнанных норм. Будучи имплементированными в национальное законодательство, эти нормы реализуются в национально-правовой системе.

При имплементации специальных принципов и норм международного инвестиционного права последние оказывают на внутреннее право различное влияние по той причине, что государство использует более или менее эффективно различные средства для их реализации. При этом они сохраняют свое универсальное международно-правовое значение.

6 Лукашук И.И. Международно-правовая концепция России // Международное право. – 1998. – № 1. – С. 46–49.

7 См.: Соколова Н.А. Различия принципов международного экологического права и проблемы их имплементации (на примере законодательства Российской Федерации): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998. – С. 24–25.

Одна из важных проблем соотношения международного и национального права: превращаются ли международно-правовые нормы в нормы внутригосударственного права? Актуальность данного вопроса обуславливается тем, что именно от отнесения норм к той или иной правовой системе зависит, какие принципы будут применяться к их толкованию.⁸

Большинство исследователей считает, что международное право, будучи самостоятельной правовой системой, обладает автономностью по отношению к национальному праву. «Механизм действия национального права непригоден для регулирования международных отношений, – считает И.И. Лукашук, – так же, как международное право не способно регулировать внутриобщественные отношения».⁹ Иногда высказывается точка зрения, согласно которой международное право вообще и международные договоры в особенности являются источником внутреннего права России: «Источниками гражданского процессуального права нужно считать международные договоры и соглашения, определяющие взаимную помощь государств по гражданским делам».¹⁰

Данный подход противоречит самостоятельному существованию международного и национального права как отдельных правовых систем, а также действующему российскому законодательству, которое говорит, что общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры являются частью правовой системы, но не права России.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации в сфере иностранных инвестиционных отношений действует целый комплекс международно-правовых норм. К таким нормам относятся основные принципы международного права,¹¹ специальные принципы международного инвестиционного права, которые могут рассматриваться в качестве общепризнанных норм. Будучи имплементированными в национальное законодательство, эти нормы реализуются в национально-правовой системе.

В связи с этим следует отметить, что одной из важнейших проблем, по мнению И.И. Лукашука, является гармонизация норм международного права и внутреннего права, что требует своевременной правовой регламентации и соответствующего правового регулирования отношений между различными субъектами международного права.¹²

Обозначенные проблемы правового регулирования иностранных инвестиций имеют свою вполне оправданную логику. Инвестиционные нормы регулируют предпринимательскую деятельность зарубежного инвестора на территории государства-резидента несколько иным образом, чем аналогичную деятельность российского инвестора. То есть инвестиционное законодательство об иностранных инвестициях имеет свой конкретный адресат зарубежного происхождения.

Российское инвестиционное законодательство подходит к правовому статусу иностранных инвестиций на основе принципа национального режима. Допуск иностранных инвестиций должен осуществляться на общих основаниях с российскими физическими и юридическими лицами. Во всяком случае, эти основания не могут быть для иностранного инвестора, иностранных инвестиций менее благоприятными. Как правило, иностранный инвестор должен иметь те же правила и нести те же обязанности, что и национальный инвестор. Юридическое закрепление национального режима исключает

8 Мяснянкин В.Н. Место межгосударственного права в правовой системе РФ // Право и политика. – 2004. – № 9. – С. 87.

9 Лукашук И.И. Конституция России и международное право // Московский журнал международного права. – 1999. – № 2. – С. 104.

10 Вандышев В.В., Дернов Д.В. Гражданский процесс. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с уставом ООН, 1970. – М., 2003. – С. 15.

11 См.: Соколова Н.А. Указ. соч. – С. 24–25.

12 Лукашук И.И. Международное право: В 2 т. – Т. 1. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – С. 24.

дискриминацию иностранного инвестора в зависимости от гражданства или государства происхождения иностранных инвестиций. В этом заключается генеральное направление развития правового регулирования экономических отношений, осложненных иностранным элементом, в соответствии с общей тенденцией развития правовой системы Российской Федерации.

Новым по сравнению с положениями российского законодательства является включение в двусторонние международные соглашения о защите иностранных инвестиций условия о режиме, который получил в международно-правовой практике название «режим абсолютного стандарта». Такой режим предполагает общую характеристику предоставляемого иностранным инвестициям режима: «равноправный», «справедливый» режим, «обеспечивающий полную и безусловную защиту инвестиций в соответствии с теми стандартами, которые приняты в международном праве» (ст. 3 п. 1. Соглашения с Кубой, ст. 3 и 1 Соглашения с Китаем, ст. 3 и 1 Соглашения с Нидерландами, п. 1 ст. 3 Соглашения со Швейцарией, п. 1 ст. 3 Соглашения с Польшей).

Включение условия о предоставлении режима абсолютного стандарта, на наш взгляд, означает, что при разрешении тех или иных вопросов, связанных с иностранными инвестициями договаривающихся стран, не исключается обращение к нормам международного права. Если условие международного соглашения содержит прямую отсылку к нормам и принципам международного права, то толкование таких категорий, как «справедливый» и «равноправный» режим, должно даваться в соответствии с пониманием этих категорий, принятым в международном праве. Отсутствие отсылки к международному праву дает возможность договаривающимся государствам давать толкование этим категориям в соответствии со своим национальным законодательством.

В принципе инвестиционные гарантии обеспечиваются в рамках внутреннего правового порядка. Но это внутренний порядок государства инвестора, а не порядок государства, на территории которого осуществляются инвестиции. Однако государство инвестора и государство, на территории которого осуществляются инвестиции, имеют разные точки зрения на инвестиционные гарантии. Первое государство, экспортер инвестиций, благосклонно относится к механизмам внутреннего права, так как использование своих внутренних гарантий позволяет ему получить наибольшие уступки в области статуса и защиты инвестиций со стороны государства, на территории которого они осуществляются; второе государство, импортер инвестиций, благосклонно к механизмам международного права, потому что использование международных гарантий дает ему возможность уменьшить уступки в области статуса и защиты инвестиций, – уступки, которые стремится получить государство инвестора.

Именно во внутреннем праве, или, точнее, в системах внутреннего права государств, при соблюдении международного права проходит уточнение правил, касающихся режима международных инвестиций. Под международными инвестициями понимаются инвестиции, учрежденные иностранными лицами определенного государства на иностранной территории. Основная компетенция в отношении международных инвестиций принадлежит не государству, лицом которого является инвестор, а государству, на территории которого осуществляются инвестиции.

Под механизмами гарантирования инвестиций подразумевают совокупность механизмов, цель которых – передать от инвестора специализированному органу, гарантийному органу, финансовые последствия, вытекающие для этого инвестора из проведения политики, наносящей ущерб инвестициям.

Механизмы гарантирования могут быть либо национальными, либо международными. Развитые страны обладают механизмами гарантирования, которые покрывают преимущественно инвестиции их лиц на территории развивающихся

стран; в этом случае речь идет о национальных гарантиях. Однако развитие и развивающиеся страны могут договориться о создании многостороннего механизма, который будет покрывать национальные инвестиции одних, развитых, стран на территории других, развивающихся, стран; в этом случае речь идет о международных гарантиях.

Международное право в принципе не запрещает, чтобы национальные инвестиции пользовались более благоприятным режимом, чем международные. Сами по себе дифференцированные режимы не являются предвзятыми. Если бы дело обстояло иначе, государство оказалось бы лишенным права определять свою политику в отношении международных инвестиций и ориентированным, главным образом, на принятие нормативных актов, сдерживающих инвестиции. Но государство не смогло бы преодолеть границу между дифференцированным режимом, который не всегда заслуживает порицания, и дискриминационным режимом, который всегда предвзят.

Безусловно, иногда эту границу трудно распознать, но, как показывает практика большинства развитых стран, режим резко меняет направление от дифференцированного к дискриминационному, если различие, устанавливаемое между национальными и иностранными лицами, не имеет под собой разумного основания. Так бывает особенно часто в тех случаях, когда это различие объясняется единственно соображением национальной принадлежности. Но это еще не означает, что дифференцированный режим международных инвестиций не может противоречить международному праву; совершенно очевидно, что это происходит тогда, когда внутреннее право противоречит международному стандарту.¹³

Если каждое государство может свободно определять режим инвестиций, такие правила неизбежно будут меняться от государства к государству в соответствии с политическим и экономическим выбором, суверенно сделанным в рамках внутреннего порядка. Следовательно, можно констатировать наличие феномена увеличения числа и разнообразия режимов инвестиций, который будет проявляться сильнее ввиду того, что разные государства преследуют разные цели. В конечном счете только международное право может ограничить такую правоспособность государств. Однако перемены, которые произошли в международном праве на протяжении последних десятилетий, позволяют считать, что государства располагают большой свободой в формировании этих режимов.

В орбиту международного права наряду с международными межгосударственными отношениями косвенно входят международные отношения негосударственного характера – между юридическими и физическими лицами различных государств (так называемые отношения с «иностраным элементом» или с «международным элементом»), а также с участием международных неправительственных организаций и международных хозяйственных объединений.

Таким образом, в зависимости от субъектного состава международные инвестиционные отношения носят как публично-правовой, так и частноправовой характер; они существуют между государствами и международными организациями из других государств и юридическими, физическими лицами, между государствами и юридическими, физическими лицами из других государств, между государствами и транснациональными корпорациями (ТНК), а также между юридическими лицами и физическими лицами различных государств, то есть разнородными по своему национальному происхождению хозяйствующими субъектами.

Следует особо отметить, что прямое действие международно-договорных инвестиционных норм в российском законодательстве не свидетельствует о том, что для реализации тех

¹³ Так, Постоянная палата международного правосудия по делу Оскара Шинна подчеркнула, что «запрещенной дискриминацией, следовательно, является дискриминация, которая основана на национальной принадлежности и которая приводит к установлению дифференцированного режима для лиц, принадлежащих к различным национальным группам, по причине их национальной принадлежности». – *Belgiquec. Grande-Bretagne, arretdu. 12 dec/ 1934.* – P. 87.

или иных правил международных договоров России не могут приниматься соответствующие внутригосударственные акты. Более того, в большинстве случаев международно-правовые нормы нуждаются в адаптации применения в национальном законодательстве и не могут применяться автоматически. Даже тогда, когда международно-договорные положения становятся частью национальной правовой системы, необходима помощь последней.¹⁴

Международные инвестиционные процессы нуждаются в соответствующем правовом обеспечении как на международно-правовом, так и на национально-правовом уровнях.

Пристатейный библиографический список

1. Богатырев А.Г. Инвестиционное право. – М., 1992.
2. Богуславский М.М. Международное частное право. – М., 2004.
3. Вандышев В.В., Дернов Д.В. Гражданский процесс. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных

¹⁴ Доронина Н.Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. – 1998. – № 6. – С. 53–55.

отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с уставом ООН, 1970. – М., 2003.

4. Доронина Н.Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. – 1998. – № 6.

5. Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. – 2002. – № 3.

6. Лукашук И.И. Конституция России и международное право // Московский журнал международного права. – 1999. – № 2.

7. Лукашук И.И. Международное право: В 2 т. – Т. 1. – М.: Волтерс Клувер, 2004.

8. Лукашук И.И. Международно-правовая концепция России // Международное право. – 1998. – № 1.

9. Лукашук И.И. Современное право международных договоров: В 2 т. – М.: Волтерс Клувер, 2006.

10. Мяснянкин В.Н. Место межгосударственного права в правовой системе РФ // Право и политика. – 2004. – № 9.

11. Соколова Н.А. Различия принципов международного экологического права и проблемы их имплементации (на примере законодательства Российской Федерации): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998.

12. Фархутдинов И.З. Арбитражное право иностранных инвестиций // Хозяйство и право. – 2005. – № 11.

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ТАМОЖЕННАЯ СЛУЖБА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное унитарное предприятие «РОСТЭК»

Федеральное государственное унитарное предприятие «РОСТЭК» создано по постановлению правительства России в 1992 году. Учредитель – Федеральная таможенная служба РФ. Деятельность предприятия осуществляется под контролем государства и ориентируется на реализацию ряда государственных задач в области таможенной политики.

Целью создания ЗАО «РОСТЭК-Башкортостан» – предприятия системы «РОСТЭК» – является выполнение на договорной основе заказов таможенных органов, развитие и укрепление материально-технической базы и социальной сферы Башкортостанской таможни, а также осуществление экономической деятельности с целью получения прибыли.

ЗАО «РОСТЭК-Башкортостан» – таможенный представитель (Свидетельство о включении в Реестр таможенных представителей №0254/00), оказывающий полный комплекс услуг в области таможенного оформления товаров, перемещаемых участниками внешнеэкономической деятельности через границу Российской Федерации. Наши представительства находятся во всех крупных городах Республики Башкортостан.

Контактная информация

Республика Башкортостан, 450006, г. Уфа, бул. Ибрагимова, 63

Директор, приемная: +7 (347) 282-16-14

Главный бухгалтер, бухгалтерия: +7 (347) 282-14-57

Зам. директора по ВЭД, таможенный сервис: +7 (347) 223-75-56

www.rostek-bashkortostan.ru e-mail: ufa-rostek@mail.ru

Эседов Д.Т.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СПОРОВ

Активное международное инвестиционное сотрудничество все больше вовлекает государства в международные арбитражные процедуры. В последнее время происходит увеличение числа исков на основании международных инвестиционных положений об урегулировании споров «инвестор–государство»

Ключевые слова: международные инвестиционные соглашения (МИС), двусторонние инвестиционные договоры (ДИД), Арбитражный регламент ЮНСИТРАП.

Esedov D.T.

NEW TENDENCIES IN THE SPHERE OF INTERNATIONAL INVESTMENT DISPUTES

The active international investment cooperation activates the involvement of states into international arbitration procedures. Nowadays the number of suits on the base of International Investments Agreement's (IIAs) norms on regulation disputes "Investor-State" is increasing.

Keywords: International Investment Agreements (IIA), bilateral investments treaties (BIT), UNCTAD Arbitration Regulations.

В последнее десятилетие наблюдается рост числа международных инвестиционных соглашений (МИС), заключаемых на двустороннем, региональном и межрегиональном уровнях. Например, в 2005 году еженедельно подписывалось более трех таких соглашений. В этом контексте следует обратить внимание на ряд обстоятельств. Во-первых, сфера МИС, охватывающая двусторонние инвестиционные договоры (ДИД), договоры об избежании двойного налогообложения и другие инвестиционные соглашения, продолжает расширяться. Во-вторых, появляется новое поколение МИС со все более сложными и всеобъемлющими по своему содержанию положениями, более детально раскрывающими смысл некоторых стандартных клаузул и охватывающими более широкий круг вопросов. В-третьих, проведение политики в области экономического развития становится более сложной задачей в силу наличия целой «паутины» частично дублирующих друг друга обязательств, вытекающих из МИС, в которых содержится целый ряд положений, применимых к одним и тем же вопросам. В то же время ряд соглашений не выполняется либо потому, что их не ратифицировали национальные парламенты, либо потому, что они не приняты к надлежащему исполнению соответствующими органами. Параллельно с ростом числа заключенных международных инвестиционных договоров растет и число международных инвестиционных споров.

Существует два вида международных инвестиционных споров. Спор между государствами – «государство–государство» и спор, в который вовлечены, с одной стороны, инвестор и, с другой стороны, «государство, принимающее инвестиции».

Традиционно урегулирование споров в международном праве касалось споров между государствами. Инвестиционные споры между государствами могут возникать в связи с различными правительственными мерами, которые затрагивают трансграничную экономическую деятельность и часть из которых регулируется соответствующими положениями международных инвестиционных соглашений, определяющими сферу, степень и характер их вмешательства в трансграничную инвестиционную деятельность их национальных субъектов. Споры между государствами (или «межгосударственные» споры) в рамках МИС могут вытекать либо из проблемных вопросов, возникающих непосредственно между сторонами, подписавшими МИС, либо из вопросов, возникающих первоначально между инвесторами, принимающими их государствами, а уже затем перерастающих в споры между государствами.¹

На практике споры типа «государство–государство» встречаются очень редко. Применительно к России известен лишь один межгосударственный инвестиционный спор, связанный

с ДЭХ (Договор к Энергетической Хартии), который был решен по энергетическим каналам.²

Тип инвестиционных споров, наиболее часто встречающийся на практике, – это «инвестор–государство».

В настоящее время растет число международных инвестиционных соглашений (МИС)³ на двустороннем, субрегиональном, региональном и межрегиональном уровнях типа «инвестор–государство». В результате сформировалась сложная система инвестиционных норм, которые частично дублируют и частично дополняют друг друга. Сфера МИС включает в себя свыше 2300 двусторонних инвестиционных договоров (ДИД), свыше 2300 договоров об избежании двойного налогообложения (ДИДН), многочисленные преференциальные соглашения о свободной торговле и инвестициях (ПСТИ) и многосторонние соглашения.

С учетом этого были разработаны четкие процедуры по урегулированию инвестиционных споров между частными сторонами и принимающими странами. Подавляющее большинство ДИД, а также ряд региональных соглашений и других инструментов содержат положения об урегулировании споров «инвестор–государство».

В МИС традиционный подход к спорам «инвестор–государство» сводится к тому, что участники спора должны стремиться к его полюбовному урегулированию. В случае неудачи следующим шагом, как правило, является арбитражное разбирательство либо в рамках процедуры *ad hoc*, либо на основе институционально оформленной процедуры.

В связи с урегулированием споров «инвестор–государство», возникающих в инвестиционной практике, встает широкий спектр правовых вопросов и возможны самые различные подходы к их решению. Данная проблема имеет существенное значение как для принимающих стран, так и для иностранных инвесторов. Когда иностранный инвестор начинает осуществлять свою деятельность на территории принимающей страны, он, как правило, стремится получить защиту в форме определенных стандартных режимов, таких как режим наиболее благоприятствуемой нации, национальный режим и справедливый и равноправный режим, а также гарантии по таким вопросам, как компенсация в случае экспроприации права на вывод капитала, прибылей и доходов из принимающего государства. Такие права часто закрепляются в конкретных положениях МИС.

Существование эффективного механизма урегулирования споров способствует формированию благоприятного инвестиционного климата в принимающей стране: поощрение ПИИ и получение отдачи от них как раз и являются целью

¹ Урегулирование споров: государство–государство. – Нью-Йорк: Женева: ЮНКТАД, 2003. – С. 4.

² Конопляник А.А. Договор к Энергетической Хартии: механизмы разрешения споров // Нефть, газ и право. – 2005. – № 1.

³ United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) (2003a). World Investment Report 2003: FDI Policies for Development: National and International Perspectives (New-York and Geneva: United Nations).

вступления страны в МИС. Страны стремятся к тому, чтобы в случае возникновения спора с иностранными инвесторами в их распоряжении имелись возможности быстро урегулировать юридические аспекты этого спора. В то же время высказывались опасения в связи с возможностью возбуждения недобросовестных или сутяжнических исков, которые могут осложнять законную регулируемую деятельность правительства, а также нахождение необходимого баланса между национальными и международными методами урегулирования споров.

Общее число всех известных дел, возбужденных на основании двусторонних, региональных (например, НАФТА) или многосторонних (например, Договор к Энергетической Хартии) соглашений, содержащих инвестиционные положения, или МИС, в ноябре 2004 года достигло 160 по сравнению с пятью такими спорами в конце 1994 года. 106⁴ из этих дел, связанных с договорными положениями, были возбуждены в Международном центре Всемирного банка по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС).

В конце 1994 года насчитывалось всего три таких дела. Помимо этого не менее 54 дел (в общей сложности) были возбуждены вне МЦУИС по сравнению лишь с двумя в конце 1994 года (международные инвестиционные споры могут возникать и в связи с контактами между инвесторами и правительствами; несколько таких споров были переданы (или были рассмотрены) в МЦУИС, но они не учитываются в этих данных). Свыше половины (92) из 160 известных дел были возбуждены в последние три года, причем практически ни в одном из них правительства не выступали истцами.⁵

Инициаторами 11 споров выступали фирмы из развивающихся стран. Количество связанных с договорными положениями арбитражных дел и общественной информации о них обусловлено тремя основными факторами. Один из них – беспрецедентный рост числа исков против Аргентины – увеличивает это число, а два других – конфиденциальность споров в соответствии с некоторыми арбитражными нормами и решение ЮНКТАД не относить «уведомления о намерении» в число официально поданных исков – уменьшает число таких исков.

Ответчиками в арбитражных разбирательствах, касающихся инвестиционных договоров, выступали не меньше 50 правительств (31 правительство развивающихся стран с переходной экономикой). 37 исков были возбуждены против Аргентины, причем 34 из них по крайней мере частично были связаны с возникшим в стране финансовым кризисом.

На втором месте по числу возбужденных исков (14) стоит Мексика. Большинство исков против нее было возбуждено в рамках НАФТА и несколько – на основании различных ДИД. Много исков было подано и против Соединенных Штатов (10), причем все они были поданы на основании НАФТА, и ни один из них не был связан с заключенными этой страной ДИД. За ними следуют в этом перечне Польша (семь исков), Египет (шесть исков), а также Канада, Чили, Чешская Республика и Украина (по четыре иска против каждой из этих стран).

Ряд связанных с инвестиционными договорами претензий в форме либо уведомлений о намерении, либо заявлений в МЦУИС были исключены из базы данных ЮНКТАД, поскольку они не стали предметом формального арбитражного разбирательства или факт такого разбирательства не удалось с точностью установить. О подаче в МЦУИС исков открыто сообщается лишь после того, как они официально зарегистрированы секретариатом МЦУИС. В то же время хотя МЦУИС уведомления о намерении возбудить уголовный иск против

принимающего государства могут как разглашаться, так и не разглашаться, фактически арбитражное разбирательство может начаться лишь после подачи соответствующего запроса или претензий. Например, если говорить об исках, рассматриваемых в рамках НАФТА, уведомление о намерении возбудить арбитражное разбирательство не означает начало арбитражного процесса, а всего лишь свидетельствует о намерении. Вот почему в перечне 160 известных арбитражных дел не упоминаются случаи направления уведомлений о намерении возбудить арбитражное дело на основании НАФТА или иного договора (например, если с этого момента начинается отсчет предусмотренного в договоре обязательного срока ожидания), если ходатайство о возбуждении арбитражного дела еще не поступило или не может быть подтверждено.

14 октября 2004 года правительство Аргентины отклонило возбужденные против нее в МЦУИС иски под предлогом их необоснованности (Comunicado de Prensa, Ministerio de Economia y Produccion).

Во многих МИС инвесторам разрешается выбирать между МЦУИС (включая дополнительную процедуру МЦУИС) и процедурой арбитражного разбирательства *ad hoc*, например Арбитражным регламентом ЮНИСТРАЛ. К числу других институциональных механизмов относятся расположенный в Париже Арбитражный суд МТП, Арбитражный институт Международной торговой палаты в Стокгольме, Лондонский суд международного арбитража и различные региональные арбитражные центры, в первую очередь в Сингапуре и Каире. Тот факт, что общее число арбитражных разбирательств остается неизвестным, отчасти объясняется этим выбором, поскольку перечень рассматриваемых дел представляет лишь МЦУИС. Другие арбитражные учреждения не всегда сообщают такие сведения.

Поскольку иски могут быть поданы в различной форме в зависимости от применимого договора и арбитражного регламента, отсутствует единый очевидный критерий, на основании которого можно было бы судить о начале арбитражного разбирательства. НАФТА требует «уведомлений о намерении»; двусторонние инвестиционные договоры, как правило, их не требуют.

Известные арбитражные дела по спорам «инвестор–государство» касаются иностранных инвестиций на этапах до и после их размещения и охватывают все разновидности и типы иностранных инвестиций, включая приватизационные контракты и государственные концессии. Предметом споров является широкий диапазон мер, включая чрезвычайные законодательные акты, принимаемые в периоды финансовых кризисов, налоги на добавленную стоимость, перевод земельных угодий с сельскохозяйственного на коммерческое использование, меры в отношении опасных отходов, намерение передать акции государственных предприятий иностранному инвестору и решения органов регулирования работы, средств массовой информации. Претензии инвесторов связаны с вопросами справедливого и равного режима, недискриминации, экспроприации (законодательная конфискация или меры, приравняемые к экспроприации) и сферой действия и определения соглашений.

К числу хозяйственных секторов, где возникали связанные с договорными положениями споры, относятся строительный сектор, услуги водоснабжения и водоочистки, пивоварение, телекоммуникационные концессии, банковские и финансовые услуги, гостиничное дело, теле- и радиовещание, удаление опасных отходов, текстильная промышленность, газо- и нефтедобыча и различные виды горного промысла.

Информация о размере компенсации, которую требуют инвесторы, является отрывочной и ненадежной. Трудно оценить даже порядок сумм, испрашиваемых зарубежными инвесторами, поскольку большинство дел находится лишь на начальном этапе, и в системе МЦУИС истцы не обязаны указывать размер своих требований до окончательного

4 Док. United Nations Conference on Trade and Development. UNCTAD TD /B/ com.2/62. Page 10.

5 Единственным исключением является возникший в 2003 году межгосударственный спор между Чили и Перу. Иск был возбужден Перу после того, как чилийская фирма «Лючетти» подала иск типа «инвестор–государство» (Lucchetti S.A. and Lucchetti Peru S.A. v. Republic of Peru. ICSID Case No ARB/03/4). Во всех других случаях государства для рассмотрения дел «инвестор–государство» создавали специальные комиссии, такие как трибунал для рассмотрения претензий Соединенных Штатов и Исламской Республики Иран.

определения юрисдикционной подведомственности дела. Размер требований, рассматриваемых на основании иных правил арбитражного разбирательства, на начальном этапе также определять необязательно, но даже тогда, когда эти требования сформулированы, адвокаты и инвесторы стремятся не раскрывать такую информацию.

В то же время известно, что по итогам рассмотрения некоторых дел была присуждена довольно крупная компенсация. Например, в 2003 году было принято постановление, обязывающее Чешскую Республику уплатить примерно 270 млн долл. США вместе со значительными процентами голландской вещательной компании: суд постановил, что чешские органы регулирования деятельности средств массовой информации нарушили условия инвестиционного договора с Нидерландами. Сумму такого же порядка должен был заплатить и Эквадор: в 2002 году было принято постановление, обязывающее эту страну выплатить компании «Оксидентл» 71 млн долл. США плюс проценты.

В то же время не все истцы смогли получить истребуемую компенсацию. Действительно, размер присужденной компенсации не всегда точно отражает реальные финансовые масштабы дела, поскольку против истцов, заявляющих особо крупные претензии, не принимается никаких штрафных санкций. По очень крупным требованиям часто выплачивается очень маленькая компенсация. Например, в деле «Метаклэд» против Мексики по иску на сумму в 43 млн долл. США была присуждена компенсация в размере менее 17 млн долл. США, а «С.Д.Маерс», возбудившая против Канады иск в размере 70–80 млн долл. США, получила лишь 6 млн долл. США, т. е. менее 10 % от испрашиваемой суммы. В этой связи следует отметить, что не все возбужденные коммерческими предприятиями иски завершились для них успешно и что государства выиграли довольно большое число дел. Однако даже защита стоит денег.

Рассмотрение в арбитраже споров, связанных с инвестиционными договорами, является довольно дорогостоящим. Компания «Метаклэд Корпорэйшн», по сообщениям, израсходовала на адвокатов и возбужденную против Мексики арбитражную процедуру около 4 млн долл. США.⁶ Чешская Республика, по сообщениям, израсходовала 10 млн 4 долл. на свою защиту по двум крупным искам, возбужденным европейской вещательной компанией и одним из ее основных акционеров.⁷ Недавно правительство Чешской Республики заявило, что по аналогичным делам оно планирует заплатить в качестве судебных издержек в 2004 году 3,3 млн долл. США, а в 2005 году еще 13,8 млн долл. США.⁸ Даже беглый взгляд на объявленные в недавних судебных решениях суммы свидетельствует о том, что в среднем в подобных делах правительства тратят от 1 до 2 млн долл. США, в том числе на адвокатов. Судебные издержки составляют не менее 400 тыс. долл. США. Отметим, что истец и ответчик несут примерно равные расходы.⁹

Увеличение в последнее время числа исков, возбужденных на основании содержащих в МИС положений об урегулировании споров «инвестор–государство», указывает на то, что иностранные инвесторы, по всей видимости, будут все чаще задействовать эту процедуру для оспаривания принимаемых властями мер, которые, по их мнению, наносят ущерб

их инвестициям. Даже если не учитывать иски, возбужденные против Аргентины, очевидно, что число арбитражных дел непрерывно растет и, по всей видимости, будет продолжать расти и в будущем. Помимо этого, увеличение объема инвестиций может давать больше поводов для споров. А увеличение поводов для споров в сочетании с заключением большого числа МИС, по-видимому, будет означать увеличение числа исков.¹⁰ Здесь следует особо упомянуть о выходе на первый план сложных инфраструктурных проектов.¹¹ Увеличение числа споров, возможно, является следствием усиления среди зарубежных инвесторов склонности к тяжбам по итогам рассмотрения некоторых широко разрекламированных дел.

Хотя процедура урегулирования споров «инвестор–государство» и является законным средством правовой защиты, предусмотренным в современных МИС, международные системы урегулирования споров должны защищать от недобросовестных или сутяжнических исков. Важно также, чтобы размер компенсации, взимаемой с принимающих стран, был соразмерен фактическим убыткам. Кроме того, во внимание должны приниматься и последствия таких споров для процесса развития. В ряде недавних дел арбитражные органы присудили истцам крупные суммы компенсации, что не может не вызывать озабоченность в связи с последствиями таких решений для развивающихся стран. Помимо вопроса о компенсации необходимо учитывать и политические последствия споров. Система урегулирования споров «инвестор–государство» в целом должна быть справедливой по отношению к обеим сторонам и восприниматься ими как таковая.

Споры «инвестор–государство» возникают между частным коммерческим субъектом и государственной администрацией или агентством, и поэтому они затрагивают общественные интересы и содержат в себе политические элементы, которые должны соотноситься с коммерческими интересами частной стороны. Система урегулирования споров должна быть восприимчива к обеим категориям интересов и связанным с ними требованиями, которые могут возникнуть в ходе спора.

С учетом сложности содержания МИС желающие заключить их правительства должны очень внимательно относиться к их согласованию. Для того чтобы понимать, какие действия могут спровоцировать тяжбу, они должны внимательно следить за развитием споров. Кроме того, важно анализировать опыт закрепленных в МИС международных обязательств и выносить для себя соответствующие уроки.

Пристатейный библиографический список

1. Конопляник А.А. Договор к Энергетической Хартии: механизмы разрешения споров // Нефть, газ и право. – 2005. – № 1.
2. Урегулирование споров: государство–государство. – Нью-Йорк; Женева: ЮНКТАД, 2003.
3. Croatian film invokes investment treaty to challenge Czech eviction notice. INVEST-SD News Bulletin, 1 October 2004.
4. Czech Republic hit with massive compensation bill investment treaty disput. INVEST-SD News Bulletin, 21 March 2003.
5. Lucchetti S.A. and Lucchetti Peru S.A. v. Republic of Peru. ICSID Case No. ARB/03/4.
6. Thomas J.C. A reply to Professor Brower. Columbia Journal of Transnational Law, vol. 40 (2002), no. 3.

6 См.: Thomas J.C. A reply to Professor Brower. Columbia Journal of Transnational Law, vol. 40 (2002), no. 3. Это дело рассматривалось и в канадском суде, причем расходы на это разбирательство в данную цифру не входят.

7 См.: Czech Republic hit with massive compensation bill investment treaty disput. INVEST-SD News Bulletin, 21 March 2003 // http://www.iisd.org/odf72003/investment_investsd_march2003.pdf.

8 См.: Croatian film invokes investment treaty to challenge Czech eviction notice. INVEST-SD News Bulletin, 1 October 2004 // http://www.iisd.org/odf72004/investment_investsd_oct_1_2004.pdf.

9 Предварительный результат исследовательского проекта КЕПМИП/«Дандп», посвященного экономическому анализу урегулирования трансграничных споров.

10 Документацию о расчете числа МИС см. в различных выпусках World Investment Reports на Интернет-сайте: www.unctad.org/Templates/Page.asp. Там же содержится информация о ДИД (свыше 1800 текстов).

11 Хотя здесь не учитываются контракты между зарубежными инвесторами и правительствами, в том числе в форме стабилизационных соглашений, заключаемых правительствами развивающихся стран с отечественными и зарубежными частными инвесторами, их число, по видимому, также растет (лишь одна Перу заключила в период с 1993 по 2004 год свыше 400 таких соглашений; см.: www.oicoinversion.cob.net/english/conventions). Многие из этих контрактов, в первую очередь те, участниками которых являются зарубежные инвесторы, содержат положения о международной процедуре урегулирования споров «инвестор–государство».

Ашларба Л.Т.

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГРУЗИИ

В статье прослеживается исторический путь возникновения и развития семейного права Грузии, основанного на православии. Оно заключало в себе суть первоначальных представлений о браке и семье. Исследуются древние источники семейного права Грузии, нормы, регулирующие брак, развитие брачного права.

Ключевые слова: церковное право, грузинское законодательство, государство, семейное право, традиции, семейные отношения, семья, брак, развод.

Ashlarba L.T.

A BRIEF OVERVIEW OF THE HISTORY OF FORMATION OF THE GEORGIAN FAMILY LAW

The article traces the historical path of formation and development of family law of Georgia, based on Orthodoxy. It contains the essence of the original ideas about marriage and family. The sources of family law of Georgia, rules governing marriage, the development of marriage law are explored.

Keywords: Canon law, Georgian legislation, family law, tradition, state, human rights and freedoms, family, marriage, divorce.

Ашларба Л.Т.

Важнейшим фактором, повлиявшим на семейное право древней Грузии, было принятие христианства.¹ С этого времени христианское учение становится теоретической основой для формирования морали и права. Устанавливаются моногамия и ограничение или недопущение разводов. По-разному регулируются вопросы брака духовных лиц и мирян. Церковное право особое внимание уделяло вопросам кровного родства как обстоятельства, препятствующего заключению брака. Более того, церковь расширила круг лиц, заключение брака с которыми запрещалось: между крестным и крестником, а также между их детьми.

Необходимо отметить, что в первые века после принятия христианства не все эти правила неуклонно соблюдались. В среде князей и азнауров нередки были случаи заключения брака между родственниками пятой и шестой степени, обусловленные политическими и экономическими интересами.

В памятнике «Дзеглис цера», принятом на Руис-Урбниском соборе в 1104 г., были закреплены следующие положения:

1. В христианскую эпоху лица, вступающие в брак, должны были быть христианами. Брак с нехристианином не допускался.

2. Допускался брак с неправославным христианином, но дети от этого брака должны были воспитываться в традициях православия.

3. Вступающие в брак не должны были состоять в кровном или духовном родстве (крестный и крестник).

4. Согласие самих лиц вступающих в брак.

Был установлен брачный возраст: для женщин – 12 лет, для мужчин – 15–16 лет. Собор запретил заключать браки в отсутствие жениха, когда его заменял представитель.

Заключению брака, как правило, предшествовало обручение, являвшееся важным юридическим актом и порождавшее обязанности. Соответствующие исторические документы говорят, что незаключение брака с помолвленной женщиной наказывалось уплатой полного «сисхли» (плата за кровь, определенная денежная компенсация, полагающаяся пострадавшей от преступления стороне).

В раннефеодальную эпоху правовое положение женщины в семье и обществе характеризовалось крайне угнетённым состоянием, так же как и в соседних Армении и Персии. На это указывает и древнейший памятник грузинской литературы V в. «Мученичество Шушаник».² На стадии раннего феодализма институт приданного еще не был развит. Бесправие женщины в сфере имущественных взаимоотношений

обуславливало ее бесправие и в вопросах личных отношений. Однако в V–VIII вв. наблюдается определенный прогресс в этой сфере. Из сочинения «Житие Бесариона Зармзели» мы узнаем, что в дворянской среде женщины имели право наследовать имущество родителей. К IX–X вв. институт приданного окончательно сформировался, женщина уже не вещь, а личность. Несмотря на это, неравноправие между мужчиной и женщиной все еще было очень значительным. Согласно «Судебнику Бека» муж, оставивший жену без причин, должен был уплатить половину «сисхли». В случае же, если жена оставляла мужа, штраф равнялся целому «сисхли». Кроме того, требование супружеской верности являлось исключительной привилегией мужчины. Но все же в обществе существовали древние традиции уважения к женщине, возможно, сохранившиеся со времен матриархата. Согласно Уложению Вахтанга VI, если муж уличит жену в прелюбодеянии и убьет, он освобождается от уплаты «сисхли» в пользу ее родственников. Эта норма очень древняя и происходит, вероятно, из обычного права. Аналогичные нормы содержали законы Хаммурапи.

В IX–X вв. в Грузии происходило интенсивное развитие общественной жизни во всех сферах. Из труда Василия Зармзели «Житие Серапиона Зармзели» мы узнаем, что сформировавшийся институт приданого (мзитеви) отражает «определенную независимость женщины», она входит в дом мужа, «и в определенной сфере господствует ее воля».³

В средние века законодательство ряда христианских государств запрещало развод, кроме случаев прелюбодеяния. Христианское учение говорило, что развод допустим лишь в случае прелюбодеяния жены.

В «Новом завете» изложены взгляды евангелистов Луки, Матвея и Марка на развод. Причем взгляды их разнятся, что ставило церковь в сложное положение еще в раннюю христианскую эпоху. Восточная православная церковь в основном опиралась на положения, изложенные в Евангелии от Марка, в то время как западная католическая церковь следовала взглядам Матвея и Луки, доходя до полного отрицания возможности развода.

Кроме прелюбодеяния жены еще одним законным поводом, признаваемым древнегрузинским семейным правом, была болезнь жены. Идя навстречу требованиям жизни, восточная христианская церковь постепенно расширяла понятие прелюбодеяния, а позже стала допускать развод и по другим мотивам.

Законным мотивом для требования развода в древнем грузинском семейном праве считалось также нарушение

1 См.: Надарейшвили Г. История государства и права Грузии. – Тбилиси, 2006.

2 См.: Цуртавели Я. Мученичество Шушаник. – Тбилиси: Мецниереба, 1978.

3 См.: Иванищев Н. Соч. – Киев, 1867. – С. 110.

правил половой нравственности, так называемый «содомный грех».

Давит Батонишвили в своей кодификации грузинского права, проведенной им в 1800 г., перечисляет следующие мотивы для развода:

- а) крайнее несходство характеров супругов;
- б) сумасшествие жены, падучая болезнь (эпилепсия), неизлечимое заболевание, тяжелое инфекционное заболевание жены, а также невыносимый неприятный запах изо рта;
- в) бездетность;
- г) распространение ложных слухов о муже.

Значительное влияние на правотворчество грузинских царей оказало высокоразвитое византийское право. Начиная с IX в. предпринимаются попытки систематизации законодательства. Первым светским актом этого периода, который дошел до нас в виде фрагментов, является «Книга права», известная как Законы Баграта Куропалата.

Уже в поздний период до 1990 г. гражданское право Грузии строго следовало общим для СССР образцам. ГК 1923 и 1964 гг. копировали соответственно ГК РСФСР 1922 и 1964 гг. Как и в других бывших советских республиках гражданское право Грузии в 1990-е гг. было преобразовано в соответствии с принципами рыночной экономики и романо-германскими цивилистическими традициями.

Основы новых гражданско-правовых отношений закреплены в Конституции Грузии. Она устанавливает основные права и свободы человека, содержит фундаментальные положения, относящиеся к семейным отношениям: «государство содействует благосостоянию семьи, брак основан на принципе равенства и добровольности».⁴

Все вышеизложенные принципы, зафиксированные в Конституции Грузии, находят свое непосредственное отражение, развитие и конкретизацию в Гражданском кодексе Грузии 1997 г.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Грузии (The civil code of Georgia от 26 июня 1997 г.) Введен в действие с 25 ноября 1997 г. (с поправками и изм. на 26 ноября 2001 г.) / Науч. ред. З.К.Бигвава; пер. с груз.: И.Мериджанашвили, И.Чиковани. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002.
2. Иванищев Н. Соч. – Киев, 1867.
3. Надарейшвили Г. История государства и права Грузии. – Тбилиси, 2006.
4. Цуртавели Я. Мученичество Шушаник. – Тбилиси: Мецниереба, 1978.

⁴ См.: Конституция Грузии 1995 г., ст. 36.

**Партнером Евразийского юридического журнала является
Государственное Собрание — Курултай Республики Башкортостан — высший
и единственный законодательный (представительный)
орган государственной власти Республики Башкортостан**

Председателем Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан IV созыва является д.ю.н, профессор **Константин Борисович Толкачёв**
Руководителем Секретариата Государственного собрания — Курултая Республики Башкортостан является д.ю.н. **Зуфар Иргалиевич Еникеев**

В Курултае Республики Башкортостан IV созыва работают 120 депутатов и 7 постоянных комитетов:

- комитет по государственному строительству;
- комитет по местному самоуправлению и общественным объединениям;
- комитет по бюджету, налогам, финансам и вопросам собственности;
- комитет по промышленности, транспорту, строительству, связи и предпринимательству;
- комитет по аграрным вопросам, экологии и природопользованию;
- комитет по образованию, науке, культуре, спорту и делам молодежи;
- комитет по социальной политике и здравоохранению.

Контактная информация:

450000, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 46
Приемная Председателя – (347) 250-19-15
Приемная Руководителя Секретариата – (347) 250-17-79

Пресс-служба – (347) 250-16-32, (347) 250-09-82
Канцелярия – (347) 250-65-15

Веб-сайт – www.gsrb.ru

Левченко В.Е., Озеркис А., Ливенцов А.А.
ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье на основе анализа научной литературы рассмотрены вопросы о понятии и признаках юридической ответственности. Ключевые слова: теория государства и права, юридическая ответственность, признаки юридической ответственности.

Levchenko V. E., Ozerkis A., Liventsov A.A.
CONCEPT AND SIGNS OF LEGAL RESPONSIBILITY

In the article on the basis of analysis of scientific literature questions on concept and signs of legal responsibility are considered. Keywords: theory of state and law, legal responsibility, signs of legal responsibility.

Основная задача юридической ответственности – обеспечение законности, предупреждение и пресечение правонарушений, максимально возможное устранение ущерба, причиняемого ими обществу.¹

Без налаженной системы юридической ответственности право становится бессильным и ненадежным, не оправдывающим возлагаемые на него социальных ожиданий. Правовые нормы, порождающие права и обязанности субъектов правоотношений, превращаются в благие пожелания, если власть не способна организовать восстановление нарушенных прав, принуждение к исполнению обязанностей, наказание нарушителей правовых запретов. Однако и на настоящий момент юридическая ответственность действует недостаточно эффективно, что можно объяснить слабой теоретической разработкой проблем данного института в отдельных правовых науках (особенно в финансовом и налоговом праве); отсутствием в отдельных случаях соответствующих норм права, которые однозначно определили бы ответственность и правонарушение применительно к данным наукам; правовой безграмотностью органов финансового и налогового контроля. В связи с этим верно отмечено, что мало иметь систему юридической ответственности и систему правовых норм об ответственности, необходимо еще существенно улучшить практику использования права и контроль за своевременностью его применения в целях обеспечения неотвратимости ответственности.²

Все сказанное в полной мере относится к проблемам ответственности за нарушение финансово-правовых и налоговых норм. Для правильного понимания юридической ответственности вообще и финансово-правовой, налогово-правовой ответственности в частности необходимо проанализировать соотношение понятий ответственности в философии и юриспруденции.

Анализируя философскую литературу по данному вопросу, И.А.Галаган отмечает, что категория ответственности рассматривается в двух аспектах – активном и ретроспективном.³

В активном аспекте ответственность представляет собой осознание личностью собственного долга перед обществом и государством, понимание в свете этого долга смысла и значения своих поступков, согласование деятельности личности с лежащими на ней обязанностями, которые следуют из общественных связей человека (например, добросовестное исполнение обязанностей финансовыми и налоговыми органами в лице их должностных лиц, с одной стороны, и контролируемых ими субъектов – с другой). Такую ответственность называют активной, позитивной, перспективной.

Ответственность в ретроспективном смысле наступает за прошлое поведение, противоречащее социальным нормам, и называется ретроспективной, негативной, юридической. Негативная ответственность имеет большое значение для регулирования поведения различных лиц (как физических, так

и юридических). Ее своеобразие состоит в том, что она включается в механизм регулирования общественных отношений в связи с фактами нарушения установленных правил поведения либо (если учитывать ее предупредительную роль) с возможностью такого нарушения. Поэтому именно ее называют юридической.⁴

Единого понятия названной ответственности в правовой науке не выработано.

Значительное место в работах по проблеме юридической ответственности занимает ее трактовка как санкции за правонарушение, предусмотренной нормой права на случай ее несоблюдения.⁵ Недостаток данной концепции заключается в том, что авторы отождествляют санкцию и юридическую ответственность. Санкция представляет собой элемент правовой нормы, предусматривающий неблагоприятные последствия для правонарушителя; она существует в правовой норме как потенция, превращаемая в действительность лишь при правонарушении. Следовательно, санкция правовой нормы существует всегда, а правовая ответственность наступает лишь при реальном нарушении этой нормы.⁶

К изложенной позиции близка точка зрения, в соответствии с которой юридическая ответственность – это применение и реализация санкции в случае правонарушения.⁷ Юридическую санкцию можно рассматривать не только под углом зрения юридической ответственности. Применение некоторых санкций не ставится в зависимость от вины правонарушителя, поскольку направлены они на восстановление нарушенных прав, обеспечение исполнения обязанностей. Данные санкции, являясь восстановительными, относятся не к мерам ответственности, а к мерам защиты.⁸ Следовательно, данное положение не дает основания определять юридическую ответственность как применение санкции.

Широкое распространение получила теория, согласно которой юридическая ответственность – это исполнение обязанности посредством государственного принуждения, например, уплата суммы долга заемщиком на основе решения суда.⁹ Возможно, что карательный элемент, присущий юридической ответственности, посредством принудительного исполнения обязанности не устраняется. Но нельзя забывать, что юридическая ответственность – это дополнительное обременение по отношению к уже существующей обязанности. Понятием принудительного исполнения обязанности заемщика по уплате суммы долга дополнительные обременения не налагаются. Поэтому считаем, что согласиться с точкой зрения,

4 Белошапко Ю.Н. Указ. соч.

5 Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. – М., 1961. – С. 314.

6 Ефремова Е.С. Ответственность за совершение налоговых правонарушений: понятие, признаки, функции // Известия вузов. Правоведение. – 2002. – № 2. – С. 59.

7 Лейст О.Э. Санкции в советском праве. – М., 1962. – С. 85; Самощенко И.С., Фарухшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. – М., 1971. – С. 54.

8 О мерах защиты см.: Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. – Свердловск, 1964. – Вып. 2. – С. 187; Ардашкин В.Д. О принуждении по советскому праву // Сов. государство и право. – 1970. – № 7. – С. 33–39; Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. – Воронеж, 1991. – С. 95 и др.

9 Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). – М., 1976. – С. 85, 94.

1 Белошапко Ю.Н. Правонарушение и ответственность в финансовом и налоговом праве РФ // Известия вузов. Правоведение. – 2001. – № 5.

2 Проблемы теории государства и права: Учеб. пособ. / Под ред. М.Н.Марченко. – М., 1999. – С. 469.

3 Галаган И.А. Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование). – Воронеж, 1970. – С. 11, 12.

в соответствии с которой ответственность – это принудительное исполнение обязанности, вряд ли возможно.

В научной литературе, помимо изложенных концепций, найдено отражение трактовка ответственности как правоотношения. По мнению Б.Т.Базылева, юридическая ответственность – это правовое отношение охранительного типа, возникшее на основании правонарушения. Как отмечает автор, специфика правоотношения ответственности состоит в том, что «в рамках данного правоотношения осуществляется наказание».¹⁰

С.С.Алексеев, рассматривая соотношение охранительных правоотношений и юридической ответственности, отметил, что в рамках охранительных правоотношений осуществляется не только наказание (меры ответственности), но и специфические меры защиты, т. е. охранительные правоотношения – категория более емкая и широкая, чем категория юридической ответственности.¹¹

Юридическая ответственность, по словам С.Алексеева, представляет собой один из элементов охранительных правоотношений, поскольку это – «обязанность лица претерпевать меры государственно-принудительного воздействия за совершенное правонарушение в форме лишения личного, организационного или имущественного порядка».¹² Из данного определения усматриваются специфические признаки юридической ответственности, которые состоят в том, что выражается ответственность в обязанности претерпеть меры государственно-принудительного воздействия, основанием ответственности является правонарушение и ответственность всегда связана с различного рода отрицательными последствиями. Как замечали И.С.Самощенко и М.Х.Фарукшин, юридическая ответственность, с тех пор как она возникла, всегда была ответственностью за прошлое, за совершенное деяние. Являясь реакцией на совершенное правонарушение, юридическая ответственность имеет государственно-принудительный характер. Он выражается прежде всего в том, что ответственность возлагается в случае правонарушения независимо от воли и желания правонарушителя и имеет по отношению к нему внешний характер.¹³

Но главное в вопросе об ответственности, включаются ли в содержание ее понятия все случаи применения правового принуждения для выполнения лицом своих обязанностей либо только те, когда при нарушении обязательств на лицо возлагаются дополнительные обязанности либо возникают новые.

¹⁰ Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). – Красноярск, 1985. – С. 70, 87.

¹¹ Алексеев С.С. Указ. соч. – С. 190.

¹² Там же. – С. 182.

¹³ Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Указ. соч. – С. 43–44.

О.С.Иоффе справедливо полагает, что при выявлении сущности ответственности необходимо учитывать тот факт, что правонарушение может повлечь и санкции, не являющиеся мерами ответственности.¹⁴ Так, принудительная охрана обязательств воплощается прежде всего в понуждении к их реальному исполнению. Но реальное исполнение, даже если оно будет принудительным, нельзя считать мерой ответственности. Обязанность реального исполнения вытекает непосредственно из самого обязательства. И если бы последствия правонарушения ограничивались только ею, это было бы равноценно полной безответственности нарушителя, который как до, так и после нарушения нес бы одну и ту же обязанность – выполнить принятое на себя обязательство. И поскольку ответственность всегда составляет определенный вид имущественных или личных лишений, она должна выражаться в каком-либо дополнительном бремени, вызывая тем самым для нарушителя определенные отрицательные последствия. Ими могут быть замена неисполненной обязанности новой, присоединение к нарушенной обязанности дополнительной.

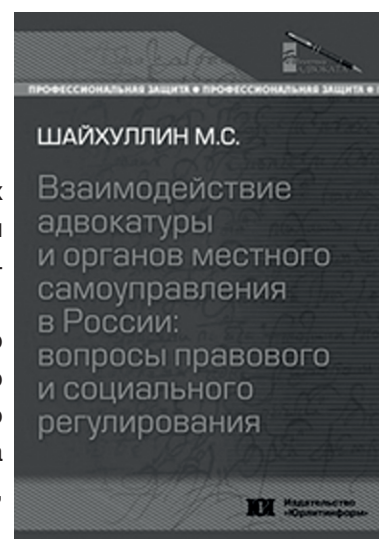
Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. – Свердловск, 1964. – Вып. 2.
2. Ардашкин В.Д. О принуждении по советскому праву // Сов. государство и право. – 1970. – № 7.
3. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). – Красноярск, 1985.
4. Белошапка Ю.Н. Правонарушение и ответственность в финансовом и налоговом праве РФ // Известия вузов. Правоведение. – 2001. – № 5.
5. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). – М., 1976.
6. Галаган И.А. Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование). – Воронеж, 1970..
7. Ефремова Е.С. Ответственность за совершение налоговых правонарушений: понятие, признаки, функции // Известия вузов. Правоведение. – 2002. – № 2.
8. Иоффе О.С. Обязательственное право. – М., 1975.
9. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. – М., 1961.
10. Лейст О.Э. Санкции в советском праве. – М., 1962.
11. Проблемы теории государства и права: Учеб. пособ. / Под ред. М.Н.Марченко. – М., 1999.
12. Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. – М., 1971.
13. Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. – Воронеж, 1991.
14. Иоффе О.С. Обязательственное право. – М., 1975. – С. 95; Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Указ. соч. – С. 314.

Шайхуллин М.С. Взаимодействие адвокатуры и органов местного самоуправления в России: вопросы правового и социального регулирования. – М.: Юрлитинформ, 2011.

В работе комплексно исследованы вопросы взаимодействия адвокатских образований, адвокатов и органов местного самоуправления в Российской Федерации. Показаны исторический опыт, принципы, роль, механизм социально-правового взаимодействия адвокатуры и органов местного самоуправления.

Целью монографии является изучение и разрешение вопросов теоретического и практического характера, возникающих в процессе социально-правового механизма взаимодействия российской адвокатуры и органов местного самоуправления, а также выявление их нормативного содержания. Предназначена для государственных и муниципальных служащих, практикующих юристов, преподавателей юридических вузов и научных работников.

Степаненко Д.М.
ИННОВАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВА: ПОНЯТИЕ
И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Статья посвящена исследованию инновационной функции права как направлению правового воздействия на общественную жизнь в современных условиях. Выявлены механизмы правового воздействия на состояние инновационной активности в стране. Исследованы структура, элементы содержания, формы и принципы реализации инновационной функции права. Обоснована взаимосвязь инновационной функции с другими функциями права.

Ключевые слова: право, инновационная деятельность, инновационная функция права, содержание, форма, принцип.

Stepanenko D.M.
INNOVATION FUNCTION OF THE LAW: CONCEPT
AND BASIC CHARACTERISTICS

The article is devoted to research of innovation function of law as a direction of legal influence on public life in modern conditions. Mechanisms of legal influence on state of innovation activity in the country are revealed. The structure, elements of the matter, forms and principles of realization of innovation function of law are investigated. The interrelation of innovation function with other functions of law is proved.

Keywords: law, innovation activity, innovation function of law, essence, form, principle.

Степаненко Д.М.

На современном этапе развития общества право (в объективном смысле) рассматривается как система исходящих от государства и охраняемых им общеобязательных, формально определенных норм, выражающих в концентрированном виде согласованную волю, баланс интересов всех слоев общества и предназначенных для регулирования общественных отношений.

Термин «функция» применим ко всем динамическим структурам, и большинство исследователей с функцией связывают направленное, избирательное воздействие системы на определенные стороны внешней среды.¹

Категория «функция права» впервые нашла отражение в научной литературе в 60-х годах XX века в работах С.С.Алексеева, И.Е.Фарбера и Т.Н.Радько.

С.С.Алексеевым в то время отмечалось, что функция права представляет собой юридическое назначение права для тех или иных общественных отношений.²

И.Е.Фарбер акцентировал первоочередное внимание на социальном назначении права, на основных направлениях правового воздействия на социальную действительность.³

С точки зрения Т.Н.Радько, функция права – это определяемое социальным назначением права основное направление его воздействия на общественные отношения. Она представляет собой единство двух моментов: назначение права в обществе и основные направления его воздействия на общественные отношения как проявление специфических свойств права.⁴

Подобного рода подход получил в дальнейшем массовое распространение в юридической литературе. Например, Н.А.Горбатов определяет функции права как основные направления правового воздействия на общественные отношения с целью их упорядочения, обусловленные сущностью и социальным назначением права.⁵

Таким образом, к концу XX века в большинстве юридических литературных источников в основном утвердилось

понимание функций права как основных направлений его воздействия на общественные отношения.

Тем не менее, в середине 90-х годов минувшего столетия Т.Н.Радько и А.В.Толстик отмечали, что «до настоящего времени нет единого взгляда на понятие функции права, что, в известной мере, отрицательно сказывается на их исследованиях, так как отсутствие четкого научного понятия всегда усложняет познание исследуемого объекта».⁶

При анализе сущности категории «функция права» важно установить объект ее воздействия. Другими словами, необходимо получить ответ на следующий вопрос: «На что воздействует функция права?».

Как было отмечено выше, в большинстве литературных источников говорится о функциях права как о направлениях воздействия на общественные отношения. Однако при такой формулировке может иметь место впечатление, что речь идет только о конкретных общественных связях, с воздействием на которые связано собственно регулятивное воздействие права и правовой системы в целом. Понятие же функций права должно охватывать собой и направления, касающиеся всей социальной действительности.

В связи с этим логичным представляется согласиться с В.П.Реутовым в вопросе о том, что функции права представляют собой направления воздействия на общественную жизнь, которая является более широким понятием, нежели общественные отношения. Такой подход даст возможность анализировать и функции, вытекающие из особенностей права как специфического явления, и функции, связанные с взаимной поддержкой и взаимодействием в процессе функционирования государства и права.⁷

Не менее важным является вопрос о цели воздействия на общественную жизнь. При этом логично представляется мысль о том, что результат воздействия права на общественную жизнь должен быть позитивным, то есть такое воздействие призвано быть направленным на развитие, качественное совершенствование как общественной жизни в целом, так и ее отдельных сторон.

Следует также учитывать, что функции права, репрезентируя собой основные направления его воздействия на общественную жизнь, не являются чем-то статичным, застывшим,

1 Самыкин С.С. Охранительная функция права в сфере экономики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Академия МВД России, 1994.

2 Алексеев С.С. Общая теория социалистического права: Курс лекций: В 4 вып. – Свердловск: Свердловский юридический институт, 1963–1966.

3 Фарбер И.Е. О воспитательной функции права как основы международного права // Советское государство и право. – 1963. – № 7. – С. 38–47.

4 Радько Т.Н. Основные функции социалистического права: Учеб. пособ. – Волгоград: НИИРПО ВСШ МВД СССР, 1970.

5 Горбатов Н.А. Общая теория права и государства в вопросах и ответах: Учеб. пособ. – Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2005.

6 Радько Т.Н., Толстик В.А. Функции права. – Н. Новгород: Нижегородская высшая школа МВД России, 1995.

7 Реутов В.П. Функциональная природа системы права. – Пермь: Пермский государственный университет, 2002.

данным раз и навсегда. Напротив, функции права находятся в динамике, характер которой предопределяется как развитием права, так и развитием самого общества. По мере развития общественных отношений, перехода их с более низкой ступени на более высокую имеет место и совершенствование правового воздействия на указанные отношения, и, в частности, появление новых направлений такого воздействия, которые можно отнести к основным.

Отсюда логически вытекает вывод об исторической обусловленности функций права как направлений его воздействия на общественную жизнь, о взаимозависимости между тенденциями и факторами развития общественной жизни и появлением новых функций права.

В целом, могут быть выделены следующие основополагающие признаки, репрезентирующие содержание понятия «функция права»:

- 1) направленность на воздействие на общественную жизнь при помощи правовых средств;
- 2) обусловленность сущностью и социальным назначением права;
- 3) историческая обусловленность;
- 4) относительная обособленность;
- 5) устойчивость;
- 6) ориентация на развитие, качественное совершенствование общественной жизни.

Руководствуясь обозначенными признаками, можно сформулировать следующее комплексное определение функции права: функция права – это обусловленное сущностью и социальным назначением права, а также конкретно-историческими условиями устойчивое, относительно обособленное направление правового воздействия на общественную жизнь с целью качественного совершенствования ее различных сторон.

Вопрос о количестве и характере выделяемых функций права является дискуссионным в современной юридической литературе.

Л.И.Петражицкий в свое время отмечал, что право выполняет две основные функции: распределительную и организационную.⁸

С.С.Алексеев выделяет социально-политические и специально-юридические функции права. К первым из них он относит экономическую, политическую, социальную и идеологическую функции, а ко вторым – регулятивную, охранительную и оценочную.⁹

Сходной является классификация функций права Ж.Б.Доржиева, который подразделяет их на социально-политические (экономическая, политическая, идеологическая, социальная и экологическая функции) и социально-юридические (регулятивная и охранительная функции).¹⁰

В свою очередь, А.В.Мелехин выделяет лишь две функции права – регулятивную и охранительную, первая из которых репрезентирует собой государственное регулирование позитивного развития общественных отношений, а вторая – охрану общественных отношений от противоправных посягательств, вытеснение отношений, вредных для личности и общества.¹¹

Т.Н.Радько, В.П.Реутов, И.Е.Фарбер, А.А.Швыркин, множество иных исследователей утверждают, что право выполняет воспитательную функцию.¹²

Отдельными исследователями доказывается наличие у права познавательной, демографической, карательной, некоторых иных функций.

При всем многообразии подходов к выделению функций права все они так или иначе имеют определенное сходство. В частности, практически всеми исследователями выделяются такие специально-юридические функции права, как регулятивная и охранительная, многими из них – такие его социальные функции, как экономическая, политическая и воспитательная.

Кроме того, применительно к регулятивной функции права большинством исследователей признается ее подразделение на регулятивную статическую и регулятивную динамическую подфункции.

Как отмечает в данном контексте С.С.Алексеев, регулятивная статическая подфункция выражается в воздействии права на общественные отношения путем их закрепления в тех или иных правовых институтах и нормах, а регулятивная динамическая – в воздействии права на общественные отношения путем оформления их движения.¹³

В силу того, что функции права исторически обусловлены, представляется важным выявление ключевых тенденций, характеристик общественной жизни, на которую право осуществляет воздействие. Указанные тенденции и характеристики, возникшие новые или обретшие принципиально новое качество на определенном историческом этапе ранее существовавшие факторы общественного развития предопределяют возникновение у права новых функций, становящихся объектом соответствующего научного осмысления.

На сегодняшний день есть все основания полагать, что в роли ключевого фактора развития общества выступают инновации, инновационная деятельность в ее различных проявлениях. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты исследований, полученные современной экономической наукой.

По выражению Ю.В.Яковца, время от времени поднимающиеся волны эпохальных и базисных инноваций преобразуют лицо общества, девятым валом проносятся по планете. Эти волны меняют лидирующие страны и цивилизации, создают фундамент для повышения эффективности воспроизводства и качества жизни.¹⁴

При этом следует особо подчеркнуть, что ключевая роль инноваций присутствует не только применительно к хозяйственной жизни общества, но и применительно к иным сферам общественной жизни.

В частности, Ю.В.Яковец отмечает важность для развития общества таких инноваций в социальной сфере, как формирование семьи, возникновение общественного разделения труда, формирование классов и социальных групп, таких политических инноваций, как возникновение государства, демократии и гражданства, формирование системы национальных государств.¹⁵

Право, будучи всеобщим универсальным регулятором общественного развития, способно и должно выступать в качестве катализатора прогресса общества на инновационной основе. Указанная посылка позволяет выделить инновационную функцию права как одну из ключевых направлений правового воздействия на общественную жизнь в начале XXI века.

Суть инновационной функции права в концентрированном виде может быть обозначена следующим образом: правовые предписания должны всячески способствовать созданию и внедрению инноваций в стране, стимулировать физических и юридических лиц осуществлять инновационную деятельность, всесторонне защищать интересы инноваторов.

8 Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией. – СПб.: Лань, 2000.

9 Алексеев С.С. Теория государства и права. – М.: НОРМА, 2005; Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999; Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: НОРМА, 2001.

10 Доржиев Ж.Б. Теория государства и права: Учеб.-метод. пособ. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный технологический университет, 2005.

11 Мелехин А.В. Теория государства и права: Учеб. пособ. – М.: Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права, 2004.

12 Фарбер И.Е. О воспитательной функции общенародного права // Советское государство и право. – 1963. – № 7. – С. 38–47; Радько Т.Н. Указ. соч.; Радько Т.Н., Толстик В.А. Указ. соч.; Реутов В.П. Указ. соч.; Швыркин А.А. Воспитательная

функция права и роль органов внутренних дел в ее реализации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2002.

13 Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования.

14 Яковец Ю.В. Эпохальные инновации XXI века. – М.: Экономика, 2004.

15 Там же.

Указанные выше механизмы воздействия на общество ориентированы в конечном итоге на реализацию целевой установки, присущей любой функции права, а именно на то, чтобы добиваться качественного совершенствования различных сторон общественной жизни.

Исходя из этого, может быть дано следующее определение инновационной функции права: инновационная функция права – это обусловленное сущностью и социальным назначением права, а также конкретно-историческими условиями, устойчивое, относительно обособленное направление правового воздействия на общественную жизнь с целью качественного совершенствования ее различных сторон за счет всеобщей поддержки создания и внедрения инноваций в стране, стимулирования физических и юридических лиц к осуществлению инновационной деятельности, всесторонней защиты интересов инноваторов.

Инновационная функция права занимает свое относительно самостоятельное место в системе функций права, представляет собой относительно обособленное направление воздействия права на сознание и поведение людей. Специфика указанной функции обусловлена прежде всего особенностями тех механизмов, посредством которых она способствует качественному совершенствованию различных сторон общественной жизни, а также ее ярко выраженной целенаправленностью.

Инновационная функция права основана на законах, иных нормативных правовых актах, содержащих в себе нормы, регламентирующие осуществление инновационной деятельности, а также ориентированные на стимулирование указанной деятельности.

В наиболее общем виде могут быть выделены следующие основные составляющие правового воздействия на общественную жизнь в рамках реализации выделенной инновационной функции права:

1) закрепление на высшем правовом уровне ориентации государства на развитие на инновационной основе;

2) законодательное закрепление налоговых льгот для субъектов, осуществляющих инновационную деятельность;

3) правовое закрепление возможностей и условий целевой финансовой поддержки за счет средств государства реализации предприятиями инновационных проектов;

4) закрепление на законодательном уровне норм, регламентирующих заключение и исполнение договоров на выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ;

5) законодательное закрепление норм, регламентирующих гражданско-правовую защиту объектов интеллектуальной собственности;

6) правовое закрепление норм, регламентирующих вопросы административной и уголовной ответственности за нарушение прав на интеллектуальную собственность;

7) закрепление норм, регламентирующих функционирование в стране специальной инновационной инфраструктуры, под которой следует понимать совокупность субъектов, осуществляющих материально-техническое, финансовое, правовое, организационно-методическое, информационное, консультационное и иное обеспечение инновационной деятельности;

8) законодательное закрепление норм, стимулирующих внедрение прогрессивных нововведений в социальной сфере, в сфере государственного управления, в сфере обороны и безопасности;

9) формирование в стране специального законодательства, целевым образом ориентированного на интенсивное развитие на ее территории науки и образования;

10) планирование на научной основе самого процесса правотворчества, что способно вызвать к жизни многие потенциальные инновации государственно-правового характера;

11) целевое влияние посредством соответствующей правовой пропаганды на состояние как общественного правосознания, так и индивидуального правосознания отдельных

граждан страны с целью обеспечения встраивания в него элементов позитивного отношения к инновациям и инновационной деятельности;

12) ориентация на сращивание воедино правовой культуры и инновационной культуры общества.

В рамках реализации своей инновационной функции право выступает как одна из форм преобразующего воздействия на социальную действительность и в то же время как средство разрешения многих внутрисоциальных противоречий. Стимулируя инновационную активность в стране и двигая на этой основе общество вперед по пути прогресса, право способствует тем самым повышению уровня и качества жизни населения страны, решению многих социальных проблем.

Как справедливо отмечает А.А.Швыркин, реализуя свою сущность через систему функций, право способно влиять на возникновение новых пластов социальной действительности в соответствии с объективными потребностями общества.¹⁶

Применительно к инновационной деятельности в качестве примеров новых явлений социальной действительности могут быть приведены технопарки, технополисы, другие объекты инновационной инфраструктуры. Регламентируя общественные отношения, связанные с созданием и функционированием объектов инновационной инфраструктуры, правовые нормы тем самым объективным образом способствуют возникновению таких объектов как новых явлений в жизни общества.

Влияние таких новых явлений социальной действительности на жизнь общества в целом нельзя недооценивать. Например, если вести речь о технополисе, то он в классическом виде представляет собой научно-производственный комплекс с развитой инфраструктурой сферы обслуживания, охватывающий территорию отдельного города. Другими словами, речь идет о городе, в жизни которого главную роль играют исследовательские центры, разрабатывающие новые технологии, и производства, эти технологии использующие. При этом технополисы уже получили и продолжают получать все более широкое распространение во многих странах мира (прежде всего, в государствах Запада и Японии).¹⁷

В то же время новые пласты социальной действительности, связанные с процессом инновационного развития, будучи порожденными правом, продолжают развиваться. Развиваясь, они порождают новые общественные связи и отношения, которые, в свою очередь, требуют правового регулирования. Кроме того, развитие указанных пластов социальной действительности может потребовать конкретизации, детализации правовых норм, регламентирующих их существование.

Все обозначенное выше выступает движителем совершенствования самого права, фактором возникновения новых правовых норм, регламентирующих процессы инновационного развития.

Конкретные механизмы правового воздействия на состояние инновационной активности в стране обусловлены множеством как объективных, так и субъективных факторов.

В роли соответствующих субъективных факторов выступают, прежде всего, государственные, общественные, групповые и индивидуальные интересы, присутствующие в обществе. Осуществляя воздействие на общественную жизнь, право объективно должно считаться с многообразием указанных интересов, учитывать их, а вместе с тем способствовать их изменению в нужном обществе направлении.

Например, право должно учитывать интерес субъектов хозяйствования, заключающийся в том, чтобы как можно больше полученной прибыли осталось в их распоряжении. Конкретный учет соответствующего интереса может быть реализован посредством законодательного закрепления льгот по налогу на прибыль, связанных с осуществлением инновационной деятельности.

¹⁶ Швыркин А.А. Указ. соч.

¹⁷ Мясникович М.В. Научные основы инновационной деятельности. – Минск: Право и экономика, 2003.

Право должно принимать во внимание интерес изобретателей в получении дохода от сделанных ими изобретений, который может быть учтен посредством законодательного закрепления института интеллектуальной собственности и установления мер по ее охране.

К числу объективных факторов, обуславливающих особенности механизмов правового воздействия на состояние новаторской активности в обществе, следует отнести:

- 1) конкретные экономические, социальные и политические условия, существующие в стране;
- 2) тип экономической системы, существующей в стране (рыночная, командно-административная, традиционная, смешанная);
- 3) существующие в обществе обычаи и традиции;
- 4) уровень развития в стране правовой культуры;
- 5) уровень развития в обществе инновационной культуры, характеризующей его отношение к инновациям и инноваторам;
- 6) уровень доверия в обществе к существующим институтам;
- 7) объективные организационные и финансовые возможности государства.

Обобщая характеристику обозначенных выше объективных факторов, нельзя не заметить, что инновационная функция права всегда осуществляется в соответствующей среде, а ее экономическое, политическое, социальное и иное наполнение в существенной степени обусловлено конкретными условиями существования того или иного общества.

Структура инновационной функции права может быть определена как ее внутреннее строение, расположение присущих ей элементов и связей, которое обеспечивает целостность инновационной функции, сохранение ее свойств при воздействии на нее разнообразных факторов (экономических, политических, социальных, религиозных, психологических) реальной действительности.

Как и любая иная функция права, инновационная функция имеет сложное строение, является полиструктурным образованием. Учитывая это, представляется целесообразным как с теоретической, так и с практической точки зрения выделять генетическую, функциональную, пространственную, логико-философскую, временную, психологическую, стохастическую и иные ее структуры.

Генетическая структура инновационной функции права раскрывает связи как указанной функции в целом, так и ее отдельных элементов с экономическими, политическими, социальными, духовными, психологическими и иными аспектами общественной жизни. Обозначенная структура позволяет раскрыть необходимость законодательного регулирования инновационного развития общества.

Функциональная структура инновационной функции права характеризует то, насколько эффективно функционирует каждый из элементов отмеченной функции, а также раскрывает способы взаимодействия между различными элементами ее содержания. Кроме того, функциональная структура указывает на механизмы воздействия на общество, присущие данной функции права.

Пространственная структура инновационной функции права позволяет выявить разнообразные типы, виды и подвиды указанной функции. В частности, в зависимости от элементов системы права могут быть выделены такие основные типы инновационной функции права, как общеправовой, отраслевой, правовых институтов и норм права. В свою очередь, по отраслевому признаку могут быть выделены инновационная функция конституционной, гражданской, финансовой, уголовной, административной, трудовой и иных отраслей права.

Логико-философская структура инновационной функции права дает возможность в комплексе отразить взаимосвязи частей и целого, содержания и формы обозначенной функции.

Временная структура инновационной функции права призвана характеризовать процесс исторической эволюции

указанной функции, закономерности и особенности ее становления и развития, взаимосвязи между конкретными характеристиками инновационной функции права и особенностями эволюции правовых систем того или иного общества. При этом следует принимать во внимание, что на каждом историческом отрезке времени инновационной функции будет присуща определенная специфика ее содержания и формы, средств и способов ее реализации.

Психологическая структура инновационной функции права, в свою очередь, призвана характеризовать субъективную сторону поведения конкретных лиц, принимающих участие в процессе реализации данной функции посредством соответствующих действий и операций.

Стохастическая структура инновационной функции права позволяет в каждой конкретной ситуации выявлять в указанной функции те ее свойства, отношения, элементы состава и связи между ними, которые являются объективно необходимыми (нужными, полезными) или, напротив, случайными (ненужными, нестационарными, переменными). Существование обозначенной структуры обусловлено тем, что каждая конкретная ситуация, возникающая в процессе реализации правом инновационной функции, является своеобразной и неповторимой.

В качестве элементов содержания инновационной функции права могут быть обозначены:

- 1) субъекты;
- 2) объекты;
- 3) цель и общие механизмы воздействия на общество;
- 4) юридические основания;
- 5) фактические основания;
- 6) юридические действия и операции;
- 7) юридическая техника и тактика;
- 8) общесоциальные и юридические результаты.

К числу субъектов инновационной функции права следует отнести органы государственной власти и управления, а также органы местного самоуправления, издающие нормативные правовые акты, нормы которых так или иначе связаны с регламентацией осуществления и стимулированием инновационной деятельности. В федеративных государствах в число указанных субъектов будут также входить органы власти и управления субъектов федерации, издающие обозначенные выше нормативные правовые акты.

В странах общего права (США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия), где судебный прецедент выступает в качестве источника права, субъектами инновационной функции права будут являться также и судебные органы.

В качестве субъектов инновационной функции права в Российской Федерации будут выступать:

- 1) Президент Российской Федерации;
- 2) Правительство Российской Федерации;
- 3) Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации;
- 4) Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации;
- 5) министерства, ведомства, иные органы исполнительной власти Российской Федерации;
- 6) представительные и распорядительные органы субъектов Российской Федерации;
- 7) органы местного самоуправления.

Объектами инновационной функции права являются общественные отношения, обусловленные проявлениями новаторской активности (например, связанные с реализацией инновационной продукции, патентованием объектов интеллектуальной собственности, предоставлением льгот и гарантий инновационно активным субъектам хозяйствования).

В рамках реализации инновационной функции права правовое воздействие направлено, с одной стороны, непосредственно на проявленную вовне активность физических и юридических лиц, осуществляющих инновационную деятельность,

а с другой – опосредованно на сознание всех членов данного общества на разных его уровнях с тем, чтобы сформировать и закрепить в нем позитивное отношение к инновационной деятельности и задать тем самым необходимое направление социально-значимому поведению.

Целью инновационной функции права является качественное совершенствование различных сторон общественной жизни, а общими механизмами воздействия указанной функции на общество – всяческая поддержка создания и внедрения инноваций в стране, стимулирование физических и юридических лиц к осуществлению инновационной деятельности, всесторонняя защита интересов инноваторов.

К числу юридических оснований инновационной функции права могут быть отнесены нормативные правовые акты (в том числе международно-правовые акты), содержащие в себе нормы, связанные с регламентацией осуществления и стимулированием инновационной деятельности. Помимо этого, в роли юридических оснований указанной функции способны выступать и отдельные правоприменительные акты (например, решение соответствующего компетентного органа о выдаче патента).

Относительная устойчивость юридических оснований инновационной функции права является важным фактором обеспечения ее стабильности.

В роли фактических оснований инновационной функции права выступают реально имеющиеся в обществе факторы, влияющие на состояние инновационной активности в стране (например, состояние национального научно-технического потенциала, уровень развития в стране инновационной инфраструктуры, наличие или отсутствие в стране системы венчурного финансирования).

Юридические действия и операции как элементы содержания инновационной функции права, прежде всего, охватывают собой действия и операции, направленные на правовое регулирование процессов инновационного развития, а также на применение на практике соответствующих правовых норм. С одной стороны, они исходят от субъектов, уполномоченных принимать нормативные правовые акты, регламентирующие осуществление инновационной деятельности, и находят свое выражение в принятии указанных актов. С другой стороны, ряд юридических действий и операций может быть инициирован заинтересованными физическими и юридическими лицами в рамках установленных законодательством правоприменительных процедур (например, подача заявки на выдачу патента).

Нельзя не отметить и возможности отдельных действий и операций со стороны органов и лиц, препятствующих нормальному осуществлению инновационной функции права. Например, инициативы по предоставлению инновационно активным предприятиям налоговых льгот могут вызывать противодействие со стороны фискальных органов государства.

Юридическая техника инновационной функции права может быть определена как система общесоциальных, специально-юридических и технических средств, с помощью которых обеспечивается достижение цели указанной функции, использование присущих ей общих механизмов воздействия на общество, получение необходимых юридических и общесоциальных результатов.

В свою очередь, под юридической тактикой инновационной функции права следует понимать способность управлять субъектами и иными участниками реализации указанной функции, наиболее рациональным образом организовывать их действия и операции, наиболее адекватно использовать общесоциальные, специально-юридические и технические средства для достижения цели инновационной функции права.

Основным юридическим результатом реализации правом инновационной функции будет качество существующего в стране законодательства об инновационной деятельности, а основным общесоциальным результатом – состояние и масштабы новаторской активности на территории страны.

Инновационная функция права, будучи юридической категорией, имеет свое собственное наличное бытие, которое проявляется посредством форм ее реализации. При этом могут быть выделены информационная, ориентационная и собственно правовая формы реализации инновационной функции права.

Информационная форма реализации инновационной функции права находит свое выражение в доведении до различных субъектов через различные источники заинтересованности государства в достижении высоких масштабов новаторской активности на своей территории, требований государства к поведению людей в области создания и внедрения инноваций, к средствам и методам достижения соответствующих общественно полезных целей. В качестве соответствующих источников могут быть названы как средства массовой информации (телевидение, радио, Интернет, периодическая печать), так и такие средства ограниченного воздействия, как специальные лекции, семинары, тематические выступления специалистов.

Суть ориентационной формы реализации инновационной функции права заключается в формировании у граждан положительного отношения к инновациям и инновационной деятельности, своего рода ориентации на осуществление указанной деятельности в ее различных проявлениях, сознательного восприятия инновационной деятельности как большой общественной ценности. Адекватное восприятие инновационной деятельности и ее признание гражданами страны в качестве социальной ценности призвано позволить создать серьезные психологические предпосылки для достижения высоких масштабов новаторской активности на ее территории.

Собственно правовая форма реализации инновационной функции права находит свое выражение в непосредственном издании законов, иных нормативных правовых актов, ориентированных на регламентацию осуществления и стимулирование инновационной деятельности в ее всевозможных проявлениях.

Как и в случае с регулятивной функцией права, следует обратить внимание на существование применительно к его инновационной функции статического и динамического аспектов. Статический аспект в данном случае заключается в воздействии права на общественные отношения путем закрепления норм, регламентирующих осуществление инновационной деятельности в стране. Динамический аспект предполагает движение, развитие общественных отношений под воздействием указанных норм.

Например, проявлениями статического аспекта инновационной функции права будут закрепление в национальном законодательстве норм, устанавливающих патентную защиту того или иного объекта интеллектуальной собственности, предоставление налоговых льгот предприятиям, проявляющим инновационную активность в определенных масштабах.

В свою очередь, проявлениями динамического аспекта указанной функции права будут отношения, связанные с получением заинтересованным субъектом патента на определенный объект интеллектуальной собственности, конкретным предоставлением соответствующих налоговых льгот тем или иным субъектам хозяйствования.

Наличие применительно к инновационной функции права вышеупомянутых статического и динамического аспектов позволяет вести речь о возможности выделения двух подфункций инновационной функции: инновационной статической и инновационной динамической.

В качестве основных принципов реализации инновационной функции права могут быть обозначены такие как:

- 1) принцип системности;
- 2) принцип целенаправленности;
- 3) принцип иерархичности;
- 4) принцип непрерывности;
- 5) принцип научности;

- 6) принцип гибкости;
- 7) принцип эффективности.

Принцип системности находит свое проявление в том, что все элементы содержания инновационной функции права, все формы ее реализации образуют в совокупности целостную систему, характеризующуюся внутренним единством.

Принцип целенаправленности предполагает комплексную ориентацию правового воздействия на общественную жизнь в рамках реализации инновационной функции права на достижение высоких масштабов инновационной активности на территории страны, максимальное поощрение указанной активности во всех ее возможных проявлениях, обеспечение непрерывного количественного роста и качественного совершенствования инновационного потенциала страны.

Принцип иерархичности применительно к инновационной функции права находит свое проявление в многоуровневом характере воздействия права на общественную жизнь с целью активизации инновационной деятельности в стране. Указанное воздействие осуществляется как на уровне системы права в целом, так и на уровнях его отдельных отраслей и подотраслей, правовых институтов и отдельных правовых норм.

Принцип непрерывности в случае с инновационной функцией права находит свое выражение в постоянстве процесса соответствующего воздействия права на общество. При этом необходимо особо подчеркнуть, что речь идет не только о постоянстве правового регулирования инновационной деятельности, но и о постоянстве планирования правотворческой работы в инновационной сфере, анализа результатов такой работы, пропаганды инновационного развития страны посредством использования правовых средств и механизмов.

Принцип научности предполагает необходимость научного обоснования процесса реализации инновационной функции права, использования при осуществлении соответствующего правового воздействия прогрессивных научных идей и обеспечения на этой основе постоянного качественного совершенствования указанного воздействия.

Принцип гибкости находит свое проявление в том, что право в процессе реализации своей инновационной функции должно обладать способностью максимально быстро приспосабливаться к изменениям во внешней и внутренней среде.

В свою очередь, принцип эффективности предполагает оптимальное соотношение между результатами реализации правом своей инновационной функции и затратами, возникающими в процессе осуществления соответствующего правового воздействия на общественную жизнь.

Инновационная функция права не существует изолированно от других его функций. Напротив, она находится в тесном взаимодействии с ними.

Взаимодействие инновационной и регулятивной функций права находит свое проявление в том, что право, регулируя, с одной стороны, общественные отношения в целом, закрепляя права и обязанности отдельных субъектов и условия их реализации, стимулирует, с другой стороны, возникновение таких общественных отношений, которые были бы связаны с осуществлением инновационной деятельности. Другими словами, право как регулятор общественных отношений ориентирует субъектов потенциальных правоотношений на создание и внедрение инноваций.

Взаимодействие инновационной и охранительной функций права проявляется в установлении юридической ответственности за правонарушения, нарушающие права на интеллектуальную собственность, за иные деяния, препятствующие осуществлению инновационной деятельности в стране и рассматриваемые ее законодательством как противоправные.

Право в процессе реализации своей инновационной функции посредством установления соответствующих норм воздействует на хозяйственную деятельность в стране, стимулирует субъектов хозяйствования как создавать, так и внедрять инновации. Кроме того, именно в праве находят свое воплощение решения, принимаемые государством в ходе реализации национальной инновационной политики, поскольку практически все решения, принимаемые на государственном уровне, предполагают издание соответствующих нормативных правовых актов. Исходя из этого, не может вызывать никаких сомнений наличие теснейшей связи между инновационной и экономической функциями права.

Стимулируя посредством соответствующих предписаний новаторскую активность в стране, право тем самым способствует целевому восприятию обществом значимости инновационной деятельности, формирует в обществе соответствующие ценности и установки, которые затем оставляют свой отпечаток на политике государства. Отсюда объективным образом вытекает тесная связь инновационной функции права с его воспитательной и политической функциями.

Таким образом, инновационная функция права, будучи органично связанной с другими его функциями как элементами системы, обеспечивает вместе с тем реализацию своей целевой установки, заключающейся в качественном совершенствовании различных сторон общественной жизни за счет всеобщей поддержки создания и внедрения инноваций в стране, стимулирования физических и юридических лиц к осуществлению инновационной деятельности, всесторонней защиты интересов инноваторов.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: НОРМА, 2001.
2. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права: Курс лекций: В 4 вып. – Свердловск: Свердловский юридический институт, 1963–1966.
3. Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999.
4. Алексеев С.С. Теория государства и права. – М.: НОРМА, 2005.
5. Горбатов Н.А. Общая теория права и государства в вопросах и ответах: Учеб. пособ. – Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2005.
6. Доржиев Ж.Б. Теория государства и права: Учеб.-метод. пособ. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный технологический университет, 2005.
7. Мелехин А.В. Теория государства и права: Учеб. пособ. – М.: Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права, 2004.
8. Мясникович М.В. Научные основы инновационной деятельности. – Минск: Право и экономика, 2003.
9. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией. – СПб.: Лань, 2000.
10. Радько Т.Н. Основные функции социалистического права: Учеб. пособ. – Волгоград: НИИРИО ВСШ МВД СССР, 1970.
11. Радько Т.Н., Толстик В.А. Функции права. – Н. Новгород: Нижегородская высшая школа МВД России, 1995.
12. Реутов В.П. Функциональная природа системы права. – Пермь: Пермский государственный университет, 2002.
13. Самыкин С.С. Охранительная функция права в сфере экономики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Академия МВД России, 1994.
14. Фарбер И.Е. О воспитательной функции общенародного права // Советское государство и право. – 1963. – № 7.
15. Швыркин А.А. Воспитательная функция права и роль органов внутренних дел в ее реализации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2002.
16. Яковец Ю.В. Эпохальные инновации XXI века. – М.: Экономика, 2004.

Сафина С.Б.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РЕСПУБЛИК В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается система органов государственной власти республик в составе Российской Федерации, закрепленная в республиканских конституциях. На основе федеральных принципов, установленных в федеральном законодательстве, анализируются общие и особенные нормы республиканских конституций.

Ключевые слова: республика, конституция, парламент, глава республики, правительство, суды.

Safina S.B.

CONSTITUTIONAL CONSOLIDATION OF THE SYSTEM OF STATE POWER BODIES OF THE REPUBLICS IN THE STRUCTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

In the article considered is the system of state power bodies of the republics in the structure of the Russian Federation which is consolidated in the republican constitutions. On the basis of federal principles analyzed are the general and special norms of the republican constitutions.

Keywords: republic, constitution, parliament, head of the republic, government, courts.

Сафина С.Б.

В соответствии с Федеральным законом от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «Об общих принципах...») система законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти республик в составе Российской Федерации устанавливается ими самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и названным Федеральным законом. Как учредительный документ конституция республики в составе Российской Федерации закрепляет систему собственных органов государственной власти, принципы их организации и деятельности. В конституциях закрепляется формирование, компетенция, порядок деятельности и прекращения полномочий законодательных (представительных), исполнительных и судебных органов власти. Также на конституционном уровне закрепляется порядок взаимодействия между различными органами государственной власти самой республики, между органами государственной власти республики и федеральными органами государственной власти.

В соответствии с вышеназванным Федеральным законом система органов государственной власти республики в составе Российской Федерации включает: законодательный (представительный) орган государственной власти республики; высший исполнительный орган государственной власти республики; иные республиканские органы государственной власти, образуемые в соответствии с конституцией республики. Конституцией республики может быть установлена должность высшего должностного лица республики в составе Российской Федерации.

Исследование текстов конституций республик позволяет нам констатировать, что предложенный перечень органов государственной власти востребован в каждой республике. Несмотря на диспозитивность нормы о наличии высшего должностного лица, оно определено в каждой республике.

Практически в каждой республиканской конституции в первой главе (разделе) перечислены органы государственной власти, составляющие государственную власть в соответствующей республике. В общем виде это: законодательный (представительный) орган государственной власти, высшее должностное лицо республики, высший исполнительный орган республики, судебные органы, иные органы государственной власти. В конституциях некоторых республик в качестве иных органов указаны, например, республиканские и территориальные органы исполнительной власти (Ингушетия), местные органы государственной власти (Башкортостан). А Конституция

(Степное Уложение) Республики Калмыкия закрепляет, что народ осуществляет свою власть через Главу Республики, Народный Хурал и органы местного самоуправления.

В определении правового статуса законодательного (представительного) органа государственной власти республики Федеральный закон «Об общих принципах...» дает определенную свободу для регионального законодателя. Так, самостоятельно (с учетом исторических, национальных и иных традиций) республикой устанавливаются наименование и структура парламента, порядок выборов половины его состава, численность депутатов, в том числе депутатов, работающих на профессиональной основе, срок их полномочий. При этом на федеральном уровне установлены следующие условия:

1) наименование законодательного (представительного) органа государственной власти не может содержать словосочетаний, составляющих основу наименований федеральных органов государственной власти;

2) число депутатов законодательного (представительного) органа государственной власти республики определяется в зависимости от численности избирателей, зарегистрированных на территории республики, и должно составлять:

- а) не менее 15 и не более 50 депутатов – при численности избирателей менее 500 тысяч человек;
- б) не менее 25 и не более 70 депутатов – при численности избирателей от 500 тысяч до 1 миллиона человек;
- в) не менее 35 и не более 90 депутатов – при численности избирателей от 1 миллиона до 2 миллионов человек;
- г) не менее 45 и не более 110 депутатов – при численности избирателей свыше 2 миллионов человек.

Число депутатов, работающих на профессиональной постоянной основе, устанавливается законом субъекта Российской Федерации;

3) не менее 50 % депутатов законодательного (представительного) органа государственной власти республики (в двухпалатном законодательном (представительном) органе государственной власти – не менее 50 % депутатов одной из палат указанного органа) должны избираться по единому избирательному округу пропорционально числу голосов, поданных за списки кандидатов в депутаты, выдвинутые избирательными объединениями в соответствии с законодательством о выборах;

4) срок полномочий депутатов законодательного (представительного) органа государственной власти республики одного созыва не может превышать пяти лет.

Анализируя наименования законодательных (представительных) органов государственной власти республик в составе Российской Федерации, можно отметить, что ни одно из них

не повторяет словосочетаний, составляющих основу наименований федеральных органов государственной власти. Это: государственные собрания, государственные советы, народные собрания, парламенты, верховные советы, законодательные собрания, великие хуралы, народные хуралы.

Требование о численности депутатов законодательных (представительных) органов начинает действовать с 1 августа 2011 года. Часть республик уже пересмотрела конституционное число депутатов. В некоторых республиках ранее установленное количество депутатов находится в рамках новых требований, поэтому соответствующие изменения конституций в этих республиках не предвидятся.

Порядок выборов в законодательный (представительный) орган государственной власти республики устанавливается в соответствующем избирательном законодательстве. Республиканские законы о выборах в свой парламент устанавливают как пропорциональную избирательную систему, так и смешанную избирательную систему.

Во всех республиках в составе Российской Федерации срок полномочий депутатов законодательного (представительного) органа установлен либо в четыре, либо в пять лет.

Компетенция законодательного (представительного) органа республики в целом определена федеральным законодателем. Республиканские конституции частично дополняют ее и конкретизируют. Так, Конституция Республики Алтай в статье 103 предписывает Государственному Собранию – Эл Курултай Республики Алтай толкование Конституции Республики Алтай, участие в осуществлении контроля за соблюдением и исполнением Конституции Республики Алтай, а также согласование в установленном порядке кандидатур на должность главных редакторов республиканских газет.

Высшее должностное лицо, его правовой статус большей частью регулируются федеральными нормами. Федеральный закон «Об общих принципах...» устанавливает порядок наделения гражданина полномочиями высшего должностного лица, его компетенцию, ответственность и другие элементы правового статуса. Республика вправе только определить наименование высшего должностного лица, его взаимоотношения с другими республиканскими органами государственной власти и органами местного самоуправления, конкретизировать полномочия.

Правовой статус высшего должностного лица является производным от правового статуса республики в составе Российской Федерации. В связи с этим важным является позиционирование высшего должностного лица в системе государственной власти республики. Например, Конституция Республики Татарстан в статье 89 устанавливает: «Президент Республики Татарстан является главой государства, высшим должностным лицом Республики Татарстан». Данную позицию нельзя назвать корректной. Статус республики в составе Российской Федерации определен достаточно ясно в статье 5 Конституции Российской Федерации. Значение используемого там понятия республика (государство) уже неоднократно разъяснялось в правовой науке. Заключение слова «государство» в скобки указывает на традиционность использования этого слова при обозначении субъекта федерации (аналогичное понятие «штат» – «state» в переводе с англ. – государство). Придавать правовой смысл понятию государства применительно к субъекту федерации не совсем удачно. Субъект федерации есть государственноподобное образование, и не более того. В связи с этим позиция региональных законодателей в остальных республиках видится более правильной: высшее должностное лицо – глава республики в составе Российской Федерации.

Согласно изменениям от 28 декабря 2010 года, внесенным в Федеральный закон «Об общих принципах...», наименование должности высшего должностного лица республики в составе Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти республики)

устанавливается конституцией республики с учетом исторических, национальных и иных традиций и не может содержать слов и словосочетаний, составляющих наименование должности главы государства – Президента Российской Федерации.

Необходимо отметить, что использование в республиках наименования «президент» для обозначения главы республики давно и неоднократно критиковалось в научной правовой литературе. Дело в том, что это слово с латинского (praesidens) переводится как «сидящий впереди», что подразумевает его единственность. Этот теоретический постулат подтверждается мировой практикой: ни в одной федерации в мире главы субъектов не именуют себя президентами, так как президент может быть только федеральный. В Российской Федерации из 21 республики 13 возглавлялись соответствующими президентами, 6 – главами республики, 2 – председателями правительства. Первой республикой, изменившей наименование высшего должностного лица с «Президента республики» на «Главу республики» со 2 сентября 2010 года, стала Чеченская республика. За ней последовали Ингушетия – с 11 октября 2010 года, Карачаево-Черкессия – с 18 апреля 2011 года, Адыгея – с 20 апреля 2011 года, Бурятия – с 5 мая 2011 года, Удмуртия – с 6 мая 2011 года. Таким образом, на сегодняшний день высшее должностное лицо называется президентом в семи республиках – Башкортостане, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Марий Эл, Татарстане, Саха (Якутии), Чувашии. Переходный период, установленный федеральным законодательством, продлится до 1 января 2015 года, в течение которого республиканские конституции должны быть приведены в соответствие с новыми требованиями.

В некоторых республиках были установлены должности вице-президентов, например, в Республике Саха (Якутия), в Карачаево-Черкесской Республике. Кандидатуры вице-президентов определяют главы республик и назначают их с согласия законодательного (представительного) органа. Вице-президент исполняет часть полномочий президента республики, временно исполняет обязанности президента республики в случае, когда это необходимо. Срок его полномочий совпадает со сроком полномочий президента республики.

Примечательно, что с переименованием президента республики в главу республики в тех республиках, где имелся пост вице-президента, встал вопрос и о переименовании последнего. В Конституции Карачаево-Черкесской Республики статьи 76 (часть 3.1), 77 (части 1, 3, 4, 5) используют наименование вице-президент, а статьи 77 (часть 6), 84 (пункт «л») используют уже наименование вице-глава.

Полномочия высших должностных лиц в целом однотипны, но в некоторых республиках имеются свои особенности. Например, в Конституции Республики Коми статья 84 устанавливает правомочие главы республики представлять президенту Российской Федерации доклады о фактически достигнутых и планируемых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти Республики Коми. Такое же правомочие установлено и Конституцией Карачаево-Черкесской Республики в статье 68. В этой же республике главе республики предоставляется право обращаться к президенту Российской Федерации с ходатайством об отмене постановлений и распоряжений правительства Российской Федерации, изданных в сфере совместного ведения Российской Федерации и Карачаево-Черкесской Республики, в случае их противоречия Конституции Российской Федерации, федеральным законам, указам Президента Российской Федерации. Конституция Чувашской Республики в статье 72 устанавливает правомочие президента республики утверждать общие и запасной списки присяжных заседателей.

Высшие исполнительные органы в республиках являются следующим звеном в системе исполнительной власти республики. Наименование высшего исполнительного органа государственной власти республики, его структура, порядок его формирования устанавливаются конституцией и законами

республики в составе Российской Федерации с учетом исторических, национальных и иных традиций республики.

Самым распространенным наименованием высшего исполнительного органа республики является правительство республики. Кое-где используется название кабинет министров. Состав в целом тоже однотипен. Это председатель правительства (либо премьер-министр), заместители председателя правительства, министры, руководители других органов исполнительной власти, а также другие должностные лица, определяемые главой республики. Тем не менее, в Конституции Республики Карелия в статье 54 указано, что правительство состоит из премьер-министра и его заместителей. Конституция Карачаево-Черкесской Республики в статье 91 устанавливает, что правительство состоит из председателя, заместителей председателя и министров. В той же республике предусмотрен президиум правительства, который формируется из председателя правительства, его заместителей, членов правительства с учетом национального представительства.

Кандидатуру председателя правительства республики назначает высшее должностное лицо республики с согласия законодательного (представительного) органа государственной власти республики. Интересен тот факт, что в некоторых республиках в случае, если парламент не одобряет предложенную главой республики кандидатуру, ее повторное внесение невозможно. Конституция Кабардино-Балкарской Республики устанавливает: «Отклоненная кандидатура на должность Председателя Правительства Кабардино-Балкарской Республики повторно не вносится». Внести на рассмотрение новую кандидатуру председателя правительства обязывают конституции Республики Карелия, Чувашской Республики. В Республике Адыгея в случае двукратного неодобрения кандидатуры премьер-министра глава республики предлагает парламенту для рейтингового голосования кандидатуру на должность премьер-министра, и кандидат, набравший наибольшее количество голосов, назначается главой республики премьер-министром. В Республике Мордовия предложенная главой республики кандидатура может предлагаться парламенту не более двух раз. А вот в Республике Ингушетия этот вопрос решается по-иному. В случае трехкратного отклонения парламентом представленных кандидатур на должность председателя правительства глава республики самостоятельно назначает председателя правительства.

Федеральным законом «Об общих принципах...» в качестве правовых актов органов исполнительной власти субъектов установлены указы, постановления и распоряжения. Все эти виды востребованы в республиках. При этом есть особенности: например, в Республике Саха (Якутия) правительство издает «постановления, распоряжения и иные подзаконные акты».

В Республике Мордовия постановления и распоряжения правительства подписывает глава Республики Мордовия, а по его уполномочию – председатель правительства Республики Мордовия. В Удмуртской Республике акты правительства подписывает глава Удмуртской Республики либо по его поручению председатель правительства Удмуртской Республики.

Определяя систему органов судебной власти, республики указывают в своих конституциях, что на территории республики действуют федеральные суды (могут их перечислять) и суды республиканские. В большинстве республик есть конституционные суды, во всех республиках, конечно же, действуют мировые суды. Статус конституционных судов закрепляется частично в самой республиканской конституции, частично в соответствующем республиканском законе. При определении статуса мировых судей в конституциях делается ссылка на федеральное законодательство, которое конкретизируется собственным законом. Судебная власть – наиболее унифицированная часть системы органов государственной власти всех республик. Оригинальность судебных органов там можно встретить только в организации деятельности и компетенции конституционных судов.

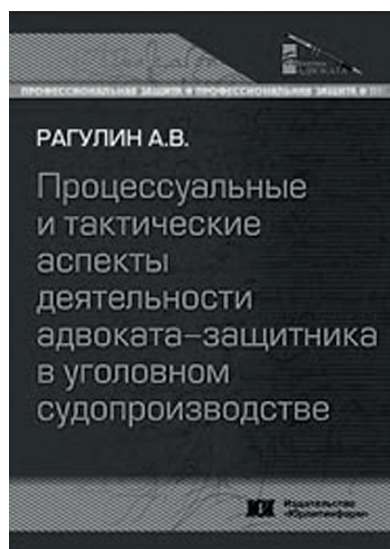
Таким образом, система органов государственной власти республик устанавливается в соответствии с общими принципами, закрепленными в федеральном законодательстве. В части самостоятельного закрепления статуса законодательного (представительного) органа можно говорить только об установлении наименования (с ограничением), численности (с ограничением), срока полномочий (с ограничением), выбора избирательной системы (с ограничением). Наибольшая свобода действий видится в конкретизации полномочий законодательного (представительного) органа, определении порядка назначения отдельных должностных лиц, гарантий депутатской деятельности. В отношении статуса высшего должностного лица есть выбор использования его или отказа от его введения, есть свобода в определении его наименования (с ограничением), свобода установления лица, временно исполняющего обязанности высшего должностного лица, конкретизация полномочий высшего должностного лица в процедурных вопросах. Высший исполнительный орган исполнительной власти может быть отличным по порядку формирования, по составу и структуре, по взаимоотношениям с другими органами государственной власти республики. Судебные органы, как уже говорилось, наиболее унифицированы. По федеральным судам, действующим на территории республик, не может быть, конечно же, никакого разнообразия. Статус мировых судей регулируется тоже практически сходными нормами, и только конституционная юстиция может иметь (и имеет) некоторые особенности.

Рагулин А.В. Процессуальные и тактические аспекты деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве. – М., Юрлитинформ, 2011.

В настоящей работе развивается сформулированная в выпущенной издательством «Юрлитинформ» в 2008 г. монографии Рагулина А.В. авторская концепция учения о профессиональной защите по уголовным делам.

В работе, являющейся логическим продолжением предыдущей, на основании действующего законодательства и правоприменительной практики рассматриваются уголовно-процессуальные и тактические аспекты деятельности адвоката на стадии предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел.

Особое внимание в работе уделено исследованию проблемных правовых вопросов участия профессионального защитника по уголовному делу, а также анализу нарушений норм уголовно-процессуального законодательства, допускаемых лицами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, предварительное расследование и судебное разбирательство, и алгоритму действий адвоката по использованию указанных нарушений в интересах стороны защиты и нейтрализации этих нарушений.

Чепунов О.И.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проводится анализ ключевых законодательных изменений в конституционном строительстве в Российской Федерации последних трех лет.

Ключевые слова: модернизация, система, законотворчество, эффективность, потенциал, выборы, унификация.

Chepunov O.I.

SOME ASPECTS OF CONSTITUTIONAL BUILDING IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the main legislative changes in the vector of the constitutional building in Russian Federation during the past three years.

Keywords: modernization, system, legislation, efficiency, capacity, elections, unification.

Необходимость модернизации системы органов государственной власти в Российской Федерации – одна из основных институциональных закономерностей в достижении ее эффективности. В современных условиях государственного строительства в РФ активно продолжается процесс укрепления «вертикали власти», с одной стороны, и идет поиск путей повышения эффективности федеративной формы устойчивого государства, как через распределение властных полномочий по уровням и между органами власти, так и через структурно-функциональную оптимизацию взаимосвязей, – с другой.

Динамика развития российской системы законодательства отражает движение в направлении глобализационных процессов для дальнейшей интеграции в мировое сообщество.¹ Российская законодательная система все более приближается к западному образцу как по содержательным, так и по качественным характеристикам. Процессы глобализации потребовали переосмысления многих устоявшихся догм в области развития правовой мысли, при этом правовая мысль оказалась в определенной степени, как концептуально, так и в плане практического законотворчества, не готова сформулировать концепцию развития правовой системы РФ в условиях нарастающих тенденций универсализации юридического языка, правовых норм и юридических инструментов. Но если глобализация как процесс – объективная закономерность, то формы организации человеческого сообщества в условиях глобализации остаются рукотворными, определяются конкретными людьми и организациями.² В условиях глобализации необходимы серьезные интеллектуальные и волевые организационно-политические усилия для того, чтобы занять соответствующее место в мировой системе. Это накладывает на государство особую ответственность перед обществом, будущими поколениями за выбор государственно-правовой политики.

В государственном строительстве РФ на современном этапе направление вектора преобразований неоднократно озвучивалось, например, в послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ,³ в котором были определены установки развития политической системы страны. На этой основе в 2008–2010 годах были приняты знаковые правовые акты, которые можно оценивать как курс конституционного строительства в Российской Федерации.

Президентскую инициативу по увеличению сроков полномочий президента и депутатов Госдумы (до шести и пяти лет соответственно) признали своевременной. С этой инициативой кто-то согласен, кто-то нет. Если она поможет повышению уровня руководства государственными делами, будем радоваться. Но следует согласиться с мнением

С.А.Авакьяна: «Главное, чтобы с увеличением срока президентских полномочий не родился «демократический монархизм», который можно наблюдать в некоторых государствах».⁴ Вследствие внесенных поправок Конституция РФ потеряла свою неприкосновенность. В принципиальной модернизации Конституция России, по мнению Д.А.Медведева, не нуждается, однако идеальной ее назвать нельзя. «Конституция – это, конечно, не данный свыше канон, а все-таки результат общественного договора», – уверен президент, и в этом он, несомненно, прав. Чтобы четко выявить и понять настоящие тенденции в государственном строительстве, необходимо ответить на вопрос: являются ли конституционные и законодательные изменения целью проводимых целенаправленных и системных реформ? Или это просто детализация элементов российской властной системы? Для этого следует провести анализ последних принятых ключевых законодательных актов в области государственного строительства в РФ.

1. ФКЗ «О внесении изменений в статьи 6 и 11 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» дополняет норму о том, что заместители Председателя Правительства Российской Федерации и федеральные министры могут замещать должности полномочных представителей Президента в федеральных округах. В связи с этим уточняется абзац 3 ст. 11 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации», определяющий ограничения, связанные с пребыванием в составе Правительства. Соответствующие поправки внесены и в Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Основанием для экстренного внесения изменений в Федеральный конституционный закон стали Указ Президента РФ,⁵ а также введение должности Полномочного представителя Президента Российской Федерации в СКФО и, одновременно, заместителя Председателя Правительства РФ.

Недопустимо высокая скорость законотворческого процесса (одновременное рассмотрение в первом чтении и в остальных двух, что и произошло 22 января 2010 г.; 26 января закон был одобрен Советом Федерации и 29 января подписан главой государства), стремительное изменение текстов ключевых федеральных и даже федеральных конституционных законов не раз уже приводило к негативным правовым последствиям в политико-правовой действительности. Анализ показывает, что в законотворчестве последнего времени четко просматривается целый ряд случаев, порожденных бессистемностью и несоответствием взаимосвязи между актами разных уровней. Законы бывают конъюнктурными, «рассчитанными не только под конкретный случай, но даже

1 Макогон Б.В. Процессы глобализации в современном праве и их проявление в российском законодательстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 8–9.

2 Хабибулин А.Г. Теоретико-методологические проблемы законотворчества в условиях глобализации // Журнал российского права. – 2006. – № 9. – С. 40.

3 См.: Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. – 2009. – № 214. – 13 ноября.

4 Авакян С.А. Конституция Российской Федерации: итоги развития // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 23. – С. 3–10.

5 Указ Президента Российской Федерации от 19.01.2010 № 82 «О внесении изменений в Перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849, и в Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2008 № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. – 2010. – № 4. – Ст. 369.

и под конкретного человека»,⁶ зачастую искусственно секвестрируются и не имеют кардинальных успехов в той или иной сфере общественных отношений. Неудовлетворенность состоянием взаимодействия в законодательстве предопределяет проверку законопроектов на соответствие требованиям Конституции РФ еще на предварительных стадиях законотворчества. Следует отметить, что в настоящее время качество законотворческой деятельности и процессуальные аспекты ее осуществления приобретают особое значение для России. Это связано с развитием конституционализма как комплексной национальной идеи. Можно согласиться с мнением О.Е.Кутафина, что «...вся система законодательных мероприятий имеет исключительно важное значение для высокого статуса человека. Она призвана развивать демократию, эффективную гуманистическую организацию государственной власти, все то, что должно полностью исключить произвол и беззаконие, надежно гарантировать юридическую защищенность личности».⁷

2. ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁸ и Федеральный закон «О внесении изменения в статью 6.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»⁹ имеют направленность на изменение порядка и процедуры наделения полномочиями Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и его заместителей, а также посвящены организационно-кадровым вопросам.

Унификация порядка назначения Председателя Конституционного Суда с аналогичным порядком формирования Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации вряд ли является новеллой, направленной на улучшение механизма централизованно-сегментарного разделения властной компетенции системообразующих институтов государственной власти. Независимость конституционного контроля нуждается в постоянном укреплении устойчивых гарантий. Это относится не только к механизмам формирования и функционирования самой системы конституционного контроля, принципиальное значение имеет и уровень функциональной сбалансированности отдельных ветвей власти в обеспечении верховенства права, хранителем которого является Конституционный Суд. Данные поправки обуславливают опору Конституционного Суда РФ на Президента РФ и Совет Федерации Федерального Собрания РФ. Само наличие у Президента РФ и Совета Федерации РФ больших конкретизированных полномочий в отношении конституционной судебной власти предоставляет дополнительную возможность влияния на осуществление конституционного судебного правосудия, что ведет к упрощению правовых позиций принципа «разделения властей». Благодаря этим полномочиям приобретает инструментарий, который способен, хотя бы и косвенно, оказывать влияние на деятельность Конституционного Суда РФ. Это положение усиливается тем, что в рамках Конституции РФ произошла замена представительства субъектов федерации как региональных сообществ граждан на представительство только органов государственной власти этих же регионов, вопрос относительно порядка формирования Совета Федерации до сих пор остается проблемным. С 1993 г. данный порядок менялся трижды, причем самым кардинальным образом. М.А.Митюков справедливо характеризует Конституционный Суд РФ как одного из арбитров, который обеспечивает сохранение целостности РФ

и укрепление статуса ее субъектов.¹⁰ Анализ существующей литературы показывает, что недостаточность продуктивности вызвана рядом причин, среди которых: отсутствие должной законодательной базы, слабая активность государственных структур в процессе исполнения решений Конституционного Суда, отсутствие ответственности за неисполнение решений Конституционного Суда, правовой нигилизм, низкий уровень правовой культуры, отсутствие финансовых средств у государства и др.¹¹ При этом следует отметить, что основополагающим признаком судебной власти является возможность вынесения безупречного, с правовой точки зрения, решения в судебной процедуре, предусмотренной законом. Процедура судебной перепроверки принятого судом решения служит цели устранения возможных судебных ошибок. В этом смысле законодательство существенно снижает потенциал Конституционного Суда и отдаляет его как от остальных ветвей судебной власти, так и от правосудия как такового. Если исходить из того, что истина одна и не допускается многовариантности ее трактовки, то следует признать, что существующий процесс конституционного судопроизводства, не предусматривающий второй инстанции, не обеспечивает истинности судебных решений Конституционного Суда Российской Федерации, и этот вопрос пока не получил должного теоретического освещения.

3. ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»¹² направлен на реализацию общегосударственных мер по профилактике коррупции, то есть экспертизу нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов как элемента осуществления прокурорами своих полномочий, в частности по надзору за соблюдением законов, а так же как элемента правовой экспертизы проектов нормативных правовых актов и государственной регистрации нормативных правовых актов.

Согласно положениям самого Закона коррупционные факторы, выявленные в ходе правовой экспертизы проектов нормативных правовых актов при государственной регистрации, а также в ходе мониторинга применения нормативных правовых актов, «призваны стать правовой основой для осуществления комплексной антикоррупционной экспертизы в соответствии с унифицированными принципами». Можно согласиться с мнением, что уже сейчас очевидно, что ожидания результатов оказываются завышенными, так как в Законе предусматривается возможность проведения антикоррупционной экспертизы, не являющейся существенной гарантией реальной борьбы с коррупцией.¹³ Научно-методические разработки по антикоррупционной экспертизе необходимо вести для всех этапов подготовки, принятия и реализации нормативных правовых актов, что, наверное, будет проблематичным.

4. ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороне»¹⁴ направлен на создание правового механизма, обеспечивающего возможность главе государства оперативно использовать формирования Вооруженных сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации. Согласно п. «г» ч. 1 ст. 102 Конституции РФ решение вопроса о возможности использования Вооруженных сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации относится исключительно к ведению Совета Федерации РФ, и указание на возможность его передоверия отсутствует. В данном случае перед законодателем стоял выбор: с одной стороны, современные условия ведения войны требуют большей оперативности и координации действий Вооруженных

6 Добрынин Н.М. Новое в законодательном регулировании вопросов государственного строительства // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 5. – С. 27.

7 Кутафин О.Е. Российский конституционализм. – М., 2008. – С. 316.

8 Федеральный конституционный закон от 02.07.2009 № 2-ФКЗ // СЗ РФ. – 2009. – № 23. – Ст. 2754.

9 Федеральный закон от 02.07.2009 № 100-ФЗ // СЗ РФ. – 2009. – № 23. – Ст. 2755.

10 См.: Научно-практическая конференция «Судебный конституционный контроль в России: уроки, проблемы и перспективы» // Государство и право. – 1997. – № 5. – С. 11.

11 См.: Витрук Н.В. Форум: исполнение решений конституционных судов // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 2002. – № 3. – С. 40–42.

12 Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ // СЗ РФ. – 2009. – № 29. – Ст. 3609.

13 Добрынин Н.М. Указ. соч.

14 Федеральный закон от 9 ноября 2009 г. № 252-ФЗ // СЗ РФ. – 2009. – № 45. – Ст. 5270.

сил, с другой – эти полномочия Конституция РФ закрепляет именно за Советом Федерации РФ, в связи с чем механизмы «передоверия» конституционных полномочий представляются довольно казусными. Такой прецедент не приемлем, так как можно истолковать, что практически любой орган получит возможность отказаться от своих конституционных полномочий, «передав их» какому-либо иному органу. Такое «делегирование» конституционных полномочий не может быть совместимо с принципом высшей силы самой Конституции РФ. Но Совет Федерации РФ принял Постановление от 16.12.2009 № 56-СФ «Об оперативном использовании формирований Вооруженных сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации».¹⁵ Это позволило в новой ст. 0.1 установить «в соответствии с положениями ст. 02 Конституции Российской Федерации» порядок принятия решения об оперативном использовании формирований Вооруженных сил РФ за пределами страны. Главе государства предоставлена возможность принимать решения об оперативном использовании за пределами территории России формирований Вооруженных сил Российской Федерации в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации и Федеральным законом «Об обороне» для выполнения задач. Происходит перераспределение властных полномочий, формально не нарушающее основы конституционного строя, но фактически изменяющее конституционное устройство государства.

5. ФЗ от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» определяет Следственный комитет РФ как федеральный государственный орган, осуществляющий в соответствии с законодательством Российской Федерации полномочия в сфере уголовного судопроизводства. Этот государственный орган непосредственно подчинен Президенту РФ, который и формирует его высшее руководство. Надзор за исполнением законов Следственным комитетом РФ осуществляют Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры. Прокуроры наделяются правом отменять незаконные или необоснованные постановления следователей о приостановлении или прекращении уголовных дел, а также об отказе в возбуждении уголовных дел и принимать решение о продолжении расследования. Президент России не исключил, что в будущем пределы компетенции и, соответственно, подследственности Следственного комитета РФ могут быть расширены вплоть до передачи ему практически всего массива уголовных дел, которые расследуются в России.¹⁶ Данным Законом создана обособленная структура, важнейший правоохранительный государственный орган с неопределенным конституционным статусом, находящийся в прямом подчинении Президента РФ, что усиливает «скрытую компетенцию» главы государства и отдаляет общественный контроль за созданным органом, в котором этот вопрос пока не совсем отвечает демократическим контрольным основам.

6. ФЗ от 22.04.2010 № 63-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с повышением представительства избирателей в законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации и освобождением от сбора подписей избирателей политических партий, списки кандидатов которых получили депутатские мандаты в законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации»¹⁷ направлен на реализацию

тезисов Послания Президента России Федеральному Собранию от 12.11.2009, в котором определены приоритеты политической стратегии развития страны.¹⁸ В развитие инициативы Президента РФ вносятся изменения в федеральные законы «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «О выборах Президента Российской Федерации», «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», «О политических партиях». Изменениями законодательства предусмотрено, что до распределения депутатских мандатов между федеральными списками кандидатов, допущенных к их распределению, определенное количество депутатских мандатов передается федеральным спискам кандидатов, получившим на выборах депутатов Государственной Думы менее 7 %, но не менее 5 % голосов избирателей, принявших участие в голосовании. Таким образом, каждому федеральному списку кандидатов, получившему от 5 % до 6 % голосов, передается по одному депутатскому мандату, а списку, получившему от 6 % до 7 %, – по 2 депутатских мандата. В целом это положительно «сглаживает» порядок распределения думских мандатов, но при этом принципиально не изменяет представительную систему. Анализ законодательства и специальной литературы показывает, что введение повышенного заградительного барьера имеет целью не только отсечь от участия в парламенте партии, получающие ничтожное количество голосов избирателей, но и преградить путь потенциальным «среднячкам», которые могли бы повысить эффективность работы парламента. Анализ свидетельствует, что партии, получающие более 2–3 % голосов избирателей, являются стабильными образованиями и представляют значительное число избирателей. При пропорциональной системе выборов, с точки зрения защиты избирательных прав и повышения представительности парламента, заградительный барьер необходимо снизить (оптимально – до 2,5 %); барьер 7 %, на наш взгляд, является грубым нарушением избирательных прав граждан, принципов многопартийности и народовластия.

Следует отметить, что в процессе конституционного строительства в Российской Федерации не усматривается ярко выраженных признаков концептуальной модели развития, на основе которой производились бы взвешенные и последовательные изменения конституционно-правовых норм. В существующем векторе преобразований отмечается тенденция централизации системы органов государственной власти через «уточнения» элементов российской централизованно-сегментарного разделения властной компетенции.

Пристатейный библиографический список

1. Авакян С.А. Конституция Российской Федерации: итоги развития // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 23.
2. Витрук Н.В. Форум: исполнение решений конституционных судов // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 2002. – № 3.
3. Добрынин Н.М. Новое в законодательном регулировании вопросов государственного строительства // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 5.
4. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. – М., 2008.
5. Макогон Б.В. Процессы глобализации в современном праве и их проявление в российском законодательстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.
6. Хабибулин А.Г. Теоретико-методологические проблемы законотворчества в условиях глобализации // Журнал российского права. – 2006. – № 9.

15 СЗ РФ. – 2009. – № 51. – Ст. 6168.

16 Встреча с Председателем Следственного комитета России Александром Бастрыкиным 21.01.2011 // <http://pda.kremlin.ru/news/1011>.

17 СЗ РФ. – 2010. – № 17. – Ст. 1986.

18 Российская газета. – 2009. – № 214 (13 ноября).

Тухватуллин Т.А.
**РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ ВЕДЕНИЯ
И ПОЛНОМОЧИЙ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ
И РЕСПУБЛИКОЙ БАШКОРТОСТАН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

В статье рассмотрены некоторые проблемные вопросы разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и Республикой Башкортостан.

Ключевые слова: конституционное право, предметы ведения, федеративное государство.

Tukhvatullin T.A.
**DIFFERENTIATION OF THE SUBJECTS OF COMPETENCE
AND POWERS BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION
AND THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN IN MODERN CONDITIONS**

In the article some problem questions of differentiation of the subjects of competence and powers between the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan are considered.

Keywords: constitutional law, subjects of competence, federative state.

Тухватуллин Т.А.

Одним из важнейших условий стабильного функционирования и планомерного развития любого федеративного государства являются взвешенно и сбалансировано построенные правоотношения между центральным и региональным уровнями власти; их чёткое юридическое закрепление с детальным распределением предметов ведения и полномочий, в первую очередь, на конституционном уровне.

Ещё в первом Послании Федеральному Собранию Президент России Д.А.Медведев в качестве одной из первоочередных задач, стоящих перед российским обществом, выделил достижение «оптимального баланса разграничения полномочий между Федерацией и регионами».¹

Следует сказать, что период конкурирующей политики между федеральным центром и субъектами, «стартовавшей» в начале 2000-х годов, завершился выстраиванием чёткой «вертикали власти». Несмотря на это, мнения о возврате регионам неограниченных суверенных полномочий нередко высказываются, в частности, из уст делегатов третьего Всемирного курултая башкир, состоявшегося в июне 2010 года в Уфе, когда участниками, помимо критики тенденций, направленных на «губернизацию» страны, исключения из федерального образовательного стандарта регионального компонента и др.,² прозвучало предложение о заключении нового договора с федеральным центром.

Актуален ли такой договор для Башкортостана сегодня? Чтобы разобраться в этом довольно неоднозначном и в то же самое время важном для нашего региона вопросе, необходимо обратиться к истории развития договорных отношений между Башкирией и Россией, берущих начало ещё в середине XVI века, когда произошло добровольное вхождение Башкирии в состав Российского государства. Это было первым этапом построения договорных отношений для башкир.

В рамках достигнутых договоренностей Русское государство брало на себя обязательства охранять Башкирию от внешних посягательств, обеспечивать вотчинные права башкир на их землю; не покушаться на внутренние нормы поведения, на религию, на обычаи и обряды населения, сохранить местное самоуправление башкир. Башкиры обязались, в свою очередь, приняв подданство Руси, нести военную службу, охранять границы России, платить ясак.

Именно в середине XVI в. объективные факторы сложились таким образом, что наиболее приемлемым вариантом, в первую очередь для присоединившейся стороны, стало

установление договорных отношений, поскольку в результате этого Башкортостан получил долгожданный мир и покой, прекратились иноземные набеги и башкиры получили возможность внутреннего укрепления своего государства.³

Новый этап развития договорных отношений Башкирии с Россией начался после социалистической революции в 1917 году. Официальное установление федеративных отношений центра с первой автономной республикой в составе РСФСР состоялось 20 марта 1919 года, когда было подписано Соглашение Российского рабоче-крестьянского Правительства с Башкирским Правительством о Советской Автономии Башкирии.

Соглашение свидетельствовало об обновлении договорных отношений и открывало реальную перспективу становления и развития подлинно федеративных цивилизованных отношений в обновленном государстве.

А.Н.Лебедев, исследуя проблемы современных федеративных договоров, названное Соглашение считает одним из первых внутригосударственных договоров советского периода отечественной истории.⁴

Однако, поскольку централизм стал единственным способом государственного управления, в мае 1920 г. ВЦИКом и Совнаркомом РСФСР принято решение, лишившее Башкортостан значительной части закреплённых за ним ранее прав; подготовленная и принятая 27 марта 1925 г. пятым Всебашкирским съездом Советов первая Конституция Башкирской АССР центром утверждена не была. Комиссия ВЦИК РСФСР, отклонившая документ, обосновала своё решение тем, что: «Российская Федерация построена не на основе свободного договорного объединения отдельных республик, а на принципе выделения из состава Российской республики отдельных национальностей в автономные республики с утверждением верховных округов РСФСР».

Наибольшее развитие договорные отношения между центральной властью и регионами, в том числе Башкортостаном, получили после распада СССР и подписания Федеративного договора.⁵

3 См.: Азнагулов В.Г. Оптимизация федеративных и региональных отношений. Опыт Башкортостана. – Уфа: Галигиль, 2005. – С. 48.

4 См.: Лебедев Н.А. Современные федеративные договоры в России: конституционная модель, практика, перспективы // Теоретические проблемы российского конституционализма. – М., 2000. – С. 78.

5 В отечественной науке конституционного права термин «федеративный договор» используется исключительно в отношении Федеративного договора от 03.03.1992. Для обозначения других договоров между федеральными и региональными органами государственной власти в литературе обычно применяются понятия «внутригосударственные» и «внутрифедеративные» договоры.

1 Послание Президента Российской Федерации Д.А.Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва. 5 ноября 2008 г. // Российская газета. – 2008. – 6–12 ноября.

2 См.: <http://www.mssookb.ru/ru/node/5496>.

Подписание Федеративного договора нельзя не признать началом нового этапа в развитии государственности в России и очередным этапом развития договорных отношений между центром и Башкортостаном – одним из его участников.

По мнению А.И.Конюховой, «Федеративный договор стал первым этапом процесса федерализации России посредством достижения субъектами Федерации согласия и существенно сблизил позиции центра и составных частей России в понимании федеративного устройства российского государства. Значительная часть Федеративного договора вошла в Конституцию РФ».⁶

Подписанное сторонами Приложение к Федеративному договору от Республики Башкортостан являлось исключительно важным для региона политико-правовым актом. Любое игнорирование или противопоставление его Федеративному договору могло вызвать непонимание характера новых взаимоотношений между Республикой Башкортостан и Российской Федерацией в целом, поскольку Приложение обеспечивало республике значительно большую экономическую и политическую самостоятельность с учётом особенностей региона. В результате подписания Приложения Башкортостан приобрёл особый правовой статус, значительно расширяющий его правовые возможности по сравнению с теми регионами, которые были включены в Федеративный договор.

Так, согласно Приложению, имевшему обязательную юридическую силу для сторон, его подписавших, Башкортостан признавался самостоятельным субъектом обновленной России и участником международных и внешнеэкономических связей; имел самостоятельную законодательную и судебную системы, прокуратуру, адвокатуру и нотариат; самостоятельно определял общие принципы налогообложения и сборов в бюджет и др.

Определённые периоды эволюции федеративных отношений во внутригосударственном устройстве страны обозначились и в период постконституционного развития современного российского государства.

Для указанного периода развития федерализма характерно формирование договорных отношений Федерации и отдельных её субъектов. Так, уже 15 февраля 1994 г., практически через два месяца после вступления в силу ныне действующей Конституции России, между Российской Федерацией и Татарстаном заключён Договор о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан.⁷ Немного позже, 1 июля и 3 августа того же года заключаются аналогичные по форме (названию) и схожие по содержанию договоры между Россией и Кабардино-Балкарской Республикой, а также Башкортостаном. В 1995 г. договоры были заключены с четырьмя, а в 1996 г. – с одиннадцатью субъектами.⁸

Таким образом, после 1994 г. во взаимоотношениях федерального центра и субъектов федерации договорные отношения стали скорее правилом, чем исключением. В период с 1994 по 1998 г. заключено 42 договора о разграничении предметов ведения и полномочий с 46 субъектами федерации, и это практически при полном отсутствии нормативно-правового регулирования договорного процесса.⁹

Договоры субъектов федерации с центром о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий можно рассматривать как правовое средство обеспечения субъектами федерации их статуса, планку разумной суверенизации, к которой они приближаются и которую сообщца

приподнимают в рамках Конституции Российской Федерации, разрешая практические вопросы реализации своего статуса.

Например, рассматривая предыдущую редакцию башкортостанской Конституции, следует сказать, что отношения с Федерацией строятся на основании конституций и Договора о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий, включённого в Преамбулу к Конституции.¹⁰

Примерно с 1996 г. наметились определённые процессы унификации законодательства и восстановления единства правового пространства России, повышения роли федерального закона и решений Конституционного Суда РФ. Данная тенденция означала легитимизацию федеративных отношений, постепенное снижение роли двустороннего договора в разграничении предметов ведения и полномочий.

Важную роль в упорядочении федеративных отношений и стабилизации российской государственности сыграл, в частности, Федеральный закон «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации»,¹¹ статьёй 32 которого установлен трехлетний срок проверки на соответствие договоров и соглашений положениям федеральной Конституции и федеральным законам.

Так, вышеупомянутый Федеральный закон ограничил возможности в развитии договорных отношений на неконституционной основе. Положения данного закона, требующие приведения заключённых договоров и соглашений в соответствие с Конституцией РФ, сыграли важную роль не только в пресечении неконституционного договорного регулирования, но и предопределили общую тенденцию падения престижа и влияния двустороннего договора на федеративные отношения.

Как справедливо отмечает С.Д.Валентей, именно с 1999 г. «начался процесс отказа от договоров, а договорное право как инструмент регулирования федеративных отношений было практически ликвидировано».¹²

Принимаемые меры привели к тому, что к середине 2003 г. были расторгнуты 33 договора с 35 субъектами Федерации путём подписания договоров о прекращении их действия по единой заявленной в них причине – достижение цели их заключения.¹³ Так, в конце 2001 – начале 2002 г. прекращено действие договоров о разграничении предметов ведения и полномочий с Омской, Астраханской, Ульяновской, Кировской, Челябинской областями, республиками Марий Эл, Буриятия и др.¹⁴

Остальные 9 договоров утратили силу и признаны недействующими в силу требований федерального законодательства. Например, вышеприведенный Договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Башкортостан», заключённый 3 августа 1994 г., фактически прекратил своё действие 8 июля 2005 г., так как в соответствии со ст. 5 Федерального закона от 04.07.2003 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон

10 См.: положения Преамбулы и ст. 4 Конституции Республики Башкортостан.

11 См.: Федеральный закон от 24.06.1999 № 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3176 (с 08.07.2003 Федеральным законом от 04.07.2003 № 95-ФЗ признан утратившим силу).

12 Валентей С.Д. Российский федерализм. Экономико-правовые проблемы. – СПб., 2008. – С. 67.

13 См.: Шашкова Е.М. Указ. соч. – С. 11.

14 Договоры о прекращении действия договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Омской (от 21.12.2001), Астраханской (от 21.12.2001), Ульяновской (от 31.12.2001), Кировской (от 24.01.2002) и Челябинской (от 02.02.2002) областей, а также Республики Марий Эл (от 31.12.2001), подписанные Президентом России и главами данных субъектов Российской Федерации // СЗ РФ. – 2002. – № 5, 6 и др.

6 Конюхова И.А. Современный российский федерализм и мировой опыт: Итоги становления и перспективы развития. – М., 2004. – С. 261.

7 См.: Российская газета. – 1994. – 17 февраля.

8 См.: Лебедев Н.А. Указ. соч. – С. 80.

9 См.: Шашкова Е.М. Договоры о разграничении полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и её субъектов: забвение или реанимация // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 3. – С. 10.

«Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹⁵ в течение двух лет не был утверждён в установленном порядке федеральным законом.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что оформление договорных отношений между центром и Башкирией на каждом из обозначенных этапов развития являлось мерой необходимой, целесообразной и даже вынужденной, поскольку при отсутствии соответствующего правового поля иных способов по разграничению предметов ведения и полномочий между центром и регионом зачастую не существовало.

Если рассматривать положение по разграничению предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и Республикой Башкортостан сегодня, то нужно сказать, что потребности в заключении нового Договора с Россией о разграничении предметов ведения и полномочий не имеется, поскольку исключительные полномочия России, а также совместные полномочия Федерации и регионов достаточно подробно урегулированы нормами Конституции Российской Федерации, принятыми в ее развитие федеральными законами.

Однако для Башкортостана, как и для ряда других республик, входящих в состав России, неопределенным остается вопрос о перечне собственных полномочий субъектов федерации, решение которого отдано федеральной Конституцией на откуп регионов (ст. 73).

Так, анализ положений конституций всех российских федеративных республик показал, что лишь в 10 из них в развитие названной нормы федеральной конституции закреплён перечень их собственных полномочий. Не раскрывая перечень их исключительных полномочий, отметим, что к таким регионам относятся республики Адыгея (ст. 53 конституции республики), Алтай (ст. 80), Бурятия (ст. 63), Мордовия (ст. 58), Саха (Якутия) (ст. 38), Тыва (ст. 62), Хакасия (ст. 60), а также Карачаево-Черкесская (ст. 61), Чеченская (ст. 61) и Чувашская (ст. 61) республики.

При этом ряд республик, в том числе Башкортостан, до настоящего времени не имеют юридически закреплённого перечня «собственных» полномочий, что зачастую не позволяет чётко определить зону финансовой ответственности федерального центра и соответствующего региона. К их числу относятся республики Дагестан, Ингушетия, Калмыкия, Карелия, Коми, Марий Эл, Северная Осетия – Алания, Татарстан, а также Кабардино-Балкарская и Удмуртская республики.

В конституциях этих субъектов содержатся лишь аналогичные ст. 73 Конституции РФ положения, устанавливающие,

что субъекты федерации обладают всей полнотой государственной власти вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Федерации по предметам совместного их ведения.

По нашему мнению, с учётом важности конституционно-правового закрепления собственных полномочий субъектов федерации и с целью выработки правовых мер по обеспечению формирования единой системы взаимоотношений между Российской Федерацией и её субъектами в интересах укрепления российской государственности необходимо рекомендовать законодательным (представительным) органам государственной власти субъектов федерации, в конституциях (уставах) которых такие полномочия законодательно не установлены, рассмотреть вопрос об их конституционном закреплении.

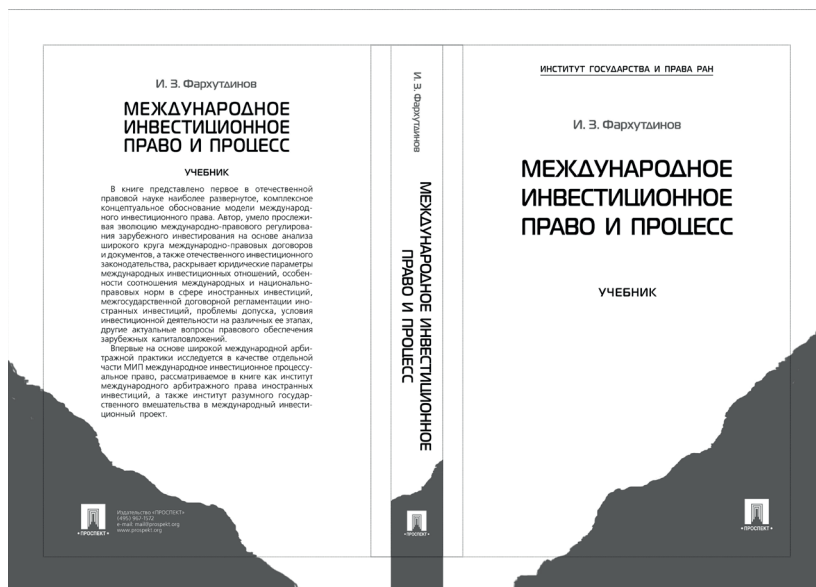
В завершение важно отметить, что на состоявшейся 24 июня текущего года в Москве встрече Президента России Д.А.Медведева с главами отдельных регионов страны Президентом Башкортостана Р.З.Хамитовым в качестве одного из предложений по децентрализации полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти указано на необходимость определения с полномочиями субъектов Российской Федерации.¹⁶

Пристатейный библиографический список

1. Азнагулов В.Г. Оптимизация федеративных и региональных отношений. Опыт Башкортостана. – Уфа: Галигиль, 2005.
2. Горбачёв И.Г. Российский федерализм: принципы построения и конституционно-договорная база разграничения предметов ведения и полномочий – СПб., 2000.
3. Конохова И.А. Современный российский федерализм и мировой опыт: Итоги становления и перспективы развития. – М., 2004.
4. Лебедев Н.А. Современные федеративные договоры в России: конституционная модель, практика, перспективы // Теоретические проблемы российского конституционализма. – М., 2000.
5. Российский федерализм. Экономико-правовые проблемы / Институт экономики РАН; Центр экономики федеративных отношений; отв. ред. С.Д.Валентей. – СПб., 2008.
6. Тухватуллин Т.А. Проблемы правового регулирования исключительных предметов ведения и полномочий субъектов Российской Федерации // Право и политика. – 2010. – № 12.
7. Шашкова Е.М. Договоры о разграничении полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и её субъектов: забвение или реанимация // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 3.
8. Шахрай С.М. Конституционное правосудие в системе российского федерализма: Монография. – СПб., 2001.

¹⁶ См.: Стенограмма заседания на официальном сайте Президента России // www.kremlin.ru.

15 СЗ РФ. – 2003. – № 27. – Ст. 2709.

Ушницкий Р.Р.

ОБ АБСОЛЮТНОЙ ПРИРОДЕ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

Статья посвящена проблеме определения гражданско-правовой формы корпоративного отношения. Обосновывается необходимость применения к корпоративному отношению формы гражданского правоотношения, предложена авторская концепция об абсолютной природе этого правоотношения.

Ключевые слова: корпорация, корпоративное правоотношение, право участия в корпорации, защита корпоративного права.

Ushnitskiy R.R.

ABOUT THE ABSOLUTE NATURE OF THE CORPORATE LEGAL RELATIONSHIP

The article is devoted to the problems of definition of the civil law form of the corporate relation, necessity of application to the corporate relation of the form of civil legal relationship is proved, the author's concept about the absolute nature of this legal relationship is offered.

Keyword: corporation, corporate legal relationship, right of participation in corporation, protection of corporate right.

Проблема определения правовой формы корпоративного отношения участия является центральной проблемой корпоративного права.¹ В настоящий момент дискуссия о правовой форме корпоративного отношения приобрела характер острой полемики.² При этом мы не обнаружили ни одной концепции, которая бы полностью вписывалась в доктрину российского гражданского права.

Появление корпоративного отношения участия связано с появлением феномена корпорации – юридического лица.

Корпорация возникает там и тогда, когда конструкция общей собственности товарищества, конструкция договора простого товарищества уже не может обеспечить потребности развивающегося гражданского оборота. В процессе приобретения товариществом публиканов (*societas publicanorum*) статуса субъекта гражданского права (*corpus habere*) товарищество признается собственником принадлежащего ему имущества.³ Право общей собственности товарищей исчезает, собственником объявляется возникшая на месте товарищества корпорация. Отпадает надобность в договорной (обязательственной) конструкции простого товарищества. Вместо права на долю в общей собственности бывшие товарищи, становясь участниками корпорации, приобретают право участия в корпорации. Возникновение корпорации как юридического лица, которое объявляется собственником закрепленного за ним имущества, становится причиной возникновения корпоративного правоотношения, причиной возникновения субъективного права участия в корпорации,

в которое перерождается вещное право на долю в общей собственности товарищей.⁴

Вещное право на долю в общей собственности товарищей, трансформируясь в право участия в корпорации, теряет свою вещно-правовую природу, так как непосредственным объектом нового права становится не имущество (оно принадлежит корпорации), а «участие в корпорации». Между участником и имуществом корпорации возникает новый субъект вещного права на это имущество – корпорация. Это не позволяет рассматривать участников корпорации собственниками имущества корпорации. Для участников корпорации имущество корпорации становится чужой собственностью.

Изложенная континентально-правовая доктрина права собственности юридического лица не позволяет говорить о вещном характере права участия в корпорации. Иной подход может быть сформулирован только в противоречии с этой доктриной.

Так, англо-американскую концепцию «расщепленной собственности» предлагают сторонники «вещно-правовой» концепции корпоративных правоотношений. Например, Н.Н.Пахомова в доказательство вещной природы права участия пишет: «Субъекты, которые желают организовать отношения посредством создания корпорации, должны наделить создаваемую организацию возможностями собственника на объединяемое ими имущество, что можно сделать только путем передачи ей объема власти на это имущество – титула собственности. В целях сохранения «связи» с имуществом юридического лица – корпорации учредители, создавая корпорацию, не передают ей на объединяемое ими имущество всю власть, а «делятся» с ней этой властью, сохраняя часть властных экономических возможностей за собой».⁵ Налицо «расщепление» права собственности: титул собственности у корпорации, а реальная власть собственника – у участника корпорации.

Для дальнейшего анализа корпоративного правоотношения считаем необходимым ответить на вопрос о «комплексном (сложном) правоотношении», так как большинство исследователей характеризуют корпоративное правоотношение как комплексное.

Комплексность правоотношения – вопрос неоднозначный. В.А.Белов утверждает что «...всякое (гражданское)

1 Корпоративное право понимается здесь как самостоятельное направление научных исследований в цивилистике. Ещё во второй половине XIX – начале XX столетия ученые-цивилисты обращали внимание на то, что к этому отношению не может быть применена традиционная форма вещного или обязательственного правоотношения. См.: Писемский П.А. Акционерные компании с точки зрения гражданского права. – М., 1876. – С. 58–59; Кавелин К.Д. Избранные произведения по гражданскому праву. – М., 2003. – С. 494; Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях (по изд. 1879–1880 гг.). – М., 2003. – С. 494; Петражицкий Л.И. Акционерная компания. – СПб., 1898. – С. 52; Каминка А.И. Очерки торгового права (по изд. 1912 г.). – М., 2002. – С. 395; Цитович П.П. Очерк основных понятий торгового права (по изд. 1886 г.). – М., 2001. – С. 148. Указанные авторы, обозначив проблему, каких-либо предложений по её решению не сформулировали.

2 См., напр.: Белов В.А. К проблеме гражданско-правовой формы корпоративных отношений // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 9. – С. 6–25; Ломакин Д.В. Корпоративное право: «новые» способы нерешения старых проблем // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11. – С. 134–146; Шиткина И.С. Парадигма и парадоксы корпоративного права // Предпринимательское право. – 2010. – № 1. – С. 4–12; Бабаев А.Б. Методологические предпосылки исследования корпоративных правоотношений // Вестник гражданского права. – 2007. – № 4.

3 Наиболее наглядно роль товарищества публиканов в возникновении юридического лица рассмотрел В.Б.Ельашевич. См.: Ельашевич В. Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве. – СПб., 1910. – С. 407–409, 431. О зарождении корпоративных отношений, корпорации (приобретение товариществом публиканов статуса «*corpus habere*») в процессе развития отношений товарищества публиканов пишет Н.С.Суворов. См.: Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву (по изд. 1990 г.). – М., 2000. – С. 209.

4 Поэтому нельзя признать верными выводы о наличии корпоративных отношений в образованиях, которые юридическими лицами не являются. К выводу о наличии корпоративных отношений в отношениях общей собственности (не только долевой, но и совместной) приходит Н.Н.Пахомова. См.: Пахомова Н.Н. Основы теории корпоративных отношений: правовой аспект. – Екатеринбург, 2004. Совсем невероятными представляются выводы Я.М.Гританса о корпоративности семейных отношений, отношений в дружеских коллективах. См.: Гританс Я.М. Корпоративные отношения: Правовое регулирование организационных форм. – М., 2005. – С. 2.

5 См.: Пахомова Н.Н. Цивилистическая теория корпоративных отношений. – Екатеринбург, 2005.

правоотношение может состоять только из одного субъективного права и только из одной юридической обязанности».⁶

При всей строгости в применении категории «правоотношение» допускаем, что есть основание наряду с правоотношением в собственном смысле этой категории выделять категорию «сложное (комплексное) правоотношение» как правовое явление, которое состоит из двух и более простых правоотношений, в содержание которого включаются взаимосвязанные субъективные права и обязанности. При этом должна строго соблюдаться однородность простых правоотношений, включаемых в состав сложного (комплексного) правоотношения, участниками которого является строго определенный круг субъектов. Например, нет никаких препятствий рассматривать куплю-продажу как одно сложное (комплексное) правоотношение, в состав которого включаются как минимум три простых правоотношения-обязательства: по передаче товара в собственность, по оплате товара, по принятию товара. Несмотря на то, что купля-продажа предполагает наличие права собственности продавца на предмет договора в момент его передачи, в содержание (состав) относительного правоотношения купли-продажи абсолютное правоотношение собственности ни в коем случае не входит. Недопустимо включение в содержание одного сложного правоотношения субъективных прав различной – абсолютной и относительной – природы.⁷ Соответственно нельзя включать в одно комплексное правоотношение простые правоотношения с различным составом их участников.

Даже если мы ведем речь о сложном (комплексном) правоотношении, это не освобождает нас от необходимости дать правовую характеристику каждому простому правоотношению, из которого оно состоит.

Таким образом, выводы авторов, которые определяют корпоративное правоотношение как комплексное, в содержание которого включают различные субъективные права и юридические обязанности (порой абсолютно разнородные), следует признать не соответствующими теории гражданского правоотношения.⁸

Исходя из приведенного требования В.А.Белова, для квалификации корпоративного отношения участия как правоотношения мы должны выделить единственное субъективное право и единственную юридическую обязанность, которые и составляют содержание этого правоотношения.

В свою очередь, сформулировать субъективное право и юридическую обязанность можно только при условии правильного определения объекта, по поводу которого они возникают в данной правовой связи.

Что касается категории «объекта права», мы придерживаемся позиции, сформулированной Г.Ф.Шершеневичем: «Объект права следует искать в благах, обеспечиваемых правом, как цели, а не в установленном поведении, как средстве... Насколько частно-правовые отношения носят имущественный характер, настолько юридическое понятие об объекте права

совпадает с экономическим понятием о благах».⁹ Несмотря на наличие других взглядов на эту категорию, приведенный подход следует рассматривать как доктрину гражданского права, воплощенную в действующем законодательстве (гл.6 ГК РФ).¹⁰

Проблема определения объекта корпоративного отношения является ключевой проблемой теории корпоративного правоотношения. Как справедливо применительно к теме настоящего исследования отмечает Л.А.Новоселова, «парадоксальность современного российского оборота не может удивлять – предметом сделок, причем сделок каждодневных, становятся объекты, правовая природа которых окончательно не определена, а теоретические воззрения относительно их сущности не сформированы».¹¹

Вместе с тем от категории «объекта» зависит гражданско-правовое значение субъективного права на этот объект. Как правильно указывает В.В.Байбак, «не всякое благо становится объектом субъективного гражданского права. Если употребление того или иного блага может подвергнуться неправомерному посягательству, обладатель этого блага заинтересован в ограждении его от посягательств третьих лиц. Тогда лицо, чье обладание этим объектом встречает поддержку со стороны законодателя, нуждается в признании за ним возможности удовлетворять свои потребности с помощью указанного объекта с устранением всех неправомерных посягательств. Такое признание в сфере гражданско-правового регулирования выражается в предоставлении данному лицу субъективного гражданского права».¹²

Таким образом, вопросы о правовой квалификации корпоративного отношения как правоотношения, о правовой природе субъективного права участия всецело зависят от правильного определения объекта права участия.

Объектом корпоративного правоотношения в собственном смысле этого слова является само «участие в корпорации». Именно «участие в корпорации» является тем искомым благом – объектом, по поводу которого складывается это правоотношение.

Участию в корпорации присущи следующие свойства объекта гражданского права, позволяющие рассматривать его как материальное благо: 1) обладает потребительской и меновой ценностью, служит средством удовлетворения человеческих потребностей;¹³ 2) обладает свойством оборотоспособности, которое зависит от правового режима различных видов участия в корпорациях (акций, долей, паев); 3) хоть и не имеет материальной оболочки, но имеет внешний характер¹⁴ по отношению к любому своему обладателю, т. е. не отождествляется с лицом, обладающим им, что подтверждается необходимостью легитимации его обладателя; 4) является, как правило, бессрочным; 5) нуждается в особой охране, это благо хоть и не может быть украдено, так же как любая движимая вещь, но принадлежность этого блага может быть нарушена любым субъектом.

6 Думаем, такой подход слишком категоричен. Весьма странно, что автор так строго относится к категории сложного (комплексного) правоотношения. Ведь для него «правоотношение – это категория, введенная исключительно в целях удобства научного познания; научное же познание суть непременно познание абстрактное и аналитическое». См.: Белов В.А. Гражданско-правовая форма корпоративных отношений (к проблеме так называемых корпоративных правоотношений) // Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А.Белова. – М., 2009. – С. 197.

По нашему мнению, «правоотношение» объясняется следующим: абстрактные нормы права устанавливают требования к субъектам права, основания возникновения и прекращения субъективных прав и юридических обязанностей, определяют правовой режим объектов гражданского оборота, вся эта абстракция реализуется в конкретном жизненном отношении, придавая ему правовую форму, тем самым реальная социальная связь приобретает форму правоотношения.

7 Объективные различия в абсолютной и относительной природе субъективных прав не позволяют делать выводы о существовании абсолютно-относительных или относительно-абсолютных, вещно-обязательственных и обязательственно-вещных правоотношений. Выводы о наличии таких правоотношений даже для научного анализа противоречат элементарной логике.

8 Из всех авторов, которые обосновывают корпоративное правоотношение, только А.Б.Бабаев избегает рассматривать корпоративное правоотношение как комплексное.

9 См.: Шершеневич Г.Ф. Философия права. – Т. 1. Часть теоретическая: Общая теория права. – Вып. третий. – М., 1912. – С. 590.

10 Д.В.Ломакин, основываясь на поведенческой теории, понимает под объектом корпоративного правоотношения деятельность корпорации. По нашему мнению, в этом состоит одна из главных методологических ошибок всей концепции, так как неправильно определена сама основа правоотношения – то, по поводу чего оно складывается. См.: Ломакин Д.В. Указ. соч. – С. 39.

11 См.: Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Объекты гражданского оборота: Сборник статей / Отв. ред. М.А.Рожкова. – М., 2007. – С.197.

12 Байбак В.В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота. – М., 2005. – С. 37.

13 Д.Д.Гримм подчеркивал: «Объектом права может быть все, что служит средством удовлетворения человеческих потребностей, поскольку данное средство считается дозволенным и пользование им – нуждающимся в особой охране». См.: Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права / Под ред. и с предисл. В.А.Томсинова. – М., 2000. – С. 100.

14 С.С.Алексеев: «Объекты гражданских прав, как любые блага, имеют внешний характер по отношению к их обладателю». См.: Алексеев С.С. Об объекте права и правоотношения // Вопросы общей теории права. – М., 1960. – С. 286.

Участие в корпорации в качестве объекта гражданских прав получило различные способы оформления (обозначения), например: участие в акционерном обществе оформляется акцией (ст. 96 ГК РФ); участие в обществе с ограниченной ответственностью обозначается долей в капитале общества (ст. 87 ГК РФ); участие в кооперативе называется членством (подчеркивается лично-доверительный характер этого участия), имущественное (гражданско-правовое) участие обозначается паем (ст. 107, 116 ГК РФ).

Все указанные объекты, каждый из которых является объектом особого корпоративного правоотношения со своим специфическим содержанием, объединяет одно – главное их назначение в том, что они призваны обозначить участие в корпорации в качестве особого объекта права.

В данном качестве эти объекты, равно как то, что они обозначают, – участие в корпорации, никак не могут быть признаны вещами. Участие в корпорации как объект права не имеет материальной оболочки, что не дает возможности рассматривать его как вещь с точки зрения континентально-правовой доктрины вещей как объектов права.

Но схожесть юридической природы этого объекта (акции, доли, пая) с вещью при отсутствии признания собственной правовой природы, при отсутствии собственных способов правовой защиты вызывает желание применить к нему вещно-правовые способы защиты, а порой рассматривать его как объекты права собственности.¹⁵

Это свидетельствует о наличии принципиального родства права собственности и корпоративного права участия. А это родство, по нашему мнению, вытекает из того, что они имеют одинаковую абсолютную природу.

В отнесении правоотношения к абсолютному или относительному проявляется «парадигма» правоотношения.¹⁶

В этой связи проблема определения правовой формы корпоративного отношения взаимосвязана с проблемой деления гражданских правоотношений на абсолютные и относительные.

Сомнения о необходимости выделения абсолютных правоотношений высказывались неоднократно. Например, Д.М.Генкин в 60-х годах прошлого столетия выступил с идеей, что абсолютные права как субъективные права существуют и реализуются вне правоотношений.¹⁷

Скептическое отношение к выделению категории «абсолютное правоотношение» мы наблюдаем в современной литературе.

В частности, в работе, посвященной проблеме общего учения гражданского правоотношения, написанной В.А.Беловым в соавторстве с А.Б.Бабаевым, сказано, что «конструкция абсолютных правоотношений имеет смысл лишь в качестве антипода относительных правоотношений, но сама по себе никакой познавательной функции не выполняет».¹⁸

Более категорично пишет Л.В.Щенникова: «Представляется, что такая конструкция абсолютного правоотношения есть плод искусственного теоретизирования, причем пустого. В ней нет смысловой нагрузки, как нет и не может быть

реальной правовой связи собственника с любым и каждым живущим в данный момент на земле».¹⁹

С.П.Гришаев указывает на условность деления правоотношений на абсолютные и относительные, заключающуюся в том, что, во-первых, при нарушении абсолютного субъективного права в правоотношении появляется конкретное лицо, обязанное возместить вред, а во-вторых, не только обязанное лицо, но всякий и каждый должен воздерживаться от нарушения относительных прав (в частности, не совершать действия, препятствующие исполнению обязанности, вытекающей из относительного правоотношения).²⁰

Как полагает В.А.Лапач, «явление, именуемое «абсолютным правоотношением» и характеризующееся неопределенным кругом обязанных лиц, лишь в силу традиции именуется правоотношением и должно быть отнесено к способам непосредственного осуществления права, минуя правоотношения».²¹ Более того, он утверждает, что «сущность таких прав состоит в установлении определенного рода правовой связи непосредственно между субъектом права и его (права) объектом».²²

Большинство учебников гражданского права содержит вывод об условности классификации гражданских правоотношений на абсолютные и относительные.²³ Лишь в учебнике под редакцией Е.А.Суханова отмечается значимость этой классификации.²⁴

Скептицизм авторов, которые не уделяют должного внимания данной классификации, думаем, не совсем точно отражает наметившееся в последние годы внимание законодателя к абсолютным правоотношениям. В частности, введение государственной регистрации прав на недвижимость лишней раз подтверждает необходимость выделения такой формы правоотношения, сущность которого определяется абсолютной природой субъективного права управомоченного лица. Значимость выделения абсолютных правоотношений подтверждается судебной практикой. В частности, значение виндикации как основного способа абсолютной защиты права собственности подтверждено постановлениями Конституционного Суда, пленумов Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.²⁵

Как было сказано, «парадигма» правоотношения зависит от абсолютной или относительной его природы. На наш взгляд, это есть форма правоотношения. Форма правоотношения зависит от природы определяющего его содержание субъективного права (в абсолютном правоотношении) и юридической обязанности (в относительном правоотношении) в связи с этим и от особенностей субъектного состава правоотношения.²⁶

Форму абсолютного правоотношения приобретает та социальная связь, где содержанием выступает конкретное субъективное право, которое, с точки зрения позитивного права, нуждается в правовой защите. Соответственно, форму

19 Щенникова Л.В. Вещное право: Учеб. пособ. – Краснодар, 2004. – С. 64.

20 Гражданское право. – Часть первая: Учебник / Под ред. А.Г.Калпина, А.И.Масляева. – М., 2002. – С. 70.

21 Лапач В.А. Субъективные гражданские права и основания их возникновения // Журнал российского права. – 2001. – № 10. – С. 93.

22 Там же. – С. 94.

23 См., напр.: Гражданское право. – Т. 1. Учебник / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. – М., 2002. – С. 101–102; Гражданское право. – Часть первая: Учебник / Под ред. А.Г.Калпина, А.И.Масляева. – М., 1997. – С. 52.

24 Гражданское право: В 4 т. – Т. 1 / Под ред. Е.А.Суханова. – М., 2008. – С. 130–132.

25 См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М.Мариничевой, А.В.Немировской, З.А.Скляновой, Р.М.Скляновой и В.М.Ширяева» // СЗ РФ. – 2003. – № 17. – Ст. 1657; Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 10/22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестник ВАС. – 2010. – № 5.

26 В науке имеется иной взгляд на форму правоотношения, в частности Ю.К.Толстой под формой правоотношения понимает субъективные права и обязанности. См.: Толстой Ю.К. К теории правоотношения. – Л., 1959. – С. 22, 30, 31.

15 Судебная практика изобилует примерами такого подхода, см. напр. ссылки на практику: Белов В.А., Тарасенко Ю.А. Имущественная основа корпоративной деятельности (на примере хозяйственных обществ) // Корпоративное право: Актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А.Белова. – М., 2009. – С. 327–330.

16 Термин «парадигма правоотношения» понимается как «концептуальная схема, модель этого правоотношения». См.: Шиткина И.С. Указ. соч. – С. 4–5.

17 См: Генкин Д.М. Право собственности в СССР. – М., 1961. – С. 38. Отрицание Д.М.Генкиным абсолютных правоотношений было подвергнуто развернутой критике. См., напр.: Флейшиц Е.А. «Абсолютная» природа права собственности // Проблемы гражданского права. – Л., 1962. – С. 214–216; Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР // Избранные труды по гражданскому праву. – Ч. 1. – М., 2000. – С. 291–293.

18 См.: Белов В.А., Бабаев А.Б. Проблемы общего учения о гражданском правоотношении // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А.Белова. – М., 2007. – С. 258.

относительного правоотношения приобретает та социальная связь, где содержанием выступает субъективная обязанность, исполнение которой необходимо обеспечить мерой правовой ответственности.²⁷

Но для того чтобы абсолютное субъективное право стало элементом содержания абсолютного правоотношения, оно должно приобрести свойства, которые свидетельствуют о наличии гражданско-правового значения этого права.²⁸

Выше было сказано об этом значении применительно к объекту корпоративного правоотношения. Для определения значения субъективного права необходимо определиться с содержанием этого права. Соответственно для дальнейшего анализа субъективного права участия необходимо определиться с методологией выделения в этом праве правомочий.

Методология выделения правомочий в составе субъективного права не должна нарушать принципиальных подходов, о которых мы говорили для целей определения сложного (комплексного) правоотношения. В состав правомочий, например, абсолютного права не должны включаться правомочия относительной природы, и наоборот. К этому требованию мы должны добавить положение, что все правомочия должны касаться только одного искомого объекта права.

Что же входит в комплекс правомочий, которые означают «участие в корпорации»? На этот вопрос исследователи отвечают по-разному.

Наиболее узкий подход здесь демонстрирует А.Б.Бабаев, он включает в состав корпоративного права только одно правомочие – возможность голосовать на общем собрании. «Лишь одно из правомочий, входящих в состав корпоративного права, принадлежит акционеру (участнику) вне зависимости от количества принадлежащих ему акций (от объема его права участия) – возможность голосовать на общем собрании. Именно это правомочие образует ядро корпоративного права, поскольку является непосредственным проявлением возможности формировать волю юридического лица».²⁹

Наиболее широкий подход определения этого комплекса демонстрируют сторонники теории корпоративного правоотношения особого рода (*sui generis*). Это понятно, ведь они оперируют понятием «комплексного» правоотношения относительной природы. Основываясь на ст. 67 ГК РФ, они включают в этот комплекс право участвовать в управлении делами корпорации, право получать информацию, право принимать участие в распределении прибыли и право получать ликвидационный остаток.

Интересной является позиция В.А.Белова. Он не обнаружил в корпоративном отношении субъективного права: «Мы утверждаем, что никаких прав из факта приобретения участия в корпорации не возникает... Став акционером... лицо приобретает абстрактную юридическую возможность рассчитывать на возникновение у него в будущем конкретных (определенных) юридически значимых возможностей – субъективных прав (получить дивиденды или ликвидационный остаток

(коли таковые будут объявлены и выплачены), проголосовать на определенном собрании, потребовать предоставления информации и т. д.)».³⁰ Здесь автор исходит из относительной природы корпоративного отношения, что и послужило неверной методологической посылкой для такого вывода. Если корпоративное отношение анализировать через призму его абсолютного характера, то очевидным будет вывод, что называемая В.А.Беловым «корпоративная правоспособность» есть не что иное, как абсолютное право участия в корпорации. И такое понимание правовой природы корпоративного отношения никакого противоречия с теорией гражданского правоотношения не содержит. Абсолютное право участия в корпорации является предпосылкой возникновения относительных (обязательственных) прав на дивиденд, на получение ликвидационного остатка, на требование предоставить информацию и т. п. Но в совокупности все эти юридические возможности являются реальным, а не абстрактным благом, объектом субъективного права участия в корпорации, которое вот уже на протяжении многих столетий является объектом гражданского оборота. Продолжая мысль В.А.Белова, можно прийти к выводу, что весь фондовый рынок – это абстракция, предметом торговли выступает абстракция.

В наиболее простом изложении сущность абсолютного субъективного права состоит в правомочии на собственные действия, означающем возможность самостоятельного совершения субъектом фактических и юридических значимых действий. Этому абсолютному праву противостоит обязанность пассивного типа, которая вытекает из гражданско-правовых запретов и по своей природе означает юридическую невозможность совершения действий, нарушающих публичные интересы и абсолютное субъективное право управомоченного лица.

Абсолютность права участия в корпорации (права на акцию, права на долю) вытекает из природы объекта правоотношения участия. Мы уже говорили о родстве участия в корпорации с вещью, что применительно к акции и доле в капитале хозяйственного общества нередко буквально воспринимается судебной практикой, хотя в законодательстве для этого оснований нет.

В праве участия много общего с правом собственности. Не имея материальную оболочку, этот объект обладает фактически всеми юридическими свойствами вещи. В этом нет ничего удивительного, ведь, как было показано, это право возникает как результат развития права собственности.

Субъективное право участия в корпорации, так же как право собственности, характеризуется полнотой и исключительностью.

Право участника в отношении «участия в корпорации» предстает как наиболее полная сумма правовых возможностей в отношении «участия в корпорации». Это проявляется в его неограниченной свободе совершения внешних распорядительных актов в отношении акции, в частности, путем продажи, дарения, обмена на другой товар, залога и пр. Право участия предполагает возможность участника осуществлять это право своей волей и в своем интересе. Полнота права участия, как и полнота права собственности, служит основанием материально-правовой и процессуальной презумпции принадлежности участнику всех правомочий в отношении этого объекта.

Исключительность права собственности традиционно понимается в том смысле, что никакое иное лицо не может иметь на ту же вещь то же право.³¹ Если какое-либо субъективное право предоставляет управомоченному лицу наиболее полную сумму правовых возможностей в отношении объекта права, то такое право не может сосуществовать с другим, аналогичным по объему. Исключительность права на имущественную ценность диктуется потребностями имущественного оборота. Полноценный товарно-денежный оборот возможен

27 О различиях между понятиями «меры защиты» и «меры ответственности» говорит В.С.Ем. Он пришел к выводу о том, что «меры защиты, за исключением мер оперативного воздействия, направлены на охрану абсолютных гражданских прав», а «...меры гражданско-правовой ответственности в первую очередь служат обеспечением гражданско-правовых обязанностей активного типа». См.: Ем В.С. Категория обязанности в советском гражданском праве (вопросы теории): Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1981. – С. 144, 145, 150.

28 Характерным с этой точки зрения является определение, данное юридическим отношениям Д.Д.Гриммом: «Мы понимаем под юридическими отношениями те более или менее сложные, постоянные комбинации конкретных отношений сосуществования, которым с точки зрения господствующих в данное время практических интересов и целей, преследуемых данным государственным союзом в лице подлежащих органов государственной власти, придается существенное (положительное или отрицательное) значение, и в применении к которым в связи с этим складывается соответственная (юридическая) регламентация». См.: Гримм Д. Соотношение между юридическими институтами и конкретными отношениями // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича (по изд. 1915 г.). – М., 2005. – С. 308.

29 Бабаев А.Б. Указ. соч.

30 Белов В.А. Указ. соч. – С. 208, 211.

31 Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. – М., 2000. – С. 151–152.

только в том случае, если его субъекты уверены в полноценности приобретаемых ими титулов на имущественные блага. Право участия обладает свойством исключительности, хотя проявление этого свойства имеет специфику, вызванную сложностью индивидуального определения этого объекта, что вызывает необходимость выделять данный объект особым его обозначением – акцией, долей, паем.

Важной составляющей права участия является возможность на собственные действия. Если в праве собственности возможность таких действий охватывается понятиями владения, пользования и распоряжения, то в праве участия возможность на собственные действия проявляется в возможности участия в управлении корпорацией, в том числе в распределении прибыли корпорации, в возможности распорядиться этим правом (продать, подарить, заложить), в возможности прекратить это право путем принятия решения о ликвидации корпорации с получением ликвидационного остатка.

В большинстве работ, в которых исследуется участие в корпорации как объект правоотношения, сделан акцент на такую составляющую права на этот объект, как возможность на собственные действия, далее эти действия связываются с судьбой корпорации, с возможностью управлять, в том числе участвовать в распределении прибыли и т. д. Но главной составляющей этого права является сам факт участия лица в корпорации, ценность этого права уже в том, что оно есть. Участник не должен непременно участвовать в управлении корпорацией. Можно в течение всего периода участия в корпорации ни разу не прийти на собрание участников, ни разу не получить дивиденд, ни разу не получить (или не прочесть доступную) информацию, но это не будет основанием для того, чтобы считать, что этого права участия у участника корпорации нет.

Как у вещного правоотношения абсолютный характер проявляется в его статическом характере, так и корпоративное правоотношение участия – это статическое правоотношение.

Абсолютная природа этого правоотношения служит необходимой предпосылкой для возникновения динамических правоотношений. Как право собственности является предпосылкой появления отношений гражданского оборота вещей (динамики), так и корпоративное право участия является предпосылкой отношений по гражданскому обороту акций, долей, паев.

Вытекающие из абсолютного права участия «субъективные права» относительной природы, такие как право на получение дивидендов, на получение ликвидационного остатка, для квалификации данного отношения в качестве правоотношения никакого значения не имеют. Они, в свою очередь, будут содержанием других (производных от основного правоотношения) правоотношений (правовая природа которых, как правило, является относительной).³²

Сходство права участия и права собственности наблюдается в том, что участник корпорации несет риски и бремя, вызванные принадлежностью ему этого права, подобные рискам и «бремени» собственника.

На участнике лежит риск утраты своего права в случае ликвидации корпорации – на собственнике лежит риск случайной гибели. Собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества. В корпоративном правоотношении аналог этого бремени зависит от организационно-правовой формы корпорации. В хозяйственном обществе можно полностью устраниваться от участия в деятельности корпорации, в хозяйственном товариществе или в кооперативе – нет. Как и в правоотношении собственности, в корпоративном

правоотношении это бремя подразумевает обязанность публичного характера, а не обязанность перед корпорацией. Участник должен выполнять эти обязанности публичного характера лишь для того, чтобы корпорация не стала источником нарушения прав и законных интересов других лиц.

В корпорациях, в которых отсутствует принцип ограничения ответственности участников, например, в хозяйственных товариществах, кооперативах, бремя участия в корпорации предполагает личную имущественную ответственность участника корпорации. Природа этой ответственности также публичная. Её можно сравнить с обязательством за вред, причиненный источником повышенной опасности. Корпорация – своеобразный источник повышенной опасности. В этом проявляется природа ответственности участника корпорации, установленная ст. 56 ГК РФ.

Абсолютная природа корпоративного права участия подтверждается возможностью его утраты помимо воли обладателя. Многочисленные факты рейдерства подтверждают такую возможность. Рейдерство стало социальной проблемой современного общества. Не думаем, что здесь есть необходимость доказывать этот очевидный факт.

Выше было сказано, что «участие в корпорации» как объект корпоративного правоотношения вещью не является, поэтому этот объект не может быть объектом владения. Право участия не может включать в себя вещного правомочия владения. Утрата права участия не может быть связана с «выбытием его из владения обладателя». Право участия может быть нарушено путем его незаконного присвоения. Это право может быть присвоено по сделке, в совершении которой не было воли участника корпорации. Это право может быть присвоено путем незаконного внесения соответствующей записи в реестр (в том числе по ошибке). Присвоение этого права может быть совершено любым субъектом права. Право участия может быть нарушено не только другими участниками данной корпорации, самой корпорацией, но и всяким третьим лицом. Достаточно ли здесь для восстановления утраченного права участия реституционного механизма правовой защиты? Нет. Предъявление иска к стороне в недействительной сделке не обеспечит восстановление этого права, так как оно у стороны спорной сделки может отсутствовать. К моменту предъявления иска это право может быть передано любому третьему лицу. В итоге оно может оказаться у добросовестного приобретателя (т. е. лица, недобросовестность которого нет возможности доказать, добросовестность этого лица презюмируется). Вот почему судебная практика применяет механизм виндикации для восстановления права на бездокументарную акцию, а для восстановления права на долю в капитале общества с ограниченной ответственностью использует такой способ защиты, как «восстановление положения, существовавшего до нарушения права» (ст. 12 ГК РФ), которое в литературе получило название «восстановление корпоративного контроля».³³ Эти способы защиты относятся к способам защиты абсолютных прав.

Право участия требует защиты и в том случае, когда не нарушена принадлежность этого права (аналог негаторного иска). Особенностью этого права является то, что оно включает в себя возможность участвовать в управлении корпорацией, то есть право предоставляет участнику юридическую власть над волей корпорации, которая также нуждается в правовой защите от возможного посягательства любых третьих лиц. Рейдерские захваты, суть которых выражается в отстранении участников от управления корпорацией без лишения их права участия, вынуждают искать адекватные способы защиты. И здесь наиболее подходящим способом защиты является «восстановление корпоративного контроля».

32 Д.В.Ломакин приходит к такому же выводу. Его деление корпоративных отношений на основное и производные имеет абсолютное сходство с нашими взглядами, но Д.В.Ломакин определил основное отношение участия как относительное правоотношение, что не соответствует теории правоотношения. См.: Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. – М., 2008. – С. 87–92.

33 Анализ феномена корпоративного контроля представлен Д.И.Степановым. См.: Степанов Д.И. Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. – 2009. – № 3. – С. 142–206. О концепции «восстановления корпоративного контроля» см.: Сарбаш С.В. Восстановление корпоративного контроля // Вестник гражданского права. – 2008. – № 4.

Итак, право участия обладает всеми свойствами абсолютного права. Это право означает возможность на собственные действия. Как показывает практика, нарушителем этого права может быть каждый (может быть утрачено помимо воли обладателя).

«Участие в корпорации» как объект гражданского правоотношения в соответствии со ст. 128 ГК РФ должно входить в состав иного имущества. К такому выводу пришел В.А.Лапач применительно к доле в уставном капитале хозяйственного общества: «доля представляет собой идеальную квоту (часть) в праве собственности на имущество общества или товарищества, своеобразный аналог доли в общей собственности».³⁴ Но далее он приходит к выводу, что существование особого субъективного права участия объясняется его «вещно-обязательственной природой».³⁵ То есть В.А.Лапач исходит из относительной природы рассматриваемых отношений.³⁶

Но этот вывод исключает проблему «права на право». Участие в корпорации как таковое и есть то самое благо, которое в корпоративном правоотношении является объектом. Проблема «права на право» лежит в чисто лексической плоскости из-за традиции называть это благо «субъективным правом участия в корпорации». Используемое здесь выражение «объектом правоотношения является право участия в корпорации» не совсем точно определяет данный объект. Точным будет следующее выражение: «объектом правоотношения является участие в корпорации».

На абсолютную природу права участия в корпорации обращает внимание Р.С.Фатхутдинов. Анализируя понятие доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, он делает вывод, что доля в уставном капитале является разновидностью права участия (права членства) в коммерческой организации. В правомочиях участника общества он выделяет правомочие на управление делами общества. «Природа данного правомочия близка к природе права собственности – основной и главный интерес управомоченного субъекта состоит в реализации меры возможного поведения своими собственными действиями, а не в совершении третьим лицом определенных действий... Абсолютно-правовой характер правомочия на участие в управлении делами общества проявляется также в том, что данному правомочию противопоставляется пассивная обязанность всех третьих лиц не чинить препятствий в его осуществлении».³⁷

Однако далее Р.С.Фатхутдинов рассматривает данное правомочие как комплексное. Исследователь приходит к выводу, что «правовая природа данного правомочия носит сложный (комплексный) характер, сочетая в себе признаки абсолютного и относительного права». В подтверждение этому он пишет, что «для осуществления своего основного правомочия – на участие в управлении делами общества – участнику необходимо содействие самого общества... Праву на участие в управлении делами общества соответствуют некоторые обязанности общества, что свидетельствует о наличии относительно-правового эффекта в отношениях по управлению обществом. Четко выраженный относительный характер носит природа правомочия на получение информации о деятельности общества и на ознакомление с документами общества. Следовательно, наряду с абсолютным правомочием, участник общества имеет

также некоторые относительные права».³⁸ Как сказано выше, нельзя в содержание комплексного правоотношения включать права различной абсолютной и относительной природы.

В литературе есть и другие примеры признания права участия в корпорации абсолютным правом.

Например, Л.А.Новоселова, анализируя правовую природу доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, приходит к следующему выводу: «Право уступить долю другому участнику можно было бы с полным правом отнести к вещным, если только сам объект этого права обладал бы вещной природой. Ввиду непрекращающихся дискуссий о возможности установления вещного права на право ограничимся выводом о том, что такое право участника есть право абсолютное».³⁹ Касается ли данный вывод природы правоотношения участия в целом – не ясно.

В заключение считаем необходимым отметить, что вопрос о юридической квалификации формы корпоративных отношений имеет не только теоретическое, но и практическое значение.⁴⁰

Корпоративное отношение участия имеет правовую форму гражданского правоотношения. Корпоративное правоотношение участия в корпорации является абсолютным по своей природе, существует наряду с другими абсолютными правоотношениями: вещными и исключительными. Корпоративное правоотношение участия опосредует статистику корпоративных отношений в широком смысле этого слова, является предпосылкой для динамики этих отношений. Абсолютное право участия в корпорации нуждается в признании позитивным правом, в правовой защите. Правовой способ защиты этого права должен полностью повторять правовой механизм виндикации, но это должен быть самостоятельный способ защиты абсолютного права участия в корпорации.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С.С. Об объекте права и правоотношения // Вопросы общей теории права. – М., 1960.
2. Бабаев А.Б. Методологические предпосылки исследования корпоративных правоотношений // Вестник гражданского права. – 2007. – № 4.
3. Байбак В.В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота. – М., 2005.
4. Белов В.А. К проблеме гражданско-правовой формы корпоративных отношений // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 9.
5. Белов В.А. Гражданско-правовая форма корпоративных отношений (к проблеме так называемых корпоративных правоотношений) // Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А.Белова. – М., 2009.
6. Белов В.А., Тарасенко Ю.А. Имущественная основа корпоративной деятельности (на примере хозяйственных обществ) // Корпоративное право: Актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А.Белова. – М., 2009.
7. Белов В.А., Бабаев А.Б. Проблемы общего учения о гражданском правоотношении // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А.Белова. – М., 2007.
8. Генкин Д.М. Право собственности в СССР. – М., 1961.
9. Гражданское право. – Часть первая: Учебник / Под ред. А.Г.Калпина, А.И.Масляева. – М., 2002.
10. Гражданское право. – Т. 1. Учебник / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. – М., 2002.
11. Гражданское право. – Часть первая: Учебник / Под ред. А.Г.Калпина, А.И.Масляева. – М., 1997.
12. Гражданское право: В 4 т. – Т. 1 / Под ред. Е.А.Суханова. – М., 2008.
13. Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права / Под ред. и с предисл. В.А.Томсинова. – М., 2000.

34 Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: Теория и судебная практика. – СПб., 2002. – С. 491. К аналогичному выводу пришла Л.А.Новоселова. См.: Новоселова Л.А. Указ. соч. – С. 207.

35 Лапач В.А. Указ. соч. – С. 492.

36 Для обоснования своей позиции В.А.Лапач ссылается на М.Швабе. Анализ приводимых им цитат М.Швабе даёт основание полагать, что главная идея М.Швабе состоит в критике существовавшей в классическом римском представлении дихотомии вещных и обязательственных прав, что наравне с ними существуют особые права – права участия в корпорации, и эти права имеют абсолютную, но не относительную природу. См.: Лапач В.А. Указ. соч. – С. 492–494.

37 Фатхутдинов Р.С. Правовые проблемы уступки доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 11–14.

38 Фатхутдинов Р.С. Уступка доли в уставном капитале ООО: теория и практика. – М., 2009.

39 Новоселова Л.А. Указ. соч. – С. 208.

40 В.А.Белов совершенно верно подчеркивает, что «та или иная квалификация юридической формы так называемых корпоративных отношений обуславливает состав подлежащих применению к ним гражданско-правовых норм». См.: Белов В.А. К проблеме гражданско-правовой формы корпоративных отношений. – С. 8.

14. Гримм Д. Соотношение между юридическими институтами и конкретными отношениями // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича (по изд. 1915 г.). – М., 2005.
15. Гританс Я.М. Корпоративные отношения: Правовое регулирование организационных форм. – М., 2005.
16. Ельяшевич В. Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве. – СПб., 1910.
17. Ем В.С. Категория обязанности в советском гражданском праве (вопросы теории): Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1981.
18. Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР // Избранные труды по гражданскому праву. – Ч. 1. – М., 2000.
19. Кавелин К.Д. Избранные произведения по гражданскому праву. – М., 2003.
20. Каминка А.И. Очерки торгового права (по изд. 1912 г.). – М., 2002.
21. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: Теория и судебная практика. – СПб., 2002.
22. Лапач В.А. Субъективные гражданские права и основания их возникновения // Журнал российского права. – 2001. – № 10.
23. Ломакин Д.В. Корпоративное право: «новые» способы нерешения старых проблем // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11.
24. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. – М., 2008.
25. Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Объекты гражданского оборота: Сборник статей / Отв. ред. М.А.Рожкова. – М., 2007.
26. Петражицкий Л.И. Акционерная компания. – СПб., 1898.
27. Писемский П.А. Акционерные компании с точки зрения гражданского права. – М., 1876.
28. Пахомова Н.Н. Основы теории корпоративных отношений: правовой аспект. – Екатеринбург, 2004
29. Пахомова Н.Н. Цивилистическая теория корпоративных отношений. – Екатеринбург, 2005.
30. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М.Мариничевой, А.В.Немировской, З.А.Скляновой, Р.М.Скляновой и В.М.Ширяева» // СЗ РФ. – 2003. – № 17. – Ст. 1657.
31. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 10/22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестник ВАС. – 2010. – № 5.
32. Сарбаш С.В. Восстановление корпоративного контроля // Вестник гражданского права. – 2008. – № 4.
33. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. – М., 2000.
34. Степанов Д.И. Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. – 2009. – № 3.
35. Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву (по изд. 1990 г.). – М., 2000.
36. Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях (по изд. 1879–1880 гг.). – М., 2003.
37. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. – Л., 1959.
38. Фатхутдинов Р.С. Правовые проблемы уступки доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.
39. Фатхутдинов Р.С. Уступка доли в уставном капитале ООО: теория и практика. – М., 2009.
40. Флейшиц Е.А. «Абсолютная» природа права собственности // Проблемы гражданского права. – Л., 1962;
41. Цитович П.П. Очерк основных понятий торгового права (по изд. 1886 г.). – М., 2001.
42. Шершеневич Г.Ф. Философия права. – Т. 1. Часть теоретическая: Общая теория права. – Вып. третий. – М., 1912.
43. Шиткина И.С. Парадигма и парадоксы корпоративного права // Предпринимательское право. – 2010. – № 1.
44. Щенникова Л.В. Вещное право: Учеб. пособ. – Краснодар, 2004.

EURASIAN LEGAL PORTAL

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

Наш портал состоит из следующих разделов:

- ✓ Законопроекты
- ✓ Принятые законы
- ✓ Судебная практика
- ✓ Пресс-релизы
- ✓ Юридические статьи
- ✓ Юридические вузы
- ✓ Юридическая школа в лицах
- ✓ Новости
- ✓ Наши партнеры
- ✓ Институт законодательства
- ✓ Бесплатная юридическая консультация

www.eurasialegal.info

Целями проекта являются:

1. Создание информативной актуальной научной базы в области права для успешного ориентирования в современном юридическом мире.

2. Свободный обмен теоретическими и практическими знаниями в области права в рамках стран Содружества Независимых государств (СНГ).

Наша задача заключается в постоянном усовершенствовании портала, предоставлении полной и достоверной информации пользователям, внедрении новых актуальных проектов, интересных юридических источников и привлечении к развитию проекта профессиональных юристов для взаимовыгодного сотрудничества.

Садриева Р.Р.

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ У НЕЁ В СООТВЕТСТВИИ С РЕАЛИЗАЦИЕЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГАРАНТИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ФЕДЕРАЛЬНЫМИ ЗАКОНАМИ

В статье рассмотрены некоторые аспекты гражданско-правовой ответственности Российской Федерации по обязательствам, возникающим в соответствии с реализацией государственных гарантий.

Ключевые слова: государственные гарантии, Российская Федерация, ответственность государства.

Sadrieva R.R.

FEATURES OF CIVIL LAW RESPONSIBILITY OF THE RUSSIAN FEDERATION UNDER IT'S OBLIGATIONS ARISING ACCORDING TO REALIZATION OF THE STATE GUARANTEES PROVIDED BY FEDERAL LAWS

In the article some aspects of civil law responsibility of the Russian Federation under the obligations arising according to realization of the state guarantees are considered.

Keywords: state guarantees, Russian Federation, responsibility of the state.

Одной из основных функций государства является обеспечение социальной защиты населения. В этой связи принимаются законы, которые предусматривают наличие дополнительных гарантий для отдельных категорий граждан, например льготы по проезду в общественном транспорте или по предоставлению услуг связи. Государство не только исполняет законодательную и социальную функции, но и является субъектом гражданских прав и обязанностей.

Исходя из смысла и общих начал гражданского права, которые закреплены в статье 1 Гражданского кодекса РФ, следует, что участники регулируемых гражданским правом отношений задействованы в них на основе принципа равенства. Данный принцип равенства субъектов гражданских отношений раскрывается через равный объём прав и обязанностей, а также ответственности по своим обязательствам. Он также устанавливает, что ни один субъект гражданского права не может иметь преимущества перед другими субъектами гражданских правоотношений. Согласно пункту 1 статьи 8 ГК РФ гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных законом.

Как отмечает по этому поводу А.В.Белов, равенство участников гражданских правоотношений подразумевает их юридическое равенство по отношению друг к другу, или, иначе, отсутствие меж ними юридических отношений власти-подчинения.¹

Глава 5 ГК РФ регулирует правовой статус таких субъектов гражданского права, как РФ, субъекты РФ и муниципальные образования, так называемых публично-правовых образований. Фактически в данной главе устанавливаются особенности ответственности государства перед контрагентами, которые являются базовыми для разрешения вопросов в сфере ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств государства по контрактам.²

Согласно части 2 статьи 124 ГК РФ к публично-правовым образованиям применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов.

Ответственность публично-правовых образований закреплена в ст. 126 ГК РФ. Статья 127 ГК РФ устанавливает, что особенности ответственности Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, с участием иностранных юридических лиц, граждан и государств определяются законом об иммунитете государства и его собственности.

Однако в судебной практике при разрешении конкретных дел выясняется наличие иммунитета государства по своим обязательствам в отношении с российскими юридическими и физическими лицами. Между тем эти особенности ответственности Российской Федерации не закреплены ни в ГК РФ, ни в иных федеральных законах, что свидетельствует о незаконности такого иммунитета.

Из вышеизложенного следует (и это общеизвестный факт), что РФ не может использовать свои свойства суверенитета и иммунитета при вступлении в гражданские правоотношения.

Исключением из принципа равной гражданской ответственности Российской Федерации по своим обязательствам является следующая судебная практика.

Решением Арбитражного суда города Москвы от 24 мая 2004 года с Министерства финансов Российской Федерации было взыскано за счет казны Российской Федерации в пользу ОАО «Центральная телекоммуникационная компания» 92989135,62 рублей убытков, возникших у истца вследствие недостаточного финансирования в 2000–2002 годах возмещения расходов, связанных с предоставлением льгот по Федеральному закону «О ветеранах» и неисполнением государством своих обязательств по указанному финансированию в полном объеме. Девятый арбитражный апелляционный суд города Москвы, установив, что в федеральном бюджете на 2000, 2001 и 2002 год средства на компенсацию затрат предприятий услуг связи были предусмотрены не в полном объеме, руководствуясь положением пункта 2 статьи 124 ГК Российской Федерации, указал, что в силу особенностей государства как субъекта гражданского права при отсутствии средств в бюджете данный субъект не может рассматриваться как причинитель вреда; удовлетворение иска привело бы к фактическому пересмотру бюджета и нанесению вреда неограниченному кругу лиц, и Постановлением от 1 сентября 2004 года решение суда первой инстанции отменил, в удовлетворении иска отказав. Постановлением Федерального арбитражного суда Московского округа от 25 октября 2004 года решение апелляционной инстанции оставлено без изменения. Определением Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 19 января 2005 года ОАО «Центральная телекоммуникационная компания» было отказано в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации для пересмотра в порядке надзора постановлений апелляционной и кассационной инстанций.³ Дальнейшее оставление в силе постановления Девятого арбитражного апелляционного суда города Москвы говорит

1 Практика применения Гражданского кодекса РФ, части 1 / Под общ. ред. В.А.Белова // СПС «КонсультантПлюс».

2 Трапезников В.А. Особенности правового статуса государства как участника инвестиционных отношений // СПС «КонсультантПлюс».

3 Определение Конституционного суда РФ № 297-О от 05.07.2005 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Открытого акционерного общества «Центральная телекоммуникационная компания» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 статьи 124 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

о том, что вышестоящие инстанции согласились с выводами апелляционного суда.

Таким образом, арбитражным судом были сделаны следующие выводы относительно статуса РФ как особого субъекта гражданского права:

1. В силу особенностей государства как субъекта гражданского права при отсутствии средств в бюджете данный субъект не может рассматриваться как причинитель вреда.

2. Удовлетворение иска привело бы к фактическому пересмотру бюджета и нанесению вреда неограниченному кругу лиц.

Ясно, что такая ситуация устанавливается государством в целях ограничения или исключения собственной имущественной ответственности, что нарушает основополагающий принцип равенства его с другими участниками гражданских правоотношений. Отсутствие бюджетных средств становится безусловным основанием к отмене любых обязательств государства, хотя в гражданском праве, как давно известно, отсутствие у должника необходимых денежных средств никогда не являлось и не могло стать основанием освобождения его от ответственности (п. 3 ст. 401 ГК РФ). Это само собой разумеющееся для обычного участника имущественного оборота правило, по сути, парализуется, а федеральное государство, используя законодательные возможности публичной власти, вновь поставило себя в привилегированное положение, нарушив принцип равенства в отношении других участников гражданского оборота (п. 1 ст. 124 ГК РФ).⁴

Данную ситуацию верно квалифицировал В.А.Трапезников: государство, являясь участником частноправовых и публично-правовых отношений, очень часто оказывается в таком положении, когда, с одной стороны, оно должно соблюсти публичные интересы, за которыми стоит все общество в целом, а с другой – подчиниться нормам гражданского права, отражающим интересы частного лица в конкретном деле, что часто приводит к конфликту указанных интересов.⁵

В этой связи считаем, что сделанные арбитражным судом выводы не соответствуют ни теории гражданского права, ни сложившейся судебной практике в силу следующего.

Статьей 16 ГК РФ установлено, что убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежат возмещению Российской Федерации или муниципальным образованием. Это норма носит общий характер. Далее она раскрывается в ст. 1069 ГК РФ, предусматривающей, что «вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования».

Также в пункте 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» изложена следующая правовая позиция: недопустимо ограничение источников взыскания путем указания на взыскание только за счет средств бюджета, поскольку такое ограничение противоречит статьям 126, 214, 215 ГК РФ. В данном случае действует

общее правило об ответственности публично-правового образования всем принадлежащим ему на праве собственности имуществом, составляющим казну.⁶

Таким образом, арбитражные суды не имели права отказывать в иске на том основании, что в бюджете на соответствующий год не были предусмотрены средства на данные нужды, так как РФ (и иные публично-правовые образования) отвечает по своим долгам имуществом казны, а не только средствами бюджета, соответственно, бюджет не должен был быть пересмотрен. Между тем Э.В.Талапина отмечает, что государственного (муниципального) имущества, на которое можно обратить взыскание, не так много, и это утверждает многих экспертов во мнении, что возмещение вреда за счет казны означает в основном его возмещение за счет средств бюджета. Косвенно такой вывод подтверждается позицией судов, выраженной в совместном Постановлении Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».⁷

Также в подтверждение неправомерности сделанных выводов приводим следующую судебную практику (когда по аналогичным делам были приняты противоположные решения).

Постановлением Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 03.07.2007 по делу № А51-6522/2006-22-183 была поддержана позиция нижестоящих судов, которыми было удовлетворены требования краевого государственного унитарного предприятия «Примтеплоэнерго» о взыскании из федерального бюджета денежных средств в размере 101882 рубля 19 копеек на реализацию льгот, предусмотренных Федеральным законом «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Аналогичная позиция о взыскании денежных средств из федерального бюджета на реализацию льгот, предусмотренных федеральным законодательством, содержится в следующих судебных актах:

– постановлении Федерального Арбитражного Суда Восточно-Сибирского округа от 15 июля 2008 г. № А19-18543/07-61-Ф02-3214/08 по взысканию задолженности за счёт средств федерального бюджета в связи с предоставлением льгот Федеральным законом «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»;

– постановлениях Федерального Арбитражного Суда Восточно-Сибирского округа от 27 сентября 2006 г., дело № А33-32727/04-с2-ф02-4880/06-с2 и А33-32727/04-с2-ф02-4904/06-с2; от 9 февраля 2006 г., дело № А19-8515/05-53-Ф02-97/06-С2; от 18 июня 2007 г., дело № А33-11837/06-Ф02-3012/07; от 7 июля 2008 г., дело № А19-14387/07-53-Ф02-3021/08 по взысканию задолженности за счёт средств федерального бюджета в связи с предоставлением льгот, установленных Федеральным законом «О ветеранах»;

– постановлениях Федерального Арбитражного Суда Восточно-Сибирского округа от 17 января 2008 г. № А19-5918/07-Ф02-9767/0716096800 – об удовлетворении иска о взыскании убытков, возникших в связи с предоставлением льгот, установленных Федеральным законом «О пожарной безопасности», законами Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», «О милиции», «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

Анализируя судебную практику по делам о взыскании денежных средств с Российской Федерации, можно прийти к выводу, что подобные иски удовлетворяются в том случае, если заявленная сумма имеет небольшой размер, что является в корне неверным.

4 Суханов Е.А. Об ответственности государства по гражданско-правовым обязательствам // СПС «КонсультантПлюс».

5 Трапезников В.А. Указ. соч.

6 Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7 Талапина Э.В. Проблемы имущественной ответственности государства // СПС «КонсультантПлюс».

По этому поводу Е.А.Сухановым было верно отмечено, что любые законы и нормативные акты, «не обеспеченные источниками финансирования» либо «противоречащие» названным законам о федеральном бюджете, просто «не подлежат исполнению». Следовательно, закон о бюджете стал у нас своего рода «суперзаконом», подлинной «экономической конституцией», имеющей силу едва ли не большую, чем настоящая Конституция, ибо прежде, чем применять любой закон или подзаконный нормативный акт, следует убедиться в его полном соответствии закону о бюджете (то есть в полной обеспеченности бюджетным финансированием), а вовсе не Конституции или иным законам!⁸

В статье 2 Конституции закреплено, что государство выступает гарантом прав и свобод граждан (это в равной степени касается и юридических лиц, так как за ними также всегда скрывается имущественный интерес граждан). Между тем в реальной жизни бывают случаи, когда само государство

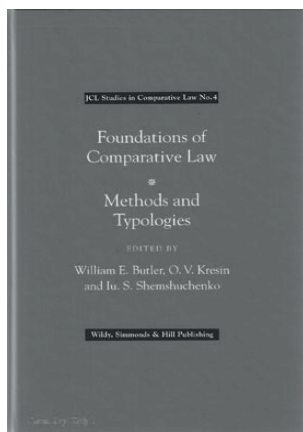
⁸ Суханов Е.А. Указ. соч.

нарушает гарантируемые им же самим имущественные права граждан.

В целях устранения в судебной практике случаев исключения ответственности публично-правовых образований по своим долгам предлагаем включить в статью 16 ГК РФ пункт 2, закрепляющий безусловную обязанность государства (муниципальных образований) возмещать расходы за счёт средств казны физическим и юридическим лицам, за счёт средств которых происходила реализация социальных гарантий, предусмотренных гражданским законодательством.

Пристатейный библиографический список

1. Суханов Е.А. Об ответственности государства по гражданско-правовым обязательствам // СПС «КонсультантПлюс».
2. Талапина Э.В. Проблемы имущественной ответственности государства // СПС «КонсультантПлюс».
3. Трапезников В.А. Особенности правового статуса государства как участника инвестиционных отношений // СПС «КонсультантПлюс».

ISBN13: 9780854900923

ISBN: 0854900926

Published: April 2011

Publisher: Wildy, Simmonds and Hill Publishing

Country of Publication: UK

Binding: Hardback

Price: £65.00

НОВЫЙ УСПЕХ УКРАИНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

В апреле 2011 г. произошло знаковое событие – впервые опубликована англоязычная антология украинской и российской юридической компаративистики. Сборник «Основы сравнительного права: методы и типологии» (Foundations of comparative law: methods and typologies) под редакцией профессора Пенсильванского университета, иностранного члена НАН Украины Уильяма Эллиота Батлера, директора Института государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины, академика НАН Украины Юрия Шемшученко и заведующего Центром сравнительного правоведения Института государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины, члена-корреспондента Международной академии сравнительного права Алексея Кресина был издан в Лондоне в издательстве «Вайлди, Саймондз и Хилл» сразу в двух вариантах – как отдельный номер «Журнала сравнительного права» (Journal of Comparative Law, 2010, Issue One) и в книге (Foundations of comparative law: methods and typologies / Ed. by WE Butler, OV Kresin, Ju.S. Shemshuchenko – London: Wildy, Simmonds & Hill Publishing, 2011. – 354 p.).

Следует отметить, что мировой науке украинские и российские разработки в области сравнительного правоведения практически неизвестны и недоступны ввиду языкового барьера. Именно поэтому новое издание имеет является уникальным и будет способствовать популяризации достижений нашей юридической науки в мире. Опубликованные в сборнике материалы были уже ранее апробированы как открытые лекции или выступления на ежегодных компаративистских конференциях, которые с 2006 г. организуются Институтом государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины и Украинской ассоциацией сравнительного правоведения совместно с другими организациями-партнерами, и опубликованы в соответствующих изданиях.

Книга состоит из шести разделов, в которые вошли 19 статей, а также вступления и библиографии публикаций Украинской ассоциации сравнительного правоведения. Авторами материалов являются Уильям Эллиотт Батлер (Карлайл, США), Юрий Шемшученко (Киев), Алексей Кресин (Киев), Людмила Луць (Львов), Виталий Оксамытный (Москва), Мехман Дамирли (Одесса), Александр Ткаченко (Киев), Юрий Тихомиров (Москва), Хашматулла Бехруз (Одесса), Алексей Саломатин (Пенза), Ольга Скакун (Симферополь), Роман Ромашов (Самара), Александр Тихомиров (Киев), Александр Костенко (Киев), Евгений и Ольга Харитоновы (Одесса), Михаил Марченко (Москва), Дмитрий Лукьянов (Харьков), Александр Смикалин и Владимир Мотревич (Екатеринбург), Сергей Шаляпин (Архангельск).

Как отмечают издатели в аннотации к сборнику, «это первая книга за многие десятилетия, в которой рассматриваются исторические, правовые и методологические основы современных сравнительно-правовых исследований в постсоветских странах; беспрецедентными являются широкий круг ее авторов и методологическая оригинальность. Для западного читателя она представляет всеобъемлющее репрезентативное введение в новую волну сравнительно-правовых исследований на территории СНГ».

Сенников Н.Л.

ИННОВАЦИОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО, ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Глобальные мировые экономические проблемы, вызванные кризисом финансовых систем лидирующих в экономических отношениях стран, определили проблемы, решение которых будет способствовать развитию инновационной экономики в России и обеспечит привлечение инвестиций в Hi-Tech производства различных секторов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: инновационное предпринимательство, интеллектуальная промышленная собственность, гражданское право.

Sennikov N.L.

INNOVATIVE BUSINESS, FINANCIAL CRISIS AND THE INTELLECTUAL INDUSTRIAL PROPERTY

Global world economic problems caused by the crisis in the financial systems of the leading economic relations of countries, identified problems whose solution will contribute to the development of an innovative economy in Russia and will attract investments in the Hi-Tech production of various sectors of business.

Keywords: innovative business, intellectual industrial property, civil law.

Глобальные мировые экономические проблемы, вызванные кризисом финансовых систем лидирующих в экономических отношениях стран, определили проблемы, решение которых будет способствовать развитию инновационной экономики в России и обеспечит привлечение инвестиций в Hi-Tech производства различных секторов предпринимательской деятельности.

Для определения проблемных вопросов, не позволяющих в настоящее время обеспечить привлечение инвестиций в реальные секторы экономики России, прокомментируем статью президента группы «Онэксим» М. Прохорова «Русская инновационная головоломка»¹ в контексте права интеллектуальной промышленной собственности.

1. Трудности инновационного прорыва (реализации прав интеллектуальной промышленной собственности в гражданском обороте)

На современном этапе развития производственно-предпринимательских отношений в глобальном экономическом обороте товаров, оплачиваемых видов работ доля российской интеллектуальной собственности и человеческого капитала, основанного на объективных интеллектуальных творческих результатах, крайне незначительна,² поэтому о суверенитете возможности реализации исключительных имущественных прав на объекты промышленной собственности говорить невозможно, так как защита прав должна предполагать прежде всего либерализацию процедуры регистрации прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, технические ноу-хау.

Процессы глобализации предпринимательских инициатив, конечно же, не знают границ,³ но предположение, что отсутствие возможности регистрировать исключительные имущественные права и невозможность создания условий, обеспечивающих их последующую охрану при использовании в гражданском обороте, ставит под сомнение обеспечение прав конкуренции на отечественных рынках. Поэтому реализация масштабных национальных проектов, связанных с инновациями, и решение системных задач, направленных на применение эффективных мер интенсификации производственно-предпринимательской деятельности на основе Hi-Tec, практически затруднены.

Это определяет невозможность реализации плановых решений, связанных с масштабным производством инновационной продукции, основанным на использовании исключительных имущественных прав на объекты интеллектуальной промышленной собственности.⁴ Поэтому инновационные реформы, утверждающие абстрактную концепцию, эксплуатирующую конкурентные преимущества, основанные только на монополии естественных ресурсов, не могут привести к развитию наукоемких производств и созданию конкурентоспособной продукции.⁵

Рекомендуемые юридические мероприятия в области гражданско-правового регулирования отношений интеллектуальной промышленной собственности:

- необходимо протокольно упростить процедуру подачи, регистрации исключительных имущественных прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы; уменьшить ставку патентных платежей для достижения цели привлечения максимального количества изобретателей, рационализаторов (все расходы на патентование должны финансироваться из соответствующих бюджетных и внебюджетных фондов, призванных содействовать развитию изобретательского творчества);

- следует дополнить § 5 «Получение патента» главы 72 «Патентное право» Гражданского кодекса РФ положением, стандартизирующим процедуру подачи заявки на объект интеллектуальной промышленной собственности через Internet, что обеспечит де бюрократизацию процедуры оформления заявки на получение патента;

- необходимо определить в п. 2–3 § 5 «Получение патента» главы 72 «Патентное право» Гражданского кодекса РФ ограничительное условие, предусматривающее предельный период проведения процедуры проверки критериев патентоспособности, в случае нарушения которого патент на объект интеллектуальной промышленной собственности должен быть выписан исполнительным органом государственной власти автоматически.

⁴ Невозможность возникновения гражданских прав и обязанностей, осуществления и защиты гражданских прав и обязанностей (см. гл. 2 ГК РФ).

⁵ Что предполагало бы законную способность определить правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления прав собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллектуальной творческой деятельности и приравненные к ним индивидуализации (интеллектуальная собственность), регулирования договорных и иных обязательств, а также других имущественных и личных неимущественных отношений, основанных на равенстве, автономной воли и имущественной самостоятельности хозяйствующих субъектов (см.: п. 1 ст. 2 ГК РФ).

¹ См.: Прохоров М. Русская инновационная головоломка // http://expert.ru/printissues/expert/2008/42/russkaya_innovacionnaya_golovolomka.

² См.: Михайлов А. Патент в России меньше чем патент // Российская газета. – 2007. – 27 декабря // www.rg.ru/2007/12/27/patent.html.

³ См.: ст. 7 «Гражданское законодательство и нормы международного права» ГК РФ.

2. Факторы, обеспечивающие возможность эффективной коммерциализации интеллектуальной промышленной собственности

Первым фактором, конечно же, следует признать экономико-географико-геологические преимущества России, которые обуславливают возможность интенсификации процессов добычи, первичной переработки и снижения негативных последствий техногенного характера промышленных процессов добычи, транспортировки природных ресурсов.

Следовательно, начиная с этого этапа, необходимо под контролем государства организовать тендеры на разработку НИОКР, результатами которых будут изобретения, полезные модели, промышленные образцы в этой области первичного производства естественных ресурсов.⁶

Для этого необходимо проведение подробной инвентаризации основных производственных средств предприятий в этой области производственно-предпринимательской деятельности с целью установления приоритетов изобретательской инновационной деятельности.

Поскольку в России в соответствии с п. 2 ст. 8 Конституции РФ признается и законодательно защищается равным образом частная, государственная, муниципальная, смешанные формы собственности, а в п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса РФ подтверждаются принципы равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обязанностей, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты, то хозяйствующие субъекты, относящиеся к различным формам собственности, могут не согласиться с проведением подобных инвентаризаций.

Следовательно, проведение подобных инспекций должно согласовываться законом и претворять получение стимулов для развития производственной базы (основных, оборотных производственных средств) или сопровождаться соответствующими фискальными контрольными функциями исполнительных органов государственной власти, полномочно рассматривающих вопросы целевого финансирования программ развития производственной инфраструктуры хозяйствующего субъекта на основании его правоспособности и дееспособности.⁷

Рекомендуемые юридические мероприятия в области гражданско-правового регулирования отношений интеллектуальной промышленной собственности:

- необходимо изменить название ст. 1225 Гражданского кодекса РФ следующим образом: «Охраняемые объективные результаты интеллектуальной творческой деятельности и средства индивидуализации», – для подтверждения юридической конкретики права, предусматривающей в общем положении 4 части Гражданского кодекса РФ определения первой составляющей – ОБЪЕКТА, а далее по тексту кодекса – СУБЪЕКТОВ, СОДЕРЖАНИЯ права интеллектуальной собственности;

- поскольку интеллектуальная собственность – это исключительные имущественные права и личные неимущественные права (см. ст. 1226 ГК РФ), а не способ правовой охраны,⁸ как это утверждается в действующей редакции рассматриваемой статьи, то п. 1 ст. 1225 Гражданского кодекса РФ необходимо представить так: «1. Объективными результатами интеллектуальной творческой деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий являются...» (далее по тексту статьи);

6 Договорного выполнения научно-исследовательских работ, обусловленных техническим заданием, что предполагает по договору на выполнение опытно-конструкторских и технологических работ разработку необходимого образца нового изделия, подготовку конструктивной документации на него или новой технологии промышленного применения в гражданском обороте (см. гл. 38 ГК РФ).

7 См. ст. 49, 52 и др. ГК РФ.

8 Подобный способ защиты гражданских прав в ст. 12 ГК РФ не упоминается.

- пункт 2 ст. 1225 Гражданского кодекса РФ необходимо дополнить следующим образом: «Интеллектуальная собственность охраняется законом или договором», так как некоторые объекты интеллектуальной собственности могут охраняться в режиме коммерческой тайны, и, соответственно, в данном случае защита интересов хозяйствующих субъектов будет достигаться договорными обязательствами.

3. Осуществление комплексных мероприятий государства и бизнеса для решения приоритетных национальных программ в области интенсификации производственно-предпринимательской деятельности на основе Hi-Tec⁹

Комплексные мероприятия государства и бизнеса в области реализации национальных проектов, связанных с инновациями и решением системных задач, направленных на применение эффективных мер интенсификации производственно-предпринимательской деятельности на основе Hi-Tec, включают систему технопарков, предполагающих концепцию функционирования самостоятельных, не связанных друг с другом инновационных проектов, основанных на цепочках отношений автор (идея) – правообладатель (НИОКР) – хозяйствующий субъект (правообладатель, коммерциализирующий объективный результат промышленной собственности).

Переход от действующих технопарков к научным системным интеграторам, действующим во всех информационно-индустриальных странах, определяет постановку задачи на основе отбора наиболее значимых, эффективных объективных результатов интеллектуальной промышленной собственности, контроль за применением которых до производства готового товара, оплачиваемых видов работ осуществляет автор, правообладатель.

Государство с учетом сведений, полученных при инвентаризации производственных мощностей хозяйствующих субъектов (см. п. 2 статьи) и в соответствии с национальными программами:

- определяет приоритетные направления развития научно-технической деятельности;
- создает фонды бюджетного и внебюджетного финансирования для развития изобретательской деятельности;
- учреждает информационный банк интеллектуальной собственности, аккумулирующий сведения об объектах интеллектуальной промышленной собственности для дальнейшего эффективного использования в гражданском обороте;¹⁰

- принимает соответствующие законы, обеспечивающие заинтересованность хозяйствующих субъектов в создании, коммерциализации изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, технических ноу-хау (законодательство о разделе продукции, обозначающее приоритеты государственной экономики, налоговые льготы, беспроцентные кредиты, иные стимулы,¹¹ гарантирование государством рискованных договоров НИОКР, так как результат интеллектуальной творческой деятельности не определен).

Рекомендуются следующие юридические мероприятия в области гражданско-правового регулирования отношений интеллектуальной промышленной собственности.

Необходимо отменить ст. 1246 «Государственное регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности» Гражданского кодекса РФ. Демократическое федеральное правовое государство с республиканской формой правления (см. п. 1 ст. 1 Конституции РФ) не может регулировать отношения интеллектуальной собственности, оно может гарантировать права и свободы автора, правообладателя (см. ст. 2 Конституции РФ), единство экономического пространства,

9 См.: Послание Президента РФ Федеральному собранию отмечает первоочередность решения задач, связанных с интеллектуальным капиталом и интеллектуальной собственностью // <http://regnum.ru/news/1079115.html>.

10 См.: Сенников Н. Эффективная реализация исключительных прав в предпринимательском обороте интеллектуальной промышленной собственности. – 2008. – № 8. – С. 46–50.

11 См.: ст. 1355 ГК РФ.

свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, обеспечение свободы экономической деятельности (см. п. 1 ст. 8 Конституции РФ). Исполнительный орган государственной власти по интеллектуальной собственности является не субъектом отношений, а функциональным участником, осуществляющим регистрацию исключительных имущественных прав, их движение в гражданском обороте и поэтому, учитывая название и содержание ст. 1246 Гражданского кодекса РФ, данную норму необходимо отменить, так как она нарушает основы конституционного строя (см. гл. 1 Конституции РФ) и общих положений Гражданского кодекса РФ, поскольку по тексту статьи получается, что государство регулирует отношения интеллектуальной собственности, а не гражданско-правовое законодательство (п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса РФ). Государство может быть участником отношений интеллектуальной собственности только в качестве хозяйствующего субъекта права, участниками отношений интеллектуальной промышленной собственности

могут быть только граждане и законные правообладатели (граждане, юридические лица).¹²

Пристатейный библиографический список

1. Михайлов Л. Патент в России меньше чем патент // Российская газета. – 2007. – 27 декабря // www.rg.ru/2007/12/27/patent.html.
2. Послание Президента РФ Федеральному собранию отмечает первоочередность решения задач, связанных с интеллектуальным капиталом и интеллектуальной собственностью // <http://regnum.ru/news/1079115.html>.
3. Прохоров М. Русская инновационная головоломка // http://expert.ru/printissues/expert/2008/42/russkaya_innovacionnaya_golovolomka.
4. Сенников Н. Эффективная реализация исключительных прав в предпринимательском обороте интеллектуальной промышленной собственности. – 2008. – № 8.

¹² См.: п. 1 ст. 2 ГК РФ; ст. 1347–1348 ГК РФ.

«Новая адвокатская газета» – корпоративное издание нового типа, появление которого обусловлено коренными переменами, произошедшими в адвокатском сообществе России после принятия Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Являясь органом Федеральной палаты адвокатов РФ, издание не преследует цель выступать в роли указующего или направляющего перста, представляя интересы той или иной части корпорации или группы лиц, а позиционирует себя как выразитель интересов всей российской адвокатуры. Принципиальное значение при этом имеет закрепленная Законом организация адвокатского сообщества, основанная на обязательном членстве каждого адвоката в адвокатской палате субъекта Федерации, являющейся в свою очередь членом ФПА РФ. Рассматривая в качестве высших ценностей адвокатского сообщества заложенные в Законе принципы независимости, самоуправления, корпоративности и равноправия адвокатов, газета оценивает события государственной и общественной жизни и действия тех или иных лиц с точки зрения соответствия данным принципам. Выступая органом корпорации юристов-профессионалов, газета рассматривает профессионализм как главное качество адвоката и уделяет первостепенное внимание проблемам учебы и практического опыта коллег в различных отраслях права.

Основными направлениями издания являются:

- оперативное информирование о деятельности и решениях ФПА;
- освещение взаимоотношений адвокатуры с государственными и общественными институтами;
- освещение корпоративной жизни адвокатских палат;
- рассказ о созданных адвокатами прецедентах в национальной и международной судебной практике, публикация наиболее интересных решений судов;
- ответы на вопросы, волнующие адвокатов и адвокатские образования;
- взаимодействие с информационными изданиями адвокатских палат;
- поддержка общественно значимых инициатив адвокатов и адвокатских образований;
- информирование о наиболее важных событиях из жизни иностранной адвокатуры, о сотрудничестве российских и зарубежных адвокатских образований и адвокатов.

Адрес редакции: 119002, г. Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43
Тел.: (495) 787-28-35 Тел./факс: (495) 787-28-36
E-mail: advgazeta@mail.ru, press@advpalata.com

Филатова М.А.

О ПРЕДМЕРЕ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ ОБОРУДОВАНИЯ

Статья является результатом научно-практического исследования одного из существенных условий договоров – предмета договора в общем и предмета договора поставки оборудования в частности.

Ключевые слова: предмет договора, объект договора, существенные условия, договор поставки, договор купли-продажи, вещь, товар, монтаж, комплекс услуг, смешанный договор, техническая документация.

Filatova M.A.

ABOUT THE SUBJECT OF THE CONTRACT OF DELIVERY OF EQUIPMENT

The article is a result of scientific and practical research of one of the essential conditions of contracts – a contract subject in general and a subject of the contract of delivery of equipment in particular.

Keywords: contract subject, object of the contract, essential conditions, delivery contract, bargain and sale contract, thing, goods, installation, complex of the services, mixed contract, engineering specifications.

Филатова М.А.

Общеизвестно, что необходимым условием для признания договора заключенным является выполнение требования законодательства о согласовании сторонами всех его существенных условий. Предмет договора, в соответствии с абзацем вторым п. 1 ст. 432 ГК РФ, является одним из таких условий и назван он в данной норме первым среди иных вариантов существенных условий. К сожалению, законодатель только назвал предмет договора существенным условием любого договора, но не раскрыл само понятие «предмет договора», что вызывает различные толкования, как в доктрине, так и при практическом применении права, в том числе и в судебной практике.

Так что же такое предмет договора? Ответ на этот вопрос представляется наиболее важным и для теории права, и для правоприменения не только потому, что предмет договора назван законодателем существенным условием, но и потому, что в Гражданском кодексе Российской Федерации «предмет договора» упоминается 76 (!) раз, но при этом ГК РФ не содержит самого понятия «предмет договора». В теории права существенные условия договора подразделяются на объективно и субъективно существенные.¹ Предмет договора относится к объективно существенным, поскольку необходимость согласования сторонами этого условия установлена законом, и данное положение не может быть изменено по решению сторон.

Традиционно самый общий подход при рассмотрении вопроса о понятии предмета договора позволяет определить его как то, по поводу чего заключен договор, на что направлено регулирующее воздействие воли сторон по договору.

Кстати говоря, относительно предмета соглашения ещё в римском праве существовало два различных мнения: предметом его является содержание обязательства (дать, сделать, предоставить – dare, facere, praestare); предмет соглашения – тот объект, на который распространяется обязательство (вещи, деньги, работы, услуги).²

Позднее, уже в дореволюционном гражданском праве также можно встретить определение предмета договора: в статье 1528 Свода законов гражданских (т. X, ч. I) дореволюционной России подчеркивалось: «Договор составляется по взаимному согласию договаривающихся лиц. Предметом его могут быть или имущества, или действия».³

В настоящее время о предмете договора в научном мире продолжается давняя дискуссия, и выделяются различные подходы к его определению. Один из них определяет предмет

договора, а вернее сказать, предмет обязательства, вытекающего из договора, как действия (или бездействие), которые должна совершить (или от совершения которых должна воздержаться) обязанная сторона. Соответственно, предметом договора купли-продажи и поставки являются действия продавца (поставщика) по передаче товара в собственность покупателя и действия покупателя по принятию этого товара и уплате за него установленной цены. Кроме того, весьма часто встречается позиция, согласно которой предметом договора предлагается считать объекты материального мира (или объекты имущественных прав, если рассматривать их в юридическом поле), и зачастую в ряде современных изданий предмет договора купли-продажи сводится к товару (его наименованию и количеству), подлежащему передаче покупателю.⁴

И, наконец, достаточно широкое распространение получила позиция, согласно которой для определения предмета гражданско-правового договора необходимо учитывать элементы обязательственного правоотношения по договору и, соответственно, при определении предмета договора исходить из предмета регулируемого им обязательственного правоотношения.⁵ Данной позиции последовательно придерживается В.В.Витрянский, в частности, он полагает: «...что, анализируя предмет всякого гражданско-правового договора, мы имеем в виду договор как правоотношение, причем правоотношение обязательственное. В этом смысле понятие «предмет договора» тождественно понятию «предмет обязательства».⁶

Такой подход к предмету гражданско-правового договора приводит ученых к выводу о том, что в некоторых типах договоров – таких как договоры о передаче имущества – предмет договора характеризуется неединичностью своего состава, а именно включает в себя несколько видов объектов прав. Этот подход носит наименование концепции двух родов объектов правоотношений, согласно которой предметом таких договоров, как купля-продажа, мена признаются два объекта: во-первых, действия сторон по передаче имущества (передаче денег), а во-вторых, само имущество и уплачиваемый за него эквивалент. В данном случае объектом первого рода служат действия обязанного лица, а роль объекта второго рода играет вещь, которая в результате такого действия должна быть передана (или изготовлена). Так, О.С.Иоффе писал о том, что предмет купли-продажи неизбежно должен воплощаться не в одном, а в нескольких – материальных, юридических

1 Чауская О.А. Гражданское право: Учебник для студ. образовательных учреждений сред. проф. образования. – М., 2007.

2 Хуыз М.Х. Римское частное право: Курс лекций / Под ред. С.А.Чибирева. – М.: Былина, 2003. – С. 105.

3 Законы гражданские / Сост. И.М.Тютрюмов. – СПб.: Законоведение, 1908. – С. 1528.

4 Гражданское право: Учебник / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. – Ч. II. – М., 1997. – С. 9; Гражданское право России. – Часть вторая: Обязательственное право: Курс лекций. – С. 12–13.

5 Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. – Книга вторая: Договоры о передаче имущества. – 4-е изд. – М.: Статут, 2002. – С. 22.

6 Там же. – С. 156.

и волевых – объектах. При этом под материальными объектами договора купли-продажи О.С.Иоффе понимал продаваемое имущество и уплачиваемую за него денежную сумму; под юридическими объектами – действия сторон по передаче имущества и уплате денег; под волевыми объектами – индивидуальную волю продавца и покупателя в пределах, в каких она подчинена регулирующему их отношения законодательству.⁷ Во многом по сути аналогичного подхода сегодня придерживается и Н.Д.Егоров: «В качестве объекта гражданского правоотношения выступает поведение его субъектов, направленное на различного рода материальные и нематериальные блага».⁸

Концепции предмета договора купли-продажи, согласно которым предмет договора может включать объекты различного рода, не согласуются с классическим пониманием в теории права объекта правоотношения как реального блага, на использование или охрану которого направлены субъективные права и юридические обязанности.⁹ Однако надо признать, что приведенная выше концепция, утверждающая неединичность предмета договора, в большей мере отражает специфику обязательственных правоотношений, в которых права и обязанности сторон, в первую очередь, направлены на совершение соответствующих действий в отношении определенных имущественных благ. Так, И.Б.Новицкий пишет: «Различие вещных и обязательственных прав проводится по объекту права: если объектом права является вещь, то перед нами право вещное; если объектом права служит действие другого лица, так, что субъект права может лишь требовать совершения условленного действия (или воздержания от него), – это право обязательственное».¹⁰

Таким образом, необходимо признать, что при рассмотрении объекта договорных правоотношений и предмета договора следует исходить из того, что некоторые правоотношения и договоры могут иметь неединичные объект и предмет.

Определив общие положения предлагаемого подхода к пониманию объекта и предмета и их соотношения с гражданско-правовым договором, перейдем к анализу употребления этих терминов в законе.

Законодательство РФ оперирует и термином «объект договора», и термином «предмет договора», зачастую отождествляя их и не делая различия. Так, например, согласно статье 673 ГК РФ, «объектом договора найма жилого помещения может быть изолированное жилое помещение, пригодное для постоянного проживания (квартира, жилой дом, часть квартиры или жилого дома)».¹¹ В статье 607 ГК РФ говорится об объектах договора аренды, к которым кодекс относит земельные участки и другие обособленные природные объекты, предприятия и другие имущественные комплексы, здания, сооружения, оборудование, транспортные средства и другие вещи, которые не теряют своих натуральных свойств в процессе их использования (непотребляемые вещи). Объект также называется законодателем и в статье 740 ГК РФ: «По договору строительного подряда подрядчик обязуется в установленный договором срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы...».

Данный термин встречается и в правоприменительной практике. В частности, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ нередко в определениях употребляет термин «объект договора купли-продажи»;¹² в контексте Постановления Федерального арбитражного суда Центрального округа указывается на объект договора субаренды¹³ и т. д.

7 Иоффе О.С. Обязательственное право. – М., 1975. – С. 206.

8 Гражданское право. – Т. 1. Учебник / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого.

9 Теория государства и права: Учебник. – Екатеринбург, 1996. – С. 349.

10 Новицкий И.Б. Римское право. – М., 1998. – С. 74.

11 СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

12 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18 июня 2002 г. № 5-Г02-71 (документ опубликован не был).

13 Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 19 ноября 2002 г. № А54-1245/02-С16 (документ опубликован не был).

Что касается законодательного употребления термина «предмет договора» в Российской Федерации, то здесь ситуация такова: понимание под предметом договора объектов гражданских прав уже давно стало привычным. ГК РФ для некоторых видов договоров прямо определяет предмет. Так, предметом договора финансовой аренды могут быть любые непотребляемые вещи, используемые для предпринимательской деятельности, кроме земельных участков и других природных объектов; объект строительства составляет предмет договора строительного подряда; иностранная валюта и валютные ценности могут быть предметом договора займа на территории РФ; лицензионный договор должен предусматривать предмет договора путем указания на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации, право использования которых предоставляется по договору.

Как представляется, данная законодательная ошибка имеет место в результате недостаточно внимательного отношения к понятиям, недостаточного учета семантики слов. В результате мы имеем смешение объекта договора с предметом договора, что вызывает различные дискуссии и толкования и, в целом, негативно сказывается на правовой системе России.

Тем временем в законодательстве США, которое развивается непрерывно и последовательно без катаклизмов и революций с 1787 г., с момента принятия Конституции США, мы обнаруживаем более последовательную позицию законодателя. Гражданский кодекс Калифорнии определяет предмет договора следующим образом: «Предметом договора является то, что сторона, получившая встречное удовлетворение, согласилась делать или не делать» (параграф 1595).¹⁴

Для сравнения можно привести правовую систему Беларуси, развивающуюся в пределах независимого государства лишь около десяти с лишним лет: согласно пункту 3 Постановления Пленума Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь от 16 декабря 1999 г. № 16 «О применении норм Гражданского кодекса Республики Беларусь, регулирующих заключение, изменение и расторжение договоров», под предметом договора понимается наименование передаваемого товара, выполняемой работы, оказываемой услуги.¹⁵ Здесь предмет материального мира или обязательство, по поводу которого складываются правоотношения, отождествляется с их наименованием. На основе изложенного полагаем, что предметом договора необходимо считать действия (или бездействие), которые должна совершить (или от совершения которых должна воздержаться) обязанная сторона по поводу объекта договора – объекта материального мира: вещи, товары, товаров, которые в результате таких действий должны быть переданы (или изготовлены). Таким образом, необходимо отметить, что объект договора будет составной (неотъемлемой) частью предмета договора. В целях демонстрации практической значимости указанных правовых категорий перейдем к рассмотрению предметов и объектов договоров купли-продажи, поставки и смежных с ними договоров.

В российском законодательстве определение предмета договора купли-продажи впервые предусмотрено, но не названо напрямую, в ст. 454 ГК РФ: «По договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену)», объект договора купли-продажи определен в ст. 455 ГК РФ: «Товаром по договору купли-продажи могут быть любые вещи с соблюдением правил, предусмотренных статьей 129 настоящего Кодекса». По договору купли-продажи предусмотрена продажа вещи (товара), т. е. индивидуально-определенных и родовых вещей. В статье 506 ГК РФ обозначен и предмет, и объект договора поставки: «По

14 California Civil Code 1872 г., section 1595 // Official site for California legislative information, <http://www.leginfo.ca.gov/cgi-bin/displaycode?section=civ&group=01001-02000&file=1595-1599>.

15 Вестник ВАС РФ. – 2000. – № 3. – С. 106–114.

договору поставки поставщик-продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязуется передать в обусловленный срок или сроки производимые или закупаемые им товары покупателю для использования в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием». Соответственно предметом договора будут действия обязанных лиц (передать...), объектом поставки здесь уже являются производимые или закупаемые продавцом товары. Прежде всего, это товары (во множественном числе), определяемые родовыми признаками. Договор поставки оперирует именно термином «товары», тем самым законодатель делает акцент на преимущественно оптовой продаже товаров в рамках договора поставки. При этом, обращаясь к договору купли-продажи, законодатель смешивает понятия «товар» и «вещь»: «Товаром по договору купли-продажи могут быть любые вещи...» (п. 1 ст. 455 ГК РФ), т. е. подразумевается однозначность терминов. С другой стороны, в ст. 456 эти понятия уже различаются: ведь если речь идет о товаре, то обязанность продавца считается исполненной при передаче товара (п. 1), а при продаже вещи (акцент на индивидуально-определенные качества) продавец обязан передать покупателю все ее принадлежности, техническую документацию и т. д. (п. 2). Нелогичность данной статьи проявляется в следующем: при заключении договора купли-продажи машины (индивидуально-определенная вещь) или при заключении договора на продажу комплекта оборудования или партии машин (родовой признак) требуется обязательная передача всех принадлежностей, в том числе и технической документации.

По признаку различия предметов договоров строится их юридическая независимость. Различие договора купли-продажи и договора поставки очевидно. Но необходимо отметить, что отграничить договоры купли-продажи и поставки от смежных с ними можно при помощи анализа одного из элементов предмета договора – его объекта. И если, как уже отмечалось, объектом договора поставки выступают товары, производимые или закупаемые продавцом, то в договоре купли-продажи недвижимости объектом выступает всегда индивидуально-определенная вещь, отвечающая признакам недвижимого имущества, т. е. прочно связанная с землей; в договоре контрактации в качестве объекта выступают только товары сельскохозяйственного назначения – сельскохозяйственная продукция, непосредственно полученная в хозяйстве производителя (зерно, овощи, фрукты, а также живой скот, птица, молоко, овечья шерсть и т. п.).¹⁶

Объект договора розничной купли-продажи – это товары, предназначенные для потребления населением, а не для предпринимательской деятельности. В договоре энергоснабжения объектом является энергия. Кроме того, некоторые специалисты выделяют договор оптовой купли-продажи, где объектом выступают товары, предназначенные для последующей продажи конечным потребителям в организациях розничной торговли, а именно так называемые товары народного потребления, к коим относятся вещи, предназначенные для продажи населению в целях личного, семейного, домашнего использования, не связанного с предпринимательской деятельностью.

Особенная сложность в разграничении договора поставки и договора подряда возникает в том случае, когда объект в этих договорах может совпадать, и договор поставки содержит ряд обязанностей поставщика оказывать покупателю комплекс услуг (монтаж, сборка, наладка). Н.И.Клейн советует учитывать при разграничении договоров основное содержание обязанностей участников сделки.¹⁷ Иногда предлагается использовать другой критерий – количество передаваемого для обработки материала. Именно этот критерий упоминается в ст. 3 Венской

конвенции 1980 г.¹⁸ Соответственно преобладание материала подразумевает юридическую форму – договор подряда.

Существует концепция, что разграничение договоров следует проводить по критерию объекта. Так, если покупатель имеет намерение приобрести товар (объект), а комплекс работ и / или услуг для него второстепенен, то этот договор следует отнести к поставочным. При преобладании интереса покупателя к работам, нежели к объекту, договор признается подрядным. Но, во-первых, бывают уникальные ситуации, когда для покупателя важен и объект, и комплекс работ, во-вторых, намерение покупателя не всегда прямо указывается в договорах.

Разумеется, договор, в котором отражается интерес покупателя и к работам, и к объекту, в соответствии со ст. 421 ГК РФ может называться смешанным, и именно эту позицию занимают суды при рассмотрении данного вида договоров. Хотя, наш взгляд, это тип договора с дополнительным комплексом услуг, т. е. с расширенным предметом договора, где обязанность сторон заключается не только в передаче объекта, но и совершении ряда иных действий (например, монтаж, пусконаладка).

Предмет поставки имеет специфику во внешнеэкономических договорах, уже хотя бы потому, что внешнеэкономические контракты именуется договорами международной купли-продажи товаров, при этом термины «купля-продажа» и «поставка» употребляются как равнозначные. Регулирование поставочных отношений осуществляется в немалой степени Конвенцией ООН о договорах международной купли-продажи товаров, в которой не существует особого раздела (статьи), регулирующего предмет договора. Все относящееся непосредственно к предмету и объекту договора сосредоточено в гл. 1 «Сфера применения и общие положения». В статье 2 Конвенции методом исключения обозначается круг объектов договора международной купли-продажи товаров. Возможно, при подготовке Конвенции учитывался юридический лексикон нескольких стран, что и отразилось на терминологии этого документа. Это выражается прежде всего в том, что совершено не разграничиваются понятия «купля-продажа» и «поставка» и не определяются названия для договорных отношений, касающихся тех товаров, которые не вошли в перечень объектов Конвенции. Но при этом Конвенция решает проблему соотношения предмета международной купли-продажи товаров и предмета толлинга (договора на переработку давальческого сырья, относящегося к категории бартерных сделок), обозначая как основной разграничительный критерий количество давальческого сырья. Таким образом, «обязательство стороны поставить существенную часть материалов, необходимую для изготовления или производства товаров», свидетельствует о подрядном характере договора. Однако подобная позиция, некогда популярная в российской юридической литературе, немного устарела. Практические примеры наглядно свидетельствуют о возникновении и развитии более сложных договорных отношений, в которых не так легко определить юридическую природу договора. Одним из примеров таких отношений являются заключаемые сторонами международные договоры поставок и монтажа машинного оборудования, для регулирования которых Европейской экономической комиссией разработаны Общие условия экспортных поставок и монтажа машинного оборудования.¹⁹

Специальное регулирование потребовалось в связи с тем, что договор поставки (по международной классификации – договор купли-продажи) и монтажа машинного оборудования более всего напоминает договор подряда (даже стороны такого договора именуется подрядчиком и покупателем). Предметом этого договора являются действия сторон по поставке товара (машин, оборудования) с обеспечением комплекса услуг, в который входят осуществление монтажных работ,

16 Гражданское право: Учебник: В 2 т. / Отв. ред. Е.А.Суханов. – М., 2000. – Т. II. – Подл. 1. – С. 330.

17 Клейн Н.И., Петров И.Н. Комментарий к Положениям о поставках продукции и товаров. – М., 1978. – С. 166.

18 Вестник ВАС РФ. – 1994. – № 1.

19 Розенберг М.Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. – М.: Междунар. центр финансово-экономического развития, 1996. – С. 498–523.

проведение проверки и испытания оборудования, подготовительные работы, обучение персонала покупателя и гарантийное обслуживание. В договорах данного вида зачастую предмет договора определяет большую склонность к подрядным отношениям, «перевешивают» поставочные обязательства. Но все же это договор поставки, хотя и нетипичный.

Юридическая практика свидетельствует о том, что за последние десятилетия договор внешнеэкономической поставки видоизменился. В частности, выделяют следующие виды договора поставки машин: традиционный договор поставки машин; торговля комплексным оборудованием для целого предприятия; торговля машинами и средствами транспорта в разобранном виде. Всё большую роль в договорных отношениях играет техническая документация. Можно с уверенностью сказать, что техническая документация – это существенная часть предмета таких договоров. Таким образом, напрашивается вывод о том, что указанные виды договоров – это разновидность договора поставки (а так как поставка в Гражданском кодексе РФ является разновидностью купли-продажи, то целесообразнее говорить о поставке оборудования как о разновидности договора купли-продажи).

Как уже отмечалось, юридическая независимость договора строится по признаку различия предметов или, при совпадении предметов договора, по признаку объектов договора. Специфика договора поставки оборудования заключается именно в его предмете, так как поставщик не ограничивает свои обязанности исключительно поставкой (передачей) товара. Как правило, в предмет договора также входят: обязательства поставщика по монтажу или шефмонтажу оборудования, вводу его в эксплуатацию, техническое обслуживание, обучение специалистов покупателя, гарантийное и постгарантийное обслуживание (включая поставку запчастей к эксплуатируемым машинам в бесперебойном режиме).

Говоря о самостоятельности договора поставки оборудования, необходимо выделить его существенные положения.

Во-первых, это договор поставки, так как он обладает всеми существенными признаками данного вида договора: стороны договора являются субъектами предпринимательской деятельности, и оборудование предназначается для использования в предпринимательских или иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним или иным подобным потреблением. Но договор поставки специфический, так как предмет договора поставки оборудования включает в себя обязанность продавца (поставщика) не только произвести или закупить оборудование для целей последующей продажи (передачи покупателю), но и оказать комплект дополнительных услуг. Во-вторых, договор поставки оборудования имеет свой специфический объект – «оборудование», т. е. машины, приборы, материалы и предметы, которые продавец должен поставить согласно договору. Более того, оборудование – это в преимущественном большинстве случаев индивидуально-определённая вещь, что означает, что передаваться она должна в соответствии со ст. 456 ГК РФ и должна быть передана покупателю со всеми ее принадлежностями, а также относящимися к ней документами. И здесь необходимо ещё раз упомянуть особую роль технической документации, к которой относят любые чертежи или документы технического характера, предназначенные для изготовления или монтажа оборудования.

Права и обязанности сторон договора поставки оборудования шире, чем договора поставки. Так, поставщик, кроме обязанности передать оборудование покупателю, имеет обязанности по передаче соответствующей технической документации, монтажу (или шефмонтажу) оборудования, проведению обучения персонала покупателя, обслуживающего поставляемое оборудование, проведения проверки и испытания оборудования (ввод в эксплуатацию). А покупатель, кроме обязанности принять и оплатить оборудование, обязан обеспечить хранение оборудования до момента проведения монтажа, создать условия для проведения монтажа: обеспе-

чить полную строительную готовность помещения, в котором будет установлено оборудование, к определенному сроку; подвести необходимые для функционирования оборудования мощности (электроэнергия, газ, вода); обеспечить условия для специалистов поставщика при проведении монтажа; подобрать персонал для обслуживания оборудования.

И, говоря о расширенных правах, нельзя не упомянуть и о расширении ответственности, так она наступает за невыполнение любого из действий, указанных в предмете договора.

Подведем итоги и сделаем выводы. Предмет договора – это определяющее начало всей сделки, указывающее на нормы права, применяемые к договору. Неоднозначное, двусмысленное, неопределенное обозначение предмета договора либо его сомнительное содержание позволяют в случае судебного спора повернуть ход процесса в другую сторону, дают возможность коренным образом изменить суть арбитражного дела. Договор поставки оборудования, обладая специфическим предметом, не урегулирован в российском праве, да и современная судебная практика достаточно редко обращает внимание на соответствие названия договора его содержательной части и редко указывает на классификационную принадлежность договора. В самом судебном процессе сделка с элементами различных договоров рассматривается как смешанный договор.

Объект договора – это то, на что непосредственно направлены действия сторон, – объекты материального мира, к которым относятся: вещи, товары, объекты недвижимости, сельскохозяйственная продукция и другие, многие из которых названы законодателем. На наш взгляд, необходимо внести в главу 30 ГК РФ § 3.1 «Поставка оборудования», который позволит сторонам сделок строить свои отношения на более высоком правовом уровне, а судам упростит порядок рассмотрения споров и выбор применяемых норм права. При этом предмет договора поставки оборудования необходимо сформулировать следующим образом: «По договору поставки оборудования поставщик-продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязуется передать в обусловленный срок или сроки производимое или закупаемое им оборудование покупателю для использования в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием, и оказать комплекс услуг по его установке, пуско-наладке, обучению персонала и гарантийному обслуживанию».

Объектом договора поставки оборудования является «оборудование»: машины, приборы, материалы и предметы, которые продавец-поставщик должен закупить или изготовить и установить в соответствии с чертежами или документами технического характера, служащими для изготовления или монтажа оборудования.

Пристатейный библиографический список

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. – Книга вторая: Договоры о передаче имущества. – 4-е изд. – М.: Статут, 2002.
2. Гражданское право: Учебник / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. – Ч. I–II. – М., 1997.
3. Гражданское право: Учебник / Отв. ред. Е.А.Суханов. – Т. II. – М., 2000.
4. Законы гражданские / Сост. И.М.Тютрюмов. – СПб.: Законодательство, 1908.
5. Иоффе О.С. Обязательственное право. – М., 1975.
6. Клейн Н.И., Петров И.Н. Комментарий к Положениям о поставках продукции и товаров. – М., 1978.
7. Новицкий И.Б. Римское право. – М., 1998.
8. Розенберг М.Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. – М.: Междунар. центр финансово-экономического развития, 1996.
9. Теория государства и права: Учебник. – Екатеринбург, 1996.
10. Хуыз М.Х. Римское частное право: Курс лекций / Под ред. С.А.Чибириева. – М.: Былина, 2003.
11. Чаусская О.А. Гражданское право: Учебник для студ. образовательных учреждений сред. проф. образования. – М., 2007.

Корлякова Н.В.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СУЩНОСТИ И ПОНЯТИЯ ЛИЦЕНЗИОННОГО ДОГОВОРА И ДОГОВОРА КОММЕРЧЕСКОЙ КОНЦЕССИИ

В работе проводится сравнительно-правовой анализ сущности и дифференцирующих признаков лицензионного договора и договора коммерческой концессии. Определяется отличие в целях договоров, позволяющее выделить общую позитивную сущность договоров, но влекущее их различное содержание.

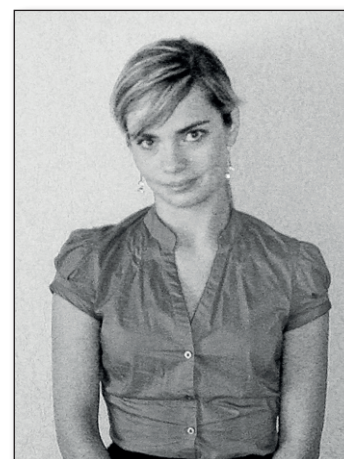
Ключевые слова: лицензионный договор, договор коммерческой концессии, сущность договора, цель договора, исключительное право, объект интеллектуальной собственности, комплексность.

Korlyakova N.V.

COMPARATIVE ANALYSIS OF ESSENCES AND DEFINITIONS OF LICENSE AND FRANCHISE AGREEMENTS

The article contains the legal comparative analysis of the license and the franchise agreements, their main characteristics and essences. The author analyses the difference in the aims of contracts that helps to define their common positive essence, but also leads to their different content.

Keywords: license agreement, franchise agreement, contract aim, exclusive rights, object of intellectual property, complexity.

Корлякова Н.В.

Особенностью договора коммерческой концессии является возможность применения к нему с момента вступления в силу четвертой части ГК РФ и соответствующих изменений статьи 1027 ГК РФ положений о лицензионном договоре в части, не противоречащей закону и сущности договора коммерческой концессии.

Необходимо отметить, что и лицензионный договор, и договор коммерческой концессии в некоторых аспектах шире друг друга по содержанию, что позволяет обособить две рассматриваемые договорные конструкции. Соответственно для наиболее правильного определения сферы применения норм о лицензионном договоре к договору коммерческой концессии следует глубоко изучить природу данных договоров и сферу применимых к обоим договорам норм.

Согласно ст. 1235 ГК РФ по лицензионному договору одна сторона – обладатель исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (лицензиар) – предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования такого результата или такого средства в предусмотренных договором пределах. В соответствии со ст. 1027 ГК РФ по договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау).

По мнению И.В.Бекленищевой, основными необходимыми и достаточными признаками, позволяющими квалифицировать гражданско-правовой договор, являются соглашение и правовая цель как направленность на установление юридических последствий (кауза).¹ При этом представляется, что именно кауза в узком смысле, как цель и направленность отдельного вида сделки, является определяющим признаком договора. Таким образом, при сравнении природы лицензионного договора и договора коммерческой концессии следует прежде всего исходить из особенностей целей и интересов сторон, которые, соответственно, влекут дифференциацию содержания и условий договоров.

В отношении лицензионных договоров существует две основные точки зрения на их сущность: негативная (А.А.Пиленко) – отказ от прав запрещения² и позитивная (Г.Штумпф)³ – передача лицензиаром лицензиату части прав. Если рассматривать лицензию только как отказ правообладателя от своего права, то существо лицензионного обязательства заключается в бездействии. Если же рассматривать лицензию как передачу лицензиаром лицензиату позитивного права, то со стороны лицензиара будет недостаточно воздержаться от каких-либо мер, направленных на пресечение использования лицензиатом объекта договора, он должен сделать всё возможное, чтобы обеспечить лицензиату возможность такого использования. Только позитивное право обуславливает многочисленные обязанности лицензиара. Наконец, ответственность лицензиара за недостатки проданной лицензии может быть выведена только из позитивного права, которое лицензиар передал лицензиату. При этом российское определение лицензионного договора содержит указание именно на предоставление, то есть передачу права использования объекта, а не на разрешение использования путем воздержания от препятствования.

Кроме того, нормы о лицензионном договоре в отношении товарного знака, содержащиеся в ст. 1489 ГК РФ, подразумевают контроль за качеством производимой и реализуемой с использованием товарного знака продукции, ответственность лицензиара по требованиям, предъявляемым к лицензиату как изготовителю товаров, солидарно с лицензиатом, что подразумевает наличие иных, помимо отказа от запрещения использования, обязательств лицензиара. Таким образом, позиция российского законодателя позволяет сделать вывод, что лицензионный договор включает в себя и разрешение правообладателя на использование конкретного объекта интеллектуальной собственности, и непосредственное предоставление данного объекта в пользование.

При этом в отношении договора коммерческой концессии данная сложность в определении сущности отсутствует, так как одна из основных обязанностей правообладателя – техническая и организационная поддержка пользователя, передача ему деловой репутации и коммерческого опыта. Таким образом, договор коммерческой концессии, несмотря на наличие определенных условий, запрещающих сторонам некоторые действия и содержащих в себе негативный элемент, все же также имеет позитивную сущность.

1 Бекленищева И.В. Понятие гражданско-правового договора (сравнительно-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004. – С. 15.

2 Пиленко А.А. Право изобретателя. – М.: Статут, 2001. – С. 587.

3 Штумпф Г. Лицензионный договор: Пер. с нем. / Под ред. и со вступ. ст. М.М.Богуславского. – М.: Прогресс, 1988. – С. 30–31.

Отличительным свойством договора коммерческой концессии является, в том числе, то, что в качестве обеих сторон договора коммерческой концессии (правообладателя и пользователя) могут выступать лишь лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность: коммерческие организации либо индивидуальные предприниматели. Данное положение, содержащееся в ст. 1027 ГК РФ, является вполне логичным, исходя из цели и объектов договора.

Как было указано ранее, при определении сущности договора коммерческой концессии принципиальное значение имеет цель предоставления пользователю права использовать комплекс исключительных прав, принадлежащих правообладателю. Речь идет не только о том, что объекты исключительных прав в соответствии с договором коммерческой концессии должны использоваться в предпринимательской деятельности пользователя, но и о том, что правообладатель, заключая договор коммерческой концессии, преследует цель создания производственной, торговой или сбытовой сети для продвижения своих товаров или услуг, расширения рынка их сбыта. Соответственно правообладатель в значительной степени заинтересован в исполнении собственных позитивных обязательств по договору.

Лицензионный договор, как и договор коммерческой концессии, следует признать двусторонне обязывающим (или взаимным) договором, по которому обе стороны принимают на себя соответствующие права и обязанности. Однако, исходя из указанных выше сущности и цели договора коммерческой концессии, значительной спецификой отличается его содержание, круг прав и обязанностей сторон договора. Правообладатель, наделяя пользователя правом на использование комплекса исключительных прав, должен оказывать пользователю техническое и консультативное содействие, обучать его работников, контролировать качество производимых товаров (работ, услуг). Пользователь, в свою очередь, обязан соблюдать инструкции правообладателя, в том числе указания по вопросам внешнего и внутреннего оформления коммерческих помещений.

Особые взаимоотношения, складывающиеся между правообладателем и пользователем, являющимся (в экономическом смысле) одним из звеньев товаропроизводящей сети правообладателя, делают необходимыми специальные правила, исключающие ситуацию, когда деятельность пользователя способствует ужесточению конкуренции на рынке соответствующих товаров (работ, услуг) либо наносит ущерб интересам правообладателя. Поэтому договор коммерческой концессии может включать в себя условия о различного рода ограничениях деятельности пользователя.

В связи с применением к договору коммерческой концессии в части, не противоречащей гл. 54 ГК РФ и сущности договора, норм о лицензионном договоре следует отметить, что необходимым элементом предмета договора коммерческой концессии является предоставление правообладателем пользователю комплекса исключительных прав, а не объектов интеллектуальной собственности, хотя, например, ст. 1028 ГК РФ упоминает договор коммерческой концессии на использование именно объекта, охраняемого патентным законодательством, а не исключительного права. Исходя из толкования данной нормы, возможно сделать вывод о том, что предмет лицензионного договора и договора коммерческой концессии не совпадают по сущности.

Статья 1229 ГК РФ указывает на то, что исключительное право включает в себя право использования объекта интеллектуальной собственности, а также право распоряжения им.

В соответствии со ст. 1233 ГК РФ правообладатель может распорядиться принадлежащим ему исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации любым не противоречащим закону и существу такого исключительного права способом, в том числе путем его отчуждения по договору другому лицу

(договор об отчуждении исключительного права) или предоставления другому лицу права использования соответствующих результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации в установленных договором пределах (лицензионный договор). Таким образом, ГК РФ предусматривает предоставление в пользование результата интеллектуальной деятельности и отчуждение исключительного права, что, по сути, означает отчуждение самого объекта, по договору об отчуждении исключительного права. Данные договоры имеют разную правовую природу и, соответственно, разный способ регулирования.

При этом в п. 13.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 29 от 26.03.2009 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁴ указано, что договор, предусматривающий отчуждение права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, но в то же время вводящий ограничения по способам использования соответствующего результата или средства либо устанавливающий срок действия этого договора, с учетом положений статьи 431 Кодекса может быть квалифицирован судом как лицензионный договор. При отсутствии такой возможности договор подлежит признанию недействительным (статья 168 ГК РФ).

Исходя из толкования указанного положения, можно сделать вывод о том, что законодатель называет главным отличием лицензионного договора от договора об отчуждении исключительного права наличие ограничений в использовании объекта договора. Тем не менее, речь не идет о передаче права распоряжения объектом, так как при передаче и права пользования, и права распоряжения объектом, по сути, будет передано исключительное право на объект, которое подразумевает отсутствие ограничений в осуществлении правообладателем своих правомочий.

Однако отсутствие ограничений использования объекта со стороны правообладателя возможно лишь при заключении договора об отчуждении исключительного права, а не в случае заключения договора коммерческой концессии, который подразумевает не только ограничения прав обеих сторон, но также вводит обязанности по контролю за использованием объекта.

В коммерческой концессии договор об отчуждении исключительного права и лицензионный договор оказались «сплетенными». Согласно ст. 1027 ГК РФ по договору коммерческой концессии передаются исключительные права, но при этом во всех остальных положениях действуют нормы о лицензионном договоре.

Но исключительное право потому и названо исключительным, что к новому владельцу переходят все права, принадлежащие правообладателю, в полном объеме. Если же объем прав, возникающий у пользователя, ограничен, то о передаче исключительного права говорить некорректно. В данном случае природа объекта лицензионного договора аналогична природе объекта договора коммерческой концессии.

Следует отметить, что в соответствии со ст. 128 ГК РФ в прежней редакции объектом гражданских прав являлись результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность), что фактически могло привести к выводу о том, что право на результаты интеллектуальной деятельности может являться отдельным объектом гражданского права.⁵ Данное мнение о самостоятельности такого объекта оборота,

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26.03.2009 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был.

⁵ См.: Коршунов Н.М. Право интеллектуальной собственности: российская модель // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. – № 1. – С. 10–18.

как «исключительное право», до сих пор существует в теории.⁶ В настоящее время в объекты гражданских прав в соответствии со ст. 128 ГК РФ включены охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность), что означает, что само по себе право на данные объекты не является объектом гражданских прав, то есть и формулировка «отчуждение исключительного права», содержащаяся в ст. 1027 ГК РФ, является не вполне корректной.

По лицензионному договору передается не само исключительное право на результат интеллектуальной деятельности (или его часть), а только право использования этого результата,⁷ которое носит обязательственный характер. Исключительное право при этом по-прежнему остается у правообладателя, и он вправе передать его по договору об отчуждении или распорядиться им любым иным законным способом.⁸ Отдельное исключительное право не может быть передано в пользование, так как одна из его составляющих – право распоряжения объектом интеллектуальной собственности – остается у правообладателя. Пользователь в данном случае лишь использует с правообладателем один и тот же объект, однако с разным объемом правомочия по использованию, то есть составляющей части исключительного права.

Соответственно, объекты указанных договоров совпадают, при этом объектом договора коммерческой концессии, как и лицензионного договора, являются не «исключительные права», как указано в ст. 1027 ГК РФ, а объекты интеллектуальной собственности, то есть результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации.

Необходимым элементом предмета договора коммерческой концессии, в отличие, в том числе, и от лицензионного договора, является предоставление правообладателем пользователю комплекса исключительных прав в формулировке ст. 1027 ГК РФ, если же быть точнее – в комплексе объектов интеллектуальной собственности. Специфика объекта (объекты интеллектуальной собственности) отличает договор коммерческой концессии от всякого иного договора, относящегося к категории договоров, направленных на передачу имущества, а комплексный характер объекта – одно из отличий от лицензионных договоров, подтвержденное также судебной практикой.⁹ При этом возникает вопрос, почему по такой «конструкции» можно передавать, например, право на товарный знак совместно с другим исключительным правом, а право на товарный знак без сопутствующей «нагрузки» уже передать нельзя.¹⁰ Получается, что если по договору передается лишь товарный знак, однако для его использования надлежащим образом необходимы постоянный контроль и техническая поддержка со стороны лицензиара, то есть, по сути, лицензиар и лицензиат несут все обязанности, предусмотренные для договора коммерческой концессии, то данный договор не будет признан и зарегистрирован в качестве договора коммерческой концессии, и при возникновении спора суд будет применять нормы о лицензионном договоре. Вероятно, в данной ситуации имеет место предоставление также и ноу-хау лицензиара, так как техническая и организационная поддержка связаны с

сообщением определенной информации, которая, исходя из своего содержания, должна носить характер ноу-хау, то есть, согласно ст. 1465 ГК РФ, сведений любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведений о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны. Тем не менее, если сведения имеют коммерческую ценность, однако в отношении них не введен режим коммерческой тайны, комплексности объекта также не будет, и для защиты своих прав лицензиар будет не вправе использовать нормы о договоре коммерческой концессии; если же информация имеет статус ноу-хау, то в данном случае для классификации и регулирования данного договора в качестве договора коммерческой концессии будет необходимо оценивать комплексность объекта договора, что также является проблематичным, в том числе и в судебной практике.¹¹ При этом договор коммерческой концессии помимо ряда специфических обязанностей сторон предоставляет возможность ограничивать взаимно и права сторон (ст. 1033 ГК РФ), в некоторой мере ограничивая конкуренцию в целях развития бизнеса, что, как правило, выгодно сторонам. Представляется, что в силу значительной распространенности на мировом рынке именно договора коммерческой концессии, предоставляющего множество дополнительных возможностей сторонам вне зависимости от комплексности объекта договора,¹² в данном случае признак комплексности является нецелесообразным и затрудняющим расширение бизнеса для потенциальных правообладателей по договору коммерческой концессии. Основными дифференцирующими признаками договора коммерческой концессии являются повышенное количество обязанностей на стороне правообладателя и значительный объем условий, ограничивающих права сторон договора. При этом установление комплексности объекта в качестве обязательного условия договора коммерческой концессии не соответствует интересам лиц в случае, когда их воля фактически направлена на заключение договора коммерческой концессии, однако договор не может быть признан таковым в результате формальных требований и именуется лицензионным. Соответственно, целесообразно исключить из обязательных условий договора коммерческой концессии указание на комплексность объекта и закрепить императивно в рамках предмета договора обязательности коммерческой, технической и организационной помощи, оказываемой правообладателем пользователю, оставляя выбор конструкции договора на усмотрение сторон, исходя из их интересов и вне зависимости от формальных требований законодательства к объекту договора.

Вывод о том, что комплексность объекта играет de facto значительную роль в отделении лицензионного договора от договора коммерческой концессии и при этом вызывает проблемы в ее оценке, подтверждается судебной практикой, содержащей при этом понятие «комплексные лицензионные договоры»¹³ (см. ФАС Западно-Сибирского округа).¹⁴

При этом представляется, что наличие обязательных объектов в виде товарного знака или знака обслуживания играет существенное значение для специфики договора. Именно при

6 См., напр.: Рузакова О.А. Система договоров о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007. – С. 220.

7 Подробнее о праве пользования см.: Александров Е.Б. Особенности гражданско-правового регулирования договора патентной лицензии в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 110.

8 Зуйкова А.П. Промышленная собственность предприятий на перекрестке законов. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Экономико-правовой бюллетень. – 2007. – № 4. – С. 135.

9 Постановление ФАС Центрального округа от 17.03.2003 по делу № А14-14722/2008/492/10. Документ опубликован не был; Постановление ФАС Уральского округа № Ф09-1360/09-С6 от 16.07.2008 по делу № А60-16477/2008-С2. Документ опубликован не был.

10 См.: Зуйкова А.П. Промышленная собственность предприятий на перекрестке законов. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. – М.: АКДИ «Экономика и жизнь», 2007. – С. 124.

11 См., напр.: Постановление ФАС Поволжского округа от 17 ноября 2005 г. № А65-2110/04-СГ3-28. Документ опубликован не был.

12 Регламент Комиссии ЕС № 4087/88 от 30.11.88 // Official Journal 359, 28/12/1988 // http://www.eff-franchise.com/eulevel_document3_ecc_4087_1988.

13 По данному вопросу см. также: Егоров В.В. Лицензии и лицензионные соглашения применительно к промышленной собственности в международной торговле по праву России, США, Великобритании и Германии: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 158.

14 Постановление ФАС Западно-Сибирского округа № Ф04/1591-202/А81-99 от 11.08.1999. Документ опубликован не был.

индивидуализации производимого или реализуемого товара у пользователя возникает ответственность за формирование деловой репутации правообладателя и за возможность введения потребителей в заблуждение. Товарный знак (знак обслуживания) играет значительную роль для продвижения товара на рынке, соответственно он, как правило, требует необходимой репутации, поддержки со стороны правообладателя в производстве индивидуализируемых товаров, контроля качества, особенностей в антимонопольном регулировании и так далее. Именно поэтому следует сохранить в ст. 1027 ГК РФ указание на данный обязательный объект договора.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что договор коммерческой концессии обладает специфическими характеристиками, которые влияют на последующее содержание данных договоров и их дефиниции. Соответственно необходимо унифицировать определения данных договоров для повышения прозрачности их системы и целей применения, а также учитывать указанные выше особенности для усовершенствования последующего регулирования.

Пристатейный библиографический список:

1. Александров Е.Б. Особенности гражданско-правового регулирования договора патентной лицензии в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.
2. Бекленищева И.В. Понятие гражданско-правового договора (сравнительно-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004.
3. Егоров В.В. Лицензии и лицензионные соглашения применительно к промышленной собственности в международной торговле по праву России, США, Великобритании и Германии: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
4. Зуйкова Л.П. Промышленная собственность предприятий на перекрестке законов. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. – М.: АКДИ «Экономика и жизнь», 2007.
5. Коршунов Н.М. Право интеллектуальной собственности: российская модель // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. – № 1.
6. Пиленко А.А. Право изобретателя. – М.: Статут, 2001.
7. Рузакова О.А. Система договоров о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007.
8. Штумпф Г. Лицензионный договор: Пер. с нем. / Под ред. и со вступ. ст. М.М.Богуславского. – М.: Прогресс, 1988.

Коллегия адвокатов Республики Башкортостан «Муратов и партнеры»

Коллегия адвокатов Республики Башкортостан «Муратов и партнеры» осуществляет деятельность по оказанию юридической помощи гражданам и юридическим лицам с начала 2003 года. С 2006 года наша коллегия является коллективным членом ассоциации (союза) адвокатских образований Гильдии российских адвокатов.

За прошедшее время в нашей коллегии сформировался профессиональный коллектив, объединивший высококвалифицированных адвокатов, где наряду с сотрудниками, имеющими огромный опыт работы в правоохранительных органах, работают и молодые специалисты в различных областях права.

Благодаря различным видам специализации правовой деятельности наших адвокатов мы оказываем юридическую помощь по всем направлениям права. Наши специалисты, работая по выбранным ими направлениям, быстро и профессионально разберутся в существе возникшей у Вас проблемы и приложат все силы и знания для ее разрешения.

Основным принципом работы коллегии является сотрудничество с нашими доверителями, предоставление им полной информации о движении дела, методах и тактике, используемых адвокатом для благоприятного исхода дела. Обратившись к нам, Вы будете в курсе, какие именно действия будет предпринимать исполнитель Вашего поручения, совместно выбирать варианты ведения дела или линии защиты.

Ценовая политика нашей коллегии направлена на доступность получения квалифицированной юридической помощи всем гражданам, в том числе и не обладающим высокими доходами. Стоимость услуг, оказываемых нашими адвокатами, складывается в зависимости от уровня сложности поручаемого дела, длительности сроков его исполнения, иных факторов. В любом случае цена договора согласовывается между адвокатом и доверителем.

Вы можете обратиться к нам по адресу:
450077, Российская Федерация, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Ленина, д. 31/33, тел. (факс) (347) 272-13-84.
Веб-сайт коллегии: <http://www.ka-muratov.ru>

Авдякова В.А.

ЗАЩИТА ПРАВ ВЛАДЕЛЬЦА БЕЗДОКУМЕНТАРНЫХ АКЦИЙ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Данная статья посвящена исследованию проблем, возникающих в области защиты прав владельца акций в случае их необоснованного списания с лицевого счета (счета депо). Автор исследует действующее законодательство, судебная практика, проект Федерального закона о внесении изменений в ГК РФ. В статье предлагаются практические решения выявленных проблем, вносятся предложения по совершенствованию норм действующего ГК РФ, а также проекта Гражданского кодекса.

Ключевые слова: гражданское право, бездокументарные ценные бумаги, акция, необоснованное списание, защита прав владельца акций, проект ГК РФ.

Avdyakova V.A.

PROTECTION OF THE RIGHTS OF SHAREHOLDER: THE PROBLEM OF ENFORCEMENT

The present article explores problems of the protection of the shareholder's rights in the case of unjustified cancellation from the personal account (securities account). The author scrutinizes legislation, judicial practice and the Federal Law Project on amendments to the Civil Code. The article also offers practical solutions of the issues discussed, makes suggestions to improve the current version of the Civil Code and the Civil Law Amendments Project.

Keywords: civil law, uncertificated securities, share, unjustified cancellation, protection of the shareholder's rights, Federal Law Project on amendments to the Civil Code.

Как показывает практика, проблема защиты прав владельца в случае незаконного списания акций с его лицевого счета или счета депо является одной из центральных для акционерных правоотношений. Необоснованное списание акций нередко обусловлено подачей поддельных документов (передаточного распоряжения, исполнительного листа, свидетельства о праве на наследство и др.) или передаточного распоряжения, выданного на основании недействительной сделки. При подаче поддельных документов регистратор и депозитарий лишены возможности противостоять указанным мошенническим действиям, на что нередко обращают внимание их представители.¹

Действующее гражданское законодательство не предусматривает специальных способов защиты прав владельца акций. В случае их необоснованного списания бывшие владельцы вынуждены руководствоваться общими положениями статей 301–302 ГК РФ.² Возможность применения указанных правовых норм в отношении акций, являющихся бездокументарными ценными бумагами (статья 143 ГК РФ, статьи 2, 16 ФЗ «О рынке ценных бумаг»),³ обосновывается тем, что согласно статье 128 ГК РФ все ценные бумаги независимо от формы их выпуска входят в состав вещей.

Однако, несмотря на обширную судебную практику,⁴ в литературе неоднократно высказывались возражения против использования конструкции виндикационного иска в отношении бездокументарных акций.⁵ Полагаем возможным согласиться с указанной с точкой зрения по следующим основаниям.

Формулировка виндикационного иска, разработанная римским частным правом: *vindicatio* (от лат. *vim dicere* – объявляю о применении силы): «*ubi rem meam invenio, ibi vindico*»

(«где мою вещь нахожу, там ее и виндицирую»),⁶ свидетельствует об ориентированности данного иска на защиту прав собственника материальной вещи, который ею не владеет, против владельца, который не в состоянии противопоставить какое-либо правовое обоснование своего владения – *iusta causa possidendi* (например, аренда, залог и т. д.).⁷

Действующая редакция статьи 301 ГК РФ (собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения) свидетельствует о том, что российское гражданское право также рассматривает виндикационный иск как требование невладеющего собственника к владеющему несобственнику о возврате вещи.

Важная черта виндикационного иска состоит в том, что доказывание права собственности на вещь – это одно из условий удовлетворения данного иска, но не главная цель. Указанной целью является физическое истребование вещи во владение истца. Решение по данному иску ценно тем, что оно может быть исполнено в принудительном порядке путем изъятия вещи у должника (ответчика) и передачи ее взыскателю (истцу). Обязательным условием удовлетворения иска и исполнения решения суда является нахождение вещи у ответчика.

Однако бездокументарная акция является объектом нематериальным. Факт существования акций фиксируется решением о выпуске и отчетом об итогах выпуска акций; принадлежность акций, их обременения и ограничения в обороте устанавливаются на основании данных системы ведения реестра, а также счетов депо в депозитарии. Помимо указанных документов, фиксирующих состав прав акционера и их принадлежность, никакого физически осязаемого объекта не существует. Как следствие, владение акциями состоит не в физическом господстве над вещью, а в наличии записи в учетной системе о принадлежности лицу определенного количества акций. В этом смысле владение бездокументарными акциями, как и обязательственным правом, является синонимом управомоченности, а не фактического господства. Кроме прав акционера владельцу бездокументарной акции больше ничего не принадлежит.

виндикации акций (комментарий Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 сентября 2006 г. № 4375/06) // Вестник гражданского права. – 2007. – № 1; Белов В.А. К вопросу о так называемой виндикации бездокументарных ценных бумаг // Закон. – 2006. – № 7; Рыбалов А.О. О возможности виндикации бездокументарных ценных бумаг // Арбитражные споры. – 2005. – № 1 и др.

6 Иоффе О.С., Мусин В.А. Основы римского гражданского права. – Л., 1975. – С. 79.

7 Чезаре С. Курс римского частного права: Учебник / Под ред. Д.В.Дождева. – М., 2002. – С. 179.

1 Стенограмма выступления председателя правления Центрального Московского Депозитария Наталии Агафоновой на пресс-конференции в РИА «Новости» 26 июля 2010 года // http://www.mcd.ru/news_26072010.php.

2 Собрание законодательства РФ. – 1994. – 5 декабря (№ 32). – Ст. 3301.

3 Собрание законодательства РФ. – 1996. – 22 апреля (№ 17). – Ст. 1918.

4 Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21.04.1998 № 33 «Обзор практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1998. – № 6; Определение ВАС РФ от 04.03.2008 № 2616/08 по делу № А56-23683/2006 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.04.2010 по делу № А32-1199/2004 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ФАС Московского округа от 18.03.2009 № КГ-А40/900-09 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда РФ от 30.05.2006 № 32-Д06-5 // СПС «КонсультантПлюс».

5 Добровольский В.И. Применение корпоративного права: Практическое руководство для корпоративного юриста. – М., 2008; Лысенко А.Н. Имущество в гражданском праве России. – М., 2010; Маковская А.А. Правовые последствия

Пользование бездокументарными акциями состоит не в самостоятельном извлечении их полезных свойств как физически осязаемой вещи, а в реализации прав акционера – участника акционерного общества. При этом владельцу бездокументарной акции для реализации своих прав не требуется наличие материального объекта, как это было характерно для документарных акций.

Учитывая данные обстоятельства, защита прав владельца акции, в отличие от защиты прав собственника вещи, предполагает не истребование материального объекта, а обяание реестродержателя или депозитария произвести операции о списании акций со счета ответчика и зачислении их на счет истца. Предъявление виндикационного иска не обеспечивает восстановление принадлежности акций прежде всего ввиду того, что решение по данному иску не может быть исполнено службой судебных приставов в принудительном порядке: отсутствует материальный объект, который пристав может изъять у должника и передать взыскателю.

В этой связи требование о возврате (истребовании) акций истцы обычно дополняют требованием об обяании лица, осуществляющего учет принадлежности акций, произвести соответствующие операции в реестре, что не характерно для виндикационного иска. У суда отсутствуют основания для удовлетворения иска к регистратору или депозитарию согласно статье 301 ГК РФ, поскольку акции у данных лиц отсутствуют, они только осуществляют учет их принадлежности. Однако поскольку требование к лицу, на счете которого учитываются акции, не может быть исполнено в принудительном порядке и при этом непосредственное восстановление прав истца будет в любом случае производиться реестродержателем или депозитарием, суды, как правило, удовлетворяют требование к лицу, осуществляющему учет принадлежности акций.⁸

Отметим также, что судами фактически изменены основания исковых требований, необходимые для удовлетворения «виндикационного иска» в отношении акций. Поскольку согласно статье 301 ГК РФ свое имущество из чужого незаконного владения вправе истребовать именно собственник, то для удовлетворения иска необходимо доказать свое право собственности на вещь и опровергнуть возражения ответчика в части наличия у него законных оснований владения вещью. В отношении бездокументарных акций как объекта нематериального сомнительна возможность установления вещного права собственности. Однако даже если предположить такую возможность, указанное в статьях 28–29 Закона о рынке ценных бумаг значение внесения записи в реестр (трансферта) для бездокументарных акций свидетельствует о том, что на дату обращения с требованием истец не имеет возможности документально подтвердить свое право собственности на акции. Как следствие, в качестве основания иска, заявленного лицом, со счета которого акции были списаны незаконно, суды рассматривают отсутствие правовых оснований для списания акций, например, ввиду подложности документов, на основании которых была внесена соответствующая запись, или их отсутствия.

Таким образом, в отсутствие адекватного правового регулирования указанных выше отношений судебным органам приходится закрывать глаза на целый ряд противоречий и параллельно изобретать новые способы защиты. Иск об истребовании акций отличается от виндикационного по предмету требования, основаниям его удовлетворения и составу ответчиков.

В случае удовлетворения иска спор возникает относительно распределения судебных расходов, поскольку лицо, осуществляющее учет принадлежности акций, являясь ответчиком, прав истца не нарушало. Однако в случае удовлетворения иска согласно процессуальному законодательству на него должны быть возложены судебные расходы истца, что вряд ли можно признать справедливым.

Значительной спецификой отличается также восстановление прав лица, в пользу которого истребованы акции. Это обусловлено тем, что ценность акции, как было указано выше, состоит в тех правах, которыми она наделяет своего владельца, в том числе правах, связанных с управлением делами общества (право голосовать на общем собрании, требовать его проведения, предлагать кандидатуры на должности членов органов управления и контроля, вопросы в повестку дня и др.). Положения статьи 303 Гражданского кодекса не обеспечивают в полной мере восстановление прав лица, акции которого были списаны в отсутствие правовых оснований, тем более, если его акции могли повлиять на результаты голосования общим собранием акционеров. Вещно-правовое регулирование не способно учесть эту особенность акции, поскольку голосование на общем собрании не является извлечением плодов, продукции или доходов. Защита прав истца в этом случае возможна не путем истребования чего-либо в его пользу, а посредством признания принятых общим собранием акционеров решений недействительными. Однако на данном этапе проявляется еще одна особенность акции: участником акционерных отношений является не только истец и акционерное общество, но и иные акционеры, а также третьи лица, которые полагаются на законность принятого решения. Интересы указанных лиц также подлежат защите.

В отсутствие нормативного регулирования суды вновь вынуждены самостоятельно искать возможные пути согласования и защиты интересов лица, со счета которого акции были списаны незаконно, других акционеров и контрагентов акционерного общества, что, естественно, не всегда приводит к принятию законного решения и уж точно не способствует единству судебной практики.⁹

В разработанном Советом по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте Российской Федерации проекте федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – проект ГК РФ)¹⁰ предложено наделить лицо, со счета которого были неправомерно списаны бездокументарные ценные бумаги, правом требовать от лица, на счете которого они находятся, возврата таких же бумаг, со следующим ограничением: бездокументарные ценные бумаги, удостоверяющие только денежное право требования, а также бездокументарные ценные бумаги, приобретенные на организованном рынке, независимо от вида удостоверяемого права, не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя, если только эти бездокументарные ценные бумаги не были безвозмездно приобретены от лица, которое не имело право их отчуждать. В последнем случае правообладатель всегда вправе истребовать ценные бумаги (пункт 1 статьи 149.3).

Анализ предложенного разработчиками проекта способа защиты свидетельствует о том, что хотя они формально и уходят от виндикационного иска, однако указанная в проекте ГК РФ формулировка исковых требований не обеспечит эффективную защиту и восстановление прав лица, со счета которого были списаны акции. Как было указано выше, фактическое исполнение судебного акта об истребовании акций производится не лицом, у которого они истребованы, а реестродержателем или депозитарием – в зависимости от того, в каком порядке учитываются акции. Предложенная

⁸ См., напр.: Постановление ФАС СКО от 21.01.2011 по делу № А53-9267/10 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Например, по трем во многом аналогичным делам (№ А53-9426/10, № А53-23252/10, № А53-23255/10) о признании решений общих собраний акционеров недействительными ввиду истребования акций, которыми производилось голосование, судьи Арбитражного суда Ростовской области приняли диаметрально противоположные решения (см.: решение Арбитражного суда Ростовской области от 30.11.2010 по делу № А53-9426/10, решение Арбитражного суда Ростовской области от 31.01.2011 по делу № А53-23252/10, решение Арбитражного суда Ростовской области от 17.02.2011 по делу № А53-23255/10; <http://kad.arbitr.ru>).

¹⁰ http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/corpmangement/civil_code.

разработчиками проекта Гражданского кодекса редакция статьи 149.3 ГК РФ не решает указанной выше проблемы.

Учитывая данные обстоятельства, полагаем необходимым закрепить в Гражданском кодексе следующую правовую норму (пункт 1 статьи 149.3 проекта ГК РФ): «Лицо, со счета которого были неправомерно списаны бездокументарные ценные бумаги, вправе обратиться в суд с иском к лицу, на счете которого они находятся, и лицу, осуществляющему учет их принадлежности (реестродержателю, депозитарию), о признании действий реестродержателя (депозитария) о списании бездокументарных ценных бумаг с его лицевого счета (счета депо) незаконными и обязанности реестродержателя (депозитария) внести запись о списании таких же бумаг со счета их нынешнего владельца и зачислении данных бездокументарных ценных бумаг на счет истца».

Указанная формулировка исковых требований обеспечит реальное восстановление прав лица, незаконно лишившегося акций (иных бездокументарных ценных бумаг). Обязательное привлечение к участию в деле в качестве ответчика лица, на счете которого акции находятся на момент рассмотрения дела, обеспечивает наличие у него права приводить в суде свои возражения против удовлетворения иска.

При этом полагаем, что ГК РФ также подлежит дополнению правилом о том, что по данной категории дел лицо, осуществляющее учет бездокументарных ценных бумаг, не имеет права подавать заявление о пропуске срока исковой давности; заявление, поданное вторым ответчиком (владельцем акций), распространяется на исковые требования в полном объеме к обоим ответчикам. В Арбитражном процессуальном кодексе возможно закрепить особые правила относительно распределения судебных расходов, освобождающие регистратора и депозитария при отсутствии их вины в нарушении прав истца от обязанности возместить судебные расходы и при этом наделяющие их правом требовать возмещения судебных расходов со стороны лица, виновного в незаконном списании бездокументарных акций или иных ценных бумаг.

Отдельное внимание заслуживает тот факт, что правила учета принадлежности бездокументарных акций могут привести к возникновению фигуры добросовестного приобретателя – лица, которое не знало и не могло знать, что приобретает акции у лица, не имеющего права их отчуждать. Это обусловлено тем, что приобретатель акций не имеет возможности со стопроцентной гарантией убедиться в законности владения отчуждающего акции лица и всех его предшественников. Естественно, приобретатель должен проявить разумность и осмотрительность, в том числе проверить информацию о судебных делах, размещенную на официальном сайте арбитражных судов, выяснить состояние акционерных отношений в обществе (на предмет наличия различного рода конфликтов и т. п.). Однако ликвидность акций обуславливает возможность многократной их перепродажи и смешения с другими акциями, в связи с чем без получения конфиденциальной информации из реестра проследить все операции оказывается не всегда возможным. В случае же приобретения акций на организованном рынке личность продавца вообще не известна.

Таким образом, стабильность гражданского оборота требует защиты интересов его участников, в том числе поиска определенного баланса между интересами лица, со счета которого акции списаны в отсутствие правовых оснований, и лица, приобретшего их добросовестно. При этом, хотя права владельца акции подлежат защите в ином порядке, нежели права собственника вещи, однако указанные в статье 302 Кодекса критерии защиты интересов добросовестного приобретателя представляются универсальными и могут быть распространены и на приобретателя бездокументарных акций с рядом уточнений, обусловленных спецификой их правовой природы.

Указанные принципы защиты добросовестного приобретателя акций состоят в следующем.

Во-первых, приобретатель признается добросовестным только в том случае, если он не знал и, проявив необходимую, исходя из обстоятельств приобретения акций, заботливость и осмотрительность, не мог знать о том, что акции были списаны со счета истца в отсутствие правовых оснований. При несоответствии приобретателя признакам добросовестности акции могут быть истребованы у него в любом случае.

Заслуживает внимания тот факт, что в пункте 6 статьи 8.1 проекта ГК РФ его разработчиками предложено закрепить важную гарантию защиты прав лица, незаконно лишившегося права собственности на недвижимое имущество. Полагаем, что с учетом правообразующего значения записи в реестре акционеров аналогичные правовые нормы следует предусмотреть и в отношении акций (иных бездокументарных ценных бумаг), а именно дополнить ГК РФ следующими правовыми нормами: «По заявлению лица, ранее являющегося владельцем определенного количества (пакета) бездокументарных ценных бумаг, лицо, осуществляющее учет их принадлежности, обязано внести запись по лицевому счету (счету депо) их нынешнего владельца о наличии возражений. По лицевому счету в реестре (счету депо) их нынешнего владельца может быть внесена отметка о наличии судебного спора в отношении определенного количества (пакета) ценных бумаг. Если в течение месяца со дня внесения в реестр отметки о возражениях судом не принято к рассмотрению исковое заявление в отношении указанных ценных бумаг, то отметка о возражении аннулируется. Наличие в реестре указанных выше отметок исключает возможность ссылаться на достоверность данных реестра».

Необходимость указанных выше правовых норм тем более очевидна, если учесть соотношение срока внесения записи в реестр о списании акций и срока принятия судом обеспечительных мер о блокировании акций, а также последующего их исполнения регистратором (депозитарием).

Кроме того, об отсутствии добросовестности приобретателя акций, полагаем, должны свидетельствовать также такие обстоятельства, как наличие судебного спора в отношении акций на момент их приобретения (о чем была размещена информация на официальном сайте арбитражных судов, в настоящее время – «<http://kad.arbitr.ru>»), письменное уведомление лица о претензиях в отношении акций и подобные обстоятельства, при условии последующего подтверждения судом обоснованности претензий.

Во-вторых, для признания приоритета защиты прав добросовестного приобретателя акции должны быть приобретены им возмездно. При этом необходимо согласиться с позицией Высшего Арбитражного Суда РФ, согласно которой приобретатель не может считаться получившим имущество (в нашем случае – акции) возмездно, если к тому моменту, когда он узнал или должен был узнать об отсутствии правомочий у отчуждателя, последний не получил плату или иное встречное предоставление за передачу спорного имущества.¹¹

Важное значение при оценке возмездности приобретения имеет также соразмерность встречного предоставления. При этом речь не идет о точном соответствии рыночной стоимости отчуждаемых акций. Однако в случае значительного занижения их цены в договоре даже его исполнение к моменту предъявления судебного иска не может рассматриваться не только как добросовестность, но и как возмездность приобретения.

В-третьих, акции должны быть списаны со счета истца помимо его воли.

Отметим, что единственное для параграфа 3 главы 8 проекта ГК РФ (устанавливающего правовой режим бездокументарных ценных бумаг) упоминание о добросовестном приобретателе содержится в абзаце 2 пункта 1 статьи 149.3. Согласно указанной норме бездокументарные ценные бумаги,

¹¹ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 № 126 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения» // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 1.

удостоверяющие только денежное право требования, а также бездокументарные ценные бумаги, приобретенные на организованном рынке, независимо от вида удостоверяемого права, не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя, если только эти бездокументарные ценные бумаги не были безвозмездно приобретены у лица, которое не имело права их отчуждать.

Первое исключение (бездокументарные ценные бумаги, удостоверяющие только денежное право требование), очевидно, не распространяется на бездокументарные акции, содержание которых, как было указано ранее, составляет право участия (комплекс корпоративных прав). Соответственно, единственным случаем, когда бездокументарные акции не могут быть истребованы у добросовестного приобретателя, по мнению разработчиков проекта ГК РФ, должно являться возмездное их приобретение на организованном рынке (фондовой бирже).

С учетом условий удовлетворения иска к добросовестному приобретателю, сформулированных в статье 302 ГК РФ, указанное правовое решение может быть признано справедливым только в том случае, если бездокументарные акции (иные ценные бумаги) были списаны со счета лица помимо его воли – на основании поддельных документов. Если же списание произошло на основании недействительной сделки, то вопрос наличия или отсутствия воли лица на отчуждение бездокументарных акций требует самостоятельного исследования и должен устанавливаться судом как условие удовлетворения иска.

Так, определенные основания недействительности сделок однозначно свидетельствуют, что надлежащим образом воля на отчуждение акций не была выражена (например, ничтожность сделок недееспособного, малолетнего, оспоримость сделок лица, не способного на момент их совершения понимать значение своих действий или руководить ими). В других случаях (например, недействительность сделки, противоречащей требованиям закона, сделки, совершенной юридическим лицом в противоречии с целями деятельности, определенно ограниченными в его учредительных документах, либо юридическим лицом, не имеющим лицензию на занятие соответствующей деятельностью, кабальной сделки и др.) подлежат учету конкретные обстоятельства отчуждения акций.

Обращает на себя внимание также предложенная разработчиками проекта возможность истребования не «тех же», а «таких же» ценных бумаг. Введение указанного правила позволит снять вопрос относительно идентификации и индивидуализации незаконно списанных акций и иных бездокументарных ценных бумаг.

В то же время полагаем необходимым закрепить на законодательном уровне (а не в разъяснениях Высшего Арбитражного Суда) правил, позволяющих установить лицо, на счете которого находятся списанные у правообладателя бездокументарные ценные бумаги. Указанное дополнение актуально ввиду того, что приобретатели бездокументарных ценных бумаг путем их многократного перевода со счета на счет стараются разбить незаконным образом полученный ими пакет и произвести его смешение с другими ценными бумагами того же выпуска. В результате такого рода манипуляций без дополнительной правовой регламентации установить лицо, которому поступили именно списанные у правообладателя бездокументарные ценные бумаги, становится невозможно. В качестве такой регламентации возможно принятие одного из предложенных в литературе способов: введение правила о присвоении индивидуального номера каждой ценной бумаге (что с практической точки зрения с учетом уровня техники вполне реализуемо) либо закрепление остаточно-пропорционального принципа: первыми отчуждаются (списываются со счета) законно приобретенные ценные бумаги, а при невозможности установить очередность истребования должно происходить пропорционально.¹²

В статье 149.4 проекта ГК РФ предусмотрены последствия истребования бездокументарных ценных бумаг. При этом, судя по всему, в указанной норме содержится опечатка – в случае удовлетворения требования правообладателя о возврате бездокументарных ценных бумаг в соответствии с пунктами 1, 2 статьи 149.3 правообладатель должен наделяться в отношении лица, со счета которого ценные бумаги были ему возвращены, правами, указанными в пункте шестом, а не пятом статьи 147.1. Это обусловлено тем, что в пункте 5 сформулированы не последствия, а условия истребования: правом на истребование документарных ценных бумаг из чужого незаконного владения обладает лицо, которое на момент выбытия ценных бумаг из его владения являлось их надлежащим владельцем.

В отличие от этого пункт 6 статьи 149.1 предусматривает, что лицо, которому документарная ценная бумага была возвращена из чужого незаконного владения, вправе потребовать от недобросовестного владельца всего полученного по ценной бумаге, а также возмещения убытков; от добросовестного владельца – возврата всего полученного по ценной бумаге со времени, когда он узнал или должен был узнать о неправомерности владения или получил повестку по иску об истребовании ценных бумаг. Если незаконный владелец воспользовался предоставленным ценной бумагой преимущественным правом приобретения какого-либо имущества, лицо, которому документарная ценная бумага была возвращена из чужого незаконного владения, вправе потребовать от недобросовестного владельца передачи ему приобретенного имущества при условии возмещения его стоимости по цене приобретения указанного имущества незаконным владельцем и возмещения убытков.

В дополнение к указанным правовым нормам полагаем возможным наделить лицо, в пользу которого были истребованы акции от добросовестного приобретателя, правом требовать возмещения:

1) стоимости всего полученного добросовестным приобретателем до того момента, когда он узнал или должен был узнать о неправомерности владения или получил повестку по иску об истребовании акций (и иных бездокументарных ценных бумаг);

2) стоимости приобретенного имущества (путем реализации предоставленного акциями (иными бездокументарными ценными бумагами) преимущественного права) за вычетом цены его приобретения добросовестным приобретателем.

Указанные выше суммы также являются убытками лица, со счета которого акции были списаны в отсутствие правовых оснований. Их возмещение является одним из направлений восстановления имущественного положения указанного лица, в сравнении с тем, каким бы оно было, если бы его право не было нарушено. В то же время добросовестный приобретатель не обязан возмещать их указанному выше лицу. Следовательно, их возмещение должно быть возложено на лиц, виновных в незаконном списании акций.

Пунктом 2 статьи 149.4 проекта специально для бездокументарных ценных бумаг предусмотрено правило, что если неуправомоченные лица реализовали удостоверенное бездокументарными ценными бумагами право на участие в управлении акционерным обществом или иное право на участие в решении собрания, правообладатель может оспорить соответствующее решение собрания, нарушающее его права и охраняемые законом интересы, если общество или лица, чье волеизъявление имело значение при принятии решения собрания, знали или должны были знать о наличии спора о правах по бездокументарным ценным бумагам. Иск об оспаривании решения собрания может быть предъявлен в течение трех месяцев со дня, когда лицо, имеющее право на бумагу, узнало или должно было узнать о нарушении, но не позднее одного года со дня принятия соответствующего решения. Суд может оставить решение собрания в силе, если признание решения недействительным повлечет причинение

¹² См. подробнее: Степанов Д.И. Защита прав владельца ценных бумаг, учитываемых записью на счете. – М., 2004. – С. 71–75.

несоразмерного ущерба для кредиторов общества и иных третьих лиц.

Указанные правила являются важной гарантией прав акционеров. Однако необходимо учитывать, что на практике далеко не всегда возможно предоставить доказательства осведомленности общества или голосовавшего акциями лица о незаконном списании акций. В этой связи полагаем возможным дополнить пункт 2 статьи 149.4 проекта ГК РФ разъяснением о том, что указанные лица признаются осведомленными о незаконном списании акций, в частности, в том случае, если на момент общего собрания арбитражным судом было принято к рассмотрению дело об истребовании акций (причем как у голосующего акциями лица, так и лица, от которого или через счет которого к голосующему акциями лицу поступили спорные акции) либо в систему учета принадлежности акции была внесена запись о наличии возражений в отношении данных акций. Также необходимо наделить правообладателя возможностью оспорить решение собрания и в том случае, если ни общество, ни голосовавшее акциями лицо не знали об их незаконном списании со счета другого лица, однако признание решения общего собрания недействительным не повлечет причинение соразмерного ущерба для кредиторов общества и иных третьих лиц. Если же решение общего собрания не может быть оспорено, восстановивший свои права акционер должен быть наделен правом обратиться в суд с иском о возыскании в пользу общества с голосовавшего истребованными акциями лица (в случае его осведомленности о незаконности списания) или его предшественников, осведомленных о незаконности списания акций, а также с ответственных за созыв собрания должностных лиц общества (при их осведомленности) убытков, причиненных обществу принятым решением.

Применительно к предусмотренному статьей 149.4 проекта ГК РФ сроку исковой давности отметим, что в определенных случаях акционер совершает все необходимые действия для получения информации относительно деятельности общества, в том числе относительно принятых общими собраниями акционеров решений, однако должностные лица общества категорически препятствуют этому, в том числе несмотря на предписания контролирующего органа – ФСФР России. Истребование документов в судебном порядке может занять достаточно длительный срок. Как следствие, полагаем необходимым закрепить правило о возможности восстановления годичного срока как в описанной выше, так и в подобных ей ситуациях.

В заключение отметим, что в тех случаях, когда лицо не имеет возможности восстановить владение акциями, оно наделяется правом требовать возмещения убытков, в том числе со стороны регистратора (депозитария) и эмитента (статья 44 ФЗ «Об акционерных обществах», пункт 7 статьи 149 Проекта ГК РФ).

Полагаем, что гарантией защиты прав регистраторов и депозитариев в указанном случае должно являться требование об обязательном страховании их гражданской ответственности и, соответственно, установление единых страховых тарифов в этой сфере. Кроме того, являясь главными субъектами ответственности, лица, осуществляющие учет принадлежности акций, должны быть наделены возможностью проверки достоверности предоставленных им документов, в том числе правом запрашивать в судах подтверждение факта вынесения ими решения в отношении акций и вступления его в законную силу, у нотариусов – подтверждение нотариального удостоверения ими доверенности или выдачи свидетельства о праве на наследство, в органах ФМС – сведения о действительности предъявленного паспорта. Указанные меры позволят также повысить защищенность прав владельцев акций и иных бездокументарных ценных бумаг.

Пристатейный библиографический список

1. Белов В.А. К вопросу о так называемой виндикации бездокументарных ценных бумаг // Закон. – 2006. – № 7.
2. Добровольский В.И. Применение корпоративного права: Практическое руководство для корпоративного юриста. – М., 2008.
3. Иоффе О.С., Мусин В.А. Основы римского гражданского права. – Л., 1975.
4. Лысенко А.Н. Имущество в гражданском праве России. – М., 2010.
5. Маковская А.А. Правовые последствия виндикации акций (комментарий Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 сентября 2006 г. № 4375/06) // Вестник гражданского права. – 2007. – № 1.
6. Рыбалов А.О. О возможности виндикации бездокументарных ценных бумаг // Арбитражные споры. – 2005. – № 1.
7. Степанов Д.И. Защита прав владельца ценных бумаг, учитываемых записью на счете. – М., 2004.
8. Чезаре С. Курс римского частного права: Учебник / Под ред. Д.В.Дождева. – М., 2002.

еженедельная

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

Рождение новой газеты – всегда событие, а рождение профессиональной газеты – событие вдвойне.

Мир знатоков права, мир участников правового сообщества нуждается в точке пересечения дискуссий, отражения мнений, выдвижения новых идей. Мы хотим предоставить им такую возможность. Мы не посягаем на нишу, давно и заслуженно занятую серьезными консалтинговыми изданиями: практикумы, разъяснения и прописные истины не будут превалировать на страницах «Юридической газеты». Авторы – талантливые, нестандартные, ищущие; авторы, предложенные и востребованные вами, читатель, – вот наша главная ценность и наш ориентир. Мы работаем в тесном контакте с ними: общаемся, переписываемся, дружим.

Сотрудничества мы ждем и от читательской аудитории. Профессионалы и начинающие, теоретики и практики – только ваше заинтересованное внимание сделает нашу газету действительно оперативным и актуальным изданием; только в союзе с вами мы будем развиваться, меняться и совершенствоваться.

Адрес редакции: 115533, Москва, ул. Нагатинская, д. 9, к. 1

Телефоны: (499) 611-7007, (499) 611-9003 Факс: (499) 611-1072

Web site: www.yur-gazeta.ru E-mail: info@yur-gazeta.ru Подписка и распространение: podpiska@yur-gazeta.ru

Арутюнов Л.С., Абакумов М.И.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФАКТОР МИНИМИЗАЦИИ ЭТНОРЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассмотрены некоторые особенности борьбы с этнорелигиозным экстремизмом в России.

Ключевые слова: криминология, этнический экстремизм, борьба с этнической преступностью.

Arutyunov L. S., Abakumov M. I.

FORMATION OF CIVIL IDENTITY AS THE FACTOR OF MINIMIZATION OF ETHNORELIGIOUS EXTREMISM IN MODERN RUSSIA

In the article some features of combating ethnoreligious extremism in Russia are considered.

Keywords: criminology, ethnic extremism, combating ethnic criminality.

Арутюнов Л.С.

Абакумов М.И.

Противодействие религиозно-политическому экстремизму во всем мире и в нашей стране в частности приобрело особую актуальность. Многие ученые отмечают, что в настоящее время экстремизм относится к числу самых опасных и трудно прогнозируемых явлений современности; он приобретает своеобразные формы и угрожающие масштабы.¹

Исключением не стала и полиэтничная Россия. С каждым годом такие явления в нашей стране имеют явную тенденцию к росту. Так, по данным Верховного суда, только в 2010 году суды рассмотрели 613 эпизодов обвинения по «экстремистским» составам УК, по наиболее тяжким из них осуждены 329 человек. Из них 90 человек признаны виновными в нанесении вреда здоровью различной тяжести из экстремистских побуждений, 21 осужден за убийство, 15 – за хулиганство на почве этнической и социальной розни, 23 – за экстремистские призывы (ст. 280 УК РФ), 23 – за организацию экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) и 22 – за создание экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ). Для сравнения: в 2009 году за организацию радикального сообщества были осуждены лишь двое, а за создание националистической организации – ни одного человека. По статье «возбуждение ненависти или вражды» (ст. 282 УК) в 2009 году были осуждены 65 лиц, а в 2010 году – уже 161 человек.²

В то же время наряду с вышеобозначенными особенностями следует отметить и тот факт, что точное количество экстремистских организаций в нашей стране, да и по всему миру назвать не сможет ни один специалист. Трудно спрогнозировать также число активных участников таких организаций, т. е. лиц, непосредственно участвующих в их незаконной деятельности, и так называемых «пассивных участников», т. е. лиц, так или иначе поддерживающих их радикальные взгляды.

При характеристике такого деструктивного явления, как экстремизм, на наш взгляд, следует согласиться с проф. Ю.М.Антоняном, указывающим, что нынешний экстремизм в России в его наиболее brutальных формах, сопровождаемый убийствами и иными опасными насильственными преступлениями, несет для безопасности нашей многонациональной страны одну из самых серьёзных угроз. Экстремизм способен расколоть общество, вызвать масштабные кровавые конфликты, существенно задержать экономическое развитие и движение к демократии, подорвать гуманитарные институты и доверие к России её зарубежных партнеров. При этом необходимо иметь в виду не только шовинистические вспышки по отношению к лицам неславянской национальности или нехристианского вероисповедования, но и, напротив, подавление,

унижение и вытеснение русских, украинцев и т. д. в национальных регионах. Последнее можно наблюдать в некоторых республиках Северного Кавказа, что также следует расценивать в качестве экстремизма, причем весьма опасного, поскольку он уже проявил себя в крайней форме – этнорелигиозного терроризма.³

Реалии современной жизни таковы, что существует не одна форма или разновидность экстремистских проявлений, а определенное их многообразие. Многообразие их проявлений вызывает определенные сложности как при изучении данного явления, его прогнозировании, так и при противодействии. Ввиду многообразия форм проявления экстремизма в целом и этнорелигиозного экстремизма (как наиболее опасной формы, проявляемой вовне) в частности необходим комплексный подход в борьбе с данным явлением. При этом комплексность, на наш взгляд, должна обуславливаться сочетанием как общекриминологических мер предупреждения и борьбы, так и специально-криминологических.

Приоритет в данном случае, на наш взгляд, должен отдаваться именно общекриминологическим мерам предупреждения преступности экстремистского характера, в частности, социально-экономическим механизмам. Так, например, анализируя причины экстремистских проявлений еще в 2007 году, в своем докладе генеральный прокурор РФ Юрий Чайка указывал в качестве возможных причин столь заметного роста преступлений экстремистского характера «имущественное неравенство» и «отсутствие социальных перспектив для многих молодых людей».⁴

В то же время, как отмечает ряд исследователей данного вопроса, влияние социальных, политических и экономических факторов намного сложнее. Исторические примеры подтверждают, что в замкнутых, застойных обществах, например у бушменов Южной Африки или у индейцев майя в Мексике, находящихся на крайне низких уровнях экономического и социального развития, ничего похожего на политический

1 Володина Н.В. Правовые системы государственно-конфессиональных отношений. – М.: Новый индекс, 2009. – С. 437.

2 Верховный Суд разъяснил судам, что понимать под экстремизмом // [www.pravo.ru/review/view/55559](http://pravo.ru/review/view/55559).

3 Антонян Ю.М. Природа экстремизма // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью: Сборник научных трудов / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.А.Лопашенко. – Саратов, 2008. – С. 309.

4 Генпрокуратура пересчитала преступления экстремистского характера // <http://www.demos-center.ru/news/19790.html>.

экстремизм,⁵ а тем более этнические и расовые аспекты его проявлений, не выявляется.⁶

Не случайно эти исследователи отмечают, что данное явление проявляет себя, как правило, в обществах, вступивших на путь трансформаций, и концентрируются в маргинальных слоях социума, характеризующихся причудливым сочетанием традиционных и новых черт культуры, неполным изменением статуса и условий жизни. На лично-бытовом уровне предпосылками этнического экстремизма являются тенденции социального размежевания и антагонизма, проявляющиеся, в частности, в форме ксенофобии: межэтнической агрессии, неприязни и страха перед «чужими» – отдельными индивидами и группами. Отсутствие доверия к представителям власти и эффективности действия государственных механизмов и правовых норм со стороны общества порождает ситуацию, когда сами граждане решают возникшие проблемы и конфликтные ситуации, в том числе и противозаконными методами и способами.⁷

То есть, по сути, наряду с социально-экономическими механизмами противодействия экстремизму одним из приоритетных направлений должна стать выработка соответствующих политических мер при непосредственном содействии различных политических сил и гражданского общества, в данном случае, на наш взгляд, – поддержание идеи общегражданской

5 Попов А. Причины возникновения и динамика развития конфликтов // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Ред. М.Олкотт, В.Тишков. – М.: Московский центр Карнеги, 1997. – С. 273–297.

6 Арутюнов Л.С., Касьяненко М.А. О некоторых причинах этнического экстремизма в современном российском обществе // Таможенное дело. – 2007. – № 4. – С. 4.

7 Там же. – С. 4–5.

идентичности. Вызвано это тем обстоятельством, что для совершения совместных действий помимо общих целей необходимо доверие участников группы друг другу, например дружеские отношения. Во всех случаях важную роль играет идентичность, схожесть индивидов. Умелая спекуляция данным фактом и порождает зачастую различные экстремистские проявления.

При этом при наличии консолидирующей общей идеи, на наш взгляд, можно минимизировать факты экстремистских проявлений. Такой объединяющей идеей должна стать идея общегражданской идентичности, провозглашенная еще в 2005 году В.В.Путиным: «Мы россияне – граждане одного государства».

Данная идея, на наш взгляд, должна поддерживаться как на всех уровнях власти, так и гражданским обществом в целом, политической и культурной элитой нашего государства, воспитываться у подрастающего поколения россиян с детства.

Пристатейный библиографический список

1. Антонян Ю.М. Природа экстремизма // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью: Сборник научных трудов / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.А.Лопашенко. – Саратов, 2008.
2. Арутюнов Л.С., Касьяненко М.А. О некоторых причинах этнического экстремизма в современном российском обществе // Таможенное дело. – 2007. – № 4.
3. Володина Н.В. Правовые системы государственно-конфессиональных отношений. – М.: Новый индекс, 2009.
4. Попов А. Причины возникновения и динамика развития конфликтов // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Ред. М.Олкотт, В.Тишков. – М.: Московский центр Карнеги, 1997.

Читайте
ЧЕШСКИЙ ЕЖЕГОДНИК
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
Выпуск 2.2011.

Инсур Фархутдинов
Иностранный инвестор
и принимающее государство: необходим
баланс интересов (с. 231–248),
а также и другие статьи по правовому
режиму иностранных инвестиций.

Insur Zabirovich Farkhutdinov Foreign Investor and Host State: Need for Balance Interests

Key words:
globalization |
international law |
State sovereignty |
foreign investments
| host state |
liberalization | TNC |
Calvo clause | ICSID |
Most Favoured Nation
| National Treatment

Abstract | Nowadays the problems of state sovereignty have become very important. Massive transnational capital flows influence economic sovereignty of developing transition countries. By using their super mobility TNCs are able to accumulate massive financial resources very quickly in separate branches of the national economy in order to snatch surplus profit and swiftly remove one's investment from the recipient country. One party of an investment transaction is usually a sovereign state whose interests, rights and obligations significantly differ from those of private stakeholders. The host state must also take into consideration political, social, cultural and other factors that are not peculiar to the private investor. Nowadays many countries have started to regulate foreign investments in order to achieve domestic policy objectives. Every sovereign state must pursue its own investment policy that is intended to give strong incentives to foreign investors. The state sovereignty is the base for foreign investment regulation, and this has been recognized by norms of international and domestic law. The effective implementation of international law and its functions in foreign investments requires the harmonization of interaction in regulation on a two-tiered basis (international and national).

Insur Zabirovich Farkhutdinov,
Doctor of Law, Leading
Researcher of the
Institute of State
and Law (Sector of
international legal
research) of the Russian
Academy of Sciences,
Editor-in-chief of the
Eurasian Law Journal
(Moscow).
Areas of specialization:
Public International
Law, International
Investment Law, state
sovereignty. Author
of monographs and
articles on some aspects
of legal regulation of
foreign investments.
e-mail: insur_il@
rambler.ru

Агзамов И.М.

ЛИЧНОСТЬ ВИНОВНОГО И УСЛОВНОЕ НЕПРИМЕНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ

В статье на основе изучения материалов судебной практики, а также научной литературы предложена система оценки данных о личности виновного, претендующего на условное неприменение наказания. Также анализируются положения постановлений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам условного неприменения наказания. Приводится зарубежная судебная практика использования данных о личности виновного.

Ключевые слова: личность виновного, личность осужденного, условное неприменение наказания, условное осуждение, исправление осужденного.

Agzamov I.M.

THE PERSONALITY OF THE GUILTY INDIVIDUAL AND CONDITIONAL NON-USE OF PUNISHMENT

The article, based on the materials of judicial practice as well as scientific literature, proposes the system of assessment of the information about the personality of the guilty individual who seeks conditional non-use of punishment. It also analyzes the provisions of the resolutions of the Plenum of the Supreme Court on conditional non-use of punishment. Foreign judicial practice of using the information about the personality of the guilty individual is provided.

Keywords: personality of the guilty individual, personality of the convict, conditional non-use of punishment, conditional conviction, rehabilitation of the convict.

Агзамов И.М.

Личность лица, совершившего преступление, как человеческая личность вообще представляет собой целостное образование, обладающее определенной структурой, т. е. состоит из взаимосвязанных и взаимодействующих элементов.¹ А.А.Герцензон отмечал, что, «решая вопрос о том, следует ли к виновному применять меру наказания или же его перевоспитание может быть достигнуто путем условного осуждения, необходимо предварительно получить достаточно полную характеристику личности преступника. В частности, необходимо выявить степень общественной опасности этой личности, изучить его прошлую жизнь, его бытовые навыки и трудовые связи и т. п.»²

Необходимость исследования вопроса о влиянии личности виновного на условное неприменение наказания вызвана несколькими обстоятельствами.

Во-первых, условное неприменение наказания мы позиционируем как перспективный комплексный правовой институт, нормы которого содержатся, по меньшей мере, в трех отраслях права: уголовной, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной.³

Во-вторых, личность виновного изучена в основном применительно к вопросам общих начал назначения наказания. Однако разработка института условного неприменения наказания требует и разработки своих собственных правил – общих начал условного неприменения наказания, одним из критериев которых является характеристика лица, претендующего на указанную уголовно-правовую меру.⁴ Это важно, поскольку «...очень трудно, а подчас и невозможно добиться выздоровления больного, если не знать, чем он болен».⁵ Поэтому при применении наказания, в том числе и при его условном неприменении, необходимо учитывать социально значимые свойства личности, имеющие уголовно-правовое значение, с

тем чтобы добиться исправления осужденного, предупредить с его стороны совершение новых преступлений.

В-третьих, результаты проведенного нами исследования материалов 520 приговоров районных и городских судов Республики Башкортостан (на примере условного осуждения) свидетельствуют о том, что в большинстве случаев можно встретить лишь краткие формулировки в обоснование решения об условном неприменении наказания.

Заметим, что многие аспекты личности виновного в теории уголовного права можно отнести к числу дискуссионных. В частности, не решен вопрос о соотношении понятий «личность виновного» и «личность преступника». Возникают споры и по поводу того, какие обстоятельства необходимо учитывать при характеристике личности виновного: ограничиться ли смягчающими и отягчающими обстоятельствами или следует учитывать помимо них иные; подлежит ли учету личность виновного только в связи с совершенным общественно опасным деянием или учету подлежат данные, характеризующие лицо до и после совершения преступления, и другие аспекты.

Думается, что ответы на поставленные вопросы можно попытаться найти при анализе самого уголовного закона, а также положений действующих постановлений Пленума Верховного Суда.

При учете личности необходимо учитывать данные, характеризующие именно виновное лицо, а не преступника в целом, поскольку во втором случае смысл понятия шире, что может привести к нарушению принципа равенства граждан перед законом. В частности, нельзя ориентироваться на национальность, социальный статус виновного лица при решении вопроса, например, о применении условного осуждения. В то же время учет личности виновного предполагает всесторонний учет как отрицательных, так и положительных сведений.

Однако не будем углубляться в дискуссию, поскольку мы, прежде всего, представляем результаты наших исследований, которые позволили разработать систему данных о личности виновного, претендующего на условное осуждение, отсрочку отбывания наказания либо на условное неприменение наказания в связи с болезнью. Подобная необходимость была вызвана, по нашему мнению, социально-историческими условиями, уровнем развития науки, сложившейся судебной практикой, современной уголовно-правовой политикой государства в целом.

Действующее уголовное законодательство в ч. 3 ст. 73 УК РФ обязывает суд учитывать при применении условного осуждения личность виновного. Однако содержание данного

1 См.: Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. – Красноярск, 1997. – С. 100.

2 См.: Герцензон А.А. Предмет, метод и система советской криминологии. – М., 1962. – С. 17.

3 Подробнее об этом см.: Агзамов И.М. Условное неприменение наказания как комплексный правовой институт: понятие и основания возникновения // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 7. – С. 94–97.

4 В данном случае автор под общими началами условного неприменения наказания понимает требования и критерии, которыми должен руководствоваться суд при решении вопроса об условном отказе от применения уголовного наказания, назначенного по приговору суда.

5 См.: Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. – СПб., 2004. – С. 9.

термина закон не раскрывает, не указаны и критерии, которыми необходимо руководствоваться. В части 5 ст. 73 УК РФ законодатель указал лишь обстоятельства, которые необходимо учитывать при решении вопроса о возложении обязанностей на условно осужденного. К таковым относятся: возраст, трудоспособность и состояние здоровья.

В статьях 81 и 82 УК РФ в отличие от предыдущей нормы прямо не указывается на личность виновного, однако нормы содержат требования, предъявляемые к лицам, претендующим на освобождение от наказания в связи с болезнью либо на отсрочку отбывания наказания. В частности, в ст. 81 УК РФ обязательным требованием, относящимся к личности виновного лица, является наличие определенного заболевания: психического расстройства, лишаящего возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, или наличие иной тяжелой болезни, препятствующей отбыванию наказания.

В статье 82 УК РФ говорится об осужденных беременных женщинах, женщинах, имеющих ребенка в возрасте до четырнадцати лет, о мужчинах, имеющих ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющихся единственными родителями. Исключение из этой категории составляют осужденные к ограничению свободы, к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности. Очевидно, что законодатель использует не только социально-демографические и психофизиологические признаки, но и характер и степень общественной опасности совершенного преступления для установления требований к личности виновного (указывает на вид и размер назначенного наказания, на родовую объект преступления). В этом случае наглядно прослеживается взаимосвязь между всеми критериями общих начал условного неприменения наказания. Особо внимания заслуживают положения постановлений Пленума Верховного Суда. Анализ показал, что судебная практика последних лет постоянно указывает на необходимость учета личности виновного. Однако не все постановления содержат четкие рекомендации относительно данных о личности, которыми необходимо руководствоваться. Особенно это заметно, когда речь идет о применении условного осуждения, отсрочки отбывания наказания или освобождении от наказания в связи с болезнью. Дело в том, что данный вопрос регламентирован в основном применительно к назначению наказания, о чем свидетельствуют ссылки в постановлениях на положения ст. 60 УК РФ. В связи с этим представляется целесообразным разработать собственную систему данных о личности виновного лица, которое претендует на условное неприменение наказания.

Наиболее удачно перечень сведений о личности виновного при назначении наказания регламентирован в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания».⁶ Согласно п. 2 к сведениям о личности виновного относятся как данные, имеющие юридическое значение (состав совершенного преступления, установленные законом особенности уголовной ответственности и наказания отдельных категорий лиц), так и иные характеризующие личность подсудимого сведения, которыми располагает суд при вынесении приговора: данные о семейном и имущественном положении подсудимого, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (жены, родителей, близких родственников). Также надлежит учитывать влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, при этом могут быть приняты во внимание и фактические семейные отношения, не регламентированные Семейным кодексом РФ.

В пункте 6 Постановления особо отмечено, что суды не должны учитывать в качестве отрицательно характеризующих

личность подсудимого данные, свидетельствующие о наличии у него погашенных или снятых в установленном порядке судимостей, которые также не могут учитываться при решении вопроса о наличии в содеянном рецидива преступлений.

Кроме того, нами были изучены: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» в части, касающейся освобождения от наказания в связи с болезнью и отсрочки отбывания наказания; постановления от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре», от 11 июня 1999 г. № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания», от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 июня 1979 г. № 3 «О практике применения судами общих начал назначения наказания».⁷

Проанализировав в указанных постановлениях рекомендации Верховного Суда об учете личности виновного, мы пришли к выводу о том, что они носят разрозненный характер, одни положения дублируют другие, остались не регламентированными многие практические вопросы, в том числе касающиеся назначения наказания. Все это приводит к тому, что в приговорах отсутствуют убедительные формулировки ввиду явной сомнительности принятого решения. Анализ взятых приговоров районных судов с целью установления формулировок принятого решения по условному неприменению наказания (на примере условного осуждения) позволил сделать следующие обобщения: в 11,7 % случаев суды называли только два из следующих обстоятельств – чистосердечное раскаяние, признание своей вины, совершение преступления впервые, наличие на иждивении малолетних детей, положительная характеристика; в 22,9 % случаев названы три обстоятельства, такие как первая судимость, признание своей вины, положительная характеристика. Следует отметить, суды приводят одни и те же основания, которые учитываются при назначении наказания.

При анализе приговоров было замечено, что у каждого судьи есть свои устоявшиеся принципы при вынесении решения по делу, которыми он руководствуется в своей работе, то есть внутренний лично-правовой прецедент. Вышесказанное, прежде всего, характерно при назначении наказания лицам, которые совершили преступление в группе. При этом не учитываются индивидуальные особенности каждого обвиняемого. Внешне это выглядит в виде использования одних и тех же обстоятельств.

Очевидно, что результаты анализа практики применения норм об условном осуждении, постановлений Пленума Верховных Судов требуют систематизации критериев личности виновного, претендующего на условное неприменение наказания, особенно в форме условного осуждения, поскольку доля последнего в общей структуре назначенных наказаний в 2010 году составила 49,2 %, а среди наказаний, не связанных с лишением свободы, – 86,5 %.⁸ Кроме того, отмечается высокий уровень рецидива среди названной категории лиц – 26 % от общего количества «рецидивных» преступлений.⁹

Личность виновного применительно к условному неприменению наказания должна, прежде всего, пониматься с двух ключевых позиций. Во-первых, это требования, которые установлены в статьях УК РФ о видах условного неприменения наказания.¹⁰ Во-вторых, это сведения о конкретном лице, в отношении которого решается вопрос о применении к нему, например, отсрочки отбывания наказания.

7 См.: БВС РФ. – 2009. – № 7; 1996. – № 7; 1999. – № 8; 2007. – № 4; БВС СССР. – 1979. – № 4.

8 По официальным данным ФСИН РФ.

9 См.: Пичугин С.А. Рецидив преступлений среди условно осужденных: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 2.

10 Имеются в виду нормы об условном осуждении, неприменении наказания в связи с болезнью и отсрочке отбывания наказания.

6 См.: БВС РФ. – 2010. – № 1.

Заметим, что указанные требования и сведения органически связаны между собой. Вместе они образуют систему данных о личности виновного. Например, одним из требований, установленных в ст. 82 УК РФ, является наличие малолетних детей. Однако суду необходимо принимать во внимание и сведения, касающиеся отношения лица к своему малолетнему ребенку: если будет установлено, что осужденный ранее уклонялся от воспитания своих детей, материально их не поддерживал, то, несмотря на наличие малолетнего ребенка, суд должен отказать в предоставлении отсрочки.

Между тем, перечень сведений о личности виновного, которым можно было бы руководствоваться при решении вопроса об условном неприменении наказания, строго регламентировать в уголовном законе не представляется возможным. Очевидно, этого и не нужно делать, поскольку человеческая жизнь многообразна, вследствие чего могут возникнуть самые разные ситуации, которые полностью учесть также невозможно. Однако можно попытаться систематизировать эти сведения. В связи с этим представляется целесообразным выделить сведения общего характера и специальные сведения. Первые не учитывают специфику видов условного неприменения наказания. В этом смысле они носят универсальный характер, полностью оправдывая свою принадлежность к общим началам. Например, учитывать явку с повинной необходимо и при решении вопроса об условном осуждении, и при иных видах условного неприменения наказания, поскольку указанное обстоятельство свидетельствует о постпреступном поведении в общем.

Специальные сведения о личности виновного – это сведения, связанные с конкретным видом условного неприменения наказания. Например, это сведения об отношении осужденного к проводимому лечению. Очевидно, что данное обстоятельство имеет главное значение при решении вопроса об условном неприменении наказания в связи с болезнью после выздоровления осужденного.

По нашему мнению, в подробной классификации с последующей ее регламентацией в проекте Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике условного неприменения наказания» нуждаются сведения общего характера. Классифицировать специальные сведения не имеет смысла, поскольку их можно перечислить в указанном проекте с привязкой к конкретному виду условного неприменения наказания.

Между тем, в теории уголовного права мнения ученых по вопросу о том, как следует классифицировать сведения, характеризующие личность виновного, во многом разделились. Г.С.Гаверов писал о необходимости учета социально-демографических и социально-психологических признаков личности. А.А.Герцензон считал, что необходимо учитывать: 1) общие социально-демографические данные; 2) условия формирования и развития личности; 3) участие в общественно полезном труде и общественной жизни; 4) материальное положение; 5) быт и ближайшее социальное окружение; 6) идейный уровень, круг интересов; 7) моральные и политические взгляды виновного. В.И.Ткаченко склоняется к биологическим и социальным признакам.¹¹ В литературе последних лет существует предложение учитывать социально-демографические, психофизиологические данные, а также правовой статус лица.¹² Однако специфика личности виновного, который может рассчитывать на условное неприменение наказания, заключается в том, что его правовой статус мы связываем с требованиями, содержащимися в конкретных нормах УК РФ об условном осуждении, условном неприменении наказания в связи с болезнью, отсрочки отбывания наказания. Что касается сведений

о личности виновного, то автор считает необходимым классифицировать их следующим образом (речь идет о сведениях общего характера):

1. Исправительные данные, т. е. сведения, на основании которых можно с большой долей уверенности прогнозировать максимальное исправление осужденного без реального применения основного наказания. К ним относятся: желание трудоустроиться или учиться либо продолжать работать или учиться; поведение на рабочем месте и в быту; отношение к своей семье и к своим детям. При этом установленные по делу данные, отрицательно характеризующие виновного, например, злоупотребление спиртными напитками, употребление наркотических средств, психотропных или других одурманивающих веществ, плохое отношение к семье, работе, нарушения общественного порядка и т. п., могут послужить причиной отказа в условном неприменении наказания. Термин «исправительные данные» мы ввели, ориентируясь, прежде всего, на цели условного неприменения наказания, одной из которых является исправление осужденного.

2. Психофизиологические данные: состояние здоровья, в том числе наличие психических и иных заболеваний, препятствующих отбыванию наказания; трудоспособность, данные об имеющейся у осужденного инвалидности. При определенной ситуации эти данные могут играть решающую роль в условном неприменении наказания, например, когда речь идет о психическом заболевании, наступившем после вынесения обвинительного приговора суда. В этом случае подобные сведения становятся требованиями, так как регламентированы в рамках УК РФ.

3. Сведения о поведении во время и после совершения преступления: явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления; оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления; добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления; иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему; роль подсудимого в преступлении, в том числе совершенном в соучастии, а также особо активная роль. Указанные сведения являются определенной разновидностью исправительных данных, которые также могут свидетельствовать о «благоприятном прогнозе», т. е. об исправлении виновного. При этом отказ подсудимого от дачи показаний не может служить подтверждением доказанности его вины и учитываться в качестве обстоятельства, отрицательно характеризующего личность подсудимого, при решении вопроса об условном неприменении наказания. Последнее положение прямо предусмотрено в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре».

4. Социально-демографические данные: пол, возраст, профессия, место работы; наличие государственных наград, почетных, воинских и иных званий; семейное и имущественное положение виновного и его близких родственников, быт и социальное окружение; наличие у осужденного на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (жены, родителей, близких родственников). Эти данные носят по большей части информационный характер и имеют большое значение для ресоциализации личности виновного как одной из целей условного неприменения наказания, поскольку при наличии семьи, стабильной работы, хорошем материальном положении ему легче будет приспособиться к общепринятым правилам поведения в обществе, что способствует бесконфликтному существованию виновного среди остальных людей.

5. Сведения о погашенных, снятых и имеющих судимостях. Согласно п. 6 постановления Пленума Верховного Суда от 29 октября 2009 г. № 20 суды не должны учитывать в качестве отрицательно характеризующих личность подсудимого

11 См.: Гаверов Г.С. Общие начала назначения наказания по Советскому уголовному праву: Учеб. пособ. – Иркутск, 1976. – С. 56–57, 66; Герцензон А.А. Уголовное право и социология. – М., 1970. – С. 176; Ткаченко В.И. Общие начала назначения наказания // Российская юстиция. – 1997. – № 1. – С. 10.

12 См.: Непомнящая Т.В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. – СПб, 2006. – С. 60–61.

данные, свидетельствующие о наличии у него погашенных или снятых в установленном порядке судимостей, которые также не могут учитываться при решении вопроса о наличии в содеянном рецидива преступлений (ст. 18, 68 УК РФ). Полагаем, данное утверждение справедливо при назначении наказания. Соглашаясь с мнением М.Н.Становского о том, что погашенная или снятая судимость не может влиять на вид и размер наказания, мы также солидарны в том, что данное обстоятельство имеет существенное значение для характеристики личности виновного, поскольку свидетельствует о том, что вероятность исправления без реального применения наказания небольшая.¹³ Причем чем больше погашенных или снятых судимостей и меньше временной интервал между ними, тем меньше вероятность исправления. В уголовном законодательстве ряда зарубежных стран совершение повторного преступления вовсе исключает возможность применения, например условного осуждения, независимо от факта погашения судимости. В частности, согласно ст. 164 УК Италии 1930 г. (в редакции Закона от 11 января 2004 г.), по общему правилу условное осуждение не назначается более одного раза. Однако в случае, если общий срок при сложении нового наказания с наказанием, назначенным по предыдущему приговору, не превысит пределов, установленных в ст. 163 УК (два года лишения свободы), судья может применить условное осуждение во второй раз (ч. 4 ст. 164 УК).¹⁴ Согласно нормам главы 4 УК Японии 1907 г. отсрочка исполнения наказания может быть повторно предоставлена лицам в случае совершения нового преступления лишь по истечении пяти лет со дня исполнения последнего наказания в виде лишения свободы без принудительного труда независимо от испытательного срока.¹⁵

Предложенный перечень сведений не является исчерпывающим, суд по своему усмотрению может учитывать иные данные, исходя из конкретных обстоятельств совершенного преступления, индивидуальных особенностей личности, ее интересов и т. д. Например, в отношении несовершеннолетних осужденных помимо указанных выше сведений необходимо принимать во внимание условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности его личности, а также влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц. Данное предписание является развитием положений ст. 89 УК РФ и п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».¹⁶

Особое мнение у нас сложилось о положениях, предусмотренных ч. 3 ст. 73 УК РФ, согласно которым суд, решая вопрос о применении условного осуждения (при прочих равных условиях), должен учитывать смягчающие и отягчающие обстоятельства.

Нет сомнений в том, что при назначении наказания необходимо учитывать как смягчающие, так отягчающие обстоятельства. На это прямо указано в ст. 60 УК РФ. Однако что касается условного неприменения наказания, думается, учитывать непосредственно данные обстоятельства нет необходимости, поскольку они уже были учтены при назначении наказания, а именно при определении конкретного его вида и размера. Кроме того, в ст. 61 и 63 УК РФ речь идет об обстоятельствах, смягчающих и отягчающих наказание. Однако в ч. 3 ст. 73 УК РФ смягчающие и отягчающие обстоятельства регламентированы без ссылок на наказание. Вероятно, законодатель имел в виду положительные и отрицательные сведения, которыми необходимо руководствоваться при определении личности виновного. В теории уголовного права по этому поводу существует мнение о том, что правильно было бы назвать

данные обстоятельства обстоятельствами, смягчающими или отягчающими уголовную ответственность, а не наказаниями, поскольку «некорректно отнесение данных обстоятельств только к сфере назначения наказания».¹⁷

По мнению автора, основная цель общих начал условного неприменения наказания – помочь суду сделать правильный вывод о том, насколько вероятно исправление виновного лица без реального применения наказания. Основной целью общих начал назначения наказания является правильное назначение наказания, т. е. определение его вида и размера. Поэтому смягчающие и отягчающие обстоятельства при условном неприменении наказания необходимо в первую очередь учитывать через призму личности виновного, а также характер и степень общественной опасности совершенного преступления. Это послужит более эффективной реализации принципов справедливости и гуманизма.

Поскольку ранее отмечалось, что понятие «личность виновного» применительно к условному неприменению наказания должно пониматься с двух ключевых позиций: как требования, установленные в отношении лиц в конкретных статьях УК РФ о видах условного неприменения наказания, и как сведения о них, то, по мнению автора, данные требования необходимо регламентировать в нормах УК РФ, в частности в нормах отдельной главы УК РФ об условном неприменении наказания.¹⁸ Что касается рекомендаций по сведениям о личности виновного (сведения общего характера и специальные сведения), то они должны содержаться в отдельном постановлении Пленума Верховного Суда.

Таким образом, предложенная система данных о личности виновного, претендующего на условное неприменение наказания, будет максимально способствовать индивидуализации и дифференциации уголовной ответственности, позволит избежать формальных ссылок в приговорах суда на личность виновного лица, на его «положительную характеристику», состоящую из двух–трех предложений. Суд, в свою очередь, обязан будет сконцентрироваться на характеристике личности виновного, поскольку именно она – носитель причин совершения преступления, в том числе и повторного совершения преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. – СПб., 2004.
2. Агзамов И.М. Условное неприменение наказания как комплексный правовой институт: понятие и основания возникновения // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 7.
3. Агзамов И.М. Концептуальные идеи развития института условного неприменения наказания // «Черные дыры» в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2010. – № 5.
4. Гаверов Г.С. Общие начала назначения наказания по Советскому уголовному праву: Учеб. пособ. – Иркутск, 1976.
5. Герцензон А.А. Предмет, метод и система советской криминологии. – М., 1962.
6. Герцензон А.А. Уголовное право и социология. – М., 1970.
7. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. – СПб., 2003.
8. Непомнящая Т.В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. – СПб., 2006.
9. Пичугин С.А. Рецидив преступлений среди условно осужденных: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.
10. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. – Красноярск, 1997.
11. Становский М.Н. Назначение наказания. – СПб., 1999.
12. Ткаченко В.И. Общие начала назначения наказания // Российская юстиция. – 1997. – № 1.
13. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: Учебник / Под ред. И.Д.Козочкина. – М., 2010.

13 См.: Становский М.Н. Назначение наказания. – СПб., 1999. – С. 166–167.

14 См.: Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: Учебник / Под ред. И.Д.Козочкина. – М., 2010. – С. 511–512.

15 См.: там же. – С. 570–571.

16 См.: БВС РФ. – 2011. – №4.

17 См.: Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. – СПб., 2003. – С. 145–146.

18 Подробно об этом см.: Агзамов И.М. Концептуальные идеи развития института условного неприменения наказания // «Черные дыры» в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2010. – № 5. – С. 84–88.

Афицинский В.А.
ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ЛИЧНОСТИ НЕОПЗНАННОГО ТРУПА

В статье рассматриваются проблемы внедрения криминалистического обеспечения научной продукции и технических средств для совершенствования умений и навыков студентов юридических специальностей в вопросах установления личности неопознанного трупа.

Ключевые слова: неопознанный труп, технико-криминалистические средства, криминалистическое и организационное обеспечение.

Afitsinsky V.A.
ORGANIZATIONAL MAINTENANCE AND TECHNICAL CRIMINALISTIC MEANS USED IN ACTIVITY ON THE IDENTIFICATION OF THE UNIDENTIFIED CORPSE

Problems of maintenance of criminalistic ensuring of scientific production and technical means for perfection of skills of students of legal specialties in questions of an identification of an unidentified corpse are considered.

Keywords: unidentified corpse, technical criminalistic means, criminalistic and organizational maintenance.

Афицинский В.А.

В криминалистической литературе организационный элемент рассматривается либо в аспекте оптимальной организационной структуры криминалистических учреждений (А.Ф.Волынский, В.А.Волынский, П.Т.Скорченко и др.);¹ либо в аспекте взаимодействия субъектов деятельности по раскрытию и расследованию преступлений (А.Я.Эрекаев, Э.К.Горячев),² либо в двух указанных аспектах одновременно (К.В.Бугаев, Р.Г.Аксенов, С.Р.Акимов).³ Однако коль скоро криминалистическое обеспечение предполагает на первом уровне не только разработку, но и внедрение научной продукции для создания соответствующих знаний, совершенствования умений и навыков, то организационные вопросы должны также предполагать определение порядка такого внедрения. Упорядочение любой деятельности осуществляется в определенных нормативных рамках, установленных законом и конкретизирующими его положения ведомственными нормативными актами. Организация внедрения научной продукции в системе правоохранительных органов России определяется приказом МВД России от 28 декабря 2005 г. № 1055 «Об организации научного обеспечения и распространения передового опыта в органах внутренних дел Российской Федерации и внутренних войск МВД России». Согласно приказу инициатива на разработку соответствующей научной продукции исходит как от заказчика – конкретного подразделения правоохранительных органов, так и разработчика. В качестве научной продукции рассматриваются нормативно-правовые, организационно-методические, информационно-аналитические, учебные, научные и другие материалы, подготовленные по результатам проведенных научных исследований.

Инструкция о порядке внедрения научной продукции в деятельность органов внутренних дел и внутренних войск

1 Волынский А.Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1999. – С. 28; Волынский В.А. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия преступлений (Методологические, организационные и правовые проблемы): Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1991. – С. 209; Скорченко П.Т. Криминалистика. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений. – М., 1999. – С. 41.

2 Эрекаев А.Я. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования вооруженных разбоев: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 31; Горячев Э.К. Тактико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 29.

3 Бугаев К.В. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств: Дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2003. – С. 43; Аксенов Р.Г. Система криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений // Международные юридические чтения: Материалы науч.-практ. конференции. – Омск, 2006. – Ч. IV. – С. 58; Акимов С.Р. Криминалистическое обеспечение расследования криминальных банкротств: Дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2006. – С. 26.

РФ и ее авторском сопровождении (Приложение № 3 к упомянутому приказу) разделяет понятия внедрение и авторское сопровождение. Под внедрением научной продукции понимается процесс ее доведения до потребителя и ее практическое использование с целью получения положительного результата.

Авторское сопровождение внедрения – это всего лишь помощь при внедрении, обращение к которой относится на усмотрение заказчика. В этом кроется другая серьезная проблема низкой эффективности установления личностей погибших граждан. Нельзя отделять авторское сопровождение от процедуры внедрения, именно автор должен доводить ее до потребителя, проводить обучение по ее практическому использованию.

В итоге определенные инструкцией способы доведения научной продукции до потребителя, такие как издание (тиражирование) с последующим направлением потребителю, опубликование в периодических изданиях и размещение в информационных фондах, так и остаются невостребованными. Именно через обязательное проведение обучающих семинаров, непосредственное консультирование научная продукция должна внедряться. При этом экспертная проверка (апробация) результатов научных исследований должна происходить не «при необходимости» по решению научно-практических секций органа внутренних дел, а в каждом случае внедрения.

Кроме этого организационным недостатком внедрения научной продукции в практическую деятельность следует назвать неудовлетворительную работу Главного информационно-аналитического центра России по информированию органов внутренних дел и внутренних войск, научно-исследовательских и образовательных учреждений о проведенных научных и диссертационных исследованиях. Согласно вышеназванному приказу этот Центр обязан ежегодно до 1 апреля рассылать «Сборник рефератов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ», а до 1 февраля – «Бюллетень зарегистрированных тем диссертационных исследований». Нерегулярная рассылка приводит к дублированию одних и тех же тем в разных регионах и оставляет неисследованными отдельные направления работы правоохранительных органов.

Вторая составляющая организационного обеспечения – это организационная структура криминалистических подразделений. Однако в решении задачи установления личности трупа она должна ставиться шире – как организационное устройство экспертных подразделений, в число которых входят подразделения Полиции и Министерства здравоохранения и социального развития, поскольку экспертизы, связанные с установлением личности трупа (медико-криминалистические

и генотипоскопические), проводятся экспертами Экспертно-криминалистических центров органов внутренних дел и Бюро судебно-медицинской экспертизы. В литературе высказывается мнение о передаче этой функции в одно из указанных экспертных учреждений.⁴ Подобное решение о применении нецелесообразно для обеспечения объективности исследования спорных вопросов, исключения корпоративного подхода при назначении повторных экспертиз. Медико-криминалистические отделения (группы) были созданы в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России в 1993 г.⁵ В их функции помимо производства медико-криминалистических экспертиз входит медико-криминалистическое обеспечение осмотров неопознанных трупов и мест их обнаружения с целью выявления, сбора и фиксации идентификационных признаков, а также обучение оперативных работников, следователей и других лиц правильному заполнению опознавательных карт на неопознанный труп и проверка правильности и полноты их заполнения в Информационном центре. Учитывая, что в органах внутренних дел субъекта федерации штат медиков-криминалистов составляет всего 2 человека, то о какой эффективности их деятельности может идти речь. При такой штатной численности предложение М.Н.Шухнина о наделении медиков-криминалистов контрольными функциями за заполнением опознавательных карт и передаче им для ведения учета без вести пропавших и неопознанных трупов из учетно-регистрационных подразделений⁶ нереально к выполнению. Еще более проблемным является аспект взаимодействия участников деятельности по установлению личности трупа. Проблема обусловлена тем, что все участники этой деятельности являются служащими разных ведомств, не имеющих общего подчинения: Следственного комитета Российской Федерации, оперативных и экспертных подразделений Полиции России, а также Бюро судебно-медицинских экспертиз Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации. Кроме этого, в зависимости от преступлений, жертвами которых стали граждане, чья личность не установлена, к субъектам взаимодействия могут быть отнесены сотрудники Федеральной службы безопасности, Федеральной миграционной службы, Министерства обороны, различных регистрирующих органов. Порядок взаимодействия указанных участников в решении задач идентификации личности погибших должен быть четко нормативно определен. Единого межведомственного акта, регулирующего рассматриваемые вопросы, нет. Инструкции об организации и тактике розыскной работы органов внутренних дел и об организации и тактике установления личности граждан по неопознанным трупам, а также больных и детей, которые по состоянию здоровья или возрасту не могут сообщить о себе сведения, регулируют только деятельность сотрудников Полиции России, к тому же они уже давно стали анахронизмом. С 1993 года – года принятия названных инструкций уже не только поменялось все законодательство, но и изменилась вся система работы правоохранительных органов. В связи с этим организация рассматриваемой деятельности дополнительно требует создания условий надлежащего правового поля.

Технико-криминалистические средства, на верное, единственный элемент рассматриваемой системы криминалистического обеспечения, который, имея самостоятельное (вне системы) развитие, представлен широким спектром оборудования и информационных систем.

Технико-криминалистические средства на разных этапах развития науки определялись по-разному. В 1950 г. А.И.Винберг дает определение криминалистических средств: «Под средствами в криминалистике подразумеваются: различная аппаратура, материалы, оборудование, специально применяемые для обнаружения, собирания, фиксации и исследования судебных доказательств. Примерами средств могут служить набор инструментов, аппаратов и материалов, используемых при осмотре места происшествия (следственная сумка, следственный чемодан), и специально сконструированные для криминалистических целей аппаратура для обнаружения следов, веществ, невидимых при обычном освещении (следы травления чернил на документах, следы замытой крови и т. п.). Криминалистическим целям служит особой конструкции фотографическая аппаратура, например, специальные камеры для фотографирования следов. Тем же целям служат увеличительные оптические приборы – микроскопы для исследования документов, сравнительный микроскоп для исследования стреляных пуль, гильз и т. д.»⁷ Как видно, А.И.Винберг относит к криминалистическим средствам только технику, применяемую для обнаружения вещественных доказательств и при их экспертном исследовании.

Неоднократно высказывал свою точку зрения на понятие технико-криминалистических средств Н.А.Селиванов, который под криминалистической техникой понимал не только приборы, аппаратуру, инструменты, приспособления, материалы, но и методы (способы, приемы, методики), применяемые в криминалистических целях.⁸

С точкой зрения Н.А.Селиванова солидаризировался Р.С.Белкин. Вместе с этим он писал, что, поскольку понятие приема, способа, метода по своему содержанию неравнозначно, а также в целях унификации терминологии лучше пользоваться следующим определением: «Технико-криминалистические средства – это устройство, приспособление или материал, используемый для собирания и исследования доказательств или создания условий, затрудняющих совершение преступления».⁹ Как видно, Р.С.Белкин полностью соглашался с отнесением к технико-криминалистическим средствам «приемов», «способов» и «методов», но предпочитал их не называть в своем определении. Он также не называл их «научно-техническими средствами» (получившими широкое распространение в последнее время), в связи с тем, что это определение не отражает специфических, т. е. криминалистических целей применения средств, а также ряд технико-криминалистических средств не может быть назван научным (например, молоток, щуп, валик для раскатки краски и т. д.).

Споры в криминалистической литературе вызывают не только понятия технико-криминалистических средств, но и их классификации. Многие авторы по-разному подходят к основаниям для такой классификации и, следовательно, по-разному их классифицируют.¹⁰ Таким образом, технико-криминалистические средства по установлению личности неопознанного трупа можно разделить на две группы, выделяемые Н.А.Селивановым по следующим основаниям: по происхождению и по целевому использованию.¹¹

По происхождению: средства, заимствованные из общей техники и используемые в криминалистике без всяких изменений. К их числу можно отнести линейки, рулетки, микрометр, лупы, фотоаппараты, видео- и аудиозаписывающую

7 Винберг А.И. Криминалистика. Введение в науку. – М., 1950. – С. 5.

8 См.: Криминалистика / Под ред. Н.А.Селиванова. – М., 1984. – С. 78.

9 Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. – Т. III. – М., 1979. – С. 42.

10 См.: Винберг А.И. Криминалистика. Введение в науку. – М., 1962. – С. 13; Колмаков В.П. О теоретических основах систематизации методов, приемов и средств советской криминалистики // Правоведение. – 1965. – № 14. – С. 23; Ищенко Е.П. Классификация научно-технических средств, используемых на предварительном следствии // Теория и практика собирания доказательственной информации техническими средствами на предварительном следствии: Сб. науч. трудов. – Киев, 1980. – С. 32 и др.

11 См.: Криминалистика / Под ред. Н.А.Селиванова. – С. 78.

4 Коновалов А.И., Клевно В.А. К вопросу о медико-криминалистических подразделениях МВД России // Перспективы развития и совершенствования судебно-медицинской науки и практики: Материалы шестого всероссийского съезда судебных медиков (посвященные 30-летию Всероссийского общества судебных медиков). – М.; Тюмень, 2005. – С. 159–160.

5 См.: Приказ МВД России от 21 июля 1993 года № 349 «Об организации медико-криминалистического обеспечения установления личности неопознанных трупов».

6 См.: Шухнин М.Н. Неопознанный труп. Установление личности. – М., 2006. – С. 102.

аппаратуру и др.; средства, заимствованные из других областей науки и техники и приспособленные для криминалистических целей (профилометр, переконструированный для исследования следов, лупы, на которых нанесены специальные сетки для исследования папиллярных узоров, и др.); средства, специально разработанные для криминалистических целей. Это передвижные криминалистические лаборатории, сравнительные криминалистические микроскопы и многие другие.

Данная классификация технико-криминалистических средств имеет главным образом организационное значение. Она дает лишь представление об источниках пополнения криминалистической техники и направлениях, в которых проводится работа по расширению ее ассортимента.

По целевому назначению, имеющему не только теоретическое, но и практическое значение, технико-криминалистические средства, необходимые при проведении действий по установлению личности неопознанных трупов, делятся следующим образом: поисковые средства для обнаружения трупов и объектов, могущих иметь значение вещественных доказательств. К их числу можно отнести трупоищатель-газоанализатор «Поиск-1», щупы, электронно-оптические преобразователи, трады и др.; средства фиксации. Это фото-, кино-, видео- и аудиоаппаратура, применяемая для запечатления обстановки на месте обнаружения трупа и его осмотра; средства закрепления (копирования) и изъятия следов (рук, ног, зубов, посмертной маски и т. д.); средства выявления невидимых и мало видимых следов и других объектов. К ним относятся лупы, различные порошки, наборы средств для выявления следов пальцев парами йода, реактивы нингидрина и азотно-кислого серебра, сизласт, силиконовый компаунд У-4-21, силиконовая паста К, приборы и инструменты для выявления и изъятия микрообъектов, а также средства для изъятия запаховых следов (одорологические чемоданы); средства для получения отпечатков пальцев у живых лиц и трупов: типографская краска или паста К, дактилоскопическая подушка, плата, валик, дактилопленки, дактилокарты; средства для изготовления композиционных портретов и фотосовмещения. Это прибор ИКР-2 и компьютерная система составления композиционных портретов «Кадр», аппаратно-программный комплекс «TADD»; универсальные средства: унифицированные чемоданы и передвижные криминалистические лаборатории; средства для систематизации и выдачи криминалистической информации. К ним относятся картотеки и коллекции (следов рук, обуви, неопознанных трупов, без вести пропавших и лиц, находящихся в розыске); средства для лабораторного исследования вещественных доказательств. Это сравнительные криминалистические микроскопы, макрорепродукционные установки (МКР), универсальные лабораторные репродукционные установки (УЛАРУС) и многие другие.

По мнению К.В.Бугаева, под технико-криминалистическими понимаются «средства, используемые в процессе обнаружения, фиксации, изъятия и исследования информации о расследуемом событии, с присущими им специфическими методами, приемами, методиками и особой правовой регламентацией».¹² По мнению названного и других ученых, в понятие «технико-криминалистическое средство» необходимо включать и материалы¹³ (материал как вещество, например специальный дактилоскопический порошок, специфический реактив для определения наркотического средства, и материал как одно из необходимых средств выполнения какой-либо процедуры, действия, например специальный фотоматериал для проведения спектрального анализа), и неовещественные средства: а) специализированные компьютерные программы, поскольку подобные «идеальные» технические средства также обладают всей присущей криминалистической технике

специфичностью (специально выполнены и используются для целей обработки и анализа криминалистически значимой информации); б) базы данных по видам и методам исследования различных вещественных доказательств и образцов; в) такой носитель криминалистически значимой информации, как мысленный образ. «Уже сейчас для составления субъективных портретов применяются специализированное (предназначенное только для криминалистических целей) программное обеспечение и компьютерные комплексы».¹⁴

Компьютерные комплексы как вид технико-криминалистических средств не совсем подходят к этому показателю, поскольку сам мысленный образ не является средством обнаружения, фиксации, изъятия и исследования информации о преступлении. Даже при составлении субъективного портрета используется, как указывает сам К.В.Бугаев, специализированное программное обеспечение, которое предлагает отдельные элементы внешности, оживляющие в памяти запечатленный образ. Последний преобразуется в элемент внешности по имеющейся программе. Таким образом, средством познания информации о преступлении (преступнике) выступает программа, а не сам мысленный образ. Также следует отметить, что название этих средств (технико-криминалистические) условно, поскольку в целях идентификации личности трупов криминалистика широко использует методы и средства, заимствованные у естественно-технических наук и медицины. В рассматриваемом направлении следует активизировать разработку данных средств в первую очередь в области генетических исследований в целях снижения их стоимости и создания банка молекулярной информации.

Пристатейный библиографический список

1. Акимов С.Р. Криминалистическое обеспечение расследования криминальных банкротств: Дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2006.
2. Аксенов Р.Г. Система криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений // Международные юридические чтения: Материалы науч.-практ. конференции. – Омск, 2006. – Ч. IV.
3. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. – Т. III. – М., 1979.
4. Бугаев К.В. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств: Дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2003.
5. Винберг А.И. Криминалистика. Введение в науку. – М., 1950, 1962.
6. Вольнский А.Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1999.
7. Вольнский В.А. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия преступлений (Методологические, организационные и правовые проблемы): Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1991.
8. Горячев Э.К. Тактико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
9. Ищенко Е.П. Классификация научно-технических средств, используемых на предварительном следствии // Теория и практика собирания доказательственной информации техническими средствами на предварительном следствии: Сб. науч. трудов. – Киев, 1980.
10. Колмаков В.П. О теоретических основах систематизации методов, приемов и средств советской криминалистики // Правоведение. – 1965. – № 14.
11. Ковалов А.И., Клевно В.А. К вопросу о медико-криминалистических подразделениях МВД России // Перспективы развития и совершенствования судебно-медицинской науки и практики: Материалы шестого всероссийского съезда судебных медиков. – М.; Тюмень, 2005.
12. Криминалистика / Под ред. Н.А.Селиванова. – М., 1984.
13. Криминалистика: Учебник для вузов / Т.В.Аверьянова, Р.С.Белкин, Ю.Г.Корухов, Е.Р.Росинская; под ред. Р.С.Белкина. – М., 1999.
14. Скорченко П.Т. Криминалистика. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений. – М., 1999.
15. Шухнин М.Н. Неопознанный труп. Установление личности. – М., 2006.
16. Эрекаев А.Я. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования вооруженных разбоев: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.

12 Бугаев К.В. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 17–18.

13 См.: Криминалистика: Учебник для вузов / Т.В.Аверьянова, Р.С.Белкин, Ю.Г.Корухов, Е.Р.Росинская; под ред. Р.С.Белкина. – М., 1999. – С. 44.

14 Бугаев К.В. Указ. соч. – С. 16–17.

Мухортов В.В.

СУВЕРЕНИТЕТ И РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Суверенитет играет важную роль в жизни мирового сообщества, в иерархии политико-правовых ценностей каждого государства. В международных отношениях в условиях глобализации перед лицом новых вызовов и угроз проблема взаимовлияния суверенитетов на международной арене заслуживает особого внимания.

Ключевые слова: суверенитет, федерализм, федеративная государственность, Российская Федерация, глобализация, политическая и правовая трансформации, Союзное государство Россия и Белоруссия.

Mukhortov V.V.

THE SOVEREIGNTY AND THE RUSSIAN FEDERAL STATEHOOD IN THE CONDITIONS OF POLITICAL GLOBALIZATION

The sovereignty plays an important role in world community life, in hierarchy of political and legal values of each state. In international relations in the conditions of globalization in the face of new calls and threats the problem of interference of sovereignties on international scene deserves special attention.

Keywords: sovereignty, federalism, federal statehood, Russian Federation, globalization, political and legal transformations, Union State of Russia and Belarus.

Мухортов В.В.

В Российской Федерации понятие «суверенитет» в последние годы приобрело особую остроту и актуальность, стало одним из ключевых в научных и общественно-политических дискуссиях. Решение задачи всесторонней модернизации страны в современных условиях, основанной на ценностях и институтах демократии, совершенствование политической системы свидетельствует об актуальности проблемы содержания и реализации суверенитета в государстве, придает новое наполнение понятию «суверенитет».¹

«Попытки принизить роль суверенного государства как основополагающего элемента международных отношений, ввести в практику разделение государств на категории с различным объемом прав и обязанностей несут в себе угрозу подрыва международного правопорядка, а также чреваты произвольным вмешательством во внутренние дела суверенных государств», – отмечается в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 июля 2008 года № Пр-1440.

В правовом смысле миропорядок до конца XX века основывался на фундаментальном понятии суверенности государства-нации как субъекта международного права, восходящем в своей основе к Вестфальскому мирному договору 1648 года. Но в конце 80-х гг. прошлого столетия произошел кризис Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, который был предопределен объединением Германии, распадом СССР, Чехословакии и Югославии.

Агрессивные действия НАТО против Югославии, военные действия США в Ираке и Афганистане, а также нападение Грузии на Южную Осетию подтверждают, что происходит девальвация норм международного права, под сомнение ставится прежний миропорядок, само понятие государственного суверенитета. Однако примечателен вывод, сформулированный Е.М.Примаковым: «...ни в коем случае не следует преуменьшать устойчивость национальных суверенитетов. Вывод об их размыве весьма опрометчив».²

В число российских национальных интересов в международной сфере входит заключение нового, всеобъемлющего Договора о европейской безопасности, который призван объединить всю Евро-Атлантику на основе единых правил игры.

1 Медведев Д.А. Россия вперед! 10 сентября 2009 г.; Послание Федеральному Собранию 12 ноября 2009 г. // Российская газета. – 2009. – 12 ноября; Медведев Д.А. Выступление на международной конференции «Современное государство и глобальная безопасность», 14 сентября 2009 г., Ярославль.

2 Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. – М., 2009. – С. 75.

Безусловно, при создании новой архитектуры безопасности проблема государственного суверенитета найдет достойное место.

Единое правовое пространство выступает необходимым условием осуществления суверенитета на всей территории государства. В 2000 году Президент Российской Федерации В.В.Путин среди первоочередных задач своей деятельности обозначил обеспечение единства правового пространства, без решения которой невозможно было вывести страну из кризиса. Указом Президента РФ от 10 августа 2000 г. № 1486 в ред. от 18 января 2010 г. № 80 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации»³ в целях обеспечения верховенства Конституции Российской Федерации и федеральных законов в Российской Федерации, реализации конституционного права граждан на получение достоверной информации о нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации было предусмотрено создание федерального банка нормативно-правовых актов субъектов – федерального регистра. Ведение федерального регистра было возложено на Министерство юстиции Российской Федерации.

Понятие суверенитета есть качественная характеристика, прежде всего, государственной власти. Суверенитет государства, исследуемый через призму федеративного устройства, представляет собой результат объективно обусловленного, согласованного взаимного перераспределения полномочий между центром и субъектами федерации, придает упорядоченность структурным реформам, устойчивость Федерации в целом.

Реализация суверенитета осложняется практикой опережающего правового регулирования субъектов Российской Федерации в условиях отсутствия четких общегосударственных ориентиров региональной правотворческой политики. Вследствие этого возникают коллизии в государственно-правовой системе России. Существует непоследовательность в регулировании разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, различное понимание правового статуса субъектов Федерации и автономии местного самоуправления.

В настоящее время существует объективная потребность изменения подходов к исследованию сущности государственного суверенитета, его содержания и перспектив эволюции. Новые подходы должны включать системный научный анализ

3 Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 33. – Ст. 3356; 2010. – № 4. – Ст. 368.

и комплексный общецивилизационный подход, диалектику сохранения суверенитета как ценностной категории.

В условиях проводимых реформ научные разработки, акцентирующие внимание на правовых механизмах укрепления единой государственной власти в федеративном государстве, его суверенитета, имеют принципиальное значение. Это обстоятельство обусловило обращение в рамках данного исследования к системному, диалектическому осмыслению процесса становления, развития и определенной трансформации государственного суверенитета.

Тем не менее, проблематика государственного суверенитета не исчерпана и далеко не со всеми высказываниями, встречающимися в литературе, можно сегодня согласиться. Требуют научного обоснования современные процессы, от которых зависит укрепление государственного суверенитета Российской Федерации, развитие интеграции на постсоветском пространстве. Особый интерес, безусловно, представляет процесс создания Союзного государства Беларуси и России, который в последние годы, к сожалению, потерял необходимую динамику.

На основе исследования генезиса суверенитета в истории государства и права от его истоков до наших дней можно сделать вывод, что государственный суверенитет, его признаки и свойства дают основания для более полного современного анализа основных системообразующих элементов понятия суверенитета как неотъемлемого свойства государственной власти. Как феномен, отражающий определённое состояние государства, народа, нации, суверенитет складывался в ходе исторического развития в соответствии с изменяющейся социально-экономической и политической структурой общества.

Суверенитет Российского государства, будучи одним из базовых принципов конституционного строя, выступает юридической гарантией функционирования других принципов государственного строя и российского федерализма. Государственный суверенитет как конституционная гарантия единства Российского федеративного государства обеспечивает верховенство Конституции Российской Федерации и федеральных законов, территориальную целостность, субординационный характер взаимоотношений федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Федерации.

Систематизируя сущностные характеристики суверенитета, мы пришли к выводу, что суверенитет является не только исторической категорией. Он характеризует собой юридическую природу государственного властвования и является тем необходимым критерием, который дает возможность отличить государство от других публично-правовых союзов и отграничить сферу властвования каждого государства как субъекта суверенной власти в пределах своей территории от сферы власти других государств. Суверенитет всегда выступает как реальная правовая категория, внешняя форма выражения государственно-правовых явлений и процессов. Суверенитет есть политическое и государственно-правовое явление.

Для успешного развития федеративных отношений в интересах укрепления российского государственного суверенитета нами предлагается: конкретизировать и утвердить базовые принципы организации и взаимодействия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в целях укрепления общероссийской государственности и повышения самостоятельности субъектов Федерации; законодательно сформулировать понятие «предметов ведения», «полномочий», обеспечить терминологическое единообразие их использования в федеральных нормативных правовых актах и актах органов государственной власти субъектов Российской Федерации; сформировать эффективный механизм принятия федеральных законов, заключения договоров и соглашений, регламентирующих отношения в сфере реализации региональной политики; согласовывать цели государственной политики в

региональной сфере с основными приоритетами проводимых и планируемых реформ.

В целях дальнейшего упрочения основ федерализма, практического совершенствования государственного суверенитета Российской Федерации предложено: продолжить процесс совершенствования федерации в рамках существующих конституционных механизмов; обеспечить верховенство федерального права, устранить несоответствие нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации федеральной Конституции и законодательству; развивать федеральное коллизионное право; разработать и принять обновленную концепцию региональной политики, обеспечить приведение российского законодательства в соответствие с решениями Конституционного суда Российской Федерации по проблемам государственного суверенитета; осуществить выравнивание экономического потенциала и уровня жизни регионов; последовательно стремиться к территориальному принципу построения государства, создавать условия добровольного экономически целесообразного объединения субъектов в составе Российской Федерации.

Как нам известно, одним из основополагающих устоев и ценностей конституционного строя России является народовластие. Конституцией воедино связаны понятия «народный суверенитет» и «источник власти». Исходя из этих конституционных принципов, нами разработана авторская концепция «российского реального суверенитета» и обоснована ее взаимосвязь с категорией «суверенная демократия». В условиях политико-правовых трансформаций в России они представляют широкие возможности для подъема мощи государства, его международного авторитета, повышения качества жизни населения страны, укрепления государственных институтов Российской Федерации и её субъектов, совершенствования управляемости политическими процессами, развития гражданского общества.

Сегодня из двух возможных путей развития России как единого государства – унитаризма с жестко централизованной системой власти и федерализма с децентрализованной системой управления – в государственной практике реализуется второй. Но для обеспечения конституционного правопорядка в государстве важна не победа одной из постоянно существующих в любом федеративном государстве тенденций: унитаризма или федерализма, а нахождение баланса сил, при котором будут оптимально соблюдаться перечисленные выше принципы. На современном этапе развития российской государственности полное исчезновение унитарного начала из государственно-правовой жизни может подвергнуть Россию опасности полной дезинтеграции. Суверенитет должен адаптироваться к современным потребностям с целью распределения власти внутри государства и координации властей вне его, суметь ответить на новые вызовы и угрозы.

Среди новых вызовов и угроз государственному суверенитету наиболее опасным является международный терроризм. Он обрел в последние годы преимущественно новую форму, переплетается со многими традиционными угрозами, среди них, например, опасность распространения ядерного и других видов оружия массового уничтожения. Нельзя исключать возможность реального сращивания с ними международного терроризма.

Первостепенное значение имеет анализ и устранение причин и условий возникновения и проявлений терроризма. В исследованиях последнего времени существуют противоречивые точки зрения относительно его взаимосвязи с суверенитетом. По одной из них для большинства диктаторов суверенитет служит своеобразным «забором», за которым они делают со своими странами и народами все, что им вздумается. А цивилизованный мир при этом остается пассивным наблюдателем.

К другим угрозам государственному суверенитету можно отнести гипотетическую опасность прямого военного столкновения, определенную слабость, неконкурентоспособность

экономик стран, мягкие «оранжевые» технологии борьбы за власть. Несомненно, глобальный экономический кризис, охвативший многие страны, окажет негативное влияние на экономическую составляющую их суверенитета.

На фоне центробежных тенденций в бывшем Советском Союзе Россия и Белоруссия последовательно проходили этапы все более тесного интеграционного сближения. Образование Союзного государства в полной мере отвечает высшим национальным интересам Российской Федерации и Республики Беларусь.

Союзное государство – это модель нового типа, объединяющая в одно государство ассиметричные составляющие – федеративную Россию и унитарную Белоруссию. В Договоре о Союзном государстве отмечено, что национальный суверенитет, независимость и государственное устройство каждого государства-участника сохраняются, подтверждается их приверженность Уставу ООН и общепризнанным принципам и нормам международного права. Подтверждается международная правосубъектность государств-участников, включая членство в ООН и других международных организациях.

Новый рубеж, на который может выйти единение России и Беларуси, видится как комплекс мер по объединению двух

государств: переход от международной конструкции конфедеративного типа с элементами федерации к полноценной федерации.

Процесс создания Таможенного союза и единого экономического пространства, развитие ЕврАзЭС, Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) требует дополнительного внимания к проблеме суверенитета.

Итак, суверенитет продолжает играть весьма важную роль в международных отношениях, однако он, в его классическом международно-правовом понимании, корректируется современным политическим, экономическим и технологическим развитием.

Пристатейный библиографический список:

1. Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию 12 ноября 2009 г. // Российская газета. – 2009. – 12 ноября.
2. Медведев Д.А. Выступление на международной конференции «Современное государство и глобальная безопасность», 14 сентября 2009 г., Ярославль.
3. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. – М., 2009.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПРОРЫВ УКРАИНСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

(выход в свет англо- и русскоязычной версий журнала «Право Украины»)

«Право Украины» – это общенациональное научно-практическое юридическое издание, которое публикуется с 1922 г. Журнал издается совместно Национальной академией правовых наук Украины, Институтом государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины, Национальной юридической академией Украины имени Ярослава Мудрого, Конституционным Судом Украины, Верховным Судом Украины, Высшим хозяйственным судом Украины, Генеральной прокуратурой Украины, Министерством юстиции Украины, Союзом адвокатов Украины. «Право Украины» – лидер среди украинских научных юридических журналов по тиражу и количеству подписчиков.

С 2011 года журнал издается на трех языках: украинском, русском и английском. Решение об этом принято исходя из стремления сделать доступнее и понятнее для зарубежного читателя информацию о развитии правовой системы Украины и украинской юридической мысли, о наиболее авторитетных украинских ученых, юридических научных и образовательных центрах.

Журнал «Право Украины» первым среди украинских юридических изданий создал специальную версию для зарубежного читателя. Журнал «Право Украины» является авторитетным и единственным периодическим изданием, знакомящим зарубежного читателя с актуальными вопросами развития правовой системы Украины и с вершинами ее правовой мысли. Русско- и англоязычные варианты журнала не являются точными копиями украиноязычной. Каждый номер содержит тематическую подборку статей украинских и зарубежных авторов по одной из актуальных проблем юридической науки и практики, обзор новелл украинского законодательства и т.д.

На все три версии журнала в печатном или электронном виде можно подписаться в любой стране мира – через редакцию, а в Украине, Российской Федерации, в ближайшее время – также в США можно оформить подписку через подписные агентства.

Узнать больше о журнале, условиях подписки, бесплатно ознакомиться с первыми номерами «Права Украины» можно по следующим ссылкам:

Русскоязычная версия: http://pravoua.com.ua/upload/upload/pdf/2011/1_2011_ru_sod.pdf

Англоязычная версия: http://pravoua.com.ua/upload/upload/pdf/2011/1_2011_en_sod.pdf

Будем рады предоставить Вам необходимую дополнительную информацию: okresin@gmail.com

Селезнев Е.П.

РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Феномен региональной безопасности в Российской Федерации находится в тесной взаимосвязи с феноменом национальной безопасности, поскольку является составной частью системы национальной безопасности страны. Национальная безопасность – это состояние защищенности жизненно важных интересов основных объектов безопасности от внешних и внутренних угроз и опасностей, обеспечивающее сохранность этих объектов и развитие. В объект национальной безопасности входит и федеративное государство, частью которого выступает субъект Российской Федерации.

Ключевые слова: государственная политика, безопасность, угроза, опасность, внутренняя безопасность, внешняя безопасность, сфера безопасности региона.

Seleznev E.P.

REGIONAL SECURITY IN THE SYSTEM OF NATIONAL SECURITY OF RUSSIA: POLITICAL AND LEGAL ASPECTS

The phenomenon of regional security in the Russian Federation is in close interrelation with the phenomenon of national security since it is a component of the system of national security of the state. National security is a condition of security of the vital interests of the basic objects of security from external and internal threats and the dangers, providing security of these objects and development. The subject of the Russian Federation being the part of the federative state is also the part of the object of national security.

Keywords: state policy, security, threat, danger, internal security, external security, sphere of security of region.

В современной Российской Федерации понятия «национальная безопасность» и «региональная безопасность» воспринимаются по-новому в философско-мировоззренческом плане. Исследователь А.А.Балабанов отмечает, что «если в советской России национальная безопасность понималась как защищенность государства от внешней агрессии и внутренней антигосударственной деятельности (в политической и духовной сферах – от инакомыслия), то современное представление о национальной безопасности повернулось в сторону либерально-демократических ценностей: человек, его права и свободы определяются Конституцией РФ как высшая ценность государства и общества».¹ В этой связи задача обеспечения безопасности личности в России является высшим государственным приоритетом на всех уровнях реализации ее жизненно важных интересов – от федерального до муниципального. Вместе с тем, представляется, что на региональном уровне личность реализует большинство своих интересов.

В модернизирующейся России понятие безопасности не как государственной, а как национальной впервые было закреплено в федеральном законе «О безопасности» от 5 марта 1992 г., который определяет национальную безопасность как «...состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз».²

В этом же нормативно-правовом акте определены основные принципы обеспечения безопасности личности и общества: справедливость, законность, достаточность сил и средств обеспечения безопасности, гуманность, своевременность мер обеспечения безопасности, адекватность мер обеспечения безопасности внешним и внутренним угрозам национальных интересов. Если учесть, что региональная безопасность является составной частью безопасности национальной, то эти принципы нуждаются в распространении и на региональную безопасность в Российской Федерации.

Субъекту Российской Федерации, как и Российской Федерации в целом свойственны свои жизненно важные интересы – территория, суверенитет в рамках федеративного государства, духовные и материальные ценности общества (региональной социальной общности). Национальные интересы Российской Федерации складываются из жизненно важных интересов личности, общества и государства. И личность, и общество

реализуют свои жизненно важные интересы на трех уровнях – национальном, региональном и локальном (муниципальном).

Национальная безопасность как качественная характеристика состояния любого государства означает потенциальную и реальную возможность государственно организованного социума (нации) противостоять внутренним и внешним угрозам.

Безопасный режим государства предполагает:

- стабильность внутригосударственной социально-политической системы;
- устойчивую тенденцию социальной репродукции и социального развития;
- стабильное положение в геополитическом пространстве;
- наличие действенного механизма предотвращения и пресечения антигосударственных посягательств как во внутриполитической, так и в международной сферах.³

Это еще раз обращает наше внимание на то, что национальная безопасность носит многоуровневый характер, и регион выступает как самостоятельный объект национальной безопасности. Более того, современное понимание национальной безопасности отражает тесную взаимосвязь и взаимообусловленность безопасности государства, личности и общества на всех уровнях – от международного до локального.⁴

Региональная безопасность как составляющая часть национальной безопасности играет ключевую роль в реализации конституционных прав и свобод граждан, в обеспечении возможности самореализации личности, духовном обновлении, политической и социальной стабильности общества, обеспечении функционирования государства и видится значимым фактором развития Российской Федерации.

Национальная безопасность Российской Федерации в региональном аспекте определяется, прежде всего, исходя из следующего: региональная безопасность играет ключевую роль в реализации конституционных прав и свобод граждан, в обеспечении возможности самореализации личности, духовном обновлении, политической и социальной стабильности общества, обеспечении функционирования государства и становится все более важным фактором развития экономики Российской Федерации; само существование федеративного государства в большей степени зависит от устойчивого развития регионов, которые в связи с этим активнее используют свои

1 См.: Балабанов А.А. Политико-правовые аспекты обеспечения региональной безопасности в Российской Федерации (на примере Алтайского края): Дис. ... канд. полит. наук. – М.: РАГС, 2003.

2 Закон Российской Федерации «О безопасности» // Ведомости Совета Народных Депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 15.

3 Колокольцев В.А. Обеспечение государственных интересов России в контексте концепции национальной безопасности: Автореф. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2005.

4 См.: Общая теория национальной безопасности / Под ред. А.А.Прохожева. – 2-е изд. – М., 2005. – С. 217.

внешнеэкономические связи и возможности; реализация национальных интересов Российской Федерации в региональном разрезе заключается в соблюдении конституционных прав и свобод граждан.⁵

Представляется, что среди принципов обеспечения безопасности личности и общества в Российской Федерации принцип взаимосвязи и взаимозависимости безопасности нации и безопасности конкретного региона должен занимать ведущее место. Трудный путь становления модели федеративных отношений в Российской Федерации требует внимательной оценки места и роли современного региона в обеспечении национальной безопасности России.⁶ Национальная безопасность охватывает все вертикально расположенные уровни социума, а региональная безопасность охватывает часть территории Российской Федерации и социальную общность, проживающую на данной территории. Расчленение системы национальной безопасности на вертикальные подсистемы соответствует общепринятой в мире практике районирования территории страны. Согласно такой практике под регионом понимают территорию, характеризующуюся однородностью в одном или нескольких объектах. Учитывается и общественное сознание населения региона (не только отождествление населения с определенной территорией, но и противопоставление себя жителям других регионов, имеющих иные традиции, привычки, экономические и социальные особенности, часто и иные политические интересы).⁷

На наш взгляд, необходимо обобщить понятие «регион», употребляемое сегодня в политико-правовой науке: а) зачастую понятие «регион» приравнивается к понятию субъекта Российской Федерации;⁸ б) в работах ряда авторов регион обозначает некоторую территорию России, выделенную по критериям общности экономического и социального развития, как правило, включающую несколько соседних субъектов Российской Федерации;⁹ в) регион как понятие, приравненное по своему содержанию к федеральному округу Российской Федерации: Центральный ФО, Северо-Западный ФО, Южный ФО, Приволжский ФО, Уральский ФО, Сибирский ФО, Дальневосточный ФО, Северо-Кавказский ФО.¹⁰ По сути, третий из перечисленных подходов в определенной мере коррелирует со вторым подходом, однако появился после создания системы федеральных округов.

Второе из указанных условий является концептуально более важным, поскольку в большей степени определяет объект, анализируемый при изучении феномена региональной безопасности. Само существование федеративного государства в большей степени зависит от устойчивого развития регионов, которые в связи с этим активнее используют свои внешнеэкономические связи и возможности.

В современной научной литературе понятие «региональная безопасность» чаще употребляется применительно к внешней безопасности страны: под регионом понимается группа государств, выделяемая на основе общих географических, исторических и прочих особенностей. Так, говорят о региональной безопасности применительно к Азиатско-Тихоокеанскому

региону, Центральной Азии, Ближнему Востоку и другим регионам. Региональный подход предполагает классификацию национальных интересов России по определенным приграничным территориям: в Арктическом регионе; в Северо-Западном регионе; в Западном регионе; в Северо-Кавказском регионе и на Кавказе в целом; в Центрально-Азиатском регионе; в регионах Забайкалья, Дальнего Востока и Приморья.¹¹ Такой подход предполагает и внешнюю сторону региональной безопасности в Российской Федерации.

Региональная безопасность относится к внутренней составляющей национальной безопасности. Внутренняя и региональная безопасность соотносятся как общее и частное.¹² С учетом определения понятия «безопасность» в Законе Российской Федерации «О безопасности» внутреннюю безопасность можно определить как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних угроз». Региональная безопасность включает в себя только ту часть внутренней безопасности, которая обусловлена воздействием угроз, исходящих из организации государства в пространстве своей территории.

Специфика региональной безопасности видится и в субъектах ее обеспечения: обеспечение безопасности региона относится главным образом к компетенции региональных властей, государственных органов власти субъектов Российской Федерации. В данной ипостаси органы власти субъекта РФ несут основную нагрузку в обеспечении безопасности граждан, проживающих на территории региона. Обеспечение региональной безопасности государство реализует через региональную политику. Важность региональной политики определяется тем, что «сближение интересов населяющих страну народов, налаживание их всестороннего сотрудничества, проведение ответственной и взвешенной государственной региональной политики позволит обеспечить в России внутривнутриполитическую стабильность. Комплексный подход к решению задач обеспечения безопасности должен составлять основу внутренней государственной политики, обеспечивающей развитие Российской Федерации как многонационального демократического федеративного государства».

Региональная политика в своей основе представляет не что иное, как политику обеспечения региональной безопасности. И та, и другая нацелены на сохранение среды обитания людей и на реализацию их жизненно важных интересов на конкретной территории Российской Федерации. Обеспечение региональной безопасности как сложное явление представляет собой систему взаимосвязанных элементов. Данная система включает в себя не только определенную совокупность концептуальных установок и положений, социально-политических и правовых институтов и учреждений, определенных средств, методов и форм, позволяющих не допускать или адекватно реагировать на возникающие опасности и угрозы, но и совокупность жизненно важных интересов основных объектов региональной безопасности (граждане России, проживающие на территории субъекта федерации; региональная социальная общность, входящая в российское общество, и органы государственной власти субъекта федерации).

Методологическая схема выработки концепции региональной безопасности строится из формулирования концепции интересов региональной социальной общности и обозначения реальных и потенциальных угроз региональным интересам. В данной связи целесообразно показать взаимосвязь системы обеспечения национальной безопасности и системы обеспечения региональной безопасности именно через интересы, их определяющие.

По многим сферам жизнедеятельности интересы Российской Федерации и ее субъектов совпадают. Но регион как

5 См.: Билалов А.Г. Законодательное обеспечение национальной безопасности в условиях становления государственности РФ // Право и безопасность. – 2003. – № 4. – С. 13–19.

6 См.: Возжеников А.В. Обеспечение национальной безопасности России на местном и региональном уровнях // Общая теория национальной безопасности. – М., 2005. – С. 218.

7 Медведев Н.П. Политическая регионалистика. – М., 2007.

8 См., напр.: Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 27. – Ст. 2710. – Ч. 2. – С. 15; Медведев Н.П. Субъект Российской Федерации в условиях государственно-правовых реформ. – М., 2006.

9 См., напр.: Доленко Д.В. Территориальное устройство общества: социально-политический анализ. – Саранск, 1993; Медведев Н.П. Политическая регионалистика.

10 Перечень федеральных округов. Утв. Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 (с последующими изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 20. – Ст. 2112.

11 См., напр.: Выборнов М.А. и др. Региональная безопасность: геополитические и геоэкономические аспекты. – М., 2007.

12 См., напр.: Проблемы внутренней безопасности России в XXI веке: Материалы конференции / Науч. ред. А.В.Возжеников. – М.: ЗАО «ЭДАС-ПАК», 2001.

самобытная социальная общность имеет и свои, только ему присущие интересы. Этот факт можно проследить на примере интересов государственных органов исполнительной власти субъектов РФ и государственных органов исполнительной власти Российской Федерации. Общий вопрос, который «волнует» все современные федерации, сводится к тому, как распределить властные полномочия так, чтобы быть в состоянии удовлетворить общие потребности, не нарушая при этом социального многообразия и не в ущерб интересам отдельного субъекта федеративных отношений. В отечественных исследованиях этот вопрос решен в работах А.А. Балабанова и И.Х. Машукова.¹³ Например, во взаимоотношениях Российской Федерации и Кабардино-Балкарской Республики не соблюдается главный принцип федерализма: равенство прав и ответственности Федерации и ее субъектов в пределах их предметов ведения. Более того, на наш взгляд, федеративное государство не может эффективно и бесконфликтно функционировать, если у органов государственной власти на всех уровнях Федерации нет общности в понимании национальных интересов. А региональные интересы, в свою очередь, являются составным элементом национальных интересов – принцип «единство в многообразии». Только при соблюдении данного принципа возможно добиться гармонизации жизненно важных интересов личности, общества и государства в Российской Федерации.

Территориальная общность, регион – субъект федерации имеет не только свой особый облик, но и свои жизненно важные интересы. Система жизненно важных интересов на региональном уровне имеет подвижный характер, она изменчива под влиянием условий, среды безопасности. Современная стратегия обеспечения национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года признает региональный уровень безопасности в общей системе национальной безопасности.¹⁴ Согласие в интересах федерального центра и регионов базируется на основе общих (национальных) ценностей, к которым относятся свобода и независимость Российской Федерации, гуманизм, межнациональный мир и единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных традиций, патриотизм. В стратегии акцентируется внимание на территориальной целостности страны и укреплении федерализма, на современных угрозах безопасности Российской Федерации, противодействие которым осуществляется системой обеспечения безопасности. На региональном уровне стабильному состоянию национальной безопасности отвечает сбалансированное, комплексное и системное развитие субъектов Российской Федерации.

В качестве одного из главных направлений обеспечения национальной безопасности на региональном уровне на среднесрочную перспективу стратегия определяет создание механизмов сокращения уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов РФ путем сбалансированного территориального развития. В долгосрочной перспективе угрозы национальной безопасности, связанные с диспропорцией уровней развития регионов России, должны предотвращаться путем развертывания полномасштабной национальной инновационной системы за счет формирования перспективных территориально-промышленных районов в южных регионах и Поволжье, на Урале и в Сибири, на Дальнем Востоке и в других регионах Российской Федерации.

Система национальных интересов России определяется совокупностью жизненно важных интересов личности, общества и государства в важнейших сферах общественной жизнедеятельности: в области экономики, социальной и духовной

13 См.: Балабанов А.А. Политико-правовые аспекты обеспечения региональной безопасности в Российской Федерации (на примере Алтайского края). – М., 2003; Машуков И.Х. Федеральный центр и субъект федерации: разграничение полномочий и предметов ведения в контексте обеспечения национальной безопасности России (на примере Кабардино-Балкарской Республики). – М., 2006.

14 См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537.

жизни, во внутривнутриполитической, международной, оборонной, информационной сферах, в пограничном пространстве и др.

Базисные интересы личности состоят в реальном обеспечении конституционных прав и свобод граждан, в поддержании такого уровня их жизни, который предоставляет необходимые минимальные возможности для физического, духовного и интеллектуального развития. Эти интересы являются главными для гражданина России, жителя любого из регионов Российской Федерации.

Базисные интересы общества заключаются в упрочении влиятельных и независимых институтов гражданского общества, внутренней социально-политической стабильности и целостности, в повышении созидательной активности трудоспособного населения, а также в духовном возрождении России. Мы убеждены, что эти интересы разделяют и муниципальные (локальные), и региональные социальные общности. Специфика региональных интересов продиктована теми или иными факторами и условиями безопасности региона. Например, жизненно важным интересом сырьевого российского региона выступает развитие экологически чистых способов добычи минерального сырья, развитие добывающих технологий, перерабатывающей индустрии. Для технологически развитых регионов России жизненно важно выдержать конкуренцию на мировом рынке, ликвидировать отставание страны в научно-технологической сфере.

Базисные интересы государства состоят в защите конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, в наращивании национальной мощи, в ослаблении угроз национальной безопасности, в создании пояса добрососедства по периметру территории страны и развитии межгосударственного сотрудничества на основе партнерства.

Таким образом, региональная безопасность является составной частью национальной безопасности и самостоятельной подсистемой обеспечения национальной безопасности, характеризующейся состоянием защищенности жизненно важных интересов субъекта Российской Федерации. Чем сильнее регионы, тем выше степень защищенности национальных интересов России от внутренних и внешних угроз. Основные жизненно важные интересы объектов региональной и национальной безопасности совпадают, однако есть и противоречия в интересах Российской Федерации и ее субъектов, вызванные спецификой среды безопасности и неравномерным развитием регионов России.

Пристатейный библиографический список

1. Балабанов А.А. Политико-правовые аспекты обеспечения региональной безопасности в Российской Федерации (на примере Алтайского края): Дис. ... канд. полит. наук. – М.: РАГС, 2003.
2. Билалов А.Г. Законодательное обеспечение национальной безопасности в условиях становления государственности РФ // Право и безопасность. – 2003. – № 4.
3. Возжеников А.В. Обеспечение национальной безопасности России на местном и региональном уровнях // Общая теория национальной безопасности. – М., 2005.
4. Выборнов М.А. и др. Региональная безопасность: геополитические и геоэкономические аспекты. – М., 2007.
5. Доленко Д.В. Территориальное устройство общества: социально-политический анализ. – Саранск, 1993.
6. Колокольцев В.А. Обеспечение государственных интересов России в контексте концепции национальной безопасности: Автореф. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2005.
7. Машуков И.Х. Федеральный центр и субъект Федерации: разграничение полномочий и предметов ведения в контексте обеспечения национальной безопасности России (на примере Кабардино-Балкарской Республики). – М., 2006.
8. Медведев Н.П. Субъект Российской Федерации в условиях государственно-правовых реформ. – М., 2006.
9. Медведев Н.П. Политическая регионалистика. – М., 2007.
10. Общая теория национальной безопасности / Под ред. А.А. Прохожева. – 2-е изд. – М., 2005.

Артеменко О.И.

УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ НАРОДОВ РОССИИ: ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ, ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

В статье в историческом аспекте рассматривается реализация государственной политики, направленной на удовлетворение языковых, этнокультурных образовательных потребностей народов России. Показаны механизмы решения одной из актуальных проблем – сохранения этнической идентичности и целостности государства в поликультурной среде в различных государствах, в том числе и России. Отмечается роль школы в формировании этнической идентичности национального меньшинства, позволяющей сохранить важные аспекты своего языка и культуры. Кроме того, отмечается, что степень разрыва в уровне успеваемости между представителями основного населения и меньшинства определяет стабильность развития общества.

Ключевые слова: полиэтничность общества, демократическое государство, интересы национальных меньшинств, родной язык, культура, образование, единая государственная нация, национально-культурная автономия.

Artemenko O.I.

SATISFACTION OF ETHNOCULTURAL EDUCATIONAL NEEDS OF PEOPLES IN RUSSIA: STATEHOOD AND ETHNIC IDENTITY

Historically, an implementation of public policies designed to meet the linguistic, ethnic and cultural educational needs of the peoples of Russia is considered. The mechanism of the solving of one of the urgent problems of preservation of ethnic identity and integrity in a multicultural environment in various countries, including Russia is shown. Noted is the role of the school and the formation of ethnic identity of national minorities, which allows to keep important aspects of their language and culture. Besides the extent of the gap in achievement between the majority population and minorities to the stability of society is noted.

Keywords: polyethnicity of society, democratic state, interests of national minorities, native language, culture, education, unified state nation, autonomy.

Процесс общественных трансформаций, начавшийся в нашей стране два десятилетия назад, направлен на реализацию центральной стратегической цели – формирование в России гражданского общества и сопровождается наряду с социально-экономическими и социокультурными изменениями перестройкой общественного сознания.

Федеральными законами «Об общественных объединениях» № 82-ФЗ от 19 мая 1995 года, «О национально-культурной автономии» № 74-ФЗ от 17 июня 1996 года определены условия взаимодействия государства и общества, защиты интересов граждан России в процессе выбора ими путей и форм своего культурного развития, самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры. В этих общественных преобразованиях школа как главный институт целенаправленной социализации индивида и поколения должна соответствовать новым условиям, выстраивая образовательные программы, направленные на формирование личности гражданского общества в условиях масштабного и динамичного перемещения различных расовых, культурных, этнических, религиозных и языковых групп внутри страны и вне неё. В соответствии с федеральным законодательством общественные организации вправе создавать школы и обеспечивать их функционирование,¹ направленное на удовлетворение этнокультурных потребностей. Закон Российской Федерации «Об образовании» предусматривает усиление роли общественных организаций в управлении образовательным процессом через часть основной образовательной программы, формируемой участниками образовательного процесса.²

Современные общества по своему этническому составу динамично меняются, об этом свидетельствует ряд показателей. Число людей, живущих за пределами той страны, где они родились или гражданами которой являются, возросло

со 120 млн. в 1990 г. до 160 млн. в 2000 г.³ В 2008 г. население земного шара составило примерно 7 млрд. человек, из которых 200 млн. мигрантов жили вне государства, в котором они родились, а это 3 % населения мира.⁴ В этих условиях любое демократическое государство обязано решать сложные образовательные проблемы, связанные с огромным разрывом между идеалами гражданского общества и интересами национальных меньшинств, направленными на сохранение и развитие родных языков и культур. Как показывает практика, когда большинство маргинализирует меньшинство в школе и обращается с ними как с представителями иной культуры, то такая ситуация чаще всего стимулирует в поведенческих реакциях меньшинства преимущественно проявление этнической идентичности и способствует ослаблению осознания его общегосударственности. Такие процессы приводят к слабой структурной интеграции национального меньшинства в общегосударственную культуру. В условиях, когда население государств становится всё более разнообразным в культурном, расовом, этническом и языковом отношении, роль общественных организаций в решении одной из актуальных проблем сохранения этнической идентичности и целостности государства в поликультурной среде значительно возрастает. Эта же проблема стоит и перед школой: какова должна быть степень формирования этнической идентичности национального меньшинства, позволяющая сохранить важные для них аспекты своего языка и культуры? От разрыва в уровне успеваемости между представителями основного населения и меньшинства в определенной степени зависит включённость последних в социальную, экономическую и гражданскую жизнь общества. Степень этого разрыва чаще всего и определяет стабильность развития общества.

Опыт ряда стран свидетельствует о наличии различных моделей решения данной проблемы. Соединённые Штаты,

1 Федеральный закон «О национально-культурной автономии» № 74-ФЗ от 22 мая 1996 года, ст. 4.

2 Закон Российской Федерации «Об образовании» от 10 июля 1992 г. № 3266-1, ст. 35.

3 Martin P., Widgren J. International migration: Facing the challenge // Population Bulletin. – 2002. – № 57 (1). – P. 1–40.

4 De Blij H. The power of place: Geography, destiny and globalization's rough landscape. – New York: Oxford University Press, 2008.

Артеменко О.И.

Канада и Австралия рассматривали свои государства как поликультурные демократические общества. В этих странах идеалом является сохранение меньшинствами важных элементов культуры своего сообщества при полном их участии в жизни гражданского общества. Однако между этим идеалом и реальным опытом представителей этнических меньшинств существует огромный разрыв. Группы этнических меньшинств в США,⁵ Канаде,⁶ Австралии⁷ подвергаются дискриминации как в школе, так и в обществе в целом. В Германии по отношению к национальным меньшинствам (мигрантам) реализуется политика частичной или временной интеграции работников-мигрантов в жизнь общества, то есть их включают только в те подсистемы общества, которые необходимы для выполнения их экономической роли: в рынок труда, в распределение базового жилья и социальных пособий, защиту здоровья на производстве. Иммигранты в Германии не могут полноценно участвовать в социальной, экономической и гражданской жизни общества. Во Франции декларируемой целью являются ассимиляция (её называют интеграцией) и инклюзия.⁸ Группы иммигрантов могут стать полноценными гражданами Франции, но должны заплатить за это культурной ассимиляцией. Иными словами, чтобы стать полноценными гражданами, иммигранты должны отказаться от своего языка и культуры.

Очевидно, что для поликультурного общества, для сохранения его целостности необходим набор разделяемых всеми ценностей, идеалов и целей, реализации которых привержены все граждане, что и формирует единую для государства нацию. Только когда этнические группы в государстве осознанно объединены демократическими ценностями, такими как справедливость и равенство,⁹ формируя гражданскую нацию, только тогда государство может защищать права культурных, языковых, этнических, религиозных групп своих граждан и предоставлять им культурную демократию и свободу.¹⁰ При отсутствии такого единства, как показывает опыт ряда стран, в том числе и России, предоставленная культурная демократия и свобода всегда чревата такими проявлениями, как автономизация этнических групп, межэтническое напряжение, рост агрессивных межэтнических отношений вплоть до разрушения целостности государства. Любое современное государство, стремящееся к демократическим преобразованиям, в своей политике должно предусматривать условия, обеспечивающие возможность этническим группам сохранять их культуры, и в то же время механизмы формирования единой государственной нации, в которую эти группы должны быть структурно включены, ощущая при этом себя её полноценной частью. Поддержание сложного баланса разнообразия и единства является важнейшей задачей демократического государства¹¹ и образовательных систем гражданского общества.¹²

В России исторически развивалась своя модель удовлетворения интересов большинства и меньшинства, направленных на укрепление государства и его модернизацию.

5 Nieto S. Multicultural education in the United States: Historical realities, ongoing challenges, and transformative possibilities // The Routledge international companion to multicultural education. – P. 79–95.

6 Joshee R. Multicultural policy in Canada: Competing ideologies, interconnected discourses // The Routledge international companion to multicultural education. – P. 96–108.

7 Inglis C. Multicultural education in Australia: Two generations of evolution // The Routledge international companion to multicultural education. – P. 109–120.

8 Castles S. Migration, citizenship and education // Diversity and citizenship education: Global perspectives / Ed. by J.A.Banks. – San Francisco: Jossey-Bass, 2004. – P. 32.

9 Бенк Дж. Гражданское образование в поликультурном обществе // Материалы VII Международной научно-практической конференции 19–20 февраля 2010 г. – М.: Издательство «Дело» РАНХиГС, 2011. – С. 9–30.

10 Там же.

11 Banks J.A., Cookson P., Gay G., Hawley W.D. Diversity within unity: Essential principles for teaching and learning in a multicultural society. – Seattle, WA: University of Washington, Center for Multicultural Education, 2001.

12 Кузьмин М.Н. Проблемы разработки государственных образовательных стандартов для национальной школы (Культурологический подход) // Содержание образования в полиэтничной России в современных условиях: Материалы международной конференции (Москва, 17–20 июня 2002 г.). – М.: ИНПО, 2003. – С. 18–38.

Особенностью полиэтничности России является тот факт, что более ста её этносов наряду с русским прошли процесс этногенеза на территории России. В итоге в состав Российской Федерации в настоящее время входят более 180 этносов различных языковых групп, культур, конфессий, уровней современного индустриально-экономического и социально-культурного развития, исторически принадлежащих к разным цивилизационным зонам и традициям. На современном этапе демократического федеративного правового устройства государства, основанного на равноправии и самоопределении народов России,¹³ они не могут определяться, да и не определяются как национальное меньшинство.

При этом необходимо отметить, что разгерметизация и модернизация этносов, демократизация российского общества фактически до 90-х годов XX века в значительной степени зависели от интенсивности миграционных потоков русского населения и расширения сферы функционирования русского языка на территории России.

Сложное национально-культурное разнообразие и низкий уровень грамотности населения российского государства, безусловно, предопределяли необходимость выработки политики, способствующей обеспечению стабильного и устойчивого развития государства и общества.

Наглядное представление о степени развитости национально-культурной ситуации в России дает сопоставление показателя грамотности населения. Так, в России (1897 г.) этот показатель составлял 28 %, а в одноэтничной многонациональной Австрии (1900 г.) – 74 %. Любопытна австрийская конфессиональная корреляция уровней грамотности: у протестантов – 95–97 %, у католиков – 60–85 %, у православных – 23–25 %. Грамотность основного территориально-демографического ядра в России составляла 30 % (население Европейской России), в Австрии – 95 % (население Судетских и Альпийских земель). Очевидно, что эти впечатляющие различия в уровнях грамотности населения обеих стран, отдельных этноконфессиональных составляющих ясно показывают специфику российского общества, определяющую его гражданственность.

Роль системы образования в этих процессах немаловажна. Не нужно забывать, что школа выступает не только как институт обучения, но исторически в России выполняет функцию сплочения народов, их консолидацию. Школа может обеспечивать формирование единой нации государства, объединённой единой территорией и единым воспитательным идеалом.¹⁴

В России консолидирующая роль школы была понята властью уже в конце 60-х годов XVIII века (Уложенная комиссия Екатерины II). В этой связи организация школьной системы (реформа 1786 года и последующие) в условиях полиэтничности приобрела характер проблемы, требующей особого внимания со стороны государственной власти.

Правительственная политика XIX – начала XX века в области образования народов, населяющих Россию, являлась важной составной частью внутренней политики, реализовывалась в рамках доктрины государственно-охранительного просвещения. Как отмечалось в документах (1909 г.), школа должна быть «не только рассадником просвещения, она должна служить и проводником в широкие массы населения идей нашей государственности и объединять между собою ради общего блага многочисленные народности, населяющие Российскую империю».¹⁵ Обосновывая необходимость сохранения целостности Российского государства, русский философ, государствовед

13 Конституция Российской Федерации, ст. 1, ст. 5, п. 3.

14 Кузьмин М.Н. Концепция национальной школы: цели и приоритеты содержания образования // Национальная школа: состояние, проблемы, перспективы: Доклады и сообщения научно-практической конференции. Москва, май 1994 г. – М.: ИНПО, 1995. – С. 17–50.

15 Из секретного представления туркестанского генерал-губернатора военному министру о необходимости наблюдения за мусульманскими школами и увеличения ассигнований на их развитие. 14 марта 1909 г. // РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 801, л. 9–13.

И.А.Ильин писал: «...Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственно сложенный «механизм» «областей», но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально младшими братьями духовным взаимопониманием: он есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть сущий оплот европейски-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия. Расчленение его явилось бы невиданной еще в истории политической авантюрой, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена».¹⁶ Важнейшим фактором, способным реализовать идею государственного единства, признавался русский язык, который мог обеспечить культурное, экономическое, политическое взаимодействие народов России, при этом отводя определенную роль и родным языкам.

С нового этапа развития государства российского (с 60-х годов XIX века) меры по реализации школьной политики выработывались с учётом внутривосточной обстановки в том или ином регионе, степени лояльности народов к государственной политике в тот или иной период, уровня их культурно-цивилизированного развития, особенностей вероисповедания, бытового уклада, экономического состояния, степени развития образования.

Правительство стремилось добиться изучения русского языка, истории, географии России в учебных заведениях всех типов народами, имеющими высокий уровень культуры (немцы, поляки, латыши, эстонцы, литовцы), ограничить узко-националистическое обучение в частных и конфессиональных школах, использование учебников, привозимых из-за рубежа, в которых в невыгодном для России свете излагались сведения по истории, географии. Законодательное регулирование использования родных и русского языков менялось в зависимости от политической ситуации (запрет польского языка после восстания 1863 г., ограничение немецкого языка в период I мировой войны).

В целях противодействия попыткам немцев, поляков расширить влияние своих культур, католичества среди православных народов западных регионов России вводилось преподавание вероучений на материнском языке.

Для многомиллионной массы тюркоязычных народов Поволжья, Средней Азии, Казахстана, представлявших огромное разнообразие культурных типов и различий по уровню образования, правительство пыталось на протяжении ряда лет выработать систему политических и педагогических мер «по сближению их с русскими на почве любви к общему отечеству, на почве культуры и просвещения». Реализация этих мер должна была ослабить влияние многочисленных конфессиональных школ и тем самым предотвратить «отатаривание» киргизов, башкир и других народов.¹⁷

На опасность существования и распространения мусульманских конфессиональных школ указывал один из крупнейших специалистов мусульманской системы образования Я.Д.Коблов. Требуемая мусульманами национальная школа, писал он, «есть ни что иное, как вероисповедальная для всех исламистов, ведущая к антирусскому объединению тюркоязычных народов. Эта школа должна привести к образованию государства в государстве, – государства враждебного последнему и, тем не менее, существующего за его счёт. Прилагать какие-либо меры к созданию такого положения значило бы не только наживать себе врага, но и усиливать его».¹⁸

16 Ильин И.А. О России. – М., 1999. – С. 23.

17 Бобровников П. Современное положение учебного дела у инородческих племен // Журнал Министерства народного просвещения. – 1917. – № 5. – С. 61–62.

18 Коблев Я.Д. Татары-мусульмане (конфессиональные школы казанских татар) // Инородческое образование: Приложение к журналу «Православный собеседник». – 1915. – Декабрь. – Т. II. – Казань. – С. 110, 112–118.

Осознание того, что «вопрос об образовании инородцев – один из самых главных и существенных вопросов... внутренней политики», стремление выработать систему образования, отвечающую как государственным, так и национальным интересам народов заставляет правительство собирать представительные совещания, выработать правила об образовании восточных инородцев (1870, 1906, 1907, 1913 гг.).¹⁹ На совещаниях отмечалась действенность обучения по системе Н.И.Ильминского, использовавшего родные языки как средство для изучения русского языка, приобщения к русской культуре и обращения в православие. «Школа Ильминского быстро завоевывала себе сочувствие инородческих населений своею близостью к их языку и быту, уважением к чужой личности – единичной или собирательной – и глубоким воспитательным воздействием на душу учащихся, а через них и на настроение окружающего населения. Заменяв механические приемы обучения инородцев... приемами более органического взаимодействия между школами материнской и публичной, при посредстве природного языка учащихся и племенной, или бытовой близости к ним учащихся, школа Ильминского быстро отразилась на умственном и нравственном развитии инородческих детей, а с тем вместе и на более сознательном изучении ими русского языка. Отсюда же само собою проистекало их сближение с русским народом, его характером, стремлениями и мировоззрениями. Совершенно противоположные результаты констатированы были в развитии и настроении тех населений, которые не имели школы Ильминского, а вынуждены были пользоваться лишь школами общего типа, с господствующим в них нередко кумиром перед истуканом русского государственного языка, оторванного от выражаемых на нем сокровищ русской мысли, чувства, фантазии, либо не менее формалистическими школами конфессиональными, которые в такой же мере раболепствуют перед идолами то вероисповедного, то националистического, то политического характера».²⁰ Поскольку для «мелких малокультурных племен Поволжья и Прикамья виделась перспектива или отатаривания, или обрусения»,²¹ то правительство принимало все меры по реализации последнего. Для этого при правительственной поддержке создавались русско-инородческие школы, издавались учебные пособия, разрабатывались словари; для подготовки кадров учителей создавались учительские семинарии, педагогические классы при двухклассных училищах. Для нерусского населения восточных регионов России основным должен был стать тип русско-инородческой школы. Обучение детей в этой школе следовало начинать на родном языке (1–2 классы) с последующим переходом на русский язык. Учителями должны были стать представители коренного населения, знающие русский язык. Учебные книги предполагалось печатать на родном разговорном языке, но используя русскую графику.

В марте 1906 года были утверждены достаточно либеральные «Правила о начальных училищах для инородцев восточной и юго-восточной России». Правила о создании инородческих училищ вызвали отрицательное отношение к себе со стороны мусульманского населения тем, что, не учитывая существование мусульманских духовных школ – мектебе и

19 Из доклада Председателя особого совещания по вопросам образования восточных инородцев тайного советника А.С.Будиловича Министру народного просвещения В.Г.Глазову с изложением хода работы и решения совещания. 15 августа 1905 г. // Труды Особого Совещания по вопросам образования восточных инородцев. – СПб., 1905. – С. VI–IX, XII–XIV, XXI–XXII, XXXVIII–XXXIX, XL–XLII, LI–LII, LIII; Из журнала межведомственного совещания по вопросу о постановке школьного образования для инородческого, инославного и иноверного населения. 30 ноября 1910 – 14 октября 1911 г. // РГИА, ф. 733, оп. 227, д. 114, л. 20–23, 169–187; Переписка Министра народного просвещения Л.А.Кассо и Председателя Совета министров В.Н.Кокорцова по вопросу о некоторых изменениях в правилах 1 ноября 1907 года о начальных училищах для инородцев. 24 ноября 1912 г. – 2 мая 1913 г. // РГИА, ф. 733, оп. 227, д. 114, л. 118–126.

20 Из доклада Председателя особого совещания по вопросам образования восточных инородцев тайного советника А.С.Будиловича Министру народного просвещения В.Г.Глазову с изложением хода работы и решения совещания. 15 августа 1905 г. – С. VI–IX, XII–XIV, XXI–XXII, XXXVIII–XXXIX, XL–XLII, LI–LII, LIII.

21 Бобровников П. Указ. соч. – С. 68.

медресе, они стремились приобщить мусульман к общерусской культуре, перевести конфессиональные школы в ведение Министерства народного просвещения.

В противовес политике правительства поставить мусульманские школы под контроль Министерства народного просвещения на III мусульманском съезде (1906 г.) была выдвинута программа реформирования мусульманских школ, полного выведения из-под контроля государства. При этом содержание начальных классов Министерство должно было взять на себя.²² Выражалась надежда на создание единого образцового типа мектебе на родном языке и на единой программе для всех мусульман России.

Некоторые пункты этих правил были откорректированы с позиции ослабления правительственного контроля над мектебе и медресе и утверждены в феврале 1907 года.

В это же время конфессиональные школы, неподведомственные Министерству народного просвещения, активно использовались для пропаганды идей католицизма, панисламизма, воспитания узконационалистических, сепаратистских взглядов у своих учеников. Национальные конфессиональные школы оказывались в сфере интересов зарубежных стран.²³ В этих условиях министр внутренних дел П.А.Столыпин создает Межведомственное совещание по вопросу о постановке школьного образования для инородческого, инославного и иноверческого населения (1910–1911 гг.). Совещание призвано было создать стабильную строго продуманную правительственную систему школьного образования, не допускающую использование школы «для националистического политиканства».²⁴

Решение вопросов инородческого образования основывалось на следующих принципах:

1. Благоприятное с государственной точки зрения разрешение вопроса об инородческой и иноверческой школе возможно только при условии поднятия культурного уровня всех народностей России, прежде всего и в большей степени коренного русского населения. Первым и необходимым средством для этого должно служить введение всеобщего образования в империи, повышение роли правительственной школы, обеспечивающей правильное образование и сообщаящей сведения, необходимые по условиям и потребностям современной жизни.

2. Правительственная школа не должна быть враждебной ко всему инородческому и иноверческому, а наоборот, должна располагать к себе инородческие и иноверческие элементы, воздействовать на них гуманными и культурными средствами. Обеспечение в правительственной школе преподавания Закона Божьего для инославных или иноверных учащихся и их родного языка должно было рассеять предубеждение, что эта школа имеет цель обращения в православие и насильственную русификацию инородцев.

3. Русскому языку как государственному должно быть отведено подобающее место во всякой школе, даже в частной с инородческим языком преподавания, так как только при его помощи возможно приобщение инородческих элементов к русской культуре и государственности.

4. К культурной работе подъема русского национального самосознания и борьбе с племенным сепаратизмом должны быть привлечены в возможной мере те общественные силы, которые близко соприкасаются с народной школой.

5. Установить и провести границу между религиозным (богословским) и общим образованием, полагая, что в области

общего образования решающее значение принадлежит правительственной власти, независимо от того, на какие средства содержатся учебные заведения, в области же религиозного обучения должна быть представлена известная свобода духовному начальству данного вероисповедания или вероучения. При этом признавалось желательным отделить в конфессиональных школах общеобразовательный элемент от богословского, подчинив общее образование воздействию правительства наравне с другими учебными заведениями.²⁵

Задачей совещания было повернуть образование инородцев в русло целей интеграции российского общества. Отмечалось, что школьное образование важно и ценно не со стороны приобретения только знаний, а главным образом с точки зрения того или иного направления воспитания в школе. Если в инородцах православных необходимо поддерживать религию, то в инородцах неправославных необходимо поддерживать любовь к отечеству, к нашей родине.

Нужно отметить, что правительственная политика того времени в области инородческого образования вызывала критику как со стороны русских националистических кругов, так и со стороны либерально-демократических кругов и народностей, на просвещение которых она была направлена. «Государственная наша школа инородна для русских и обрусительна для инородцев и происходит это от смешения двух понятий: государственности и национальности», – так характеризовал причину недовольства национальной политикой Е.П.Ковалевский.²⁶ Русские националистические круги считали, что растрачиваются русские духовные и материальные ресурсы на поднятие культур и экономического благосостояния других народов.²⁷ Ощущение опасности утраты русского национального сознания при растущем национальном сознании народов, населяющих Россию, заставляло русскую патристическую общественность все настойчивее ставить вопрос о создании русской национальной школы, замены ею космополитической государственной школы, воспитывающей гражданина вселенной.

Многочисленные оппозиционные партии от либералов до революционных, националистических партий, сотрудничавших с масонскими организациями,²⁸ национальных учительских союзов, учительских съездов и съездов народов России выдвигали требования: общедоступности образования без различия религии и национальности, создания национальных школ с преподаванием на родном языке, передачи дела управления школами органам местного самоуправления или реализации культурно-просветительских нужд в рамках культурно-национальных автономий.

Решимость реорганизации образования на демократических началах продемонстрировала Комиссия по образованию в местностях с инородческим населением 1-го Всероссийского съезда по народному образованию, состоявшегося в 1913 году. Комиссия рассмотрела вопросы о начальном образовании у украинцев, болгар, татар, башкир, киргизов, курдов, калмыков, евреев, латышей, эстонцев, литовцев, якутов, бурят, армян, грузин, немцев-колонистов, народностей Туркестана, горных народностей Кавказа. Центральным был вопрос о необходимости преподавания на материнском языке учащих. Русский язык как государственный признавался обязательным

25 Из журнала межведомственного совещания по вопросу о постановке школьного образования для инородческого, инославного и иноверного населения. 30 ноября 1910 – 14 октября 1911 г. // РГИА, ф. 733, оп. 227, д. 114, л. 20–23, 169–187.

26 Вопросы национальной школы при обсуждении в Государственной Думе 3-го созыва законопроекта Министерства народного просвещения о начальных училищах. 20 октября – 5 ноября 1910 г. // Государственная Дума. Третий созыв. Четвертая сессия: Стенографические отчеты. – Ч. 1. – СПб., 1910. – С. 209–212, 215–222, 335–337.

27 Из протокола заседания Казанского губернского дворянского собрания по обсуждению доклада профессора В.Ф.Залесского о постановке дела образования инородцев в Казанской губернии. 14–15 января 1911 г. // РГИА, ф. 846, оп. 1, д. 165, л. 27–29об.

28 Платонов О. Терновый венец России. История масонства. 1731–1995. – М., 1995.

22 Постановление III Всероссийского мусульманского съезда о необходимости полного преобразования начальных мусульманских школ. 18–19 августа 1906 г. – Казань, 1906. – С. 2–6.

23 Справка особого Отдела департамента полиции о деятельности панисламистов в империи Вице-директору департамента полиции. 16 марта 1910 г. // ГАРФ, ф. 102, оп. ДОО 1910, д. 74, л. 38–46об.

24 Письмо Министра внутренних дел П.А.Столыпина Министру народного просвещения А.Н.Шварцу с предложением создать межведомственное совещание по вопросу о постановке школьного образования для инородческого населения. 30 января 1909 г. // РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 517, л. 3–6.

предметом в школе для инородцев. Изучение его предполагалось с 3-го класса. Учитель должен был быть той же национальности или хорошо знать язык учеников, национальный быт местного населения, его культуру, историю, традиционные хозяйственные занятия. Соответственно в программу школы (всеобщей, обязательной и бесплатной) должно было входить родноведение, история и география края, родная литература, а все учебники и пособия должны были быть приспособлены к данному народу и местности, учитывать национальные и бытовые черты учащихся. Все это требовало создания национальных педагогических училищ, издательств, библиотек и участия в деле образования местного самоуправления, всего местного населения. Материальное обеспечение предполагалось за счет казны и местного самоуправления. Предусматривалась необходимость предоставления прав создания частных общеобразовательных и специальных учебных заведений.

На съезде остался открытым вопрос о религии в школе, но большинство участников национальной секции высказались за решение его самой школой с участием родителей и представителей национального самоуправления, то есть свободным волеизъявлением.

В итоговой резолюции Комиссия подчеркнула, что требуемая народами России реорганизация всей школьной системы «мыслима при всесторонней демократизации всех отношений государственной жизни».²⁹

Вся существенная часть этой программы в нерешенном виде досталась в наследство советской власти и осуществлялась после 1917 года. В этой связи необходимо рассмотреть взгляды по национально-культурным проблемам того периода большевиков, когда они ещё не были связаны бременем власти. Большевики в 1913 году во главе с В.И. Лениным, поддержав обеспечение населения школами на местных языках и отмену обязательности государственного языка, высказались против национальных школ. Они считали, что разделение по национальностям школьного дела в пределах одного государства вредно с точки зрения демократии вообще и интереса классовой борьбы пролетариата в особенности.³⁰ Теоретической основой этого положения являлась уверенность в том, что всемирное рабочее движение с каждым днём создает интернациональную культуру пролетариата, на которую и следует ориентироваться большевикам. Требования, с которыми накануне первой мировой войны выступала часть социал-демократических партий, создание культурно-национальных автономий, национальных организаций, национальных школ были оценены большевиками как буржуазно-националистические, препятствующие сплочению пролетариата в единых политических, профессиональных, просветительских и других организациях. Поэтому право наций на самоопределение предполагалось рассматривать подчинённо интересам классовой борьбы и социалистической революции, то есть вопрос об отделении было «непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации».³¹ Трудящиеся массы могут говорить только об интернациональной (международной) культуре всемирного рабочего движения.³² Языком обучения должен стать тот язык, который определится потребителем «экономического оборота».³³ Таким образом, большевики имели в национальной политике лишь общую декларацию, которая была нацелена на решение социально-политической задачи, а не национальных интересов народов России.

29 Резолюция комиссии по образованию в местностях с инородческим населением, принятая на 1-м Всероссийском съезде по народному образованию. 26–30 декабря 1913 г. // Народный учитель. – 1914. – № 10. – С. 11–14; № 11. – С. 9–13.

30 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Ч. 1. – 7-е изд. – М., 1953. – С. 315

31 Там же. – С. 316.

32 Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 24. – С. 10.

33 Там же. – Т. 23. – С. 423.

Поражение России на фронтах первой мировой войны, свержение самодержавия, победа буржуазно-демократической революции дали мощный импульс для углубления процессов самоопределения народов России, росту сепаратистских настроений, поддерживаемых иностранными державами. Французский общественный деятель П.Шантрель пишет: «Единая и неделимая Россия кончена. Франция должна вмешаться, чтобы перелить её в федерацию на основе добровольного соглашения договаривающихся частей».³⁴

Радикализм политических требований обуславливал и характер требований в области образования народов России. Видный мусульманский общественный деятель А.Т.Цаликов на Всероссийском мусульманском съезде (май 1917 г.) требовал создания единого мощного культурного центра, который как факел светом с Волги осветил бы все мусульманские народы России.³⁵ В то время, когда в Министерстве народного просвещения вызревала идея создания специального Бюро для разработки вопросов по образованию племен, живущих на востоке России, Центральное бюро Всероссийского союза учащихся мусульман распорядилось с начала 1917 / 1918 учебного года все существующие для мусульман министерские, городские, земские, русско-татарские, русско-башкирские, русско-туземные, мусульманские приходские школы преобразовать в один тип, в национальные школы на родном языке.³⁶

Временное правительство (в основном кадеты) в соответствии с принципами демократизации и децентрализации народного просвещения предполагало передать органам местного самоуправления дело обучения нерусского населения на родных языках, определяло право введения любых предметов при условии выполнения программ обязательного общегосударственного минимума для единой школы, установленного в законодательном порядке.³⁷ Так впервые в истории организации образовательного процесса был заложен компонентный принцип.

После Октябрьской революции 1917 года Россия унаследовала целую шкалу «различных стадий культурного развития от неписменного кочевника до европейски цивилизованного народа».³⁸ Также сохранялись естественные процессы и потенциал, которые противостояли распаду веками складывавшейся государственности, содержащей в себе особые, целостные системные свойства многих вошедших в её состав культур (объективные объединительные процессы и тенденции – традиции единой, мощной, центральной власти; установленное многообразие часто скрытых связей между разными этносами как результат существования большинства российских народов в составе единого государства). В этих условиях выкристаллизуется концепция образования, в которой провозглашается всестороннее развитие всех членов общества, создание в обозримом будущем социально и национально-однородного общества всеобщего равенства и благосостояния. Концепция провозглашала формирование единого коммунистического мировоззрения, выражающего государственную идеологию, основанную на идее классовой солидарности всех трудящихся, присущего им пролетарского интернационализма. Этническое

34 Революция и национальный вопрос. – Т. 3. – С. XXII.

35 Из речи А.Т.Цаликова на первом Всероссийском мусульманском съезде «О культурно-национальной автономии для мусульман и проекте федеративного устройства государства». 7 мая 1917 г. – Пг., 1917. – С. 29–30.

36 Распоряжение Центрального бюро Всероссийского союза учащихся мусульман о реализации постановлений Всероссийского съезда учащихся мусульман и Всероссийского мусульманского съезда в области образования. 16 мая 1917 г. // РГИА, ф. 733, оп. 184, 1917 г., д. 268, л. 3–3об; Бобровников П. Указ. соч. – С. 81–84.

37 Из «Положения о единой общеобразовательной школе», составленного Я.Я.Гуревичем и одобренного Бюро Государственного Комитета по народному образованию при Министерстве народного просвещения (1917) // ГАРФ, ф. 6862, оп. 1, д. 107, л. 230–232; Руководящие положения, принятые Государственным Комитетом по народному образованию при разработке вопросов о реформе народного образования (1917) // ГАРФ, ф. 1803, оп. 1, д. 7, л. 71об.–73об.

38 Красовицкая Т.Ю. Власть и культура. Исторический опыт государственного руководства национально-культурным строительством. – М.: Наука, 1992. – С. 33–34.

многообразии культур было заменено классовой культурой. Основные механизмы реализации данной концепции в 20-е годы были заложены в постановлениях Наркомпроса («Основные принципы единой трудовой школы» от 16 ноября 1918 г., «О школах национальных меньшинств» от 31 ноября 1918 г., «Об организации дела просвещения нацмен РСФСР» от 21 февраля 1921 г. и др.). Однако ясности в организации образования для «народов нерусского языка» не было. Хотя и декларировалось, что все национальности имеют право получить образование в школе 1 и 2 ступеней, а также высшей школе на своем родном языке, но это трактовалось как «обязанность государства давать такое образование, совершенно такое, как и всяческим массам русского языка. Задачей являлось всестороннее просвещение среди масс нерусского языка».³⁹ Национальностям не предоставлялось право самим организовывать свои школы на свои средства и вести их как они считают нужным. Если бы это право было, «то пришлось бы ставить вопрос о национальной автономной культуре, и пришлось бы сказать, что все народы Советской России в своих культурно-просветительных действиях совершенно автономны».⁴⁰ Считалось, «что вопрос о самоопределении национальностей есть вопрос в значительной степени изжитый. Все стремятся соединиться, потому что в этом много преимуществ и национальный вопрос в социалистической республике потерял свою остроту. Он исчез и сам собою разрешился».⁴¹ Образование на родном языке рассматривалось как «одно из основных орудий наилучшего, наиболее полного и эффективного обслуживания культурных нужд и потребностей трудящихся масс нацменьшинств, наиболее полного приобщения их к социалистической культуре и вовлечения в социалистическое строительство, лучшее и наиболее эффективное средство коммунистического воспитания».⁴²

Определив способы удовлетворения национальных потребностей нерусского населения России на принципе национально-территориальной автономии, можно выделить следующие вехи в истории удовлетворения образовательных потребностей:

- организация содержания образования на унитарной основе официальной идеологии (1918);
- утверждение русского языка в качестве обязательного учебного предмета в этих школах (1938);
- расширение функций русского языка в качестве языка обучения, активное включение в этот процесс русской культуры (1958) и усиление роли воспитательного процесса, направленного на формирование интернациональной дружбы народов.

Со второй половины 60-х годов по 90-е годы советского периода консолидационные функции так называемой «национальной школы» с русским языком как языком межнационального общения и языком русской культуры осуществлялись в рамках реализации общеполитической программы формирования новой исторической общности «советский народ». Для этих школ, функционирующих на территориях союзных республик или автономных республик и областей РСФСР, отработывались различные модели организации содержания образования.

В начале 60-х годов XX века в большинстве национальных школ союзных республик преподавание велось на родном языке, обслуживающем учебно-воспитательный процесс в полном объеме. В этих школах использовались учебники,

подготовленные и изданные республиканскими издательствами, за исключением учебников по русскому языку. Для таких школ Министерством просвещения СССР была предложена модель двухкомпонентного структурирования содержания образования: единого для всех государственного компонента и вариативного республиканского. Такая модель при безусловном идеологическом единстве содержания позволяла реализовывать идею унификации содержания школьного образования в школах союзных республик через государственный компонент, внедрение учебников, изданных для русскоязычных школ РСФСР и выстроенных на русской и мировой культурах. Расширяя общегосударственный компонент и сокращая республиканский, оставив за последним родной язык и литературу с элементами «своей» истории и географии, модель оказалась неспособной удовлетворить национальные интересы развивающихся этнических субъектов и привела в 90-е годы XX века к накоплению противоречий «по оси» этнос – государство. Серьезными недостатками данной модели организации содержания образования для союзных республиканских школ являлись: автономизация компонентов, отсутствие элементов дополнения и сопоставительного анализа учебного материала гуманитарных дисциплин, вошедших в разные компоненты.

Вторая модель разрабатывалась Министерством просвещения РСФСР с конца 40-х годов для национальных школ автономных республик и областей РСФСР – школ с нерусским контингентом учащихся и с обучением на родном языке или русском языке в качестве языка межнационального общения. Для этих школ выстраивалось свое целостное, некомпонентное содержание образования, исходно опиравшееся на родной язык и культуру. Данная модель учитывала тот факт, что в 1934 году начальная школа РСФСР работала на 104 языках.⁴³ В этой связи начальная школа была полностью выстроена на родном языке. Среднее звено выстраивалось на двуязычной и бикультурной основе, а старшая школа – полностью на русском языке и культуре. Вариативность обеспечивалась через использование более 19 моделей учебного плана. Национальная школа была выделена в особый тип учебных заведений, имевших свою специфику учебного плана, но действовавших в рамках единых государственных целей в образовании и единого воспитательного идеала. Для научно-методического обслуживания такой модели в 1948 году был создан НИИ национальных школ АПН РСФСР (с 1968 года в системе Минпроса РСФСР) с региональными структурами (филиалами, лабораториями) в большинстве автономных республик. В 1991 году НИИ нацшкол реорганизован в Институт национальных проблем образования. Для развития национально-русского двуязычия сотрудниками Института (носителями родных языков) разрабатывались методики преподавания гуманитарных дисциплин на базе сопоставительного анализа. В разработке и применении тех или иных методов и приемов обучения особое место отводилось учету специфики родного языка. Реализация такой модели содержания образования способствовала интеллектуальному развитию и социализации детей, сформировавшихся в родной культуре, обеспечивала им необходимую мобильность и конкурентоспособность. При активном развитии национально-русского двуязычия в 1980 году родной (исключая русский) язык использовался в качестве языка обучения в 11 автономных республиках и областях РСФСР. В 10 автономных республиках и областях родной язык изучался как самостоятельный учебный предмет, а также использовался в качестве опоры в процессе практического овладения русским языком на занятиях по другим предметам, во внеклассной и внешкольной работе.⁴⁴

39 Из стенограммы заседания Государственной комиссии по просвещению об организации дела образования народов нерусского языка. 3 июля 1919 г. // ГАРФ, ф. А-2306, оп. 2, д. 102, л. 89–124.

40 Там же.

41 Там же.

42 Из докладной записки Центрального научно-исследовательского педагогического института Национальностей в Наркомпрос РСФСР о проблемах школ народов РСФСР. 1933 // ГАРФ, ф. 1235, оп. 125, д. 732, л. 133–134, 142–158, 161, 174–176, 189–190.

43 Красовицкая Т.Ю. Указ. соч. – С. 262.

44 Чехоева С.А. Роль русского языка в формировании двуязычия в национальной школе РСФСР // Становление и развитие двуязычия в нерусских школах / Под ред. И.Ф.Протченко. – Л.: Просвещение, 1981. – С. 6–12.

Степень использования родных языков в качестве языков обучения была неодинакова и свидетельствовала о реальной возможности языка обслуживать учебно-воспитательный процесс в школе. В 1988 году в школах республик Башкирия и Татарстан обучение на родном языке осуществлялось с I по X классы, в школах республик Якутия и Тува – с I по VII–VIII классы, а в школах, функционирующих в Чувашии, Мордовии, Марий Эл, Удмуртии, Алтае, Хакасии, Коми, Дагестане, – с I по III–IV классы. Адыгейский, бурятский, кабардинский, балкарский, осетинский, черкесский, ингушский, калмыцкий родные языки и языки ряда коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока преподавались в школе в качестве предмета с I класса.

В конце XX века ситуация резко изменилась.

Школа стала обслуживать совершенно иной, достаточно индустриализированный, урбанизированный, грамотный социум, хотя отдельные этносы были втянуты в этот процесс в разной степени интенсивности, что определяет их специфику (особенно коренных малочисленных народов Севера).

В 80-е годы XX века с ростом национального самосознания, выразившегося в требовании возврата к принципу 20-х гг. «школа – на родном языке», повышения статуса родных языков, возвращения их из бытовой сферы в публичную жизнь, в том числе и в школу, восстановления их в качестве языков обучения, создания условий сохранения и развития национальных культур, возникла необходимость принципиального изменения механизмов удовлетворения этнических потребностей.

С 1992 года начинается качественно новый этап в развитии образовательной политики, направленной на удовлетворение этнокультурных образовательных потребностей. С 1992 по 2007 год решение этих проблем строилось на базе новых принципов, заложенных Законом Российской Федерации «Об образовании», который, к сожалению, предложил не оправдавшую себя модель компонентного структурирования содержания образования.

Закон, реорганизуя сферу образования на принципах полисубъектного гражданского общества, ликвидировал прежнюю моносубъектную монополию государства на «социальный заказ» школе и существенно расширил число общественных субъектов, получивших право и возможность удовлетворять свои интересы и цели в образовании.

Для реализации прав этносов Закон гарантировал получение общего образования на родном языке в объеме основного (ст. 6, п. 2). Далее он постулировал защиту и развитие школой национальных культур и региональных культурных традиций (ст. 1, п. 2), с одной стороны, и обеспечение единства культурного и образовательного пространства страны – с другой. Закон ставил задачу интеграции личности как в национальную, так и в мировую культуру (ст. 14, п. 2). При этом закон, впрочем, нигде не зафиксировал то реальное обстоятельство, что в условиях России роль основного ретранслятора мировой культуры, равно как и роль культурного интегратора в целом, выполняет русская культура.

Для осуществления названных разновекторных культурно-образовательных задач закон радикально изменил действовавшие ранее принципы организации школьной системы и организации содержания образования. Закон Российской Федерации «Об образовании» де-факто упразднил категорию национальных школ, превратив их в обычные школы, отличающиеся от других лишь наличием в учебном плане дополнительно родного (исключая русский) языка – либо в качестве языка обучения, либо в качестве учебного предмета. В подзаконных актах Министерства образования Российской Федерации такие школы стали обозначаться как школы с родным (нерусским) и русским (неродным) языками обучения, что ущемляло в ряде республик интересы этнически русского населения, приводило к межэтническому напряжению. Разделение содержания образования на отдельные компоненты предполагало, что они обеспечат интересы соответствующих

субъектов образовательного пространства – инвариантный федеральный (общее), вариативный национально-региональный (особенное) и школьный (единичное). При этом утверждалось, что инвариантный федеральный компонент в условиях деунитаризации и децентрализации школьной системы сможет обеспечить духовное единство на базе так называемых общечеловеческих ценностей.

Механический характер компонентного принципа практически вел к расщеплению ранее гомогенной (в том числе и по целям) материи содержания образования на разнородные составляющие. При отсутствии в законе внятно сформулированного общего воспитательного идеала (что играло бы объединяющую роль) данная новация открывала возможность для дезинтегративных тенденций.⁴⁵

В итоге можно констатировать, что закон Российской Федерации «Об образовании» (1992) и закон «О языках народов РФ» (1991) открыли достаточно широкие возможности для реализации этносами через образование своих языковых и культурных потребностей.

Возвращение в школу родных языков в качестве языка обучения приобрело в ряде субъектов федерации довольно значительные масштабы.

За последние двадцать лет количество языков, функционирующих в общеобразовательных учреждениях в качестве языков изучения, в том числе и обучения, увеличилось с 55 до 89. В ряде субъектов Российской Федерации (Башкортостан, Коми, Татарстан, Тува, Саха – Якутия) наблюдается тенденция увеличения количества детей в общеобразовательных учреждениях с родным (исключая русский) языком обучения и с содержанием гуманитарных дисциплин, выстроенным на базе своей национальной (этнической) культуры.

В Республике Татарстан, например, число детей, обучающихся на родном языке, увеличилось с 12 % в 1991 г. до 53 % в 2008 году, в Республике Башкортостан этот процент в 2001 году достиг величины, равной 43. Показательна и динамика роста построения собственной системы национального (этнического) образования, свидетельствующая о настойчивости и последовательности республик. В общей сети образовательных учреждений Республики Саха (Якутия) школы с родным языком обучения составляют более 40 %, Республики Башкортостан – 45 %, Республики Татарстан – 59 %, а Республики Тыва – 80 %. Для данных школ в субъектах Российской Федерации разрабатываются и издаются учебно-методические комплекты.

В условиях поликультурности России, многообразия ее культурно-ценностных систем, как показала практика последних лет, автономный компонентный принцип структурирования содержания образования оказался не в состоянии полноценно обеспечить задачу единства образовательного пространства страны, формирования общероссийской гражданской идентичности. Компонентный принцип использовался рядом субъектов федерации для достижения самостоятельных политических целей. Он давал возможность субъекту Российской Федерации сделать региональный (национально-региональный) компонент инвариантным, приоритетным по отношению к федеральному, понизить уровень его связи с русским языком и русской культурой, сделать школу фактором культурной автономизации этноса, взять курс на регионализацию образовательной системы, использовать школу как инструмент этнической мобилизации молодежи. В политических целях он давал возможность перевода в одностороннем порядке федеративных отношений в конфедеративные. Необходимо также отметить, что повышение статуса родных языков до статуса государственных языков республик нарушило в ряде республик существовавший ранее баланс в распределении часов, отведенных на изучение русского и родного языков, в структуре учебного плана общеобразовательных учреждений. В настоящее время 25 государственных языков

45 Кузьмин М.Н. Образование в условиях полиэтничной и поликультурной России // Педагогика. – 1999. – № 6. – С. 3–11.

республик насчитывается в 19 республиках, исключая языки республик Дагестан и Карелия. В системе общего образования в качестве государственного языка республики изучаются следующие языки: башкирский, татарский, коми, чувашский, саха. Можно считать, что изучение родного языка в практически моноэтнических республиках, таких как Ингушетия, Чечня, Тува осуществляется в статусе государственного. Характер двуязычия в республиках, безусловно, определяет и степень бикультурности среды.

Новый этап в развитии образовательной политики в целом и в решении проблем удовлетворения этнокультурных потребностей в частности связан с принятием 1 декабря 2007 года Федерального закона № 309-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта». Закон отменил компонентный принцип структурирования содержания образования, устранил монополию исполнительной власти субъекта федерации в управлении образовательным процессом, реализуемую через региональный (национально-региональный) компонент. Усиливая механизмы общественно-государственного управления через формирование части основной образовательной программы участниками образовательного процесса, закон расширяет возможности каждой личности в выборе способа получения образования на русском или родном языке.⁴⁶

Федеральный закон № 309-ФЗ предусматривает обеспечение уполномоченными федеральными государственными органами разработки на основе федеральных государственных образовательных стандартов примерных основных образовательных программ с учетом их уровня и направленности (включая этнокультурную). Эти программы могут включать в себя базисный учебный план и (или) примерные программы учебных курсов, предметов, дисциплин (модулей). В новом федеральном государственном образовательном стандарте предусматривается разработка Базисного учебного плана, который будет включать модели для общеобразовательного учреждения с родным языком обучения, с изучением государственных языков республик и государственного языка Российской Федерации.⁴⁷ Предусматривается также включение в обязательную часть основной образовательной программы общего образования примерных программ по государственным языкам республик федерации, разработка примерных программ по языкам основных языковых групп. В требованиях к результатам освоения основных образовательных программ будут предусмотрены требования к знанию этнокультурных особенностей субъекта Российской Федерации.⁴⁸

Вся история государства российского свидетельствует об отсутствии практики выстраивания механизмов взаимоотношений государства и общества, направленных на удовлетворение этнокультурных, языковых потребностей народов России на принципе национально-культурной автономии. Данный факт свидетельствует, что народы России никогда самостоятельно не решали вопросы сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры. Очевидно, этим и объясняется низкая эффективность функционирования федеральных законов, вступивших в силу пятнадцать лет тому назад: «Об общественных объединениях» № 82-ФЗ от 19 мая 1995 г., «О национально-культурной автономии» № 74-ФЗ от 17 июня 1996 г. В соответствии со справочником Минрегионразвития России 2009 года⁴⁹ в России действуют семнадцать федеральных национально-культурных автономий (ФНКА)

при наличии более 180 национальностей. В настоящее время созданы ФНКА азербайджанцев, армян, ассирийцев, белорусов, евреев, казахов, карачаевцев, корейцев, курдов, лезгинов, литовцев, немцев, поляков, татар, украинцев, цыган, чувашей.

Пристатейный библиографический список

1. Бенк Дж. Гражданское образование в поликультурном обществе // Материалы VII Международной научно-практической конференции 19–20 февраля 2010 г. – М.: Издательство «Дело» РАНХиГС, 2011.
2. Бобровников П. Современное положение учебного дела у инородческих племен // Журнал Министерства народного просвещения. – 1917. – № 5.
3. Вопросы национальной школы при обсуждении в Государственной Думе 3-го созыва законопроекта Министерства народного просвещения о начальных училищах. 20 октября – 5 ноября 1910 г. // Государственная Дума. Третий созыв. Четвертая сессия: Стенографические отчеты. – Ч. 1. – СПб., 1910.
4. Закон Российской Федерации «Об образовании» от 10 июля 1992 г. № 3266-1.
5. Ильин И.А. О России. – М., 1999.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Ч. 1. – 7-е изд. – М., 1953.
7. Красовицкая Т.Ю. Власть и культура. Исторический опыт государственного руководства национально-культурным строительством. – М.: Наука, 1992.
8. Кузьмин М.Н. Образование в условиях полиэтничной и поликультурной России // Педагогика. – 1999. – № 6.
9. Кузьмин М.Н. Концепция национальной школы: цели и приоритеты содержания образования // Национальная школа: состояние, проблемы, перспективы: Доклады и сообщения научно-практической конференции. Москва, май 1994 г. – М.: ИНПО, 1995.
10. Кузьмин М.Н. Проблемы разработки государственных образовательных стандартов для национальной школы (Культурологический подход) // Содержание образования в полиэтничной России в современных условиях: Материалы международной конференции (Москва, 17–20 июня 2002 г.). – М.: ИНПО, 2003.
11. Постановление III Всероссийского мусульманского съезда о необходимости полного преобразования начальных мусульманских школ. 18–19 августа 1906 г. – Казань, 1906.
12. Платонов О. Терновый венец России. История мASONства. 1731–1995. – М., 1995.
13. Резолюции комиссии по образованию в местностях с инородческим населением, принятые на 1-м Всероссийском съезде по народному образованию. 26–30 декабря 1913 г. // Народный учитель. – 1914. – № 10–11.
14. Федеральные национально-культурные автономии Российской Федерации: Справочник. – М., 2009.
15. Чехоева С.А. Роль русского языка в формировании двуязычия в национальной школе РСФСР // Становление и развитие двуязычия в нерусских школах / Под ред. И.Ф.Протченко. – Л.: Просвещение, 1981.
16. Banks J.A., Cookson P., Gay G., Hawley W.D. Diversity within unity: Essential principles for teaching and learning in a multicultural society. – Seattle, WA: University of Washington, Center for Multicultural Education, 2001.
17. De Blij H. The power of place: Geography, destiny and globalization's rough landscape. – New York: Oxford University Press, 2008.
18. Castles S. Migration, citizenship and education // Diversity and citizenship education: Global perspectives / Ed. by J.A.Banks. – San Francisco: Jossey-Bass, 2004.
19. Joshee R. Multicultural policy in Canada: Competing ideologies, interconnected discourses // The Routledge international companion to multicultural education.
20. Inglis C. Multicultural education in Australia: Two generations of evolution // The Routledge international companion to multicultural education.
21. Martin P., Widgren J. International migration: Facing the challenge // Population Bulletin. – 2002. – № 57 (1).
22. Nieto S. Multicultural education in the United States: Historical realities, ongoing challenges, and transformative possibilities // The Routledge international companion to multicultural education.

46 Информационное письмо Департамента государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере образования Минобрнауки России от 28 апреля 2008 г. № 03-848 // Тематическое приложение к журналу «Вестник образования». – 2008. – № 2. – С. 55–59.

47 Там же.

48 Там же.

49 Федеральные национально-культурные автономии Российской Федерации: Справочник. – М., 2009. – С. 140.

Бибики И.Е.
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
АТТЕСТАЦИИ НАУЧНЫХ КАДРОВ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье дается ретроспективный анализ развития правового регулирования аттестации научных кадров в России.

Ключевые слова: аттестация, научные кадры, история науки.

Bibik I.E.
HISTORY OF DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF CERTIFICATION OF
SCHOLARS IN RUSSIA IN THE FIRST HALF OF XIX-th CENTURY

In the article the retrospective analysis of development of legal regulation of certification of scholars in Russia is made.

Keywords: certification, scholars, history of science.

Бибики И.Е.

В период с 1802 по 1819 год Министерством народного просвещения было принято около 30 нормативно-правовых актов по присуждению ученых степеней в университетах России. Под руководством П.В.Завадовского, который был назначен министром народного просвещения указом от 8 сентября 1802 г., проходили разработка и проведение в жизнь реформы системы образования. 24 января 1803 года был подписан высочайший указ «Об устройстве училищ», который вводил 3 ученые степени: кандидата, магистра и доктора. Впервые в России процедура присуждения ученых степеней была наиболее обстоятельно описана в «Уставе Дерптского Университета» 1803 года. Структура университета выделяла четыре отделения: философское, юридическое, медицинское и богословское.¹

Требования, предъявляемые к присуждению определенной ученой степени:

- а) кандидата:
 - 1) решить задачи практического содержания;
 - 2) ответить устно на два профилирующих вопроса;
 - 3) выдержать «словесное испытание»;
- б) магистра:
 - 1) пройти предварительные испытания, проводимые деканом отделения;
 - 2) ответить на два вопроса;
 - 3) в особо отведенной комнате ответить на два вопроса письменно;
 - 4) выступать с лекциями перед студенческой аудиторией не требовалось;
- в) доктора:
 - 1) звание магистра;
 - 2) дать письменный ответ на четыре вопроса (выбравшихся по жребию из каждой особенной части определенной науки соответствующего отделения);
 - 3) пройти устное испытание, назначаемое экзаменаторами из числа других предметов отделения;
 - 4) ответить письменно на четыре вопроса, выбранных по жребию, в специально отведенной для этого комнате в присутствии члена отделения;
 - 5) прочитать в течение трех дней подряд лекции перед аудиторией, назначенной для него отделением;
 - 6) написать и публично защитить докторскую диссертацию на латинском или немецком языке;
 - 7) по диссертации иметь одного официального оппонента из профессоров (однако его участие не исключало возможности задавать вопросы присутствующим).²

Документом, удостоверяющим наличие ученой степени, являлся диплом, который выдавался деканом отделения.

1 Устав Императорского Дерптского университета. 12 сентября 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1802–1825. – СПб., 1864.

2 Кроме того, с согласия университетского совета ученая степень присуждалась за особые заслуги на государственной службе.

5 ноября 1804 г. были приняты уставы императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов, в которых с незначительными изменениями воспроизводился порядок присуждения ученых степеней в Дерптском университете.

Следующим элементом формирования процедуры присвоения ученых степеней стало распоряжение от 20 августа 1814 года «О распределении предметов испытания на научные степени магистра и доктора», которое явилось правовой базой для определения предметов, сдаваемых соискателями в отделениях при испытании на ученые степени.³

20 января 1819 года в России впервые было принято «Положение о производстве в ученые степени». Данное положение закрепляло:⁴

1. Четыре факультета, имеющие право проводить испытания и присуждать ученые степени: богословский, философский, юридический и медицинский.

В соответствии с положением юридический факультет имел право присуждать ученые степени по пяти классам (разрядам) наук: праву (естественному, частному, публичному и народному); дипломатии; римскому праву; праву российскому публичному, гражданскому и уголовному; праву частных присоединенных губерний, состоящих на особенных постановлениях; судопроизводству ко всем сим частным правилам.

Философский факультет с двумя его отделениями включал девять классов (разрядов) наук, причем в физико-математическом отделении – четыре (теоретическую и практическую философию, чистую и прикладную математику, физику и химию, естественную историю); в этико-филологическом отделении – пять (исторические науки; древнюю классическую словесность (греческую и римскую); восточную словесность; словесность «одного из образованнейших языков», то есть английского, французского и немецкого; словесность российскую);

2. Четыре ученые степени:⁵ действительный студент; кандидат; магистр; доктор.

3 В нравственно-политическом отделении совет Харьковского университета выделил две научные специальности: право и философия. По праву соискатель сдавал экзамены по главным наукам (праву: естественному, политическому и народному; праву гражданскому и уголовному судопроизводству в Российской Империи; праву знатнейших, как древних, так и нынешних народов; дипломатике и политической экономии). По вспомогательным наукам сдавалась логика.

4 О производстве в ученые степени, на основании Положения, сего прилагаемого, 20 января 1819 г. // ПСЗ. – Собр. 1. – СПб., 1830.

5 Действительным студентом являлся тот, кто окончил университетский курс и получил надлежащий аттестат. Выпускник университета, показавший отличные результаты по всем испытаниям и особые способности по какой-либо науке, представивший письменное сочинение, получал ученую степень кандидата. Кандидат, желающий получить степень магистра, должен был иметь глубокие знания в сфере выбранной науки, а также уметь передать эти знания другим и использовать их в практической деятельности. От соискателя на ученую степень доктора требовались основательные и глубокие знания в тех науках, в которых ему эта степень присваивалась.

Порядок последовательности допуска соискателей к испытаниям на ученые степени: Студент – Кандидат – Магистр – Доктор.

Сроки допуска к испытаниям на очередные ученые степени:

– студент на степень кандидата – через год по получении аттестата;

– кандидат на степень магистра – через два года;

– магистр на степень доктора – через 3 года.

Процедура присуждения ученой степени:

1) действительного студента: при условии успешного окончания университета и наличии высоких нравственных качеств через год после получения соответствующего аттестата проводились испытания в присутствии всего факультета: устный экзамен и краткое рассуждение об одном из изучаемых предметов. Документом, удостоверяющим присуждение ученой степени действительного студента, являлся аттестат;

2) кандидата: студенты, окончившие полный курс в университете, показавшие при испытаниях отличные знания и способности, получали ученую степень кандидата. Во всех других случаях по истечении одного года соискатель подавал прошение на имя декана с приложением аттестата и собственных сочинений и в случае допуска к испытаниям должен был в присутствии членов всего факультета пройти устное испытание, демонстрируя способность к суждению, и письменное испытание в виде краткого рассуждения в присутствии экзаменаторов.

Присудив соискателю ученую степень кандидата, университет через своего попечителя учебного округа доводил до сведения министра духовных дел и народного просвещения результаты испытаний. Документом, удостоверяющим присуждение ученой степени кандидата, являлось свидетельство;

3) магистра: через два года после получения ученой степени кандидата декан, приняв и рассмотрев представленные документы, а именно: прошение, аттестат действительного студента и свидетельство кандидата, допускал кандидата к устным и письменным испытаниям.

Испытуемому необходимо было:

– ответить на неопределенное количество вопросов;

– по жребию выбрать два вопроса для письменного ответа в присутствии одного из членов факультета.

Успешно выдержав устные и письменные испытания в двух заседаниях факультета, соискатель по назначению факультета писал диссертацию и публично защищал ее на одном из заседаний.

После успешной защиты магистерской диссертации университетский совет через попечителя учебного округа представлял документы с приложением журнала, в котором были описаны ход и результаты испытаний, на утверждение министра духовных дел и народного просвещения. Документом, удостоверяющим присуждение ученой степени магистра, являлся соответствующий диплом;

4) доктора: через три года после получения ученой степени магистра декан, приняв и рассмотрев представленные документы, а именно прошение и диплом магистра, допускал соискателя к следующим устным и письменным испытаниям:

– ответить на неопределенное количество вопросов;

– по жребию выбрать четыре вопроса для письменного ответа в присутствии одного из членов факультета.

Успешно выдержав устные и письменные испытания в трех заседаниях факультета, соискатель по назначению факультета писал докторскую диссертацию на латинском языке.⁶ Затем проводилось извлечение тезисов и положений диссертации. Только после этого как тезисы, так и диссертация публично защищались на латинском языке на одном из заседаний факультета.

После успешной защиты докторской диссертации университетский совет через попечителя учебного округа представлял документы с приложением, в котором были описаны ход и результаты испытаний, мнения членов университетского совета по диссертации, на утверждение министра духовных дел и народного просвещения. Документом, удостоверяющим присуждение ученой степени доктора, являлся соответствующий диплом.

Привилегии, которыми наделялись обладатели той или иной ученой степени:

– студент получал чин XIV класса («коллежского регистратора»);

– кандидат – XI класса («губернского секретаря»);

– магистр – IX класса («титularного советника»);

– доктор – VI класса («коллежского асессора»).

Должностной статус учёных степеней влиял и на сословное положение их носителей. Личное дворянство чиновник получал по достижении IX класса, почётное дворянство – при наличии X–XIV классов.

От ищущих степеней магистра и доктора требовались глубокие и подробные знания по главным предметам. При этом кандидат, испытываемый на степень магистра, должен был доказать преимущественно историческое знание предметов и правильный взгляд на разные отрасли наук. В предметах, состоявших с главным в ближайшей связи, от претендующих на магистерскую степень требовались хотя не столь глубокие, но не менее подробные знания, как в историческом развитии этих наук, так и в настоящем их состоянии. Магистр, желающий приобрести степень доктора, должен был иметь практическое или философское знание своей науки, объемлющее ее сущность и развитие и сопровождаемое обдуманном и всесторонним воззрением.

За 115-летний период, начиная с 1802 года, в истории Российской империи было принято пять Положений о производстве в учёные степени. Последнее Положение касалось только Петроградского университета факультета восточных языков. Однако не только Положения, но и всеобщие уставы российских университетов регулировали порядок присуждения учёных степеней.

Новое «Положение об испытаниях на ученые степени» было утверждено в 1837 году. Согласно положению было уменьшено число вопросов на докторском экзамене, разграничены главные и дополнительные предметы магистерских испытаний и разрешалось выполнение диссертаций не только на латинском, но и на русском языке. Латынь стала обязательным языком лишь для диссертаций по классической филологии и медицине. В «Положении о производстве в ученые степени» 1844 года впервые формулировались правила получения ученой степени по педагогике. Отличные из воспитанников главного педагогического института, которые по итогам завершающего испытания были удостоены звания старшего учителя гимназии, могли подвергаться испытанию прямо на степень магистра по тому факультету, к разряду которого принадлежали по учебному разделению института, но не ранее года после окончания института.

Корректировался порядок проведения испытания. Устанавливалось, что испытания проводились на собрании факультета или отделения его профессорами, каждым по своей части, и по билетам, составленным заблаговременно. В отсутствие профессора его мог заменить адъюнкт; а при отсутствии обоих декан поручал проведение испытания одному из прочих профессоров. При каждом из присутствующих имелось право задавать вопросы из той науки, по которой проводится испытание. Регламентировалась подготовка письменных ответов, они выполнялись под наблюдением декана и членов родительского собрания. Познания испытываемого оценивались по принадлежности предмета профессору или адъюнктом сразу после заседания и отмечались в специальном списке, который в то же время подписывался всеми членами собрания.

⁶ Латынь как обязательный язык диссертаций по классической филологии была отменена «Положением о производстве в ученые степени» 1844 года. Докторские диссертации по медицине писались на латыни до 1859 года.

Оценка ответов давалась в 2-х формах – удовлетворительно или неудовлетворительно. По окончании испытания делалось заключение об удостоении или неприсуждении ученой степени.

Служащие и отставные чиновники и вообще лица свободного состояния могли быть допущены к постоянному посещению университетских лекций без вступительных экзаменов, но если после прослушивания полного курса они желали подвергнуться испытанию на звание действительного студента или на степень кандидата, то предварительно должны были выдержать удовлетворительный экзамен в учебных предметах гимназии.

Дипломы на ученые степени выдавались за подписями ректора и декана факультета, заверенными подписью секретаря университетского совета. Дипломы изготавливались на пергаменте и писались на русском языке. «Положение о производстве в ученые степени» 1844 года предусматривало, что удостоенные ученых степеней утверждались при поступлении на гражданскую службу в следующих классах: доктор – в VIII, магистр – в IX, кандидат – в X.

Впервые Положение устанавливало преимущество людей с учеными степенями во время воинской службы. Определяющиеся в военную службу с ученой степенью кандидата, прослужив в унтер-офицерском звании три месяца, производились в офицеры, причем даже при отсутствии вакансии в полках, в которые они будут приняты, «лишь бы только званием фронта были того достойны».

По-новому трактовались условия получения степени кандидата. Устанавливалось, что студенческое окончательное и кандидатское испытание есть одно и то же. Присвоение звания студента с правом на классный чин или степень кандидата производилось на основе установления большего или меньшего совершенства познаний, определяемого числом баллов. Поэтому студенты университета, с отличным успехом окончившие курс и при одобрительном поведении, уже при выпуске из университета могли быть удостоены степени кандидата. Другие выпускники должны были проходить второе испытание на степень кандидата. Причем к этому испытанию они допускались не ранее, как через год после первого (выпускного) испытания. На том же основании допускались к кандидатскому испытанию студенты подведомственных Министерству народного просвещения лицеев, получившие при выпуске одобрительные аттестаты и право на двенадцатый класс в порядке государственной службы. Новым было и установление регламента проведения испытания на степень кандидата – один раз в году. Оно проводилось перед летними каникулами (каникулами) одновременно с испытаниями студентов, прослушавших полный курс.

Устанавливалось и такое требование – кандидатское испытание охватывает все предметы, которые изучают обучающиеся в университете студенты факультета или отделения, по которому испытуемый желал получить ученую степень кандидата. Соискатель ученой степени должен был словесно по каждой науке ответить на такое количество вопросов, какое признает нужным предложить ему испытательное собрание. От удаваемого степени кандидата требовалось полное, систематически стройное знание предмета в соответствии с руководствами, признанными лучшими и одобренными для университетского преподавания.

После устного испытания соискатель ученой степени кандидата должен был представить письменное «рассуждение» по одному из главных предметов данного факультета или отделения, которое рассматривалось на факультете или отделении по принадлежности.

«Положение о производстве в ученые степени» 1844 года вносило некоторые изменения в условия приобретения степени магистра и доктора.

Испытание на степени проводилось на протяжении всего года за исключением университетских каникул и времени

приемных, переводных и окончательных экзаменов. Новым было то, что при испытаниях на степени магистра и доктора должны были присутствовать все профессора соответствующего факультета или отделения. Время проведения испытания на ученые степени магистра или доктора назначал декан факультета или отделения по соглашению с испытуемыми. Все испытания, кроме публичной защиты диссертаций, должны были проходить в срок не более как в шесть месяцев и не менее чем в три заседания.

Сохранялся порядок проведения испытаний на степень магистра и доктора, они были словесными и письменными. Соискатели этих степеней должны были разрешить письменно из каждой главной науки по одному вопросу, касающемуся важнейших ее положений. Количество словесных вопросов не устанавливалось.

Для приобретения степени магистра надлежало выдержать испытание по определенному количеству предметов факультета или отделения. Эти предметы делились на два разряда. Первые, или главные, предметы – те, по которым ищущий степени желал получить ученое звание, например: магистр философии, русской словесности, астрономии, государственного права и т. д. Вторые – те, которые были в ближайшей связи с первыми или являлись им подсобными.

Желающий получить степень магистра должен был представить диссертацию на избранную им и одобренную факультетом или отделением тему. По распоряжению декана диссертация рассматривалась всеми членами факультета или отделения самостоятельно, а ее подробный разбор делал профессор или адъюнкт, к предмету которого относилась диссертация по своей тематике и содержанию. Если диссертация признавалась удовлетворительной, совет университета допускал кандидата к публичной ее защите и при положительном исходе защиты через попечителя просил разрешения Министерства народного просвещения утвердить испытуемого магистром.

Магистр, ищущий степени доктора, должен был прежде всего представить декану диссертацию по одной из наук, входящих в круг его испытания. Устанавливалось, что диссертация должна была подробно рассматривать такой вопрос, который не рассматривался в диссертации, представляющей на научную степень магистра.

Докторская диссертация по распоряжению декана подробно рассматривалась членами факультета, преимущественно профессором, который вел преподавание по предмету диссертационного сочинения. При положительном исходе соискатель для доказательств самостоятельности выполненной работы защищал диссертацию в присутствии факультета. И только после защиты и одобрения диссертации совет разрешал допустить соискателя к установленному испытанию на ученую степень доктора. Диссертация должна была сопровождаться несколькими положениями, раскрывающими ее сущность, и информацией об имевших место возражениях при ее публичной защите.

Для получения степени доктора магистр должен был выдержать испытание по определенному количеству главных предметов факультета или отделения.

От ищущих степеней магистра и доктора требовалось глубокое и подробное знание по главным предметам. При этом кандидат, испытуемый на степень магистра, должен был доказать преимущественно историческое знание предметов и правильный взгляд на разные отрасли наук. В предметах, состоявших с главными в ближайшей связи, от претендующих на магистерскую степень требовались хотя и не столь глубокие, но не менее подробные сведения как об историческом развитии этих наук, так и настоящем их состоянии. Магистр, желающий приобрести степень доктора, должен был иметь практическое или философское знание о своей науке, объемлющее ее сущность и развитие, сопровождаемое основательно обдуманном всесторонним воззрением.

Для получения ученой степени доктора нужно было пройти следующее. Во-первых, факультет или отделение рассматривали диссертацию. Печатные или письменные экземпляры диссертации должны были представляться членами факультета не позже, как за неделю до публичной защиты. Диссертации печатались за счет соискателей. Во-вторых, при положительном отношении к диссертации проходила ее защита на факультете или на отделении. Время публичной защиты диссертации назначалось деканом и объявлялось для всеобщего сведения. При публичной защите диссертации присутствовали: декан, все члены факультета или отделения и депутаты (представители) других факультетов. Деканы и факультет заранее назначали не менее двух «возражателей»

на тезисы диссертации. В-третьих, опять же при положительном решении, соискатель допускался к экзамену. В-четвертых, соискатель должен был сдать экзамен. В-пятых, при положительной оценке факультет или отделение допускали его к публичной защите диссертации. В-шестых, проводилась ее публичная защита.

Таким образом, с появлением «Положения о производстве в ученые степени» 1819 года завершился этап законодательного оформления в России института научной аттестации, который был коренным образом реформирован с целью придания унификации, общеобязательной системы строения и единой процедуры регламента.

ПРЕСС-РЕЛИЗ

IV Конгресс социологов тюркского мира

«Евразийское пространство: потенциал тюркоязычных стран и российских регионов в XXI веке»

Ассоциация социологов Республики Башкортостан, Академия наук Республики Башкортостан, Башкирский государственный университет, Уфимский государственный авиационный технический университет, Институт повышения квалификации профсоюзных кадров Республики Башкортостан при поддержке Президента и Правительства Республики Башкортостан проводят 4 – 6 октября 2011 года в г. Уфе IV Конгресс социологов тюркского мира «Евразийское пространство: потенциал тюркоязычных стран и российских регионов в XXI веке».

В работе IV Конгресса примут участие члены Союза социологов тюркоязычных стран, ведущие социологи, политологи, философы и культурологи, а так же специалисты иных областей гуманитарного знания из России, стран Европы, Турции, Казахстана, Азербайджана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана и Таджикистана. В работе Конгресса примут участие представители Международной социологической ассоциации (МСА).

Проведение IV Конгресса социологов тюркского мира в г. Уфе является наглядным примером пристального внимания со стороны Правительства Российской Федерации и Республики Башкортостан к культурным и социально-экономическим проблемам тюркоязычных народов и регионов, к гармонизации межэтнических отношений. Это основа для дальнейшего развития и углубления научного, культурного, политического и социально-экономического взаимодействия как между Россией и тюркским миром: Турцией, Казахстаном, Азербайджаном, Узбекистаном, Кыргызстаном, Туркменистаном и Таджикистаном, так и между тюркскими регионами Российской Федерации.

Само название Конгресса - «Евразийское пространство: потенциал тюркоязычных стран и российских регионов в XXI веке», говорит о его мировой значимости и выводит в ряд ключевых международных научных форумов 2011 года. Основная идея Конгресса заключается в научном обосновании не только многополярности современного мира как основы его устойчивого развития, но и возможности конструктивной интеграции различных культурных, социально-экономических и политических укладов и конфессий. Примером такой конструктивной интеграции может быть именно тюркский мир вкупе с евразийским мировоззрением. Исторический опыт России обязан быть под пристальным научным анализом, что позволит тюркскому миру извлечь необходимые уроки, укрепить взаимоуважение, доверие и согласие.

Содержательное наполнение Конгресса и обширная программа дадут возможность всем участникам ближе ознакомиться с научными изысканиями ведущих научных центров и ученых в области социологии и гуманитарного знания.

Работа Конгресса будет освещаться в средствах массовой информации, доклады и выступления будут даны в печатном сборнике и размещены на сайтах Уфимского государственного авиационного технического университета, Башкирского государственного университета, Института повышения квалификации профсоюзных кадров.

Рагулин А.В., Шайхуллин М.С.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ» (г. УФА, 21 ФЕВРАЛЯ 2011 г.)**

Ragulin A.V., Shaikhullin M.S.

**ACTUAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL LAW: THE REVIEW OF MATERIALS OF
THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE «ACTUAL PROBLEMS
OF THE LEGISLATION PERFECTION AND LAW ENFORCEMENT» (UFA, FEBRUARY 21st, 2011)**

21 февраля 2011 года в Уфе состоялась Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения». В работе международно-правовой секции приняли участие представители научных, образовательных, государственных, общественных и иных учреждений республик Казахстан, Азербайджан, Башкортостан, Московской области, городов Москва, Самара, Воронеж, Саратов и Владивосток.

С приветственным словом к участникам международно-правовой секции конференции обратился главный редактор Евразийского юридического журнала д-р юрид. наук Инсур Забирович Фархутдинов. Он отметил, что в настоящее время консолидация усилий ученых на евразийском правовом пространстве – важный фактор развития юридической науки и совершенствования правоприменительной практики.

В целях объединения юридической общественности на евразийском правовом пространстве реализует свою деятельность Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, выступивший инициатором и организатором проведения данной международной конференции. И.З.Фархутдинов выразил искреннюю благодарность всем, кто принял участие в конференции международного уровня, в частности информационным партнерам – Институту законодательства Республики Казахстан, Евразийскому национальному университету им. Л.Н.Гумилева, Хмельницкому университету управления и права, Санкт-Петербургскому международному криминологическому клубу, Институту корпоративного развития, группе компаний ТК ТОП-Консалтинг, бюро переводов ITREX, новой Адвокатской газете, журналу «Акционерный вестник» – за оказанную международную научно-практическую конференции информационную поддержку.

На международно-правовую секцию были представлены статьи, отличающиеся актуальностью, теоретической и практикой направленностью. Представленные в обзоре названия работ и краткая информация о содержании тезисов, несомненно, привлекут внимание ученых, занимающихся множественными проблемами в области международного права. В частности на секцию была представлена статья канд. юрид. наук, доцента Б.О.Алтынбасова (Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева) «Казахстанская система образования в мировом образовательном пространстве». В работе доминирует идея европейского образовательного пространства как результата хорошо продуманной внешней политики европейских стран. Автор отметил, что странам СНГ, в частности Казахстану, необходимо определить основную цель образования и науки в условиях глобализации, которая заключается в первую очередь в обеспечении прорывной экономики.

Оригинальностью тезисов отличается статья О.А.Владимировой (Самарский юридический институт ФСИН) «Примирение с потерпевшим в уголовном законодательстве стран СНГ». В работе автор актуализирует необходимость внесения в текст УК понятия «Загладить вредные последствия преступления – совершить любые не запрещенные законом действия, связанные с устранением последствий причиненного вреда либо уменьшением негативного их воздействия, восстановлением

нарушенных преступлением прав потерпевшего. Заглаживание вредных последствий включает в себя возмещение материального ущерба, морального вреда, принесение извинений, в том числе публичных, оказание услуг, выполнение работ силами виновного или за счет его средств».

Интерес вызвала статья В.А.Девкина (Гагаринский колледж современных технологий СГА) «Итальянская наука международного частного права». Итальянская наука международного частного права развивалась под влиянием теории статутов. «Роль Манчини в развитии международного частного права особенно важна и интересна потому, что она демонстрирует, как политические идеи и политические оценочные суждения посредством юридического мышления оказывают влияние на эволюцию права. Итальянская наука международного частного права всегда находилась в состоянии взаимодействия и взаимовлияния с французской, бельгийской и швейцарской доктринами международного частного права.

Теоретико-правовой взгляд на правоправедение системно изложен в работе Ю.Ю.Левченко (Российский государственный профессионально-педагогический университет) «Межсистемное правоправедение как область правовых знаний». В статье автор отметил, что необходимость преодоления общих угроз и обеспечения общечеловеческих ценностей требуют согласованных усилий государств как основных участников международного общения, что предполагает, в том числе, согласование, сближение, взаимодействие международного и внутригосударственного права. Эти процессы, несмотря на объективную обусловленность, носят отнюдь не линейно-поступательный характер, сложны и противоречивы, требуют научного осмысления. Взаимодействие и соотношение международного и внутригосударственного права традиционно представляет и, можно уверенно прогнозировать, будет представлять интерес для разноаспектных научных исследований.

В достаточной степени актуальную работу «Правовые аспекты регулирования иностранных инвестиций в Республике Казахстан» представила канд. юрид. наук А.А.Нукушева (Карагандинский университет «Болашак»). Автор отмечает, что на современном этапе перехода Республики Казахстан к устойчивому развитию особое внимание уделяется вопросам иностранного инвестирования. Вместе с тем, Республике Казахстан следует внимательно изучить опыт других государств и учесть его положительные стороны. В первую очередь, речь идет о необходимости контроля со стороны государства над теми иностранными инвестициями, которые вкладываются в стратегически важные отрасли экономики. В этой связи представляется необходимым в ближайшее время разработать и принять специальный Закон Республики Казахстан «О регулировании иностранных инвестиций в стратегических отраслях экономики Республики Казахстан».

Не менее актуальную работу «О правовых основах валютной интеграции государств – членов ЕВРАЗЭС» представил доцент Российского нового университета В.Е.Понаморенко. В статье автор отмечает, что одной из главных целей экономической политики России является создание конкурентоспособной экономики, что диктует необходимость перехода с инвестиционной на инновационную ступень развития. В свою

очередь, создание нового конкурентоспособного продукта предполагает принятие комплекса мер в части либерализации внешнеэкономической деятельности, в том числе в сфере валютного регулирования и валютного контроля. Попытки формирования в масштабе СНГ единого экономического пространства, единой платежной системы и таможенного союза в 90-е годы прошлого века были незрелыми и поспешными. Процесс реального формирования общего рынка капитала на постсоветском пространстве можно отсчитывать от Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве (1999 г.). В развитие этого договора Решением Межгоссовета ЕврАзЭС от 22 июня 2005 года № 220 принята Концепция сотрудничества государств – членов Евразийского экономического сообщества в валютной сфере, провозглашающая цели согласованной валютной политики, среди которых достижение полной конвертируемости национальных валют по текущим и капитальным операциям платежного баланса и создание интегрированного валютного рынка ЕврАзЭС.

На секцию была представлена статья С.В.Швакина (Московский государственный университет приборостроения и информатики) «Воздействие процесса конвергенции национальных правовых систем на развитие законодательства и правоприменения в Российской Федерации». Автор пишет, что процесс конвергенции национальных правовых систем, являясь по своей сути процессом объективным, обусловленным процессами правовой интеграции, интернационализации и глобализации в целом, в некоторой степени определяющим вектор развития законодательства и правоприменения в Российской Федерации, требует своего глубокого теоретического обоснования. При этом делается акцент на международно-правовой аспект процесса конвергенции национальных правовых систем.

Также на секцию была представлена работа канд. юрид. наук, профессора Морской государственной академии им. адмирала Ф.Ф.Ушакова С.Н.Ярышева «О перспективах Единого экономического пространства». В статье отмечается, что субъекты Российской Федерации (и других государств) постепенно осваивают предоставленные им права вступать во внешнеэкономические связи и нередко получают от этого ощутимую выгоду (особенно от приграничного сотрудничества), от которой не намерены отказываться. В то же время складывается впечатление, что вся концепция ТС и ЕЭП разрабатывалась и оформлялась в договорном межгосударственном порядке без должного учета этого важного фактора. Это, как представляется, в состоянии внести некоторый дисбаланс в начинающую функционировать систему, в оптимистичные прогнозы относительно того, что с 1 января 2012 года в рамках указанного Единого экономического пространства будет проводиться согласованная экономическая политика, обеспечено свободное движение капитала, услуг, рабочей силы, предоставлен доступ к инфраструктуре государств ЕЭП.

Роль международно-правовых норм и стандартов в развитии уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации рассматривалась в статье канд. юрид. наук Т.В.Барсуковой и канд. юрид. наук В.Н.Кохман (Воронежский

институт Федеральной службы исполнения наказаний). Как показал анализ продекларированных принципов, они призваны предопределять стратегию и направления развития отдельных институтов и норм, обеспечивать системность правового регулирования общественных отношений, возникающих при исполнении (отбывании) наказания. Таким образом, прослеживаются единство и взаимосвязь системы принципов уголовно-исполнительного права России с общеправовыми межотраслевыми и международными принципами.

Интересный материал «О роли Совета Европы в международной борьбе с преступностью» был представлен В.И.Гудиевым (Бакинский государственный университет). В частности автор пишет о важной роли Совета Европы в осуществлении регионального международного сотрудничества по борьбе с преступностью.

Не теряя своей актуальности и значимости международное обычное право, в связи с чем на секцию была представлена статья канд. юрид. наук О.И.Ильинской (Московская государственная юридическая академия имени О.Е.Кутафина) «Правовые проблемы применения норм международного обычного права».

Продолжила тематику о соотношении социальных ценностей, норм и принципов и правового регулирования в системе международного права статья М.В.Осиповой (Саратовская государственная академия права) «Роль общечеловеческих ценностей в развитии международного и российского права в условиях глобализации».

Традиции в системе социального действия права играют большую роль. Статья А.Р.Пурге (Институт права и управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса) «Эволюция некоторых традиций в Китае» представляет интерес не только для ученых-востоковедов, но и всех тех, кто занимается проблемами действия социальных норм в условиях изменяющегося законодательства и правоприменительной практики.

Не менее актуальную статью «К вопросу о соотношении принципов территориальной целостности и права народов на самоопределение» представила А.В.Хозеева (Дипломатическая академия МИД России). В работе автор отмечает, что реализация права не всегда влечет отделение, оно может быть реализовано в границах многонационального государства, например путем создания национальной республики или автономии, введения национального языка и прочими путями. В этом случае вопрос о нарушении принципа территориальной целостности не возникает.

Доцент Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан И.Р.Султанов представил статью «Роль международных неправительственных организаций в процессе формирования международного правосознания».

Необходимо отметить, что также на секцию были представлены статьи студентов и аспирантов Института права Башкирского государственного университета О.Г.Горбачевой, А.Р.Рахмановой, С.С.Ахметзяновой, А.Р.Габдракиповой, И.Р.Мурзиной, К.В.Симаковой и А.И.Ямаевой.

Васильева Н.В.

ОБЗОР КРУГЛОГО СТОЛА «ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ» (г. МОСКВА, РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, ФАКУЛЬТЕТ ЮРИСПРУДЕНЦИИ И ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ, 3 ИЮНЯ 2011 г.)

Vasilieva N.V.

THE REVIEW OF THE ROUND TABLE DISCUSSION «JURIDICAL EDUCATION IN A CONTEXT OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF RUSSIA» (MOSCOW, RUSSIAN STATE SOCIAL UNIVERSITY, FACULTY OF JURISPRUDENCE AND JUVENILE JUSTICE, JUNE 3RD, 2011)

3 июня 2011 года на факультете юриспруденции и ювенальной юстиции Российского государственного социального университета в рамках XI Всероссийского социально-педагогического конгресса состоялся круглый стол «Юридическое образование в контексте инновационного развития России».

Целью проведения круглого стола являлся теоретический и практический анализ актуальных проблем современного юридического образования в контексте инновационного развития России на ближайшее десятилетие. В качестве основной задачи организаторы мероприятия ставили перед собой поиск научных идей и практических предложений, которые могли бы быть положены в основу новых инновационных концепций развития российского юридического образования.

В круглом столе приняли участие д-р юрид. наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала И.З.Фархутдинов, д-р юрид. наук, профессор, проректор по региональной политике Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г.Разумовского Ю.Е.Ширяев, канд. юрид. наук, заместитель начальника Правового управления Правительства Москвы Д.В.Сараев, д-р юрид. наук, проф., декан факультета юриспруденции и ювенальной юстиции, проректор РГСУ Д.А.Сумской, д-р юрид. наук, проф., профессор Международного юридического института С.А.Глотов, ученые и преподаватели ведущих вузов России, аспиранты и студенты Российского государственного социального университета.

В ходе работы круглого стола обсуждались проблемы обеспечения качества юридического образования, государственной политики и перспектив развития современного юридического образования, роль государства, научного сообщества, высшей школы, представителей работодателей в формировании новых юридических образовательных программ, отвечающих вызовам времени и целям инновационного развития России.

Открыл мероприятие д-р юрид. наук, проф. Д.А.Сумской, охарактеризовавший состояние современного высшего юридического образования, затронувший основные проблемы реформирования системы образования в целом и юридического образования в частности. Особое внимание в своем выступлении профессор Д.А.Сумской уделил вопросам нехватки квалифицированных юристов, несмотря на значительное число вузов, осуществляющих подготовку специалистов по специальности «Юриспруденция». Д.А.Сумской рассказал об организации практики студентов и трудоустройстве выпускников факультета юриспруденции и ювенальной юстиции РГСУ. За 20 лет работы факультет юриспруденции и ювенальной юстиции Российского государственного социального университета выпустил более 6000 студентов, среди которых судьи Московского городского суда и районных судов города Москвы, судьи Арбитражного суда города Москвы, сотрудники Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Прокуратуры города Москвы, сотрудники Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства образования и науки

Российской Федерации, Пенсионного фонда Российской Федерации, Фонда социального страхования, Федерального агентства по управлению государственным имуществом, Аппарата Мэра и Правительства Москвы, Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, иных органов государственной и муниципальной власти, различных предприятий и организаций.

Д-р юрид. наук, проф. С.А.Глотов выступил с критикой реформы системы образования в Российской Федерации, уделив особое внимание факту допуска к осуществлению учебно-образовательной деятельности индивидуальных предпринимателей, целью деятельности которых является не качественное образование и подготовка квалифицированных специалистов, а прежде всего извлечение прибыли и обогащение, что в целом противоречит принципам образовательной системы Российской Федерации. Критике также подверглись положения проекта федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», связанные с ликвидацией основных льгот при поступлении в образовательные учреждения высшего и среднего профессионального образования, что, по мнению С.А.Глотова, существенно ограничит доступ целого ряда молодых граждан к получению образования.

Д-р юрид. наук, проф., проректор по региональной политике Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г.Разумовского Ю.Е.Ширяев в своем докладе проанализировал новеллы законодательства Российской Федерации в сфере образования, акцентируя внимание участников круглого стола на сложности трудоустройства выпускников – бакалавров юриспруденции. По мнению профессора Ю.Е.Ширяева, работодатели не понимают значения словосочетания «бакалавр юриспруденции» применительно к профессиональной оценке знаний, умений и навыков молодого человека, устраивающегося на работу. Зачастую ни работодатели, ни студенты, ни многие представители системы образования не понимают отличия выпускника-бакалавра от специалиста и магистра. Юриспруденция – существенная часть жизни общества, не менее важная, чем медицина, для которой, по мнению Ю.Е.Ширяева, получение образования в течение всего лишь четырех лет недостаточно. При получении медицинского образования сроки обучения не изменились, так почему же сокращаются сроки подготовки юристов? Также профессор Ю.Е.Ширяев отметил, что в обществе в целом отсутствует системное понимание того, где должен работать бакалавр, а где – магистр...

Выступление д-ра юрид. наук, проф., ведущего научного сотрудника Института государства и права РАН, главного редактора Евразийского юридического журнала И.З.Фархутдинова было посвящено проблемам формирования общего евразийского образовательного пространства. Профессор И.З.Фархутдинов отметил необходимость интеграции основных образовательных программ в сфере юриспруденции стран СНГ в целях повышения качества юридического образования, совместного определения путей дальнейшего развития юридического образования в евразийском пространстве.

Выпускник юридического факультета РГСУ 2001 года, канд. юрид. наук Д.В.Сараев, занимающий в настоящее время

должность заместителя начальника Правового управления Правительства Москвы, обосновал важность использования общей методологии в системе образования в целях выработки базовых показателей качества юридического образования в России. Д.В.Сараев особое внимание уделил проблемам низкой квалификации юристов в Российской Федерации и предложил способы изменения данной негативной тенденции путем введения строгой специализации для студентов-юристов, изучения обучающимися иностранных языков, модернизации образовательных программ, связанных с внешнеэкономической деятельностью.

Выступления представителей кафедры уголовного права и процесса факультета юриспруденции и ювенальной юстиции РГСУ канд. юрид. наук, доцента И.А.Бурмистрова и старшего преподавателя Э.Ф.Кадничанской касались вопросов значения уголовно-правового поля и места уголовно-правовых и судебно-медицинских дисциплин в системе юридического образования и инновационного развития России.

Доклад канд. юрид. наук, директора Юридической клиники «Центр правовой помощи населению» факультета юриспруденции и ювенальной юстиции РГСУ Н.В.Васильевой был посвящен общим тенденциям государственной политики Российской Федерации в сфере юридического образования. В своем выступлении Н.В.Васильева проанализировала шесть основных направлений работы в рамках Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденных президентом РФ Д.А.Медведевым 4 мая 2011 года: правовое просвещение и информирование, развитие правового образования, совершенствование юридического образования, формирование правовой культуры через средства массовой информации, совершенствование деятельности госорганов и улучшение юридической помощи, в том числе создание эффективной системы бесплатной юридической помощи. Особое внимание

Н.В.Васильева уделила перспективам развития системы квалифицированной бесплатной юридической помощи, основываясь на опыте работы Юридической клиники «Центр правовой помощи населению» РГСУ.

Также в круглом столе приняли участие канд. филос. наук, доцент кафедры семейного и ювенального права факультета юриспруденции и ювенальной юстиции РГСУ Л.В.Прохорова с докладом «Проблемы и перспективы правового образования в вузах в рамках стандартов 3-го поколения», преподаватель кафедры гражданского права и процесса факультета юриспруденции и ювенальной юстиции РГСУ Е.Б.Крылова с выступлением на тему «Креативные технологии в юридическом образовании» и другие.

Доклады, прозвучавшие в ходе круглого стола, вызвали неподдельный интерес и оживленную дискуссию, в ходе которой участники имели возможность задать вопросы, изложить свои идеи и прогнозные оценки перспектив развития системы образования в целом и юридического образования в частности.

Главным результатом состоявшегося круглого стола «Юридическое образование в контексте инновационного развития России» стало признание необходимости объединить усилия для решения проблемы унификации основных образовательных программ в сфере юридического образования в связи с принятием Болонского процесса в Российской Федерации. Также была сформулирована инициатива разработки и направления факультетом юриспруденции и ювенальной юстиции РГСУ в Министерство здравоохранения и социального развития РФ соответствующих предложений, сформировавшихся в ходе мероприятия 3 июня 2011 года, по определению в Тарифно-квалификационном справочнике должностей требований к квалификации бакалавров и магистров юриспруденции.

Под различными наименованиями МГЮА имени О.Е. Кутафина существует с 1931 года. Наиболее известное из них - Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ).

Московская государственная юридическая академия имени О.Е.Кутафина - старейший и крупнейший в России центр юридического образования и науки. Академия готовит юристов высшей квалификации для работы в судах, прокуратуре, органах внутренних дел и безопасности, других государственных органах, а также для нотариата, адвокатуры, юридических служб предприятий и организаций, экспертных учреждений.

В состав МГЮА имени О.Е. Кутафина входят:

- ИНСТИТУТ ПРАВОВЕДЕНИЯ
- ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА
- ИНСТИТУТ ПРОКУРАТУРЫ
- ИНСТИТУТ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ
- ИНСТИТУТ ЦЕЛЕВОЙ ПОДГОТОВКИ
- ИНСТИТУТ АДВОКАТУРЫ
- ИНСТИТУТ БАНКОВСКОГО ПРАВА
- ИНСТИТУТ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
- ФИЛИАЛЫ В ВОЛОГДЕ, КИРОВЕ, МАГАДАНЕ, МАХАЧКАЛЕ, ОРЕНБУРГЕ.

Россия, 123995, Москва, Садовая-Кудринская ул., дом 9. Телефон: (499) 244-86-08, Факс: (499) 254-98-69
web-site: www.msai.ru e-mail: msai@msai.ru

К ЮБИЛЕЮ ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ТИХОМИРОВА

TO THE ANNIVERSARY OF YURY ALEXANDROVICH TIKHOMIROV

21 июля 2011 г. юридическая общественность России, Украины, других стран СНГ отметила юбилей прекрасного человека, настоящего ученого, патриарха постсоветского сравнительного правоведения Юрия Александровича Тихомирова!

Редсовет и редколлегия Евразийского юридического журнала присоединяются к многочисленным поздравлениям нашего выдающегося российского коллеги профессора Ю.А.Тихомирова.

Ю.А.Тихомиров родился 21 июля 1931 года в Москве. Окончил юридический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова в 1954 году и аспирантуру Института государства и права Академии наук СССР – в 1957 году. В 1957 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Правовое положение районных советов в городах». С 1958 по 1985 г. работал в Институте государства и права научным сотрудником, ученым секретарем Института, заведующим сектором, заместителем директора, ученым секретарем секции Научно-координационного совета. В 1969 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Государственная власть и проблемы управления в советском обществе». В 1976 г. ему присвоено звание профессора. С 1985 по 1989 г. заведовал кафедрой права и психологии управления Академии народного хозяйства СССР. Заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Международной академии сравнительного права. Специалист в области конституционного и административного права, сравнительного правоведения.

С 1989 г. по настоящее время Ю.А.Тихомиров работает первым заместителем директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. В последние годы сотрудничает также с другими научными и учебными учреждениями – является директором Института правовых исследований Национального исследовательского университета (Высшая школа экономики), директором Центра мониторинга управления и права Российской Академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ю.А.Тихомиров активно участвует в законопроектной деятельности. Был одним из разработчиков крупных государственных решений – проектов конституций, федеральной и административной реформ, правового обеспечения стратегий социально-экономического развития страны и регионов. Участвовал в работе над законопроектами «Об общих принципах местного самоуправления», «О Правительстве Российской Федерации», «О нормативных правовых актах», «О процедурах разрешения разногласий и споров между государственными органами в Российской Федерации» и многими другими. Член научно-консультативных советов и комиссий при Президенте Российской Федерации, Государственной Думе, Министерстве юстиции Российской Федерации, Высшем Арбитражном Суде Российской Федерации, Верховном Суде Российской Федерации, Генеральной Прокуратуре Российской Федерации, Счетной Палате Российской Федерации, является заместителем руководителя Центра мониторинга права Совета Федерации. Организует комплексные исследования государственно-правовых проблем в субъектах Российской Федерации и федеральных органах. Разрабатывает научно-практические рекомендации для государственных структур, систематически участвует в подготовке аналитических материалов, экспертных заключений на проекты законодательных и иных нормативно-правовых актов в связи с проводимыми в стране государственными реформами. Готовит аналитические материалы по линии ряда научно-прикладных центров по проблемам государственного устройства и управления, законодательства.

Участвует в экспертных работах по линии СНГ, ЕврАзЭС, Совета Европы. Юрий Александрович – председатель Российской национальной группы и вице-председатель группы восточно-европейских стран Международной академии сравнительного права. Неоднократно выступал с научными докладами на международных конгрессах и конференциях.

Ю.А.Тихомиров ведет большую научно-организационную работу. С 1990 г. возглавляет секцию «Право» Центрального дома ученых Российской академии наук. Является членом редколлегий «Журнала Российского права», «Журнала зарубежного законодательства и сравнительного правоведения», журналов «Правоведение», «Законы России», иностранным членом редакционных советов журналов «Право Украины», «Порівняльно-правові дослідження».

Награжден орденами и медалями, отмечен почетными грамотами и почетными знаками федеральных органов государственной власти России.

Юрий Александрович – автор свыше 660 научных трудов, в том числе более 30 книг. Среди них: «Государство: преемственность и новизна» (2011), «Правовое регулирование: теория и практика» (2010), «Эффективность закона и мониторинг» (2010), «Современное публичное право» (2008), «Управление на основе права» (2007), «Теория компетенции» (2005), «Административное право и процесс: Полный курс» (2005), «Введение в российское право» (2003, в соавторстве), «Коллизионное право» (2000), «Правовые акты» (1999, в соавторстве), «Курс сравнительного правоведения» (1996), «Предприниматель и закон» (1996), «Юридическая коллизия» (1994), «Демократия и экономика» (1988), «Управление делами общества» (1984), «Теория закона» (1982), «Научная организация управления» (1973), «Управленческое решение» (1972) и другие.

Под редакцией Ю.А.Тихомирова опубликовано свыше 50 коллективных монографий, научно-практических пособий, сборников, комментариев, в том числе: «Концепции развития российского законодательства», «Публичные услуги и право», «Правовой мониторинг», «Международное право и национальное законодательство», «Глобализация и развитие законодательства», «Социальное законодательство», «Эффективность законодательства в экономической сфере», «Правовые акты: антикоррупционный анализ», «Техническое регулирование: правовые аспекты», «Правоприменение: теория и практика», «Гражданин, закон и публичная власть» и др.

Ю.А.Тихомиров внес большой вклад в юридическую науку. Можно отметить три новых научных направления его научных исследований.

Во-первых, им впервые разработана современная теория публичного права, в которой определены принципы, институты и сферы публично-правового регулирования, а также механизм публично-правового поведения. Исследование получило широкое признание научной общественности.

Тихомиров Ю.А.

Во-вторых, проведен цикл исследований проблем теории правового регулирования, что позволило разработать механизмы юридического прогнозирования и моделирования, основы системы правовых актов, методологию правоприменения и мониторинга права, базовые критерии оценки эффективности закона.

Разработана методология сравнительно-правового анализа национальных законодательств, в том числе с учетом международно-правовых регуляторов. Соответствующие рекомендации используются государственными структурами.

В-третьих, в течение многих лет Ю.А.Тихомиров разрабатывает концепцию правового обеспечения управления, включая механизмы правового регулирования государственного, муниципального, корпоративного уровней управления, теорию компетенции публичных органов и принятия управленческих решений.

В его трудах обоснованы новые научные решения, получившие одобрение научной общественности, в таких сферах, как: теория правового регулирования, публичные институты и правовое обеспечение управления.

Ю.А.Тихомиров организует крупные научные исследования актуальных государственно-правовых проблем в отраслях и сферах управления и социально-экономического развития в регионах России. Разрабатывает научно-практические рекомендации и аналитические материалы для государственных органов.

Для нас особенно дорог и важен вклад Юрия Александровича в развитие сравнительного правоведения. Его «Курс сравнительного правоведения» 1996 г. издания стал одним из первых в постсоветских странах непереводным, оригинальным учебником по этой дисциплине. Он существенно содействовал введению соответствующего предмета в программы высших учебных юридических заведений, повышению качества его преподавания, мотивировал молодых исследователей к сравнительно-правовым научным изысканиям. И сейчас, через пятнадцать лет, этот труд остается одним из наиболее цитируемых компаративистами.

Ю.А.Тихомиров решительно отбросил устоявшиеся взгляды многих ученых старшей генерации, которые сводили сравнительное правоведение лишь к частнонаучному методу исследования. Как отмечал он, «сравнительное правоведение представляет собой расширяющуюся область научного юридического знания и теоретико-методологическую дисциплину в системе права». Одним из первых на постсоветском пространстве он предложил ввести сравнительное правоведение в перечень специальностей, по которым могут защищаться кандидатские и докторские диссертации.

Регулярное участие Юрия Александровича в международных симпозиумах, конференциях, круглых столах, проводимых Институтом государства и права им. В.М.Корецкого НАН Украины и Украинской ассоциацией сравнительного правоведения вместе с другими организациями-партнерами, его открытые лекции в рамках этих мероприятий содействуют качественному развитию юридической компаративистики в постсоветских странах, поднимают престиж этой юридической науки.

Многая и благая лета Вам, Юрий Александрович, вдохновения и сил на долгие годы!

От имени Украинской ассоциации сравнительного правоведения

Шемшученко Ю.С., директор Института государства и права им. В.М.Корецкого НАН Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, член-корреспондент Международной академии сравнительного права

Кресин А.В., руководитель Центра сравнительного правоведения Института государства и права им. В.М.Корецкого НАН Украины, член-корреспондент Международной академии сравнительного права

Материалы к библиографии научных трудов Ю.А.Тихомирова по общей части сравнительного правоведения

Книги и брошюры

1. Курс сравнительного правоведения. – М.: НОРМА, 1996. – 291 с.
2. Введение в сравнительное правоведение: Программа дисциплины. – М., 2003. – 10 с. (в соавторстве с С.И.Нагих).
3. Сравнительное правоведение и интегрирующая роль международного права: Открытая лекция. – Киев: М.: Симферополь: Институт государства и права им. В.М.Корецкого НАН Украины: Логос, 2008. – 16 с.

Статьи

1. Интернационализация национального права // Московский юридический форум «Глобализация, государство, право, XXI век». – М.: Городец-издат, 2004.
2. Международное и внутреннее право: Динамика соотношения // Правоведение. – 1995. – № 3.
3. Международный конгресс компаративистов // Журнал российского права. – 2006. – № 10.
4. Национальное законодательство государств – участников СНГ: общее и особенное. Методика сравнительного анализа // Сравнительный обзор законодательства государств – участников СНГ. – М., 1995. – № 1 (в соавторстве с Т.Н.Рахманиной).
5. Национальные законодательства и международное право: параллели и сближения // Московский журнал международного права. – 1993. – № 3.
6. О способах анализа иностранных законов // Законодательство и экономика. – 2001. – № 5.
7. О тенденциях современного развития сравнительного правоведения // Порівняльне правознавство: досвід і проблеми викладання: Збірник наукових праць і навчально-методичних матеріалів / За ред. Ю.С.Шемшученка, І.С.Гриценка; упор. О.В.Кресін. – К.: ВДК Університету «Україна», 2011.
8. О теории сравнительного правоведения // Порівняльне правознавство: сучасний стан і перспективи розвитку: Збірник наукових праць / За ред. Ю.С.Шемшученка, О.В.Кресіна. – К., 2006.
9. Право: национальное, международное, сравнительное // Государство и право. – 1998. – № 8.
10. Проблемы сравнительного законодательства // Государство и право. – 1993. – № 8.
11. Сравнительное правоведение – конгресс ученых-правоведов // Государство и право. – 1999. – № 2.
12. Сравнительное правоведение: концептуальные подходы // Журнал российского права. – 2009. – № 5.
13. Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики // Журнал российского права. – 2006. – № 6.
14. Сравнительно-правовой анализ институтов государственного управления // Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта / Под ред. Т.Я.Хабриевой и Ж.Марку. – М.: Статут, 2011.
15. Comparative Law and the Integrating Role of International Law // Foundations of Comparative Law: Methods and Typologies / Ed. by W.E.Butler, O.V.Kresin, Iu.S.Shemshuchenko. – London: Wildy, Simmonds & Hill Publishing, 2011.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. № 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.

2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адрес eurasiaLaw@mail.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.

3. Объем публикации – до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.

4. Шрифт основного текста работы – 10 pt шрифт Palatino Linotype через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997-2007 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В.В.doc). Поля документа: верхнее – 2, нижнее – 2, левое – 2, правое – 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.

5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора 10 pt полужирным шрифтом Palatino Linotype через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Palatino Linotype через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.

6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) – шрифт Palatino Linotype 10 pt, курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Palatino Linotype 10 pt через 1 интервал), далее – резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Palatino Linotype 10 pt, курсив).

7. Кавычки в тексте и в сносах проставляются в едином формате в следующем виде: « ».

8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Шрифт сноска – 8 pt Palatino Linotype через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.

9. После завершения статьи необходимо привести пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Palatino Linotype 10 pt.

10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG) или TIFF.

11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, e-mail. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.

13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.

14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.

15. Настоятельно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы – на отсутствие вирусов.

16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.

17. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

18. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.

19. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать.

20. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отказаться публиковать представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.

АБАКУМОВ Михаил Иванович – аспирант Кисловодского гуманитарно-технического института, 357700, Ставропольский край, г. Кисловодск, пр-т Победы, д. 37А.

АВДЯКОВА Варвара Алексеевна – аспирант кафедры гражданского права юридического факультета Южного Федерального Университета, 344006, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42.

АГЗАМОВ Ильдар Марсович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Уфимского юридического института МВД России, 450091, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Мухоморова, д. 2.

АРТЕМЕНКО Ольга Ивановна – руководитель Центра национальных проблем образования Федерального института развития образования Минобрнауки России, 125319, г. Москва, ул. Черняховского, д. 9.

АРУТЮНОВ Лев Семенович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Кисловодского гуманитарно-технического института, 357700, Ставропольский край, г. Кисловодск, пр-т Победы, д. 37А.

АФИЦИНСКИЙ Валерий Александрович – доцент кафедры антикризисного управления, финансов и кредита Института экономики и управления Читинского государственного университета, 672039, Забайкальский край, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, д. 30.

АШЛАРБА Луиза Тамазовна – аспирант кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Российского университета дружбы народов, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

БАЙДИНОВ Ергаали Темуржанович – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета, Республика Казахстан, г. Астана, Коргалджинское шоссе, д. 8.

БИБИК Ирина Евгеньевна – Московская государственная юридическая академия имени О.Е.Кутафина, 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ВАСИЛЬЕВА Наталья Владимировна – кандидат юридических наук, заместитель декана факультета юриспруденции и ювенальной юстиции Российского государственного социального университета, 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4.

ДАНЕЛЬЯН Андрей Андреевич – кандидат юридических наук, адвокат Московской областной коллегии адвокатов, 119072, г. Москва, Берсенева наб., д. 20/2.

ЕНИКЕЕВ Заршат Давлетшинович – доктор юридических наук, профессор Башкирского государственного университета, академик Международной Академии информатизации, член Российской академии юридических наук, заслуженный юрист РФ и РБ, заслуженный деятель науки РБ, почетный работник высшего профессионального образования России, 450005, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131.

ИВАНОВ Дмитрий Владимирович – кандидат юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой международного права Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

ИНШАКОВА Агнесса Олеговна – доктор юридических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой гражданского права и процесса Волгоградского государственного университета, 400062, г. Волгоград, пр-т Университетский, д. 100.

КАМЫШЕВСКИЙ Владислав Игоревич – аспирант Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ) Минэкономразвития России, 119285, г. Москва, ул. Пудовкина, д. 4«а».

КОРЛЯКОВА Наталья Валерьевна – аспирант Пермского государственного университета, помощник адвоката, Адвокатское бюро «Прайм Эдвайс Санкт-Петербург», г. Санкт-Петербург, Невский пр-т, д. 11/2.

ЛЕВЧЕНКО Вячеслав Евгеньевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.

ЛИВЕНЦОВ Алексей Алексеевич – помощник судьи суда города Белгорода, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.

МОХАММАД Сарвар Анвар – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и практики Института иностранных языков РУДН, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 9.

МУХОРТОВ Вячеслав Васильевич – кандидат философских наук, докторант кафедры национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131.

НУЦАЛХАНОВ Гамзат Нуцалханович – соискатель кафедры международного права Дагестанского государственного университета, 367000, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М.Гаджиева, д. 43А.

ОВЧИННИКОВ Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, 690000, г. Владивосток, ул. Октябрьская, д. 25.

ОЗЕРКИС Арвидс – доктор права Даугавпилского университета, Латвия, г. Даугавпилс, ул. Виенбас, д. 13.

ПАШЕНЦЕВ Дмитрий Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета.

ПОЗДНЯКОВ Михаил Львович – научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 191187, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 3.

РАГУЛИН Андрей Викторович – кандидат юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института права, адвокат коллегии адвокатов Республики Башкортостан «Муратов и партнеры», 450077, г. Уфа, ул. Ленина, д. 31/33, КАРБ «Муратов и партнеры».

САДРИЕВА Резеда Равиловна – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М.К.Амосова, 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, д. 58.

САФИНА Светлана Борисовна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и административного права Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте РБ, 450000, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. З.Валиди, д. 40.

СЕЛЕЗНЕВ Евгений Петрович – соискатель кафедры конституционного права Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, 453103, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр-т Ленина, д. 47А.

СЕННИКОВ Николай Львович – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Правовым управлением Национальной библиотеки им. Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан, 450000, г. Уфа, ул. Ленина, д. 4.

СТЕПАНЕНКО Дмитрий Михайлович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Белорусско-Российского университета, 212005, Республика Беларусь, г. Могилев, пр-т Мира, д. 43.

ТУХВАТУЛЛИН Тимур Анварович – старший прокурор управления по надзору за исполнением федерального законодательства прокуратуры Республики Башкортостан, соискатель ГОУ ВПО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», 117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1.

УШНИЦКИЙ Рум Румович – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Северо-Восточного Федерального Университета им. М.К.Амосова, 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, д. 58.

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала, 119992, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.

ФИЛАТОВА Мария Анатольевна – аспирант Современной гуманитарной академии, 115114, г. Москва, ул. Кожевническая, д. 3, стр. 1.

ЧЕПУНОВ Олег Иванович – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного строительства и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119606, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 84.

ШАЙДУЛЛИНА Алина Андреевна – аспирантка кафедры международного права, европейского права Казанского (Приволжского) Федерального Университета, ассистент кафедры государственно-правовых дисциплин Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.

ШАЙХУЛЛИН Марат Селирович – кандидат юридических наук, доцент, директор Евразийского научно-исследовательского института проблем права, 450059, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Р.Зорге, д. 20.

ЭСЕДОВ Джамал Тажудинович – аспирант Российского университета дружбы народов, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

About the authors

ABAKUMOV Michail Ivanovich – post-graduate student of the Kislovodsk Humanities and Technical Institute.

AFITSINSKY Valery Aleksandrovich – associate professor of the crisis management, finance and credit department of the Institute of Economy and Management of the Chita State University.

AGZAMOV Ildar Marsovich – candidate of juridical sciences, associate professor of the criminal law department of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

ARTEMENKO Olga Ivanovna – head of the Centre of National Problems of Education of the Federal Institute of Education Development of the Russian Ministry of Education and Science.

ARUTYUNOV Lev Semenovich – candidate of juridical sciences, associate professor, head of the state legal disciplines department of the Kislovodsk Humanities and Technical Institute.

ASHLARBA Luisa Tamazovna – post-graduate student of the civil and labour law department of the Russian Peoples' Friendship University.

AVDYAKOVA Varvara Alekseevna – post-graduate student of the civil law department of the Southern Federal University.

BAILDINOV Yergali Temurzhanovich – candidate of economic sciences, associate professor of the state legal disciplines department of the Kazakh Humanitarian and Law Innovative University.

BIBIK Irina Evgenievna – Moscow State Law Academy.

CHEPUNOV Oleg Ivanovich – candidate of juridical sciences, associate professor of the state building and law department of the Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

DANELYAN Andrey Andreevich – candidate of juridical sciences, lawyer of the Moscow Regional Bar.

ENIKEEV Zarshat Davletshinovich – doctor of juridical sciences, professor of the Bashkir State University, academician of the International Informatization Academy, member of the Russian Academy of Juridical Sciences, Honoured Lawyer of the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan, Honoured Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Honoured Worker of the higher professional education of Russia.

ESEDOV Dzhamal Tazhudinovich – post-graduate student of the Russian Peoples' Friendship University.

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich – doctor of juridical sciences, leading researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the Eurasian Law Journal.

FILATOVA Maria Anatolievna – post-graduate student of the Modern Humanitarian Academy.

INSHAKOVA Agnessa Olegovna – doctor of juridical sciences, professor, acting head of the civil law and procedure department of the Volgograd State University.

IVANOV Dmitry Vladimirovich – candidate of juridical sciences, professor of the international law department of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, deputy head of the international law department of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

KAMYSHEVSKIY Vladislav Igorevich – post-graduate student of the Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of Russia.

KORLYAKOVA Natalia Valerievna – post-graduate student of the Perm State University, assistant attorney of the Law Office «Prime Advice Saint-Petersburg».

LEVCHENKO Vyacheslav Evgenievich – candidate of juridical sciences, senior lecturer of the civil law and procedure department of the Belgorod State University.

LIVENTSOV Aleksey Alekseevich – assistant judge of City Court of Belgorod.

MOHAMMAD Sarvar Anvar – candidate of juridical sciences, associate professor of the theory and practice department of the Institute of foreign languages of the Russian Peoples' Friendship University.

MUKHORTOV Vyacheslav Vasilievich – candidate of philosophical sciences, doctoral candidate of the national and federal relations department of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, associate professor of the international law and international relations department of the Institute of Law of the Bashkir State University.

NUTSALHANOV Gamzat Nutsalhanovich – applicant of the international law department of the Dagestan State University.

OVCHINNIKOV Sergey Nikolaevich – candidate of juridical sciences, associate professor of the theory and history of state and law department of the Law School of the Far Eastern Federal University.

OZERKIS Arvids – Doctor of Law of the Daugavpils University.

PASHENTSEV Dmitry Alekseevich – doctor of juridical sciences, professor of the theory and history of state and law of the Moscow City Teachers' Training University.

POZDNYAKOV Michael Lvovich – research assistant of the Institute for the Rule of Law at the European University at St.-Petersburg.

RAGULIN Andrey Viktorovich – candidate of juridical sciences, assistant professor, head of the Center of research of problems of organization and activity of legal profession of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law.

SADRIEVA Rezeda Ravilovna – senior lecturer of the civil law and process department of the North-Eastern Federal University named after M.K.Ammosov.

SAFINA Svetlana Borisovna – candidate of juridical sciences, associate professor, head of the state and administrative law department of the Bashkir Academy of Public Administration and Management under the President of the Republic of Bashkortostan.

SELEZNEV Evgeny Petrovich – applicant of the constitutional law department of the Sterletamasky branch of the Bashkir State University.

SENNIKOV Nikolay Lvovich – candidate of economic sciences, associate professor, professor of the Russian Academy of Natural History, head of the Legal Department of the National Library of the Republic of Bashkortostan.

SHAIKHULLIN Marat Selirovich – candidate of juridical sciences, associate professor, director of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law.

SHAI DULLINA Alina Andreevna – post-graduate student of the international and european law department of the Kazan (Volga Region) Federal University, lecturer of the state and legal disciplines department of the Tatar State Humanitarian Pedagogical University.

STEPANENKO Dmitry Mihailovich – candidate of economic sciences, associate professor of the economy department of the Belarusian-Russian University.

TUKHVATULLIN Timur Anvarovich – senior public prosecutor of the Department on supervision of federal legislation execution of the Public Prosecutor's Office of the Republic of Bashkortostan, applicant of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation.

USHNITSKIY Rum Rumovich – senior lecturer of the civil law and process department of the North-Eastern Federal University named after M.K.Ammosov.

VASILIEVA Natalia Vladimirovna – candidate of juridical sciences, deputy dean of the faculty of jurisprudence and juvenile justice of the Russian State Social University.

Под различными наименованиями МГЮА имени О.Е. Кутафина существует с 1931 года. Наиболее известное из них - Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ).

Московская государственная юридическая академия имени О.Е.Кутафина - старейший и крупнейший в России центр юридического образования и науки. Академия готовит юристов высшей квалификации для работы в судах, прокуратуре, органах внутренних дел и безопасности, других государственных органах, а также для нотариата, адвокатуры, юридических служб предприятий и организаций, экспертных учреждений.

Россия, 123995, Москва, Садовая-Кудринская ул., дом 9. Телефон: (499) 244-86-08, Факс: (499) 254-98-69
web-site: www.msai.ru e-mail: msai@msai.ru